

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,
СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ,

издаваемая

ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Книжка 1.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Готье.
1854.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ двадцать третій.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

АВВЫ ИСААКА СИРІЯНИНА,

ПОДВИЖНИКА И ОТШЕЛЬНИКА,

БЫВШАГО ЕПИСКОПОМЪ ХРИСТОЛЮБИВАГО ГРАДА ИШЕВИ,

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЛЕ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Сентября 7 дня, 1854 года.

Московская Духовная Академія.
Цензоръ, Виѣдской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ *Иванъ Илья*.

БРАТРОЕ СВДЪШІЕ

О ЖИЗНИ

СВЯТАГО ИСААКА СІРІЯНИНА

И О СЛОВАХЪ ЕГО.

Инокъ Порфирій, въ послѣдствіи Архіепископъ астраханскій, при изданіи греческаго текста подвижническихъ словъ святаго Исаака Сиріянина, сдѣланномъ имъ въ 1770 году, о жизни сего святаго и о Словахъ его пишетъ слѣдующее :

Преподобный Исаакъ, происходя съ Востока, откуда ведетъ начало и истекаетъ все спасительное, былъ родомъ сиріянинъ. Отечество его — Писевія (а); о родителяхъ же его не имѣ-

(а) См. у Ассемана Bibl. Orient. T. I. p. 469. Сочинитель же Слова о Молчаніи, которое въ рукописяхъ и въ греческомъ изданіи предваряетъ Слова Пр. Исаака Сиріянина, на стр. 46 (изд. Инк. Θεот.) говоритъ, что Исаакъ родился, воспитанъ и обучался въ Месопотаміи, не востеку отъ Едессы.

емъ свѣдѣнія, и они намъ неизвѣстны. Въ цвѣтущей юности Исаакъ, удалившись отъ міра и отъ всего мірскаго, вмѣстѣ съ братомъ своимъ поступилъ въ монастырь святаго Матоея, гдѣ многіе еще въ тѣлѣ проводили ангельское житіе, и тамъ принялъ на себя и образъ и чинъ иноческаго житія. Когда же въ сеі обители усовершенилъ онъ себя на подвижническомъ поприщѣ, и въ достаточной мѣрѣ преуспѣлъ въ добродѣтели; тогда уязвляется желаніемъ болѣе глубокаго безмолвія, и распаляеть сердце угліемъ пустыннолюбія. Посему, удалившись на большое разстояніе отъ киновіи, и водворившись въ пустынной келліи, начинаетъ проводить жизнь совершенно уединенную, ни съ кѣмъ не имѣя общенія, внимая же только себѣ и Богу. Родной братъ его, вступивъ въ управленіе упомянутою выше лаврою, не переставалъ сильно убѣждать и умолять его въ писемъ, чтобы, оставивъ пустыню, возвратился въ прежнюю обитель. Но Исаакъ такъ привязанъ былъ къ пустынѣ, что не соглашался оставить ее и на короткое время. Впрочемъ, чего не сдѣлала вначалѣ братняя просьба, то въ послѣдствіи возмозло совершить Божественное откровеніе. Исаакъ, не послушавшись единокровнаго, убѣждавшаго вступить снова въ священную обитель, покорился Отцу, призывающему свыше управлять ладією ижевійской Церкви, которая возымѣла нужду въ святительскомъ надзорѣ. По этому оставляетъ

онъ пустыню, любовію къ которой пламенѣло сердце его, и поставляется Епископомъ великаго града Пшевін. Нбо свѣтлыику и падежало не скрыватья подь спудомъ пустыни, но бытъ поставлену на свѣщникѣ пастырства, и далеко разливать всесвѣтлые лучи свѣтозарной добродѣтели. По сіе продолжалось весьма недолго: едва возсіялъ этотъ свѣтъ, какъ потомъ снова сокрылся; потому что міръ не былъ достоинъ такого мужа. Съ нимъ произошло почти то же самое, что было некогда съ божественнымъ Григоріемъ Богословомъ, рукоположеннымъ въ Епископа саснмскаго, и во время самаго рукоположенія замыслившимъ бѣгство. И хотя сіе можетъ показаться самоугодливостію и нетерпимостію духа, и потому чѣмъ-то несвойственнымъ для боголюбцевъ: однакоже, взирая на добродѣтель и совершенство сихъ мужей, не назову сего достойнымъ осужденія и нареканія; потому что они неукоризнены и духовны во всемъ прочемъ. *Духовный же востязуетъ убо вся, и самъ той ни отъ единого востязуется* (I Кор. 2, 15.).

Встрѣтившееся же съ Исаакомъ по рукоположеніи его обстоятельство было слѣдующее. Въ тотъ самый день, когда Исаакъ пріялъ рукоположеніе во Епископа, приходятъ къ нему въ епископскіи домъ два челоуѣка, и одинъ изъ нихъ требуетъ съ другаго уплаты долга, а другою, сознаваясь, что долженъ, проситъ дать ему

небольшую отерочку. Но заимодавецъ говоритъ: «если онъ отказывается уплатить мнѣ долгъ; то теперь же непременно представлю его судѣ». Божественный Исаакъ замѣчаетъ ему: «если, по заповѣди священнаго Евангелія, не должно тебѣ взыскивать и съ похитившаго; то кольми наче долженъ ты оказать великодушіе на одинъ день тому, кто заплатитъ тебѣ долгъ». Этотъ же жестокій человекъ отвѣчаетъ: «Евангельскую заповѣдь оставь теперь въ сторонѣ». Тогда Исаакъ сказалъ: «если не повинуются они Евангельскимъ повелѣніямъ Господа; что остается мнѣ дѣлать здѣсь»? Примѣтя же, что беззаботная и безмятежная жизнь, къ какой привыкъ онъ въ пустынѣ, подвергается развлеченіямъ и смятеніямъ по причинѣ дѣлъ, требуемыхъ епископскимъ обѣтомъ, оставляетъ престолъ и возвращается въ любимый имъ пустынный скитъ. Пребывая же въ немъ до смерти, какіе совершилъ онъ подвиги въ борьбѣ съ демонами и плотію, сколько преуспѣлъ въ добродѣтели, требуемой и жизнью дѣятельною и жизнью созерцательною, какого достигъ душевнаго совершенства, и какой еще въ жизни сподобился благодати, — о семъ излишне было бы и говорить; впрочемъ безъ труда можно дознать сіе изъ его писаній.

Ибо въ пятьдесятъ шестомъ (б) словѣ своемъ

(б) По греч. тексту Слово 23.

говорить онъ: « какъ тотъ, кто не видитъ глазами своими солнца, не можетъ кому-либо описать свѣта его по одному слуху, — онъ даже и не оцущаетъ сего свѣта: такъ и тотъ, кто не вкусилъ душею своею сладости духовныхъ дѣлъ ». И въ словѣ семьдесятъ пятомъ (в): « Долгое время искушаемый въ десныхъ и шунхъ, неоднократно извѣдавъ себя двумя сими способами, пріявъ на себя безчисленные удары противника, и сподобившись втайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ спускалъ я опытность, и по благодати Божіей опытно дозналъ слѣдующее ». И въ словѣ шестьдесятъ пятомъ (г): « Сіе, на память себѣ и всякому читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ заимствовала изъ разсмотрѣнія Писаній и изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немногое и изъ собственнаго опыта ». А изъ сего видно, что Исаакъ дѣятельно проходилъ сперва все то, что въ послѣдствіи предавалъ писанію, и собственною дѣятельностію обучалъ тайноводствуемыхъ изъ. По, подлинно, божественно сіе тайноводство, какъ преподающее самую высокую добродѣтель, и указующее самыи верхъ совершенства, а также божественъ, возвышенъ и совершенъ и тайноводитель. Пбо, какъ говоритъ, опытно извѣдалъ все то, чему поставленъ былъ Божественною благодатию, до-

(в) По греч. тексту Сл. 26.

(г) По греч. тексту Сл. 15.

зналъ это, и написалъ. И будучи не въ состояніи умалчивать о сильномъ и пресладономъ дѣйствіи въ немъ благодати, досточудный сей мужъ въ иныхъ мѣстахъ слегка, а въ другихъ съ особенною ясностію выразилъ сіе, говоря: «Когда писалъ я это, переты мои неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартии, и не могъ я сохранить терпѣнія отъ удовольствія, вторгавшагося въ сердце мое и заставлявшаго умолкнуть чувства» (д). Но въ добродѣтели сего мужа удивительно также и то, что, живя въ удаленіи отъ всѣхъ людей, пламенѣлъ онъ къ нимъ любовію, какъ свидѣтельствуемъ самъ о себѣ. Ибо говорить. «И я, возлюбленные, посланку вдалека въ юродство, не могу сохранять таинство въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи (и сіе согласно съ сказаннымъ у Апостола: *быхъ несмысленъ хваляся: вы мя понудисте. 2 Кор. 12, 11.*); потому что такова истинная любовь; она не можетъ содержать что-либо въ-тайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ» (е). Но этому Исаакъ и изъ пустыни продолжалъ источать и неизсякаемо изливать чистую и живительную струю, которою обильно напоивалъ души братіи. Ибо и безымянный писатель, послѣ краткаго повѣствованія объ Исаакѣ (ж),

(д) Слово 38.

(е) Сл. 38.

(ж) Повѣствованіе сохраняется въ кодексахъ римской ва-

такъ выражается о слогѣ его: «учитель и руководитель всѣхъ монаховъ, и пристань спасенія, весьма краснорѣчиво написалъ сн четыре книги о монашескомъ житіи».

Сей же безымянный писатель говоритъ и о времени жизни Исааковой: Святыи сей жилъ въ началѣ седьмой тысячи отъ сотворенія міра. Сіе согласно съ тѣмъ, что самъ Исаакъ говоритъ, разсуждая о демонахъ: «ты выходишь дать урокъ тѣмъ, кому уже шесть тысячъ лѣтъ» (з). Изъ чего видно, что, когда писалъ онъ слово сіе, отъ созданія міра истекъ уже шеститысячный годъ. Но еще точнѣе дознаемъ сіе изъ посланія Исаакова къ Дивногорцу Симеону; потому что Симеонова жизнь продолжалась семьдесятъ пять лѣтъ, отъ четвертаго года царствованія Юстинна старшаго (а это былъ пятьсотъ двадцать первый годъ отъ Христа Спасителя), до пятнадцатаго года царствованія Маврикіева, или до пятьсотъ девяносто шестаго года отъ Р. Х. (и). И посланку Симеонъ былъ весьма юнъ, возвра-

тканской бібліотекѣ, писанныхъ арабскимъ языкомъ и сирскими буквами, въ самомъ началѣ четырехъ Исааковыхъ книгъ, о которыхъ скажемъ ниже. Оно переведено на латинскій языкъ Сиромаронитомъ Ассемани. Оттуда мы замѣтили сказанное нами объ Исаакъ.

(з) См. Сл. 30; по греч. тексту 33-е.

(и) См. Fabr. Bibl. Gr. L. 5, C. 3. По предшему изд. Vol. IX, p. 279, а по новѣйш. Vol X, p. 524.

стомъ, когда возобилъ пребываніе на столпѣ (і), а Исаакъ, который въ посланіи подаетъ ему совѣты и предписываетъ первыя правила безмолвнической жизни, писалъ до восхожденія Симеонова на столпъ (к); то нетрудно изъ сего уразумѣть, что, около пятьсотъ тридцать четвертаго года Божественнаго домостроительства, процвѣталъ Авва Исаакъ, будучи уже совершенно не только добродѣтельно, но и возрастомъ. А потому, если старость его не продлилась сверхъ мѣры, то безъ сомнѣнія преселился онъ въ небесныя селенія прежде шестисотаго отъ Р. Хр. года.

Иные (л) безъ основанія предполагали, что нашъ Исаакъ есть тотъ самый, котораго жизнь описалъ святой Григорій Двоесловъ (м). Въ странствованія нашего Исаака были изъ отечества въ обитель, изъ обители въ пустыню, изъ пустыни въ Пиневію, изъ Пиневіи опять въ пустыню. Но Исаакъ Григоріевъ проиель отъ Востока до Запада, то-есть, изъ Сиріи до Сицилы въ Итали. Да и по самому посланію къ Дивногорцу Симеону можемъ съ точностію различать обонхъ Исааковъ. Двоесловъ о своемъ

(і) Никифоръ Каллистъ. Т. 2, кн. 48, гл. 24.

(к) См. Сл. 55; по греч. тексту посланіе 4-е.

(л) Уднъ въ Т. 4-мъ о церковныхъ писателяхъ; также Лубергъ, Ламбазій и Кавъ у Фабриціи Vol. X, p. 474.

(м) Въ кн. 3, гл. 14-й. У Уднъ въ Т. 4, о церк. пис. ст. 1404.

Исаакъ говоритъ, что, тайно отъ своихъ учениковъ, и переимѣнивъ имя, прибылъ онъ въ Италию въ первые годы владычества гоговъ (конечно же, разумѣть должно годы близкіе къ пятьсотъ сорокъ первому отъ Р. Хр., когда началъ царствовать въ Италиі Тотила), житіе же его продолжалось до послѣднихъ годовъ готскаго владычества (то-есть, до пятьсотъ пятьдесятъ втораго года отъ Христа, въ который погибъ Тотила, побѣжденный Нарсесомъ, или до пятьсотъ пятьдесятъ третьяго года, когда, по убіеніи Тіа (п), послѣдовало освобожденіе италійскихъ народовъ отъ преобладанія готскаго); и Исаакъ продолжалъ скрывать истинное имя свое, пока не объявилъ онаго одинъ нечестын духъ, изгнанныи изъ какого-то бѣсноватаго. А посему невѣроятно, и не можетъ быть допущено, что въ сіи самые годы Симсонъ, бывшій монахомъ на Дивной горѣ близъ Антиохіи, писалъ посланіе къ Исааку, котораго и имени не знали въ Сиолеттѣ, и что Исаакъ отвѣчалъ ему.

Сіе извѣстно намъ объ Исаакѣ; теперь слѣдуетъ сказать о писаніяхъ его.

Исаакъ есть подлинныи писатель издаваемыхъ теперь подвижническихъ наставленій; о семь съ двумя древними рукописями, какія у насъ въ рукахъ, свидѣтельствуютъ: древній кодексъ, хранящійся въ палестинской Лаврѣ преподобнаго

(п) См у Никифора Каллиста. Т. 2, кн. 17, гл. 13.

Отца нашего Саввы (это, можетъ быть, тотъ самый, который писанъ преподобными Отцами Авраміемъ и Патрикіемъ); кодексъ въ городѣ Керкиръ въ обители святой мученицы Екатерины; кодексъ въ Императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ съ слѣдующимъ надписаніемъ: *Иже во святыхъ отца нашего Аввы Исаака Сирійянина и отшельника, бывшаго Епископомъ христомисливаго города Ишевіи, подвижническія Слова, найденныя преподобными Отцами нашими Аввою Патрикіемъ и Аввою Авраміемъ, любомудрцами и безмолвниками въ Лавръ ихъ во святыхъ отца нашего Саввы.* (Содержащихся же въ семь кодексахъ словъ восемьдесятъ семь); еще кодексъ въ библіотекѣ Коаленской, приписанный Исааку, ерѣнскому отшельнику и Епископу ишевінскому, содержащій въ себѣ девяносто два слова, съ толкованіями изъ словъ или сочиненіи Анастасія, Антіоха, Антонія, Арсенія, Иоансія, Варсоноуфія, Василія, Теофилакта Архіепископа болгарскаго, аввы Каріона, Карнаоія, Иоанна Златоустаго, Иоанна Дѣтвичника, Копрія, Кирилла, Діадоха, Дорофея, Ефрема, Исаи, Евагрія, Григорія Богослова, Психія, монаха Иоанна, Иосифа, Исидора, аввы Лонгина, Макарія, Марка, Макенма, Ила, аввы Писерія, аввы Петра, Петра александрїнскаго, аввы Спсеоя, Симеона, Оалассія, Θεодора новаго, Зигадина и Зосимы (о);

(о) О семь кодексахъ упоминаеть Монифоконъ у Фабриція Bibl. Graec. Vol. X, p. 474.

сверху сего, въ ватиканской библиотекѣ кодексы 25, 551, 605 и 757, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ девяносто восемь словъ, съ сирскаго языка переведенныхъ на языкъ эллискій Патрикїемъ и Аврамїемъ, монахами обители святаго Саввы (п); а также и каталогъ рукописей въ Англіи, упоминающій о девяносто девяти аскетическихкихъ бесѣдахъ, переведенныхъ на эллискій языкъ Аврамїемъ и Исаакїемъ (Исаакїемъ неправильно, какъ и у Каве, называется Патрикїй), монахами изъ обители святаго Саввы, а равно и о другихъ трехъ бесѣдахъ тогоже Исаака, писанныхъ по-сирски и сохранившихся въ 72 кодексахъ Оомы Болдея (р).

Авдїесъ (Ibed-iesu), который въ каталогѣ книгъ халдейскихъ пишетъ : «Исаакъ шивегтянинъ сочинилъ семь томовъ о водительство Духа, о божественныхъ таинахъ, о судахъ и о житїи», или разумѣтъ шнаго какого-либо Исаака, а не нашего, или въ сочиненїяхъ нашего Исаака написалъ шнїя надписанїя. Или томы о божественныхъ таинахъ и о судахъ вовсе утратились, а если и хранятся, то неизвѣстно гдѣ, томы же о водительство Духа суть, можетъ быть, слова о душѣ въ нашемъ изданїи 58, 88 и 55 (с); а

(п) Ассеман Biblioth. Orient. T. I, p. 446.

(р) Фабрицій Bibl. Gr. Vol. X, p. 472.

(с) По греч. текстѣ Сл. 56, 57 и 59.

томы о житіи суть слова о житіи монашескомъ, то есть 1, 59 и 65 (т). О сихъ семи томахъ Лессеманн, упоминая въ своей восточной библіотекѣ, говоритъ: «изъ сихъ (семи томовъ) имѣемъ одинъ на сирскомъ и четыре книги на арабскомъ, которые сейчасъ и раземотримъ». Говоритъ же прежде о четырехъ книгахъ, списанныхъ имъ съ кодексами сирскими, арабскими и греческими въ ватиканской библіотекѣ въ Римѣ. А потомъ упоминаетъ и о томъ, начинающемся словами: *«Боже вѣчный, отъ вѣка безначальный, и всегда неизмѣняемый»* и достаточно доказываетъ, что сочиненіе сіе есть произведеніе праго Исаака, Епископа едесскаго, а не псевдонимаго.

Изъ 158 словъ, заключающихся въ упомянутыхъ четырехъ книгахъ (разумѣть должно ихъ надписанія и начала), шныя суть одни и тѣже съ издаваемыми теперь, шныя же составляютъ часть оныхъ, сверхъ того шныя имѣютъ одинаковое или сходное надписаніе съ издаваемыми, но другое начало, а шныя на-оборотъ; нѣкоторыя же кажутся совершенно отличными.

II въ упомянутыхъ выше греческихъ кодексахъ число словъ не одно и тоже; въ нѣкоторыхъ даже больше числа предлагаемыхъ здѣсь. Впрочемъ содержаніе словъ, можетъ быть, и во всѣхъ одинаково при неравномъ ихъ числѣ,

(1) По греч. тексту. Ст. 4, 9 и 10.

по причинѣ различнаго раздѣленія оныхъ. Раздѣленіе же Словъ неодинаково, потому что нѣкоторыя изъ Словъ содержатъ въ себѣ главы, вопросы, отвѣты и молитвы; часто одно и тоже Слово разсуждаетъ о разныхъ предметахъ и какъ бы составлено изъ многихъ Словъ. II въ библиотекѣ Отцевъ (у) находится одно весьма большое Слово, изданное только на латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «книга о пренебреженіи міра», раздѣленная на 53 главы и ложно приписанная святому Исааку Сиріянину, пресвитеру антиохійскому. Ибо сей Исаакъ преставился отъ сея жизни въ царствованіе Льва Великаго (ф), пріѣзжавшаго епископъ въ 457 и скончавшагося въ 474 году отъ Р. Хр. Слово же сіе слагается изъ пятнадцати Словъ греческаго изданія, или изъ осмнадцати въ настоящемъ переводѣ (х).

Къ сему Инкифоръ Θεотокіи объ изданіи имъ греческаго текста подвижническихъ Словъ святаго Исаака присовокупляетъ: Изъ двухъ бывшихъ у меня подъ руками кодексовъ древняго письма, принадлежащихъ одному вѣку, и совре-

(у) Томъ XI по діонскому изданію.

(ф) Генеадій о церк. писател. у Фабр. Греч. библиот. Vol. X, p. 174.

(х) Имено же изъ Словъ 56 и за нимъ 57, 58, 61, 63, 66, 67, 69, 73, 24, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84 По греческому же изданію Слова сн суть: 23, 5, 56, 24, 40, 44, 22, 43, 24, 85, 27. 46, 47, 72, 48.

менныхъ кодексу Императорской библіотеки въ Вѣнѣ, какъ заключаю по сходству почерка и бумаги, одинъ Митрополитомъ арскимъ Неофитомъ, который, оставивъ митрополию, не очень давно кончилъ подвижнически жизнь на Доонѣ, передавъ былъ учителю Неофиту, діакону пелопоннескому; а другіи имѣлъ у себя, неизвѣстно откуда заимствовавъ, проповѣдникъ Агапін, настоятель церкви святаго Николая въ Галатѣ. Вторымъ, то-есть, Агапиевымъ, пользовался я какъ оригиналомъ, и изъ перваго выставялъ сколько-нибудь стоящія вниманія разности въ чтеніи.

На славянекомъ языкѣ Слова святаго Исаака Сиріянина извѣстны въ переводѣ издавна. Между рукописями Свято-Троицкой Сергіевой Лавры одинъ списокъ сихъ Словъ относится къ 1581 году. Составомъ своимъ онъ вполне соответствуетъ греческому изданію, но Слова расположены въ иномъ порядкѣ. Другой списокъ тѣже Словъ, недавно пожертвованный Московской Духовной Академіи А. И. Муравьевымъ, привезенъ имъ съ Доона. По письму онъ принадлежитъ также къ четырнадцатому столѣтію или къ началу пятнадцатаго. Кромѣ сербскаго правописанія, онъ отличается отъ другихъ, наиболѣе встречающихся въ нашихъ древнихъ книгохра-

нншцахъ, своимъ порядкомъ Словъ, по мѣстамъ сокращеніями, и частію языкомъ. Но опущенныя мѣста въ тонке рукошеи въ послѣдствіи восполнены другою рукою, съ вышнемуянутаго полного перевода Словъ. Кромѣ того, встрѣчаются на поляхъ рукошеи и выписки изъ другихъ писаній подвижническихъ, однородныхъ по содержанію съ Словами.

Въ печати на славянскомъ языкѣ Слова св. Исаака извѣстны по переводу блаженнаго старца, молдовахійскаго Архимандрита Паисія Величковскаго. Цѣлый годъ трудился онъ, какъ пишетъ самъ, въ исправленіи древняго славянскаго перевода, слнчая его то съ издаваемымъ греческимъ подлинникомъ, то съ переводомъ молдовахійскимъ. «Но горе моему толковому труду, — прибавляетъ смиренный старецъ, — зане и сія (книга) зѣло далече отстоитъ отъ совершенства, и нужда миѣ настоятъ уже полумертвому (аще бы Богъ милосердіемъ Своимъ еще миѣ животъ продолжилъ, и зрѣнію моему, мало уже не слѣному, просвѣщеніе даровалъ), яко уже отчасти пмущему лекенкони, и мало въ лучшее вещи сея, частостію дѣланія, пришедшему уснѣнію, нази всеприлежаніюне потрудитися во исправленіи оныя» (ц). Довершивъ

(ц) Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. 2 изд. М. 1847, стр. 220.

свой трудъ, старецъ Пансіѣ препроводилъ его къ преосвященному Митрополиту новгородскому и санктпетербургскому Гавріилу. По переводъ сей вышелъ въ свѣтъ уже въ 1812 г. въ молдавскомъ Пямецкомъ монастырѣ.

При составленіи новаго русскаго перевода Словъ св. Псаака съ греческаго языка, издатели имѣли въ виду какъ различные списки древняго славянскаго перевода, такъ и трудъ старца Пансія. Порядокъ Словъ удержанъ тотже, въ какомъ они находятся въ нашихъ древнихъ рукописяхъ и въ изданіи старца Пансія.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОЦА НАШЕГО АВВЫ ИСААКА СПРІЯШНА

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

С Л О В О I .

ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МІРА И О ЖИТІИ МОНАШЕСКОМЪ.

Страхъ Божій есть начало добродѣтели. Говорятъ же, что она—порожденіе вѣры, и посѣвается въ сердце, когда умъ устранивъ отъ мірской разсѣянности, чтобы кружащіяся отъ паренія мысли свои собрать ему въ размыслиеніи о будущемъ возстановленіи. Для того, чтобы положить основаніе добродѣтели, лучше всего человеку держать себя въ устраниеніи отъ дѣлъ житейскихъ и пребывать въ законѣ свѣта стезей правыхъ и святыхъ, какія Духомъ указалъ и наименовалъ Псалмопѣвецъ (Пс. 22, 3. 118, 35.). Едва ли найдется, а можетъ быть, и вовсе не найдется, такой человекъ, который бы, хотя будетъ онъ и равноангельный по правамъ, могъ вынести честь; и это происходитъ, какъ скажетъ иный, отъ скорого воспріятія измѣненій.

Начало пути жизни — поучаться всегда умомъ въ словахъ Божіихъ и проводить жизнь въ нищеть. Напоение себя однимъ содѣйствуетъ усовершенію въ другомъ. Если напоившись себя изученіемъ словесъ Божіихъ, это помогаетъ преснѣннѣ въ нищеть; а преснѣннѣ въ нестяжательности доставляетъ тебѣ досугъ пресиввать въ изученіи словесъ Божіихъ. Пособіе же того и другаго содѣйствуетъ къ скорому возведенію цѣлаго зданія добродѣтели.

Никто не можетъ приблизиться къ Богу, если не удалится отъ міра. Удаченіемъ же называю не преселеніе изъ тѣла, но устраненіе отъ міревыхъ дѣлъ. Въ томъ и добродѣтель, чтобы человекъ не занимать ума своего міромъ. Сердце не можетъ пребывать въ тишинѣ и быть безъ мечтаній, пока на человека дѣйствуютъ чувства; тѣлесныя страсти не приходятъ въ бездѣйствіе, и лукавыя помыслы не оскудѣваютъ, безъ пустыни. Пока душа не прійдетъ въ уноеніе вѣрою въ Бога, пріятіемъ въ себя силы ея ощущенія, доколь не уврачуется немощи чувствъ, не возможетъ съ силою поирать видимаго вещества, которое служить претрапою внутреннему, и не ощутятъ въ себѣ свободы и разумное порожденіе, и плодъ того и другаго — спасеніе отъ сѣей. Безъ перваго (а) не бываетъ втораго (б); а гдѣ второе правосщественно, тамъ третій (в) связуется какбы уздою.

Когда умножилась въ человекъ благодать; тогда по желанію праведности страхъ смертный дѣлается

(а) Утѣненіе отъ міра.

б Уноеніе вѣрою въ Бога.

в Свобода.

для него малоуважительнымъ, и много причинъ находить онъ въ душѣ своей, по которымъ ради страха Божія должно ему терпѣть скорбь. Все, что, по видимому, вредитъ тѣлу, и внезапно дѣйствуетъ на природу, а следовательно приводитъ въ страданіе, ни во что выбываетъ въ очахъ его въ сравненіи съ тѣмъ, что называется въ будущемъ. Безъ позволенія некущей невозможно познать намъ истины. Точное же удостовѣреніе въ этомъ находить человекъ въ мысли, что Богъ имѣетъ о человекѣ великое промышленіе, и что нѣтъ человека, который бы не состоялъ подъ Его Промысломъ, особливо же ясно, какъ по указанію перста, усматриваетъ сіе на взыскавшихъ Бога и на терпящихъ страданія ради Него. Но когда увеличилось въ человекѣ осуденіе благодати, тогда все сказанное оказывается въ немъ почти въ противоположномъ видѣ. У него въ дѣиіе, по причинѣ изслѣдованій, бываетъ больше вѣры, и упованіе на Бога имѣется не во всякомъ дѣлѣ, и Промыслъ Божій о человекѣ понимается иначе. Таковой человекъ постоянно поворачивается въ этомъ вознѣмъ подъ терзающихъ *во мрацѣ сострыляти* (Исая. 10, 2.) его стрѣлами своими.

Начало истиной жизни въ человекѣ страхъ Божій. А онъ не терпитъ того, чтобы пребывать въ чей-либо душѣ вмѣстѣ съ нареніемъ ума; потому что служеніемъ чувствамъ сердце разсѣвается, утрачивая въ себѣ услажденіе Богомъ. Ибо внутреннія помышленія ощущеніемъ ихъ, какъ говорятъ, связуются въ самыхъ служащихъ имъ чувствительцахъ.

Сомнѣніе сердца приводитъ въ душу бояшю. А вѣра можетъ глатъ произволеніе твердымъ и при

отсѣченіи членовъ. Въ какой мѣрѣ превозмогаетъ въ тебѣ любовь къ плоти, въ такой не можешь быть отважнымъ и безтрепетнымъ при многихъ противоборствіяхъ, окружающихъ любимое тобою.

Желающій себѣ чести не можетъ имѣть недостатка въ причинахъ къ печали. Нѣтъ человека, который бы съ переменною обстоятельствомъ не ощутилъ въ умѣ своиѣ перемены въ отношеніи къ предстоящему дѣлу. Если воздержніе, какъ говорятъ, есть порожденіе чувствъ; то пусть умолкнутъ, наконецъ, утверждающіе о себѣ, что и при развлеченіи сохраняютъ они миръ ума.

Цѣломудренъ не тотъ, кто въ трудѣ, во время борьбы и подвига, говоритъ о себѣ, что прекращаются тогда въ немъ срамные помыслы, но кто истинностію сердца своего уцѣломудриваетъ созерцаніе ума своего, такъ что не внимаютъ онъ безстыдно непотребнымъ помысламъ. И когда честность совѣсти его свидѣтельствуешь о вѣрности взглядомъ очей, тогда стыдъ уподобляется завѣсь, повѣшенной въ сокровенномъ вмѣстѣшщѣ помысловъ. И непорочность его, какъ цѣломудренная дѣва, соб.подается Христу вѣрою.

Для отвращенія предзанятыхъ душею расположеній къ испотребству и для устраненія востающихъ въ плоти тревожныхъ воспоминаній, производящихъ мятежный пламень, ничто не бываетъ такъ достаточно, какъ погруженіе себя въ любовь къ изученію божественнаго Писанія, и постиженіе глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются въ услажденіе постиженіемъ сокровенной въ словахъ премудрости; тогда человекъ въ какой мѣрѣ пзвлекаетъ изъ нихъ

уясненіе, въ такой же оставляетъ позади себя міръ, забываетъ все, что въ міръ, и все воспоминаія, всѣ дѣйственные образы овеществленія міра, изглаживаетъ въ душѣ, а перѣдко уничтожаетъ самую потребность обычныхъ мыслей, постигающихъ природу. Самая душа пребываетъ въ восторгѣ при новыхъ представленіяхъ, встречающихся ей въ морѣ танихъ Исаіа.

И опять, если умъ плавать на поверхности воды, то-есть, моря божественныхъ Исаіа, и не можетъ проникнуть мыслями Исаіа до самой глубины, уразумѣть всѣ сокровища, таящіяся въ глубинѣ его; то и сего самаго, что умъ занять рвеніемъ къ уразумѣнію Исаіа, достаточно для него, чтобы единымъ мышленіемъ о досточудномъ крѣпко связать свои мысли и воспринять ихъ, какъ сказали нѣкто изъ богоносныхъ, стремиться къ естеству тѣлесному; тогда-какъ сердце немощно и не можетъ вынести озлобленій, встречающихся при внешнихъ и внутреннихъ браняхъ. И вы знаете, какъ тягостенъ худойъ помысль. И если сердце не занято вѣдѣніемъ, то не можетъ стерпѣть мятежности тѣлеснаго устремленія.

Какъ скорости колебанія вѣсовъ въ вѣтрную бурю препятствуетъ тяжесть взвѣшиваемаго; такъ колебанію ума препятствуютъ стыдъ и страхъ. А по мѣрѣ недостатка страха и стыда ума дается побужденіе непрестанно кружиться; и тогда, по мѣрѣ удаленія изъ души страха, коромысло ума, какъ свободное, влается туда и сюда. Но, какъ коромыслу вѣсовъ, если чаши ихъ обременены очень тяжелымъ грузомъ, нелегко прійди уже въ колебаніе отъ дуновенія

вѣтра; такъ и умъ, подъ бременемъ страха Божія и стыда, съ трудомъ совращается тѣмъ, что приводитъ его въ колебаніе. А въ какой мѣрѣ оскудѣваетъ въ умѣ страхъ, въ такой же начинаютъ преобладать имъ превратность и измѣнчивость. Умудрись же въ основаніе шествія своего полагать страхъ Божій; и въ нѣсколько дней, не дѣлая круженій на пути, будешь у вратъ царствія.

Во всемъ, что встрѣтится тебѣ въ Писаніяхъ, доискивайся цѣли слова, чтобы проникнуть тебѣ въ глубинну мысли святыхъ, и съ большею точностію уразумѣть оную. Божественною благодатию путе­водимые въ жизни своей къ просвѣщенію всегда ощущаютъ, что какбы умный какой лучъ проходитъ по стихамъ написаннаго, и отличаетъ уму голыя слова отъ того, что душевному вѣдѣнію сказано съ великою мыслию.

Если человекъ многозначащіе стихи читаетъ, не углубляясь въ нихъ; то и сердце его остается бѣднымъ, и угасаетъ въ немъ святая сила, которая при чудномъ уразумѣніи души доставляетъ сердцу сладостнѣйшее вкущеніе.

Всякая вещь обыкновенно стремится къ сродному ей. И душа, имѣющая въ себѣ удѣлъ духа, когда услышитъ реченіе, заключающее въ себѣ сокровенную духовную силу, пламенно влечетъ къ себѣ содержаніе сего реченія. Не всякаго человека пробуждаетъ къ удивленію то, что сказано духовно, и живетъ въ себѣ сокровенную великую силу. Слово о добродѣтели требуетъ сердца не занимающагося землею и близкими съ нею общеніемъ. Въ человекѣ же, котораго умъ утружденъ заботою о проходя-

щемъ , добродѣтель не пробуждаетъ помысла къ тому , чтобы возлюбить ее и взыскать обладанія ею .

Отрѣшеніе отъ вещества бытіемъ своимъ предваряетъ союзъ съ Богомъ , хотя перьдко , но домо-строительству благодати , въ иныхъ оказывается послѣдній предшествующимъ первому ; потому что любовію покрывается любовь . Чинъ обычный домо-строительству инаковъ съ чиномъ человѣческаго общества . Но ты сохраняй общій чинъ . Если предваряетъ въ тебѣ благодать ; это — ея дѣлю . А если не предваряетъ ; то путемъ всехъ людей , какимъ шествовали они другъ за другомъ , восходи и ты на высоту духовнаго столпа .

Всякое дѣло , совершаемое созерцательно и исполняемое по заповѣди , данной для него , вовсе невидимо тѣлесными очами . И всякое дѣло , совершаемое дѣятельно , бываетъ сложно ; потому что заповѣдь , которая только одна , именно дѣятельность , ради плотскихъ и безплотныхъ , имѣетъ нужду нѣ томъ и другомъ , въ созерцаніи и въ дѣятельности . Ибо единое есть сочетаніе созерцанія и дѣятельности .

Дѣла , показывающія заботливость о чистотѣ , не подавляютъ чувства , возбуждаемаго памятованіемъ прошедшихъ проступковъ , но печаль , ощущаемую при семъ памятованіи , заимствуютъ изъ разума . И съ сего времени ходъ припамятованія производится въ умъ съ пользою . Пенасытимость души въ приобрѣтеніи добродѣтели обращаетъ въ свою пользу часть видимыхъ вождельній сопряженнаго съ нею тѣла . Всякую вещь красить мѣра . Безъ мѣры обращается во вредъ и почитаемое прекраснымъ .

Хочешь ли умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріивъ въ себя ощущеніе оіаго услажденія, не порабощеннаго чувствамъ?—Послужни милостынъ. Когда внутри тебя обрътается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣлъ милостынн производитъ въ душѣ общеніе съ Божествомъ безъ посредства какого-либо времени къ единенію съ славою свѣтлости.

Духовное единеніе есть незанечатываемое памятованіе; оно непрерывно пылаетъ въ сердцѣ пламенною любовію, въ неуклоненіи отъ заповѣдей заимствуя силу къ пребыванію въ союзѣ, не съ насиліемъ природѣ, и не по природѣ. Ибо тамъ находитъ поддержку къ тому, чтобы прочно утверждаться въ единеніи душевнымъ созерцаемъ. Посему, сердце приходитъ въ изумленіе при смеженіи двоякихъ чувствъ его, плотскихъ и душевныхъ. Къ духовной любви, которая отпечатываетъ невидимый образъ, нѣтъ иной стези, если человекъ не начнетъ прежде всего быть щедролюбивымъ въ такой же мѣрѣ, въ какой совершенъ Отецъ, какъ сказалъ Господь намъ; ибо такъ заповѣдалъ Онъ послушнымъ Ему полагать основаніе сіе (г).

Инаково слово дѣятельности, и шнаково слово пре-

(г) И именно, когда говорятъ: *будьте милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36.); и еще: *аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ. и имъти имаша сокровище на небеси. и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. 19, 21.); и: *будьте убо совершенни. якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 46.).

красно. И безъ опытнаго дознанія чего-либо мудрость умѣетъ украшать слова свои, говорить истину, не зная ея. Иный можетъ толковать о добродѣтели, самъ не извѣдавъ опытно дѣла ея. Но слово отъ дѣятельности — сокровищница надежды; а мудрость, не оправданная дѣятельностію, залогъ стыда.

Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ воду, и не можетъ тою водою утолить своей жажды, и что человекъ, который видитъ прекрасные сны; то-же и слово неоправданное дѣятельностію. Кто говоритъ о добродѣтели, что самъ неспыталъ на дѣлѣ, тотъ такъ-же передастъ сіе слушающему его, какъ иный отдастъ другому деньги, добытыя трудомъ своимъ. И кто изъ собственнаго стяжанія посвящаетъ ученіе въ слухъ внимающихъ ему, тотъ съ дерзновеніемъ отверзаетъ уста свои, говоря съ духовными своими чадами, какъ престарѣлый Іаковъ сказалъ целомудренному Іосифу: *азъ же даю ти единую часть свыше братіи твоея, юже взяхъ у эморреевъ мечемъ моимъ и лукомъ моимъ* (Быт. 48, 22.).

Всякому человеку, который живетъ нечисто, вожделѣнна жизнь временная. Второй по немъ, кто лишень вѣдѣнія. Прекрасно сказалъ некто, что страхъ смертный печальгъ мужа, осуждаемаго своею совѣстію. А кто имѣетъ въ себѣ доброе свидѣтельство, тотъ столько же желаетъ смерти, какъ и жизни. Не признавай того истиннымъ мудрецомъ, кто ради сей жизни порабощаетъ умъ свой боязни и страху. Все доброе и худое, что ни приключается съ плотию, почитай за свидѣніе. Ибо не въ смерти одной отрѣшишься отъ сего, но часто и прежде смерти оставляетъ это тебя, и удаляется. А если что-либо

изъ сего имѣеть нѣкоторое общеніе съ душею твоею, то почитай сіе своимъ стяжаніемъ въ этомъ вѣкѣ; оно поидеть съ тобою и въ вѣкѣ будущій. И ежели это есть нѣчто доброе; то веселись и благодари Бога въ умѣ своемъ. Ежели же это есть нѣчто худое; то будь прискорбень, и воздыхай, и старайся освободиться отъ сего, пока ты въ тѣль.

Всякое благо, совершаемое въ тебѣ мысленно, и самъ ты содержи тщательно въ тайнѣ, потому что посредниками для тебя къ оному были крещеніе и вѣра; въ нихъ призвавъ ты Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ на дѣла Его благія. Со Отцемъ и Святымъ Духомъ Ему слава, и честь, и благодареніе, и поклоненіе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2.

О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ ученій.

Благодарность пріемлющаго побуждаетъ дающаго давать дары бѣльшіе прежнихъ. Кто неблагодаренъ за малое, тотъ и въ бѣльшемъ лживъ и несправедливъ.

Кто боленъ и знаетъ свою болѣзнь, тотъ долженъ искать врачевства. Кто объявляетъ другимъ болѣзнь свою, тотъ близокъ къ уврачеванію своему, и легко найдетъ оное. Жестокостію сердца умножаются болѣзни его; и если больной противится врачу, мученіе его увеличивается. Нѣтъ грѣха непрощитель-

наго—кроме грѣха нераскаяннаго. И даръ не остается безъ усугубленія, разве только когда нѣтъ за него благодарности. Часть несмысленнаго мала въ глазахъ его.

Содержи всегда въ памяти превосходящихъ тебя добродѣтелию, чтобы непрестанно видѣть въ себѣ недостатокъ противъ ихъ мѣры; содержи всегда въ умѣ тягчайшія скорби скорбящихъ и озлобленныхъ, чтобы самому тебѣ воздавать должное благодареніе за малыя и ничего не значація скорби, какія у себя находишь, и быть въ состояніи переносить ихъ съ радостію.

Во время своего пораженія, ослабленія и лѣности, связуемый и содержимый врагомъ въ мучительномъ томленіи и въ тяжкомъ дѣлѣ грѣха, представляй въ сердце своемъ прежнее время рачительности своей, какъ былъ ты заботливъ о всемъ даже до малости, какой показалъ подвигъ, какъ съ ревностію противился желавшимъ воспрепятствовать твоему шествію. Сверхъ же сего, помысли о тѣхъ воздыханіяхъ, съ какими болѣзновалъ ты о недостаткахъ, появившихся въ тебѣ отъ нерадѣнія твоего, и о томъ, какъ при всемъ этомъ получалъ ты побѣднѣйшій вѣнецъ. Ибо всѣми таковыми воспоминаніями душа твоя возбуждается какбы изъ глубины, облекается пламенемъ ревности, какбы изъ мертвыхъ востаетъ изъ погруженія своего, возносится, и горячимъ противоборствомъ діаволу и грѣху возвращается въ первобытный свой чинъ.

Вспомни о паденіи сильныхъ, и смирайся въ добродѣтеляхъ своихъ. Припомни тяжкія паденія надшихъ въ древности, и покаявшихся, а также высоту

и честь, какихъ сподобились они послѣ сего; и при-
имешь смѣлость въ покаяніи своемъ.

Преслѣдуй самъ себя, и врагъ твой прогнашь бу-
детъ приближеніемъ твоимъ. Умирись самъ съ со-
бою, и умирятся съ тобою небо и земля. Потщись
войдти во внутреннюю свою клятву, и узришь клятву
небесную; потому что та и другая—одно и то-же, и
входя въ одну, видишь обѣ. Лѣствица онаго царствія
внутри тебя, сокровена въ душѣ твоѣй. Въ себя са-
момъ погрузись отъ грѣха, и найдешь тамъ вос-
хожденія, по которымъ въ состояніи будешь во-
сходить.

Писаніе не истолковало намъ, что такое есть въ
будущемъ вѣкѣ. Но какъ по ощущаемому здѣсь мо-
жемъ ощущать наслажденіе будущимъ, прежде есте-
ственного измѣненія и несчастія изъ міра сего, тому
удобно научило насъ; хотя, чтобы возбудить насъ
къ вождельнѣю будущихъ благъ, подобно опыту
подъ именами вещей у насъ вождельныхъ и слав-
ныхъ, пріятныхъ и драгоценныхъ, когда говорятъ:
ихже око не видѣло и ухо не слышало (1 Кор. 2, 9.)
и прочее. А снѣмъ возвѣстимо намъ и то, что будущія
блага неостижимы, и не имѣютъ никакого сход-
ства съ благами здѣшними.

Духовное наслажденіе не есть пользованіе чѣмъ-
либо самостоятельно пребывающимъ въ душѣ при-
емлющихъ. А иначе, сказанное: *царствіе небесное
внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.), и: *да придетъ
царствіе Твое* (Матѣ. 6, 10.), будетъ уже означать,
что внутри себя пріяли мы вещество чего-то чув-
ственнаго, въ залогъ заключающагося въ сѣнь на-
слажденія. Ибо необходимо, чтобы самое стяжаніе

было подобно залогу, и цѣлое—часть. И сказанное: *какъ въ зеркаль* (1 Кор. 13, 12.), хотя не показываетъ самостоятельно пребывающаго, однакоже означаетъ пріобрѣтеніе подобія. А если истинно свидѣтельство истолковавшихъ Писанія, что самое ощущеніе сіе есть умное дѣйствіе Святаго Духа, то и оно уже есть часть онаго цѣлаго.

Не тотъ любитель добродѣтели, кто съ бореніемъ дѣлаетъ добро, но тотъ, кто съ радостию приемлетъ послѣдующія за тѣмъ бѣдствія. Не великое дѣло терпѣть челоуѣку скорби за добродѣтель, какъ и не колебаться умомъ въ избраніи добраго своего позволенія при обольстительномъ щекотаніи чувствъ.

Всякое раскаяніе, по отъятіи свободы, таково, что ни радости оно не источаетъ, ни даетъ права на награду пріобрѣтшимъ оное.

Прикрой подающаго, если нѣтъ тебѣ отъ сего вреда; и ему придашь благодушія, и тебя поддержи милость Владыки твоего. Немоущихъ и огорченныхъ сердцемъ подкрѣпляй словомъ и всѣмъ, сколько достаетъ средствъ рукъ твоей; и подкрѣпитъ тебя вседержительная Десница. Съ огорченными сердцемъ будь въ общеніи, и трудомъ молитвеннымъ, и привязанностию сердечною; и прошенія твоя отверзетъ источникъ милости.

Постоянно утруждай себя молитвами предъ Богомъ въ сердце, носящемъ чистый помысль, исполненный умиленія; и Богъ сохранитъ умъ твой отъ помысловъ нечистыхъ и скверныхъ, да не укорится о тебѣ нуть Божій.

Постоянно упражняй себя въ размыслиніи, читая божественныя Писанія, съ точнымъ ихъ разумѣніемъ,

чтобы, при праздности ума твоего, не осквернялось зрѣніе твое чужими сквернами испотребства (д).

Не рѣшайся искушать умъ свой непотребными помыслами, или зрѣніемъ вводящихъ тебя въ искушеніе лщъ, даже, когда думаешь, что не будешь преодолѣнъ спмъ; потому что и мудрые такими образомъ омрачались, и впадали въ юродство. Не укроешь пламени въ нѣдръ своихъ, безъ спльныхъ скорбей плоти своей.

Юности трудно безъ обученія отдаться подъ нго святыни. Начало помраченія ума (когда признакъ его начинается открываться въ думѣ) прежде всего усматривается въ лбности къ Божіей службѣ и къ молитвѣ. Ибо, если душа не отпадетъ сперва отъ этого, нѣтъ иного пути къ душевному оболъщенію; когда же лишается она Божіей помощи, удобно впадаетъ въ руки противниковъ своихъ. А также, какъ-скоро душа дѣлается безнечною къ дѣламъ добродѣтели, непременно увлекается въ противное тому. Ибо переходъ съ какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Если дѣлаешь что для добродѣтели и для души, то не заботься о суетномъ. Непрестанно открывай немощь свою предъ Богомъ, и не будешь искушаемъ чуждыми, какъ-скоро останешься одинъ безъ заступника своего.

Дѣятельность крестная двояка; но двоякости естества и она раздѣляется на двѣ части. Одна, состоя въ претерпѣніи плотскихъ скорбей, производимыхъ дѣйствованіемъ раздражительной части души, и есть,

(д) По древн. слав. пер. *чуждыми испотребными помыслами.*

и называется, дѣятельность. А другая заключается въ тонкомъ дѣланіи ума, и въ божественномъ размышленіи, а также и въ пребываніи на молитвѣ, и такъ далѣе; она совершается вождельвательною частию души, и называется созерцаніемъ. И одна, то-есть, дѣятельность, очищаетъ, по силѣ ревности, страстную часть души, а вторая — дѣйственность душевной любви, то есть, естественное вождельвіе, которое просвѣтляетъ умную часть души. Всякаго человѣка, который прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ къ сей второй, привлекаемый ея сладостію, не говорю уже своею лѣностію, постигаетъ гнѣвъ за то, что не умертвилъ прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), т. е. не уврачевалъ немощи помысловъ терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи крестнаго поношенія, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной. Сіе-то и значитъ сказанное древними святыми, что, если умъ вознамѣрится взойти на крестъ прежде, нежели чувствиллица его, изцѣляясь отъ немощи, прійдутъ въ безмолвіе, то постигаетъ Божій гнѣвъ. Сіе восхожденіе на крестъ, привлекающее гнѣвъ, бываетъ не въ первой части претерпѣнія скорбей, то-есть, распятія плоти, но когда человѣкъ входитъ въ созерцаніе; а это есть вторая часть, слѣдующая за изцѣленіемъ души. У кого умъ оскверненъ постыдными страстями, и кто поспѣшаетъ наполнить умъ свой мечтательными помыслами; тому заграждаются уста запрещеніемъ за то, что не очистилъ прежде ума скорбями, не покорилъ плотскихъ вождельвій, положившись на то, что слышало ухо, и что написано чернилами,

устремился онъ прямо впередъ, идти путемъ исполненными мраковъ, когда самъ слѣпъ очами. Ибо и тѣ, у кого зрѣніе здраво, будучи исполнены свѣта и приобрѣтя себѣ вождей благодати, день и ночь бываютъ въ опасности, между-тѣмъ какъ очи у нихъ молны слезъ, и они въ молитвѣ и въ плачѣ продолжаютъ служеніе свое цѣлый день, даже и ночь, по причинѣ ужасовъ, ожидающихъ ихъ въ пути и встрѣчающихся имъ страшныхъ стреминъ и образовъ пещеры, оказывающихся перемѣшанными съ обманчивыми призраками оной.

Говорятъ: «что отъ Бога, то приходитъ само собою, а ты и не почувствуешь». Это правда, но только если мѣсто чисто, а не осквернено. Если же нечиста зѣница душевнаго ока твоего, то не дерзай устремлять взоръ на солнечный шаръ, чтобы не утратить тебѣ и сего малаго луча, то-есть, простой вѣры, и смиренія, и сердечнаго исповѣданія, и малыхъ посильныхъ тебѣ дѣлъ, и не быть извергнутымъ въ единую область духовныхъ существъ, которая есть тма кромѣнная, то, что вне Бога и есть подобіе ада, какъ извергнуть былъ тотъ, кто не устыдился прійти на бракъ въ нечистыхъ одеждахъ.

Трудами и храненіемъ себя источается чистота помысловъ, а чистотою помысловъ — свѣтъ мышленія. Отсюда же по благодати умъ руководится къ тому, надъ чѣмъ чувства не имѣютъ власти, чему и не учать, и не научаются они.

Представь себѣ, что добродѣтель есть тѣло, созерцаніе — душа, а та и другое — одинъ совершенный

человѣкъ, соединяемый духомъ изъ двухъ частей, изъ чувственнаго и разумнаго. И какъ невозможно, чтобы душа получила бытіе, и была рождена, безъ совершенія образованія тѣла съ его членами: такъ душа прійди въ созерцаніе второе, то-есть, въ духъ откровенія, — въ созерцаніе, образуемое въ ложеснахъ, пріемлющихъ въ себя вещество духовнаго сѣмени, невозможно безъ совершенія дѣла добродѣтели; а это есть обитель различающей силы, пріемлющей въ себя откровенія.

Созерцаніе есть оцущеніе божественныхъ таинъ, сокровенныхъ въ вѣщахъ и въ нихъ причинахъ. Когда слышишь объ удаленіи отъ міра, объ оставленіи міра, о чистотѣ отъ всего, что въ мірѣ; тогда нужно тебѣ сначала понять и узнать, по понятіямъ не простонароднымъ, но чисто разумнымъ, что значитъ самое наименованіе: *міръ*, изъ какихъ различій составляется это имя, и ты въ состояніи будешь узнать о душѣ своей, сколько далека она отъ міра, и что примѣнено къ ней отъ міра.

Слово: *міръ*, есть имя собирательное, обнимающее собою перешеленныя нами страсти. Если человекъ не узналъ прежде, что такое міръ; то не достигнетъ онъ до познанія, какими членами далекъ отъ міра, и какими связанъ съ нимъ. Много есть такихъ, которые двумя или тремя членами отрывшись отъ міра, и отказались отъ общенія имъ съ міромъ, и подумали о себѣ, что стали они чуждыми міру въ житіи своемъ, потому что не уразумѣли и не уметрѣли премудро, что двумя только членами умерли они міру, прочіе же ихъ члены въ тѣлѣ живутъ міру. Впрочемъ, не возмogli они сознать въ

себѣ и страстей своихъ; и какъ не сознали ихъ, то не позаботились и объ ихъ уврачеваніи.

По умозрительному изслѣдованію міромъ называется и составъ собирательнаго имени, объемлющаго собою отдѣльно взятыхъ страсти. И когда вообще хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ; а когда хотимъ различать ихъ по различію наименованій ихъ, называемъ ихъ страстями. Страсти же суть части преемственнаго теченія міра; и гдѣ прекращаются страсти, тамъ міръ сталъ въ своей преемственности. И страсти суть слѣдующія: приверженность къ богатству, къ тому, чтобы собирать какіи-либо вещи; тѣлесное наслажденіе, отъ котораго происходитъ страсть сунружества; желаніе чести, отъ котораго истекаетъ зависть; желаніе распорядиться начальственно; паденіе благомысліемъ власти; желаніе парижаться и правиться; искаженіе человеческой славы, которая бываетъ причиною злославія; страхъ за тѣло. Гдѣ страсти сии прекращаются свое теченіе, тамъ міръ умеръ; и въ какой мѣрѣ не достаесть тамъ нѣкоторыхъ изъ сихъ частей, въ такой мѣрѣ міръ остается внѣ, не дѣйствуя тѣми частями состава своего; какъ и о святыхъ сказалъ нѣкто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими изъ сихъ частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь, и какими умеръ, міру. Когда дознаешь, что такое міръ, тогда изъ различія всего этого дознаешь и то, чѣмъ связанъ ты съ міромъ, и чѣмъ отрѣшился отъ него. И скажу короче: міръ есть плотское житіе и мудрованіе плоти. По тому самому, что чело-

вѣкъ пехитилъ себя изъ этого, познается, что изшелъ онъ изъ міра. И отчужденіе отъ міра познается по снмъ двумъ признакамъ, по превосходнѣйшему житію, и по отличію понятій самаго ума. Изъ сего, наконецъ, возникаютъ въ мысли твоей понятія о вещахъ, надъ которыми паритъ мысль въ своихъ понятіяхъ. И ты достигнешь мѣры житія своего, сообразно съ тѣмъ, воздегьваетъ ли чего естество безъ насилія себѣ, есть ли въ тебѣ какія прозябскія неистребляемыя, или какія производимыя только случаемъ; пришелъ ли умъ въ сознаніе понятій совершенно нетѣлесныхъ, или весь онъ движется въ вещественномъ, и это вещественное страстно. Ибо печати овецтвенія дѣль, подъ какими умъ невольно представляется во всемъ, что онъ совершаетъ, суть добродѣтели. Въ нихъ-то безъ немощи замѣствуеъ для себя причину къ горячности и собранности помысловъ съ доброю цѣлюю потрудиться тѣлесно, для упражненія сей горячности, если только дѣлается сіе нестрастно. И смотри, не изнемогаетъ ли умъ, встрѣчаясь съ сими печатями тайныхъ помысловъ, по причинѣ лучшаго пламеннѣяго по Богу, которымъ обыкновенно отсѣкаются суотныя памягованія.

Снхъ немногихъ признаковъ, показанныхъ въ главѣ сей, въ замѣнѣ многихъ книгъ достаточно будетъ къ тому, чтобы прогвѣнтъ человека, если онъ безмолвствуеъ и жйветъ въ отшельничествѣ. Страхъ за тѣло бываеъ въ людяхъ столько силенъ, что въ слѣдствіе онаго перѣдко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. И когда на страхъ за тѣло приникаеъ

страхъ за душу; тогда страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ, какъ воскъ отъ силы зажигающаго его огня. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 3 .

О томъ, что душа до познанія Божіей премудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и житейскихъ попеченій; ибо тогда можетъ познавать естество свое и тѣ сокровища, какия имѣетъ сокрытыми внутри себя.

Когда не вошли въ душу отвѣтъ житейскія попеченія, но пребываетъ она въ естественномъ своемъ состояніи; тогда непродолжительно бываетъ трудъ ея, и доходитъ она до познанія Божіей премудрости; погову что удаление души отъ міра и безмолвіе ея естественно побуждаютъ ее къ познанію Божіихъ тварей, а отъ сего возносится она къ Богу, въ удивленіи изумляется, и пребываетъ съ Богомъ. Ибо, когда въ душевный источникъ не входятъ воды отвѣтъ, тогда естественныя, источающіяся въ ней воды непрестанно поражаютъ въ душѣ помысленія о чудесахъ Божіихъ. А какъ-скоро душа оказывается немывущею сихъ помысленій; это значить, или что подана къ тому нѣкая причина какими-либо чуждыми воспоминаніями, или что чувства отъ встрѣчи съ предметами произвели противъ нея тяжежь. Когда же чувства заключены безмолвіемъ, не позволяется

нимъ устремляться вѣ и при помощи безмолвія устареваютъ памятованія; тогда увидишь, что такое—естественные помыслы души, что такое—самое естество души, и какія сокровища имѣетъ она скрытыми въ себѣ. Сокровища же сіи составляютъ познаніе безплотныхъ, возникающее въ душѣ само собою, безъ предварительной мысли и безъ труда о немъ. Даже человекъ не знаетъ, что таковыя помыслы возникаютъ въ природѣ человѣческой. Ибо кто былъ ему учителемъ? или какъ постигъ онъ то, что, и будучи умопредставлено, не можетъ быть уяснено для другихъ? или кто былъ путеводителемъ его въ томъ, чему шмало не учился онъ у другаго?

Такова-то природа души. Следовательно, страсти суть нѣчто придаточное, и въ нихъ виновна сама душа. Ибо по природѣ душа безстрастна. Когда же слышишь въ Писаніи о страстяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что говорится сіе относительно къ причинамъ страстей. А душа по природѣ безстрастна. Не принимаютъ сего держащіеся вѣшняго любомудрія, а подобно имъ и ихъ послѣдователи. Напротивъ того, мы веруемъ такъ, что Богъ созданнаго по образу сотворилъ безстрастнымъ. Созданнымъ же по образу разумно относительно не къ тѣлу, но къ душѣ, которая невидима. Ибо всякій образъ снимается съ подлежащаго изображенія. Невозможно же представить какой-либо образъ безъ видѣннаго прежде ему подобія. Поэтому, должно увѣриться, что страсти, какъ сказали мы выше, не въ природѣ души. Если же кто противорѣчитъ сказанному; то мы предложимъ ему вопросъ, и пусть отвѣтствуетъ онъ намъ.

Вопросъ. Что такое естество души? Безстрастное ли нѣчто и исполненное свѣта, или страстное и омраченное?

Отвѣтъ. Если некогда естество души было просвѣтлено и чисто, по причинѣ пріятія имъ въ себя блаженнаго свѣта, а подобно сему таковымъ же оказывается, когда возвращается въ первобытный чинъ; то несомнѣнно уже, что душа бываесть внѣ своего естества, какъ-скоро приходитъ въ страстное движеніе, какъ утверждаютъ и коринтели Церкви. Поэтому, страсти привзошли въ душу въ послѣдствіи, и несправедливо—говорить, будто бы страсти—въ естествѣ души, хотя она и приводится ими въ движеніе. Итакъ явно, что приводится она въ движеніе внѣшнимъ, не какъ своимъ собственнымъ. И если страсти называются душевными (с), потому что душа приводится ими въ движеніе безъ участія тѣла; то и голодь, и жажда, и сонъ будутъ душевными же; потому что и въ нихъ, а равно при отсѣченіи членовъ, въ горячкѣ, въ болѣзняхъ и въ подобномъ тому, душа страдаетъ и совоздыхаетъ съ тѣломъ. Ибо душа собользнуеть тѣлу по общенію съ нимъ, какъ и тѣло собользнуеть душѣ; душа веселится при веселіи тѣла, пріемлетъ въ себя и скорби его. Богу же нашему слава и держава, во вѣки! Аминь.

(с) Въ греческомъ читается: *φυσικά* (естественными), но согласно съ древними славянскими рукописями лучше читать: *ψυχικά* (душевными).

С Л О В О 4.

О ДУШѢ, О СТРАСТЯХЪ И О ЧИСТОТѢ УМА, ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ.

—

Вопросъ. Что такое—естественное состояніе души? что такое—состояніе противуестественное? что такое—состояніе сверхъестественное?

Отвѣтъ. Естественное состояніе души есть вѣдѣніе Божіихъ тварей, чувственныхъ и мысленныхъ. Сверхъестественное состояніе есть возбужденіе къ созерцаціи пресущественнаго Божества. Противуестественное же состояніе есть движеніе души въ мятущихся страстяхъ, какъ сказалъ божественный и великій Василій, что душа, когда оказывается сообразною съ естествомъ, пребываетъ горь, а когда оказывается вѣ своего естества, является долу на земль; когда же бываетъ горь, оказывается безстрастною; а когда естество низойдетъ отъ свойственнаго ему чина, тогда открываются въ нѣмъ страсти. Итакъ явствуетъ, наконецъ, что страсти душевныя не суть душевныя по естеству. Если душа въ охудаемыхъ тѣлесныхъ страстяхъ приходитъ въ такое же движеніе, какъ и въ голодѣ и въ жаждѣ; то, поелику въ разсужденіи сихъ послѣднихъ не положено ей закона, не столько бываетъ она достойна порицанія, какъ въ прочихъ страстяхъ, заслуживающихъ порицаніе. Случается, что иногда плочу бываетъ поущено Богомъ сдѣлать что-либо, по видимому, неумѣстное, и вмѣсто порицанія и уко-

ризнъ воздается ему благимъ воздашнемъ. Такъ было съ Пророкомъ Осією, который поялъ въ жены блудницу, — съ Пророкомъ Ілією, который по ревности Божіей совершилъ убійство, и съ теми, которые, по повелѣнію Моисею, мечемъ убили своихъ родителей. Впрочемъ говорится, что въ душу, и безъ тѣлеснаго естества, естественно есть похоть и раздражительность, и это суть страсти души.

Вопросъ. То ли сообразно съ естествомъ, когда вождельніе души воспламенено божественнымъ, или когда обращено на земное и тѣлесное? И для чего душевное естество обнаруживаетъ ревность свою съ раздражительностію? И въ какомъ случаѣ раздраженіе называется естественнымъ? Тогда ли, какъ душа раздражается по какому-либо плотскому вождельнію, или по зависти, или по тщеславію, или чему подобному, или когда раздражаетъ ее что-либо противное сему? Пусть отвѣчаетъ, у кого слово, и мы последуемъ ему.

Отвѣтъ. Божественное Писаніе многое говоритъ, и часто употребляетъ именоваія, не въ точномъ смыслѣ. Иное свойственно тѣлу, но сказуется о душѣ. И на-оборотъ, свойственное душѣ сказуется о тѣлѣ. И Писаніе не раздѣляетъ сего; но разумные понимаютъ это. Такъ и изъ свойственнаго Божеству Господа иное, не примѣнимое къ человѣческой природѣ, сказано въ Писаніи о всевятомъ тѣлѣ Его; и на-оборотъ, уничижительное, свойственное Ему по человечеству, сказано о Божествѣ Его. И многіе, не понимая цѣли божественныхъ словесъ, понозились въ этомъ, погрѣшивъ несправно. Такъ, въ Писаніи не различается строго свойственное душѣ и

свойственное тѣлу. Посему, если добродѣтель естественнымъ образомъ есть здравіе души, то недугомъ души будутъ уже страсти, нѣчто случайное, привнесшее въ естество души, и выводящее ее изъ собственнаго здравія. А изъ сего явствуется, что здравіе предшествуетъ въ естествѣ случайному недугу. Если же это дѣйствительно такъ (что и справедливо); то значитъ уже, что добродѣтель естественнымъ образомъ бываетъ въ душѣ, случайное же (ж) внѣ естества души.

Вопросъ. Страсти тѣлесныя естественно ли, или случайно, принимаются тѣлу? И страсти душевныя, принадлежащія душѣ, но связи ея съ тѣломъ, естественно ли, или въ несобственномъ смыслѣ ей принимаются?

Отвѣтъ. О страстяхъ тѣлесныхъ никто не осмѣлится сказать, что принимаются въ несобственномъ смыслѣ. А о душевныхъ страстяхъ, какъ-скоро дознаю, и всеми признается, что душѣ естествена чистота, должно смѣло сказать, что страсти нисколько не естественны душѣ; потому что болѣзнь позднѣе здравія. А одному и тому же естеству невозможно быть вмѣстѣ и добрымъ и лукавымъ. Посему, необходимо одно предшествуетъ другому; естественно же то, чѣмъ предварено другое; потому что о всемъ случайномъ говорится, что оно не отъ естества, но привзочно отъ нѣ; и за всемъ случайнымъ и привзочнымъ слѣдуетъ измѣненіе, естество же не переимчивается и не измѣняется.

(ж) По цевп. слав. пер. *страсти же внѣ естества души.*

Всякая страсть, служащая къ пользѣ, дарована отъ Бога. И страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе ему; а таковы же и страсти душевныя. Но когда тѣло, лишеніемъ свойственнаго ему, принуждено стать внѣ своего благосостоянія и послѣдовать душѣ; тогда оно изнемогаетъ и терпитъ вредъ. Когда и душа, оставивъ принадлежащее ей, послѣдуетъ тѣлу; тогда и она терпитъ вредъ, по слову божественнаго Апостола, который говоритъ: *плоть похотѣваетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противится* (Галат. 5, 17.). Поэтому, никто да не хулитъ Бога, будто бы Онъ въ естество наше вложилъ страсти и грѣхъ. Богъ въ каждое изъ естествъ вложилъ то, что служить къ его возрастанію. Но когда одно естество входитъ въ согласіе съ другимъ; тогда оно не въ томъ, что ему свое, но въ противоположномъ тому. А если бы страсти были въ душѣ естественно; то почему душа терпѣла бы отъ нихъ вредъ? Собственно принадлежащее естеству не вредитъ ему.

Вопросъ. Почему тѣлесныя страсти, возвращающія и укрѣпляющія тѣло, вредятъ душѣ, если не принадлежатъ ей собственно? И почему добровольно утѣшаетъ тѣло, но возвращается душу?

Отвѣтъ. Не примѣчаешь ли, какъ то, что внѣ естества, вредитъ ему? Ибо каждое естество неполняется веселія, приблизившись къ тому, что ему принадлежитъ. Но ты желаешь знать, что есть собственнаго у каждаго изъ сихъ естествъ? Примѣчай: что способствуетъ естеству, то есть его собственное; а что вредитъ, то есть чуждое и отъиъ пришедшее. Итакъ, послѣду дознано, что страсти

тѣла и души оди́ други́мъ противоположны, то уже все, сколько-нибудь спомоществующее тѣлу и доставляющее ему отдохновеніе, есть его собственное (з). Но когда сдружилась съ чѣмъ душа, не говорится, что это ей естественно; ибо что составляетъ собственность души, то — смерть для тѣла. Впрочемъ, въ несобственномъ смыслѣ, сказанное выше приписывается душѣ; и душа, по немощи тѣла, пока поситъ на себѣ оное, не можетъ отъ сего освободиться; потому что естественно вступила въ общеніе съ скорбнымъ для тѣла, по причинѣ того единенія, какое неостижимою премудростію установлено между движеніемъ души и движеніемъ тѣла. Но хотя и въ такомъ они взаимномъ общеніи, однакоже отличны и движеніе отъ движенія, и воля отъ воли, а также и тѣло отъ духа. Впрочемъ, естество не перешагивается; напротивъ того, каждое изъ естествъ, хотя и крайне уклоняется, въ грѣхъ ли то, или въ добродѣтель, однакоже приводится въ движеніе собственною своею волею. И когда душа возвысится надъ пошеченіемъ о тѣлѣ; тогда вся всецѣло цвѣтетъ духомъ въ движеніяхъ своихъ, и среди неба носится въ неостижимомъ. Впрочемъ, и въ этомъ состояніи не позволяетъ, чтобы тѣло не помяло своего собственного. И также, если тѣло оказывается во грѣхахъ, душевныя помышленія не престають источаться въ умъ.

Вопросъ. Что такое чистота ума?

Отвѣтъ. Чистъ умомъ не тотъ, кто не знаетъ

(з) Слово *есть его собственное* въ греческ. изд. лѣтъ, дополнены же они изъ древней славянской рукописи.

зла (ибо такой будетъ скотоподобнымъ), не тотъ, кто по естеству находится въ состояніи младенческаго, не тотъ, кто лицемеритъ. Но вотъ чистота ума — просвѣщеніе божественнымъ, но дѣятельно въ упражненіи въ добродѣтеляхъ. И не смѣемъ сказать, чтобы приобрѣлъ сіе кто безъ искушенія помысловъ, какъ не облеченный тѣломъ. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо, и не терпѣло вреда. Искушеніемъ же помысловъ называю не то, чтобы подниматься имъ, но чтобы положить начало борьбѣ съ нимъ.

Перечисленіе движеній въ помыслахъ.

Движеніе помысловъ въ человѣкѣ бываетъ отъ четырехъ причинъ: во-первыхъ, отъ естественной плотской волн; во-вторыхъ, отъ чувственаго представленія мірскихъ предметовъ, о какихъ человѣкъ слышитъ, и какіе видитъ; въ-третьихъ, отъ предзанятыхъ понятій и отъ душевной склоности, какія человѣкъ имѣетъ въ умѣ; въ-четвертыхъ, отъ прираженія бѣсовъ, которые воюютъ съ нами, вовлекая во всѣ страсти, но сказаннымъ прежде причинамъ. Поэтому, человѣкъ даже до смерти, пока онъ въ жизни этой плоти, не можетъ не имѣть помысловъ и брани. Ибо, разуди самъ, возможно ли, чтобы прежде пещества человѣка изъ міра, и прежде смерти, пришла въ бездѣйствіе которая-либо одна изъ сихъ четырехъ причинъ? или возможно ли тѣлу не домогаться необходимаго и не быть вынужденнымъ пожелать чего-либо мірскаго? Если же неуместно-представлять себѣ что-либо подобное, потому что естество имѣетъ нужду въ такихъ вещахъ: то зна-

читать уже, что страсти дѣйствуютъ во всякомъ, кто поситъ на себя тѣло, хочетъ ли онъ того, или не хочетъ. Поэтому, всякому человеку, какъ посвященному на себя тѣло, необходимо охранять себя не отъ одной какой-либо страсти, явно и непрестанно въ немъ дѣйствующей, и не отъ двухъ, но отъ многихъ страстей. Побѣдившіе въ себѣ страсти добродѣтелими, хотя и бываютъ тревожимы помыслами и прираженіемъ четырехъ оныхъ причинъ, однакоже не уступаютъ надъ собою побѣды, потому что имѣютъ силу, и умъ ихъ восторгается къ бланцамъ и божественнымъ памятованіямъ.

Вопросъ. Чѣмъ разнится чистота ума отъ чистоты сердца?

Отвѣтъ. Иное есть чистота ума, а иное—чистота сердца. Ибо умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себя, и держитъ въ своей власти, внутреннія чувства. Оно есть корень. Но если корень святъ, то и вѣтви святы; т. е., если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію божественныхъ Писаній, или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ; то забудетъ прежнее свое житіе, и достигнетъ чистоты, какъ-скоро удалится отъ сквернаго поведенія; однакоже не будетъ имѣть постоянной чистоты; потому что скоро онъ очищается, но скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всемъ, что въ мірѣ мірскаго, и умерщвленіемъ себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты; то чистота его не сквернится чѣмъ-либо

малымъ, не боится великихъ, явныхъ браней, разумью брани страшныя; потому что приобрѣло себѣ крѣпкій желудокъ, который можетъ скоро переварить всякую пищу, несваримую въ людяхъ немощныхъ. Ибо врачи говорятъ, что всякая мясная пища неудобоварима, но много силы сообщаетъ тѣламъ здоровымъ, когда пріемлетъ ее крѣпкій желудокъ. Такъ, всякая чистота, приобретенная скоро, въ короткое время и съ малымъ трудомъ, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительнымъ временемъ, не страшится какого-либо непревышающаго мѣру приращенія къ которой-либо изъ частей души, потому что укрѣпляетъ душу Богъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5.

О ЧУВСТВАХЪ, А ВЪЗЪСТЪ И ОБЪ ИСКУШЕНІЯХЪ.

Чувства цѣломудренныя и собранныя во едино пораждаютъ въ душѣ миръ, и не допускаютъ ей входить въ испытаніе вещей. А когда душа не пріемлетъ въ себя оцущенія вещей, тогда побѣда совершается безъ борьбы. Если же человекъ вознерадитъ, и дозволитъ, чтобы имѣли къ нему доступъ приращенія; то принужденъ тогда бываетъ выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бываетъ весьма проста и ровна. Ибо по се-

му перадышо большая часть людей, или и цѣлый мѣръ, выходягь изъ естественнаго и чистаго состоянїя. Поэтому, живущіе въ мѣръ, въ тѣсныхъ связяхъ съ мѣрскими людьми, не могутъ очистить ума, по той причинѣ, что много познали пороковъ. Темногіе же въ состоянїи возвратиться къ первоначальной чистотѣ ума. Потому, всякому человеку надлежитъ съ осторожностію соблюдать всегда чувства свои и умъ отъ прираженій. Ибо много потребно трезвости, неусынности, предусмотрительности.

Великая простота бываетъ удобопревратна (п). Человѣческой природѣ, чтобы хранить предѣлы послушанія Богу, погребенъ страхъ. Любовь къ Богу возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ дѣланію добродѣтелей, а смѣхъ увлекается въ благоговѣніе. Духовное видѣніе, по природѣ своей, позднѣе дѣланія добродѣтелей. Тому же и другому предшествуютъ страхъ и любовь. И оиать, любви предшествуетъ страхъ. Всякій, кто не стыдится говорить, что можно прїобрѣсти послѣднїя безъ дѣланія первыхъ (і), несомнѣнно полагаетъ первое основаніе гибели для души своей. Таковъ нуть Господень, что послѣднїя раждаются отъ первыхъ.

Любви къ брату твоему не замѣнїи любовью къ какой-либо вещи; потому что братъ твой тайно прїобрѣтъ внутри себя Того, Кто всего драгоцѣннѣе. Оставь малое, чтобъ обрѣсти великое. Презирай пз-

(п) *Εὐφροσύνη* согл. съ слав. рук. и съ перев. Паисія, а не *Εὐφροσύνη*, какъ въ печ. греч.

(і) т. е. видѣніе и дѣланіе добродѣтелей безъ любви и страха.

лишнее и малоеценное, чтобъ обрѣсти многоценное. Будь мертвъ въ жизни своей, чтобъ жить по смерти. Предай себя на то, чтобъ умереть въ подвигахъ, и не жить въ нерадѣнн. Ибо не тѣ только мученики, которые пріяли смерть за вѣру во Христа, но и тѣ, которые умирають за соблюденіе заповѣдей Христовыхъ. Не будь несмысленъ въ прошеніяхъ своихъ, чтобъ не оскорбить тебѣ Бога малостію своего вѣдѣнія. Будь мудръ въ своихъ молитвахъ, чтобъ сподобиться тебѣ славы. Проси досточестнаго у Дающаго безъ зависти, чтобъ за мудрое свое хотѣніе пріять отъ Него и почесть. Премудрости просиль себя Соломонъ, и послыку у великаго Царя просиль премудраго, то естъ премудростію пріять и царство земное. Елисей просиль въ сугубой мѣрѣ той благодати Духа, какую имѣлъ Учитель, и прошеніе его не осталось неисполненнымъ. Ибо кто у царя домогается маловажнаго, тотъ унижаетъ его честь. Израиль просиль маловажнаго, и постигъ его гнѣвъ Божій. Оставилъ онъ то, чтобъ въ дѣлахъ Божіихъ дивиться страшнымъ чудесамъ Божіимъ, и домогался удовлетворить похотѣніямъ чрева своего. Но еще брашну сушу во устьяхъ ихъ, и гнѣвъ Божій взиде на ны (Псал. 77, 30. 31.). Приносн Богу прошенія свои сообразно съ Его славою, чтобъ возвеличилось предъ Нимъ достоинство твое, и возрадовался Онъ о тебѣ. Если кто попроситъ у царя нѣсколько гроя; то не только самъ себя обезчеститъ маловажностію своей просьбы, какъ показавшій тѣмъ великое невѣжество, но и царю своею просьбою нанесетъ оскорбленіе. Такъ поступають и тоть, кто въ молитвахъ своихъ у Бога проситъ

земныхъ благъ. Ибо вотъ Ангелы и Архангелы—снѣ вельможи Царя, во время молитвы твоей, устремляютъ на тебя вниманіе, съ какимъ прошеніемъ обратишься къ Владыкѣ ихъ; и изумляются и радуются, когда видятъ, что ты—земный оставилъ плоть свою, и просишь небеснаго; а напротивъ того, огорчаются, смотря на того, кто оставилъ небесное, и просить своего гноя.

Не проси у Бога того, что самъ Онъ безъ прошенія дастъ намъ по Своему промышленію, и дастъ не только Своимъ и возлюбленнымъ, но и тѣмъ, которые чужды вѣдѣнія о Немъ. Ибо сказано: не будьте, *якоже язычницы, лишше глаголющими въ молитвахъ своихъ* (Матѣ. 6, 7.). Это есть тѣлесное, и сихъ *языцы ищутъ*, сказалъ Господь. Вы же *не пецѣтесе, что ясте, или что пѣте, или во что облечетесе. Вѣсть бо Отець вашъ, что имѣете въ этомъ пужду* (Матѣ. 6, 25. 32.). Сынъ у отца своего не проситъ уже хлѣба, но домогается наибольшаго и высшаго въ дому отца своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповѣдалъ просить ежедневнаго хлѣба. Но смотри, что заповѣдано тѣмъ, которые совершенны вѣдѣніемъ и здравы душею. Имъ сказано: не нежитесь о пищу или одеждѣ; потому что, если Богъ печется о безсловесныхъ животныхъ, о птицахъ и о тваряхъ неодушевленныхъ, то кольми паче попечется о васъ: *ищите же паче царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33.).

Если просишь чего у Бога, и Онъ медлитъ услышать тебя вскорѣ; не печалься, потому что ты не премудръ Бога. Бываетъ же сіе съ тобою, или по-

тому что недостойны ты получить просимое; или потому что пути сердца твоего не соотвѣтственны, но противны, прошеніямъ твоимъ; или потому что не пришелъ ты еще въ мѣру, чтобы пріять дарованіе, котораго просишь. Ибо не должно намъ прежде времени касаться великихъ мѣръ, чтобы дарованіе Божіе, отъ скорости пріятія онаго, не сдѣлалось бесполезнымъ; потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, пріобрѣтенное съ болѣзнію сердечною, и хранится съ осторожностію.

Терпи жажду ради Христа, да упоитъ тебя Своєю любовію. Смыжи очи свои для житейскихъ пріятностей, да сподобитъ тебя Богъ, чтобы миръ Его царствовалъ въ сердцѣ твоёмъ. Воздерживайся отъ того, что видятъ очи твои, да сподобишься духовной радости. Если неудобны будутъ Богу дѣла твои; не домогайся у Него прославленія, чтобы не уподобиться человеку, искушающему Бога. Сообразна съ житіемъ твоимъ должна быть и молитва твоя. Ибо тому, кто привязанъ къ земному, невозможно домогаться небеснаго, и тому, кто занятъ мірскими, нѣтъ возможности просить божественнаго; потому что пожеланіе каждаго человека показывается дѣлами его; въ чемъ показываетъ онъ свое раченіе, о томъ подвизается въ молитвѣ. Кто желаетъ великаго, тотъ не бываетъ занятъ маловажнымъ.

Будь свободенъ, хотя и связанъ ты тѣломъ, и ради Христа докажи свободу своего послушанія. Будь и благоразсудителенъ въ простотѣ твоей, чтобы не быть тебѣ окраденнымъ. Возлюби смиреніе во всѣхъ дѣлахъ своихъ, чтобы избавиться отъ неприятныхъ сътей, какія всегда находятся въ пути

смиреномудренныхъ. Не отказывайся отъ скорбей, потому что ими входишь въ познаніе истины; и не устрашайся искушеній, потому что чрезъ нихъ обрѣтаешь досточестное. Молись, чтобы не впадать въ искушенія душевныя, а къ искушеніямъ тѣлеснымъ приуготовляйся со всею крѣпостію своею. Ибо вне ихъ не возможешь приблизиться къ Богу; потому что среди нихъ уготованъ божественный покой. Кто бѣжитъ отъ искушеній, тотъ бѣжитъ отъ добродѣтели. Разумно же искушеніе не пожеланій, но скорбей.

Вопросъ. Какъ согласуется между собою сказанное: *молитесь, да не увидите въ напасть* (Матѳ. 26, 41.), а въ другомъ мѣстѣ: *подвизайтесь вйти сквозь тѣсныя врата* (Лук. 13, 24.); и еще: *не бойтесь отъ убивающихъ тѣло* (Матѳ. 10, 28.); и: *иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (39.)? Почему Господь вездѣ побуждаетъ насъ къ перенесенію искушеній, а здѣсь повелѣлъ: *молитесь, да не увидите въ напасть*? Ибо какая добродѣтель бываетъ безъ скорби и искушенія? Или какое искушеніе больше сего—погубитъ челоуѣку себя самого? Однакоже Господь повелѣлъ подвергаться сему искушенію ради Его. Ибо говорятъ: *иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, несть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 32.). Почему же, во всемъ Своемъ ученіи повелѣвая подвергаться искушеніямъ, здѣсь заповѣдалъ молиться о томъ, чтобы не вйти? Ибо сказано: *многими скорбми подобаетъ вамъ вйти въ царствіе небесное* (Дѣян. 14, 22.); и: *въ мѣръ скорбни будете* (Іоан. 16, 33.); и: *въ тершннн снхъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 15.).

О, какой тонкости ума требуетъ путь ученій твоихъ, Господи! Всегда будетъ вѣгъ его тотъ, кто не читаетъ смысленно и съ вѣдѣніемъ. Когда сыны Зеведеовы и мать ихъ пожелали съдѣнія съ Тобою въ царствіи, сказалъ Ты имъ слѣдующее: *можете ли пити чашу, юже Азъ имамъ пити, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися* (Матѳ. 20, 22.)? Почему же здѣсь повелѣваешь намъ, Владыка, молиться о томъ, чтобы *не внити въ папастъ*? О какихъ искушеніяхъ повелѣваешь намъ молиться, чтобы *не внити въ нихъ*?

Отвѣтъ. Сказано: молись, чтобы *не внити* въ искушенія касательно вѣры. Молись, чтобы вмѣстѣ съ демономъ хулы и гордыни *не внити* въ искушенія самоувѣніемъ ума твоего. Молись, чтобы, по Божію попущенію, *не внити* тебѣ въ явное діавольское искушеніе, по причинѣ худыхъ мыслей, какія помыслилъ ты умомъ своимъ, и за которыя попускается на тебя искушеніе. Молись, чтобы не отступилъ отъ тебя Ангелъ цѣломудрія твоего, чтобы грѣхъ не воздвигъ на тебя пламенѣющей брани, и не разлучилъ тебя съ нимъ. Молись, чтобы *не внити* въ искушеніе—раздражать одного противъ другаго, или въ искушеніе двоедунія и сомнѣнія, которыми душа вводится въ великое бореніе. А искушенія тѣлесныя приуготовляйся принимать отъ всей души, и преплывай ихъ всеми своими членами; и очи свои наполни слезами, чтобы не отступилъ отъ тебя Хранитель твой. Ибо въ искушеній не усматривается Промыслъ Божій, невозможно пріобрѣсти дерзновенія предъ Богомъ, невозможно научиться премудрости Духа, нѣтъ также возможности, чтобы

божественная любовь утвердилась въ душѣ твоей. Прежде искушеній чловѣкъ молится Богу, какъ чужой кто. Когда же входитъ въ искушенія по любви къ Богу, и не допускаетъ въ себя измѣненія; тогда поставляется предъ Богомъ, какбы публюцій Его должникомъ своимъ, и какъ искренній другъ; потому что, во исполненіе воли Божіей, велъ брань съ врагомъ Божиимъ, и побѣдилъ его. Вотъ что значитъ сказанное: *молитесь, да не увидите въ напасть*. И еще: *молись, чтобы въ странное дѣвольское искушеніе не вниги тебѣ за кичливость твою; но за любовь твою къ Богу да содѣйствуетъ тебѣ сила Божія, и тобою побѣдитъ враговъ своихъ*. Молись, чтобы въ искушенія сн не вниги тебѣ за порочность помысловъ и дѣлъ твоихъ; но да искусятся любовь твоя къ Богу, и прославится сила Его въ терпѣніи твоёмъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 6.

О милосердіи Владыки, по которому съ высоты величія Своего снизошелъ къ немощи чловѣческой, и объ искушеніяхъ.

И еще Господь нашъ, промышляя сообразно съ Своею милостію и по мѣрѣ благодати Своей, если вникнешь смысленно, повелѣлъ молиться и о тѣлесныхъ искушеніяхъ. Ибо, зная, что естество наше, по причинѣ перстнаго и брennaго тѣла, немощно, и не въ состояніи противостать искушеніямъ, когда

бываетъ въ нихъ, и потому отпадаетъ отъ истины, обращаетъ хребтъ и одолевается скорбями; повелѣлъ молиться, чтобы не впасть намъ въ искушенія внезапно, если и безъ нихъ возможно благоугодить Богу. А если человекъ, стремясь къ высокой добродѣтели, внезапно впадетъ въ страшныя искушенія, и не выдержитъ; то не можетъ онъ въ это время дойти до совершенства въ добродѣтели.

Не надлежитъ намъ имѣть лицепріятія ни къ себѣ самимъ, ни къ другимъ, изъ страха оставлять дѣло благородное и честное, въ которомъ сокрыта жизнь души, и выставлять предлоги и ученія, потворствующія слабости, напримѣръ сіе: *молитесь, да не внидите въ папасть*. Ибо о такихъ сказано, что они ради заповѣди грѣшатъ втайнѣ. Посему, если приключится человеку, и постигнетъ его, искушеніе, и понуждаемъ онъ будетъ нарушить одну изъ сихъ Моихъ заповѣдей, то-есть, оставить целомудріе или иноческое житіе, или отречься отъ вѣры, или не подвижаться за Христа, или оставить безъ исполненія одну изъ заповѣдей; то ежели онъ убоится и не противостанетъ искушеніямъ мужественно,—отпадетъ отъ истины.

Отнынѣ уже всѣмъ силами будемъ пренебрегать тѣломъ, предадимъ душу Богу, и о имени Господнемъ вступимъ въ борьбу съ искушеніями. И Кто спасъ Іосифа въ землѣ египетской, показалъ въ немъ подобіе и образецъ целомудрія, Кто сохранилъ невредными Давида во рвѣ львиномъ, и трехъ юношей въ печи огненной, Кто избавилъ Іеремію изъ рва тиняго, и даровалъ ему милость въ станѣ халдейскомъ, Кто Петра извелъ изъ узаница при за-

творенныхъ дверяхъ, и Павла спастъ отъ соимща іудейскаго, короче сказать, Кто всегда на всякомъ мѣстѣ, во всякой странѣ соприсущъ рабамъ Своимъ, и являетъ въ нихъ силу и побѣду Свою, соблюдаетъ ихъ во многихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, показываетъ имъ спасеніе Свое во всѣхъ скорбяхъ ихъ, Тотъ и насъ да укрѣпитъ и да спасетъ среди окружающихъ насъ волнъ! Аминь.

Да будеть въ душахъ нашихъ столько же ревности противъ діавола и его приставниковъ, сколько имѣли Маккавей, и святые Пророки, и Апостолы, и Мученики, и Преподобные, и Праведные, которые установили божественные законы и духовныя заповѣди въ странахъ страшныхъ, при искушеніяхъ самыхъ трудныхъ, и мѣръ и тѣло повергли позади себя, и устояли въ правдѣ своей, не уступивъ надъ собою побѣды опасностямъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ душами окружали и тѣла, но побѣдивъ ихъ мужественно. Имена ихъ написаны въ книгѣ жизни даже до пришествія Христова, и ученіе ихъ, по Божію повелѣнію, соблюдается для нашего наставленія и укрѣпленія, какъ свидѣтельствуеть Апостоль (Рим. 15, 4.), чтобы мы стали мудрыми, и познали пути Божіи, и имѣли у себя предъ очами сказанія о нихъ и житія ихъ, какъ одушевленные и живые образы, ихъ брали себѣ за образецъ, шествовали ихъ путемъ, и имъ уподоблялись. О, какъ сладостны божественныя словеса души благосмысленной! Они то-же для души, что для тѣла лица, поддерживающая его. Сказанія же о праведныхъ такъ-же возделанны слуху кроткихъ, какъ и постоянное орошеніе недавно насажденному растенію.

Итакъ, возлюбленный, какъ доброе нѣкое врачество для слабыхъ глазъ, содержи въ умѣ Промысль Божію, которыми охраиается все отъ начала и донынѣ; памятованіе о семъ храни въ себѣ на всякій часъ, о семъ размышляй и заботься, изъ сего извлекай для себя наставленія, чтобы навикнуть тебѣ хранить въ душѣ своей памятованіе о величій чести Божіей, и обрѣсти душѣ своей вѣчную жизнь во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Который, какъ Богъ и человекъ, содѣлался Ходатаемъ Бога и человекъ. Къ славу, окружающую престолъ чести Его, не могутъ приближаться чины Ангельскіе; но ради насъ явился Онъ въ униженномъ и смиренномъ образѣ, какъ говоритъ Исаія: *видѣхомъ Его, и не имаше вида, ни доброты* (Ис. 53, 2.). Тотъ, Кто по естеству свидѣтъ всей твари, облекся въ тѣло, и совершилъ домостроительство для спасенія и жизни всѣхъ народовъ, въ Немъ обрѣтшихъ очищеніе. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 7.

О грѣхахъ произвольныхъ, непроизвольныхъ и совершаемыхъ по какому-нибудь случаю.

Есть грѣхъ, совершаемый по немощи, въ который человекъ увлекается непроизвольно; и есть грѣхъ, совершаемый произвольно и по невѣдѣнію. Бываетъ также, что иной сдѣлаетъ грѣхъ по какому-нибудь случаю, и еще, по долгому пребыванію и закоснѣнію

во зль. Вотъ всѣ роды и виды грѣховъ; и хотя всѣ они достойны порицанія, однакоже, по сравненіи положенныхъ за грѣхи наказаній, оказывается, что одинъ больше другаго. На много падаетъ наибольшее осужденіе, и съ трудомъ пріемлется отъ него покаяніе, а грѣхъ много близокъ къ прощенію. И какъ Адамъ, Ева и змій, хотя всѣ пріями отъ Бога воздаяніе за грѣхъ, однакоже весьма въ различной мѣрѣ подверглись проклятію: такъ бываетъ и съ сынами ихъ. Каждому тяжесть наказанія соразмѣряется съ намѣреніемъ его и пристрастіемъ ко грѣху. Если кто, не имѣя желанія служить грѣху, по нерадѣнію о добродѣтели увлекается въ грѣхъ, потому что не упражнялся въ добродѣтели; то тяжело такому пребывать во грѣхъ; да и наказаніе его тяжело. А если случится, что иной радѣющій о добродѣтели искушенъ будетъ какимъ-либо прегрѣшеніемъ; то, безъ сомнѣнія, близка къ нему милость, чтобы загладить его грѣхъ.

Инаковъ есть грѣхъ, совершасмый, когда человекъ оказывается радѣющимъ о добродѣтели и постояннымъ въ дѣланіи, такъ-что и ночью не спитъ, заботясь, чтобы не потерпѣть ущерба въ томъ, о чемъ у него попеченіе, и днемъ всюду носить съ собою бремя свое, и вся забота его о добродѣтели, но при сихъ и подобныхъ симъ попеченіяхъ, или по невѣдѣнію какому, или отъ какихъ-либо препятствій на пути его, т. е., на пути добродѣтели, и отъ волнъ во всякое время воздымающихся въ членахъ его, или въ слѣдствіе уклоненія, поущеннаго ему для испытанія его свободы, въсовая чаша у него склоняется нѣсколько влево, и тѣлесною немоцію

увлекается онъ въ одинъ изъ видовъ грѣха; и при этомъ скорбитъ, тужить, болѣзненно вздыхаетъ онъ о душѣ своей, по причинѣ бѣдствія, приключившагося ему отъ сопротивныхъ.

Инаковъ же грѣхъ, когда человекъ оказывается слабымъ и нерадивымъ въ дѣланіи добродѣтели, совершенно оставилъ путь ея, рабски стремится въ послушаніе всякому грѣховному наслажденію, оказываетъ рвеніе изыскивать средства къ полнѣйшему наслажденію, подобно какому-нибудь рабу, готовъ со тщаніемъ выполнить волю врага своего и члены свои уготовить въ оружіе діаволу со всякимъ ему послушаніемъ, нимало не намѣренъ подумать о покаяніи, приблизиться къ добродѣтели, пресѣчь зло и положить конецъ пагубному пути своему.

Инаковъ грѣхъ отъ понозливостей и паденій, какія могутъ приключиться на пути добродѣтели и на стезь правды. Ибо, по словамъ Отцевъ, на пути добродѣтели и на стезь правды встрѣчаются паденія, препятствія, принужденія и тому подобное.

Иное же дѣло—паденіе души, всецѣлая ея гибель, совершенное оставленіе. Кто явно принадлежитъ къ числу таковыхъ, тотъ, когда падеть, да не забываетъ любви Отца своего; по если приключится ему впасть и въ многоразличныя прегрѣшенія, да не перестаетъ радѣть о добрѣ, да не останавливается въ своемъ теченіи; но и побѣждаемый снова да возстанетъ на борьбу съ своими сопротивниками, и ежедневно да начинаеть полагать основаніе разрушенному зданію, до самаго исхода своего изъ міра сего нмѣя во устахъ Пророческое слово: *не радуйся о мнѣ противникъ мой яко падохъ*; ибо снова воз-

стану. *Аще слду во тмь, Господь озаритъ мя* (Мих. 7, 8.); и нимало да не прекращаетъ брани до самой смерти и пока есть въ немъ дыханіе, да не предастъ души своей на одолженіе, даже и во время самаго пораженія. Но если и каждый день разбивается ладія его, и тернитъ крушеніе весь грузъ, да не перестаетъ заботиться, запасаться, даже брать въ займы, переходить на другіе корабли и плыть съ упованіемъ, пока Господь, призвавъ на подвигъ его и умиосердившись надъ сокрушеніемъ его, не испослетъ ему милость Свою, и не дастъ ему спланныхъ побужденій встрѣтить и вытерпѣть разжженные стрѣлы врага. Такова премудрость, подаваемая отъ Бога; таковъ мудрый больной, не теряющій надежды своей. Лучше быть намъ осужденными за нѣкоторыя дѣла, а не за оставленіе всего. Посему-то авва Мартиніанъ увѣщаетъ не изнемогать отъ множества подвиговъ, отъ многоразличныхъ и частыхъ браней на пути правды, не возвращаться вспять и не уступать врагу победы надъ собою какимъ-либо постыднымъ для насъ образомъ. Пбо, какъ нѣкій чадолобивый отецъ, въ чинномъ и стройномъ порядкѣ, говоритъ слѣдующее: «если вы, чада, дѣйствительно подвижники, стремящіеся къ добродѣтели, и есть въ васъ душевное раченіе; то возжелайте умъ вашъ представить Христу чистымъ, и дѣлать дѣла Ему благоудныя. Пбо непременно должно вамъ выдержать за сіе всякую брань, воздвигаемую естественными страстями, противленіемъ міра сего, постоянною и непрекращающеюся злобою демоновъ, съ какою обыкновенно нападаютъ на васъ, и со всѣми ихъ злоумищеніями. Не бойтесь, что

жестокость брани непрерывна и продолжительна; не приходите въ колебаніе отъ долговременности борьбы; не ослабѣвайте и не трясните отъ вражескихъ ошолченій; не впадайте въ бездну безнадежности, сслп, можетъ быть, и приклучится вамъ на время понолзнуться и согрѣшнть. Но если и потершите что-нибудь въ сей великой брани, будете поражены въ лице и уязвлены; сіе нмало да не воспрпятствуетъ вамъ стремнться къ доброй вашей цѣли. Паче же пребывайте въ избранномъ вами дѣланіи, и достигайте сего вождельнаго и похвальнаго конца, т. е., чтобъ оказаться въ брани твердыми, испобѣжденными, обогренными кровію язвъ своихъ, и никакимъ образомъ не прекращайте борьбы съ своими сопротивниками».

Таковы поученія великаго старца. Не надобно вамъ ослабѣвать или изнемогать по причину сказаннаго выше. Горе же тому монаху, который лжетъ обѣту своему, и, поширая совѣсть свою, подастъ руку діаволу, чтобы тотъ похвалился вовлеченіемъ его въ какой-либо родъ малыхъ или великихъ грѣховъ, и который не можетъ снова стать предъ лицомъ враговъ своихъ сокрушенною частию души своей. Съ какимъ лицемъ предстанеть онъ Судіи, когда, достигнувъ чистоты, друзья его срѣтятъ другъ друга, — тѣ самые, съ которыми разлучившись въ пути своемъ, пошелъ онъ стезею погнбелн, утратилъ и то дерзновеніе, какое имѣють предъ Богомъ преподобные, и ту молитву, которая исходитъ изъ чистаго сердца, возносится горѣ превыше ангельскихъ силъ, и ничѣмъ не возбраняется, пока не получитъ проснмаго въ ней, и съ радостію не возвратится въ возсылавшія

ее уста? И страшнѣе всего то, что, какъ здѣсь онъ разлучился съ шими въ пути своемъ, такъ и его разлучить съ шими Христосъ въ тотъ день, когда свѣтлый облакъ понесетъ на хребтѣ своемъ тѣла, сіяющія чистотою, и поставитъ во вратахъ небесныхъ. Ибо по тому самому, что здѣсь уже осуждены дѣла ихъ, *не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ советъ праведныхъ*, въ воскресеніе суда (Пс. 1, 7.).

С Л О В О 8.

О храненіи и блюденіи себя отъ людей разслабленныхъ и нерадивыхъ, о томъ, что отъ сближенія съ шими воцаряется въ чловѣкѣ нерадѣніе и разслабленіе, и онъ исполняется всякой нечистой страсти,— и о храненіи себя отъ близости съ юными, чтобы умъ не осквернился нецотрѣбными помыслами.

—

Кто возбраняетъ устами своимъ нересуждать; тотъ хранитъ сердце свое отъ страстей. А кто хранитъ сердце свое отъ страстей; тотъ ежечасно зрѣтъ Господа. У кого помышленіе всегда о Богѣ; тотъ прогоняетъ отъ себя демоновъ, и искореняетъ сѣмя ихъ злобы. Кто ежечасно назираетъ за своею душою; у того сердце возвеселяется откровеніями. Кто зрѣніе ума своего сосредоточиваетъ внутри себя самого; тотъ зрѣтъ въ себѣ духовную зарю. Кто возгнушался всякимъ пареніемъ ума; тотъ зрѣтъ Владыку своего внутри сердца своего. Если любишь чистоту, при

которой можетъ быть зримъ Владыка всяческихъ; то никого не осуждай и не слушай того, кто осуждаетъ брата своего. Если другіе препираются при тебѣ, закрой уши свои, и бѣги оттуда, чтобы не услышать тебѣ выраженій гнѣвныхъ, и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмѣщаетъ въ себѣ тайнъ Божіихъ; а кроткій и смиренномудрый есть источникъ тайнъ новаго вѣка.

Вотъ, если будешь чистъ, то внутри тебя небо, и въ себѣ самомъ узришь Ангеловъ и свѣтъ ихъ, а съ ними и въ нихъ и Владыку ангеловъ. Кого хвалятъ справедливо, тотъ не терпитъ вреда. Но если усладительна для него похвала; то безмездный онъ дѣлатель. Сокровище смиренномудраго внутри его, и это—Господь. Наблюдающій за языкомъ своимъ во вѣкъ не будетъ имъ ограденъ. Уста молчаливыя истолковываютъ тайны Божіи; а скорый на слова удалится отъ Создателя своего. Душа добраго сіяетъ паче солнца, и ежечасно возвеселяется видѣніемъ божественныхъ откровеній. Кто послѣдуетъ любящему Бога, тотъ обогатится тайнами Божіими; а кто послѣдуетъ несправедному и горделивому, тотъ удалится отъ Бога, и возненавидѣтъ будетъ друзьями своими. Молчаливый языкомъ во всей наружности своей пріобрѣтаетъ смиренномудрую чинность, и онъ безъ труда возобладаетъ надъ страстями. Страсти искореняются и обращаются въ бѣгство непрерывнымъ погруженіемъ мысли въ Бога. Это—мечъ умерщвляющій ихъ. Какъ при безмолвной тишинѣ чувственного моря носится и плаваетъ дельфинъ: такъ и при безмолвіи и утишеніи раздражи-

тельности и гибва въ морѣ сердечномъ , во всякое время, къ веселію сердца, посятся въ немъ тайны и божественныя откровенія.

Кто желаетъ видѣть Господа внутри себя; тотъ прилагаетъ усиліе ошпцать сердце свое непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ ; и такимъ образомъ, при свѣтлости очей ума своего, ежечасно будетъ онъ зрѣть Господа. Чтò бываетъ съ рыбою, вышедшею изъ воды; то бываетъ и съ умомъ, который выстунлъ изъ памятованія о Богѣ , и паритъ въ памятованіи о мѣрѣ. Сколько человекъ удаляется отъ собесѣдованія съ людьми, столько же удостоивается дерзновеннаго ума своимъ бесѣдованіемъ съ Богомъ, и въ какой мѣрѣ отсѣкаетъ отъ себя утѣшеніе міра сего, въ такой удостоивается радости Божіей о Духѣ Святомъ. И какъ гибнутъ рыбы отъ недостатка воды: такъ умныя движенія, возникающія отъ Бога, исчезаютъ въ сердцѣ монаха, который часто обращается и проводитъ время съ людьми мірскими.

Мірянинъ, бѣдствующій и злостраждущій въ дѣлахъ мірскихъ и житейскихъ, лучше злостраждущаго и съ мірянами проводящаго время монаха. Кто съ пламенною ревностію днемъ и ночью ищетъ Бога въ сердцѣ своемъ , и искореняетъ въ немъ прираженія, бывающія отъ врага ; тотъ страшенъ демонамъ и возжелѣненъ Богу и Ангеламъ Его. Учстаго душею мысленная область внутри его; сіяющее въ немъ солнце—свѣтъ Святыя Троицы; воздухъ, которымъ дышатъ обитатели области сей,— Утѣшительный и Всесвятый Духъ ; совозсѣдающіе съ нимъ—святые и безплотныя природы; а жизнь, и радость, и веселіе ихъ — Христосъ, свѣтъ отъ

свѣта—Отца. Таковъ и видѣніемъ души своей еже-
 часно увеселяется, и дивится красотѣ своей, которая
 дѣйствительно во сто кратъ блистательнѣе свѣтло-
 сти солнечной. Это—Іерусалимъ и царство Божіе,
 внутри насъ сокровенное, по Господнему слову (Лук.
 17, 21.). Область сія есть облако Божіей славы, въ
 которое только чистые сердцемъ видуютъ узрѣть лице
 своего Владыки, и озарить умы свои лучами Вла-
 дычняго свѣта.

А кто раздражителенъ, кто гнѣвливъ, кто славо-
 любивъ, кто любостяжательнъ, кто чревоугодникъ,
 кто обращается съ мірянами, кто хочетъ, чтобы
 исполняема была собственная его воля, кто вспыл-
 чивъ и исполненъ страстей, — всѣ таковыя пребы-
 ваютъ въ такомъ же смятеніи, какъ сражающіеся
 ночью, и осязаютъ тму, находясь внѣ области жизни
 и свѣта. Ибо область сія составляетъ удѣлъ доб-
 рыхъ, смиренномудрыхъ, содѣлавшихъ сердца свои
 чистыми. Человѣкъ не можетъ узрѣть красоты, ко-
 торая внутри его, пока не возгнушается всякою кра-
 сотою внѣ его, и не обезчеститъ ея. Онъ не можетъ
 возвести взора прямо къ Богу, пока не отречется
 совершенно отъ міра. Кто уничижаетъ и умаляетъ
 самого себя, того упремуритъ Господь. А кто самъ
 себя почитаетъ премудрымъ, тотъ отпадетъ отъ
 Божіей премудрости. Въ какой мѣрѣ языкъ воздер-
 живается отъ многоглаголанія, въ такой озарится
 умъ къ различенію помышленій; а многоглаголаніемъ
 приводится въ замѣшательство и самый разсудител-
 ьный умъ.

Кто обнищаетъ въ мірскомъ; тотъ обогатится въ
 Богѣ; а другъ богатыхъ обнищаетъ Богомъ. Кто

цѣломудренъ, смиренномудръ, и нушается вольностию въ словахъ, и изгналъ изъ сердца раздражительность, тотъ (увѣренъ я съ этимъ), какъ-скоро станетъ на молитву, видитъ въ душѣ своей свѣтъ Святаго Духа, и скачетъ въ блистаніяхъ озаренія свѣтомъ Его, и веселится видѣніемъ славы сего озаренія и измѣненіемъ онаго до уподобленія съ нимъ самимъ. Нѣтъ иного дѣланія, которое бы могло излагать такъ полки нечистыхъ демоновъ, какъ видѣніе въ Богѣ.

Нѣкто изъ Отцевъ повѣствовалъ мнѣ слѣдующее: «въ одинъ день сидѣлъ я, и умъ мой плѣненъ былъ видѣніемъ. А когда пришелъ я въ себя; крѣпко воздохнулъ. Стоявшій же противъ меня бѣсъ, какъ-скоро услышалъ сіе, убоился и какбы пожирасмый какою молніею, возопивъ отъ нужды и какбы гонимый къмъ, предался бѣгству».

Блаженъ, кто памятуеть о своемъ отшествіи изъ этой жизни, и воздерживается отъ привязанности къ наслажденіямъ міра сего; потому что многократно усугубленное ублаженіе приметъ во время отшествія своего, и не оскудѣетъ для него ублаженіе сіе. Онъ есть рожденный отъ Бога; и Святыи Духъ кормитель его; изъ ложа Духа сосетъ онъ животноую пищу, и къ веселію свосму обоняетъ волю Его. А кто привязанъ къ мірскимъ, къ міру и къ упокоенію его, кто любитъ бесѣдованіе съ міромъ; тотъ лишается жизни, и мнѣ нечего сказать о немъ; остается только съ воплемъ плакать неутѣшнымъ плачемъ, который сокрушитъ сердца слышащихъ оный.

Пребывающіе во тмѣ, воздвигните главы свои, да
Т. XXIII.

обарятся свѣтомъ лица ваши. Изъидите изъ-подъ власти мірскихъ страстей, да изъидеть въ срѣтеніе вамъ сущій отъ Отца Свѣтъ, и служителями тайнъ Своихъ да повелитъ разрѣшить узы ваши, чтобы по слѣдамъ Его шествовать вамъ ко Отцу. Увы! чѣмъ мы связаны, и что намъ препятствуетъ видѣть славу Его? О, еслибы расторглись узы наши и намъ, взыскавъ, обрести Бога нашего! Если хочешь знать человѣческія тайны и не достигъ еще до того, чтобы узнавать по духу, познаешь по рѣчамъ, образу жизни и распоряженіямъ cadaго, если только ты мудрецъ. Кто чистъ въ душѣ и непороченъ въ образѣ жизни; тотъ всегда съ цѣломудріемъ произноситъ словеса Духа, и сообразно съ мѣрою своего разумнѣя разсуждаетъ и о божественномъ, и о томъ, что въ немъ самомъ. А у кого сердце сокрушено страстями; у того ими же и языкъ приводится въ движеніе. Если станетъ онъ говорить и о духовномъ; то будетъ разсуждать подъ вліяніемъ страсти, чтобы въ неправдѣ одержать побѣду. Мудрый замѣчаетъ такого человѣка при первой встрѣчѣ, и чистый обоняетъ его зловоніе.

Кто душою и тѣломъ преданъ гдѣгда суетловію и пареніямъ ума, тотъ блудникъ; кто соглашается и раздѣляетъ съ нимъ занятія, тотъ прелободѣй; и кто общается съ нимъ, тотъ идолослужитель. Дружба съ юными есть блудъ, которымъ гнушается Богъ. Къ умягченію такого человѣка шѣтъ пластыря. А кто всѣхъ равно любитъ по состраданію и безразлично; тотъ достигъ совершенства. Юный, слѣдуя за юнымъ, заставляетъ разсудительныхъ плакать и рыдать о нихъ; старецъ же, слѣдуя за юнымъ, пріобрѣтаетъ

страсть, которая смрадише страсти юныхъ. Хотя бы и о добродѣтеляхъ разсуждалъ онъ съ юными, но сердце его уязвлено. Юный, если онъ смиренно-мудръ и безмолвникъ, если чистъ сердцемъ отъ ревности и раздражительности, удалится отъ всякаго чловѣка и внимателенъ къ себѣ, то скоро уразумѣваетъ страсти перадиваго старца. А если старецъ не одинаково расположенъ къ старцу и къ юному; то всѣми силами старайся съ таковымъ не имѣть общенія, но иаче, удаляйся отъ него.

Горе перадивымъ, которые притворствуютъ, и подь наружностію чистоты питають собственныя свои страсти. Кто достигъ съдннѣ въ чистотѣ помысловъ, въ добромъ житіи и въ воздержаніи языка; тотъ здѣсь еще наслаждается сладостію плода вѣдѣнія, а при отшествіи своемъ отъ тѣла пріемлетъ Божію славу. Ничто не охлаждаетъ такъ огня, вдыхаемаго въ сердце шюка Святымъ Духомъ къ освященію души, какъ обращеніе съ людьми, многоглаголаніе и всякая бесѣда, кромъ бесѣды съ чадами таинъ Божіихъ, способствующей къ приращенію вѣдѣнія Божія и къ сближенію съ Богомъ. Ибо таковая бесѣда слыише всѣхъ добродѣтелей пробуждаетъ душу къ жизни, искореняетъ страсти и усыпляетъ скверные помыслы. Не пріобрѣтай себѣ друзей и сотаинниковъ, кромъ таковыхъ (к), чтобы не положить преткновенія душъ своей и не уклониться тебѣ отъ пути Господня. Да возвеличится въ сердцѣ твоемъ любовь, соединяющая и сопрягающая тебѣ съ Богомъ, чтобы не плыла тебѣ любовь мірская,

(к) Т. е., тѣхъ, которые суть чада таинъ Божіихъ.

которой причина и конецъ — тлѣніе. Пребываніе и обращеніе съ подвижниками тѣхъ и другихъ обогащаетъ тайнами Божиими. А любовь къ перадивымъ и лѣнливымъ дѣлаетъ, что, предавшись другъ съ другомъ паренію ума, наполняютъ чрево до пресыщенія и безъ мѣры. Таковому непріятнымъ кажутся яства безъ друга его, и говоритъ оны: «горе вкушающему хлѣбъ свой въ одиночествѣ; потому что несладокъ ему будетъ». И оны приглашаютъ другъ друга на пиры, и платятъ сямъ одишь другому, какъ наемники. Прочь отъ насъ съ этою проклятою любовью, съ этимъ непріятнымъ и печестивымъ препровожденіемъ времени! Бѣгай, братъ, пріобыкшихъ къ подобнымъ дѣламъ, и никакъ не соглашайся вѣсть вмѣстѣ съ ними, хотя бы приключилась тебѣ и нужда; потому что трапеза ихъ проклята, при ней прислуживаютъ бѣсы; друзья жениха—Христа не вкушаютъ ея.

Кто часто строитъ пиры, тотъ работникъ блуднаго демона, и оскверняетъ душу смиренномудраго. Дешевый хлѣбъ съ трапезы непорочнаго очищаетъ душу ядущаго отъ всякой страсти. Воя отъ трапезы чревоугодника—обиліе яствъ и печеній. Безумный и несмысленный привлекается къ ней, какъ песь къ мясной лавкѣ. Трапеза пребывающаго всегда въ молитвѣ сладостнѣе всякаго благоуханія отъ мускуса и благовонія отъ мѣра; боголюбивый воздеваетъ оной, какъ безцѣннаго сокровища.

Съ трапезы постыщихся, пребывающихъ во бдѣніи, и трудящихся о Господѣ, замѣтуй себя врачество жизни, и возбуди отъ омертвѣнія душу свою. Ибо среди нихъ, освящая ихъ, возлежитъ Возлюб-

ленный, и горечь злостраданія ихъ претворяеть въ неисповѣдимую сладость; духовные же и небесные служители Его осѣняютъ ихъ и святые ихъ яства. И я знаю одного изъ братій, который ясно видѣлъ это собственными своими глазами.

Блаженъ, кто заградилъ себя уста отъ всякаго еластолюбія, отлучающаго его отъ Создателя. Блаженъ, кому пищею Хлѣбъ, сшедшій съ неба и даровавшій жизнь міру. Блаженъ, кто на полѣ своемъ узрѣлъ орошеніе жизни, но милосердію исходящее изъ нѣдръ Отчихъ, и къ Пему возвелъ око. Ибо, когда испіеть онаго, возвеселится и процвѣтетъ сердце его, и будетъ въ веселіи и радости. Кто въ пищу своей узрѣлъ Господа своего; тотъ укрывается отъ всѣхъ, и одинъ причащается Его, не вступая въ общеніе съ недостойными, чтобы не стать ихъ сопричастникомъ и не остаться безъ озаренія лучемъ Господнимъ. А у кого въ пищу примѣшанъ смертоносный ядъ; тотъ не можетъ вкушать ея съ пріятностію безъ друзей своихъ. Тотъ волкъ, пожирающій мертвечину, кто вступаетъ въ дружбу ради собственнаго своего чрева. Какая пенасытность у тебя, несмысленный, — хочешь наполнить чрево свое за трапезою нерадивыхъ, гдѣ душа твоя исполняется всякой страсти! Вотъ предостереженія для тѣхъ, которые могутъ обуздывать чрево.

Весьма сладостна воля постника, и встрѣча съ нимъ веселитъ сердца разсудительныхъ; а на чревоугодника отъ обращенія съ нимъ нападетъ страхъ, и онъ употребляетъ всѣ мѣры не быть съ постникомъ.

Любезенъ Богу образъ жизни воздержнаго, тогда какъ сосѣдство его весьма тяжело для любостяжа-

тельнаго. Молчаливый много восхваляется у Христа; но не будетъ приятно приближеніе его тѣмъ, которыхъ бѣсы уловилъ пристрастіемъ къ забавамъ и паренію ума. Кто не любитъ смиренномудраго и кроткаго, кромѣ горделивыхъ и злорѣчивыхъ, которые чужды его дѣланія?

Нѣкто рассказывалъ мнѣ изъ собственнаго своего опыта: «въ которые дни пишу я бесѣду съ кѣмъ-нибудь, въ тѣ създаю по три, или по четыре сухаря на день; и если стану принуждать себя къ молчѣ, то умъ мой не имѣетъ дерзновенія къ Богу, и не могу устремить къ Нему мысли. Когда же разлучусь съ собесѣдниками на безмолвіе, въ первый день принуждаю себя съѣсть полтора сухаря, во второй — одинъ, а какъ-скоро утвердится умъ мой въ безмолвіи, усиливаюсь съѣсть одинъ цѣлый сухарь, и не могу; умъ же мой непрестанно съ дерзновеніемъ бесѣдуетъ съ Богомъ, хотя и не понуждаю его къ тому, и свѣтозарность Божества не оскудѣвая осіяваетъ меня, и влечетъ меня видѣть красоту божественнаго свѣта и увеселяться ею. Если же во время безмолвія приключится кому прійти и говорить со мною хотя одинъ часъ, невозможно мнѣ тогда не прибавить нищи, не оставить чего изъ правила, не ослабѣть умомъ къ созерцанію онаго свѣта». Вотъ видите, братія мои, какъ прекрасны и полезны терзніе и уединеніе, какую силу и какое удобство доставляютъ подвижникамъ. Блаженъ, кто ради Бога пребываетъ въ безмолвіи, и одинъ ѣстъ хлѣбъ свой, потому что всегда онъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ему слава и держава нынѣ, и всегда, и во вѣки! Аминь.

СЛОВО 9.

О чинѣ и уставѣ повоначальныхъ , и о томъ , что
прилично имъ.

—

Вотъ цѣломудренный и Богу любезный чинъ — не обращать очей туда и сюда, но простирать всегда взоръ впередъ; не празднословить, но говорить только необходимо нужное; довольствоваться убогими одеждами для удовлетворенія тѣлесной потребности, пользоваться яствами, поддерживающими тѣло, а не для чревоугодія; вкушать всего понемногу, не презирать одного, а другое избирать, и этимъ однимъ охотно наполнять чрево, прочее же отметить (а). Выше всякой добродетели разсудительность. Вина же, когда пѣть съ тобою друзей, или не имѣешь болѣзни, или упадка силъ, не вкушай. Не прерывай рѣчи, когда говорить другою; и не отвѣчай, какъ невѣжда, но будь твердъ, какъ мудрецъ. И гдѣ бы ни находишься ты, почитай себя меньшимъ всѣхъ и служителемъ братій своихъ. Ни передъ кѣмъ не облажай никого члена своего; не приближайся ни къ чьему тѣлу безъ необходимой причины. Не позволяй, чтобы и къ твоему тѣлу приближался кто безъ важной, какъ сказано, причины. Уклоняйся отъ вольности въ рѣчахъ, какъ отъ смерти. И сну своему приобрати цѣломудрен-

(а) Слова: прочее же отметить дополнены изъ древняго слав. перевода.

ный чинъ, да не удалится отъ тебя охраняющая тебя сила. Гдѣ ты ни сишишь, пусть никто, если только можно, не видигъ тебя. Ни предъ кѣмъ не извергай споны. Если, когда сидишь за трапезой, найдетъ на тебя кашель; отворогн лице свое назадъ, и такъ кашлай. Ышь и пей съ цѣломудріемъ, какъ прилично чадамъ Божиимъ.

Не протягивай руки своей, чтобы съ безстыдствомъ взять что-либо изъ предложеннаго друзьямъ твоимъ. А если сидитъ съ тобою странникъ, разъ и два пригласи его вкусить, и предлагай на трапезу благочинно, а не въ беспорядкѣ. Сиди чинно и скромно, не обнажая ниодного изъ членовъ своихъ. Когда зѣвнешь, закрой уста свои, чтобы не видѣли другіе; ибо если удержишь дыханіе свое, зѣвота пройдетъ. Если входишь въ келью настоятеля, или друга, или ученика, храни очи свои; чтобы не видѣть, что тамъ есть. Если же понуждаетъ къ тому помысль, будь внимателенъ къ себѣ, не слушайся его, и не дѣлай этого. Ибо кто безстыденъ въ этомъ, тотъ чуждъ иноческаго образа и самого Христа, даровавшаго намъ сей образъ. Не обращай вниманія на тѣ мѣста, въ которыхъ спрятана утварь въ кельи товарища твоего. Тихо отвори и затвори дверь у себя и у товарища своего. Ни къ кому не входи внезапно, но, постучасъ отвѣдь и испросивъ дозволеніе, погомъ уже войди благоговѣнно.

Не будь торопливъ въ походкѣ своей безъ необходимой потребности, заставляющей послѣшнить. Всѣмъ будь послушенъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, только не слѣдуй за любостыжательными, или сребролюбцами, или мѣролюбцами, чтобы не сдѣлалось

дѣвольское дѣло. Бесѣдуй со всякимъ кротко, смотри на всякаго цѣломудренно, ничьимъ лицемъ не насыщай очей своихъ. Идя дорогою, не опереживай старшихъ тебя. А если товарищъ твой отсталъ; отойдя немного впередъ, подожди его. Кто не такъ поступаетъ, тотъ несмысленъ, и уподобляется свищѣ, которой нѣтъ закона. Если товарищъ твой начнетъ рѣчь съ кѣмъ-либо встрѣтившимся, подожди его, и не торопи. Здоровый больному пусть прежде времени скажетъ: сдѣлаемъ, что́ нужно.

Никого не обличай въ какомъ бы то ни было проступкѣ, но себя почитай во всемъ отвѣтственнымъ и виновнымъ въ прегрѣшеніи. Всякое шѣское дѣло дѣлать съ смиренномудріемъ не отказывайся, и не уклонись. Если вынужденъ засмѣяться; не выставляй наружу зубовъ своихъ. Если принужденъ говорить съ женщинами, отврати лице отъ зрѣнія ихъ, и такъ бесѣдуй съ ними. А отъ монахинь, отъ встрѣчи и разговоровъ съ ними и отъ лицезрѣнія ихъ, удаляйся, какъ отъ огня и какъ отъ свѣи дѣвольской, чтобы въ сердцѣ своемъ не остудить тебѣ любви къ Богу, и не осквернить сердца своего тиною страстей. Если онѣ и сестры тебѣ по плоти; блюдишь отъ нихъ, какъ отъ чужихъ. Остерегайся сближенія съ своими, чтобы сердце твое не охладѣло въ любви Божіей. Вольныхъ рѣчей и встрѣчь съ юными убѣгай, какъ дружбы съ дѣволомъ. Одною имѣй собесѣдника и сотоварища — того, кто боится Бога и всегда внимателенъ къ себѣ самому, бѣденъ въ хранилищѣ своей, но богатъ тайнами Божіими. Утаивай отъ всякаго свои тайны, дѣянія и брани. Ни передъ кѣмъ, кромѣ крайней нужды, не сиди съ

открытою головою (м). Съ цѣломудріемъ приступай къ исполненію необходимой пужды, какъ благоговѣющій къ хранищену тебя Ангелу, и совершай дѣло со страхомъ Божиимъ, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и неприятно было это сердцу твоему.

Лучше тебѣ принять смертоносный ядъ, нежели вѣсть вѣсть съ женщиною, хотя это будетъ матерью или сестра твоя. Лучшее тебѣ жить вѣсть съ змѣею, нежели спать и лежать подъ однимъ покровомъ вѣсть съ юнымъ, хотя будетъ это братъ твой по плоти. Если идешь дорогой, и скажетъ кто изъ старшихъ тебя: «иди, будемъ ѣсть;» послушайся его. А если не скажетъ сего; языкомъ молчи, сердцемъ же славословь Бога. Никому ни въ чемъ не противься, ни съ кѣмъ не препирайся, не лги, не клянись именемъ Господа Бога твоего. Будешь пренебрегаемъ; самъ не пренебрегай. Будешь обижаемъ; самъ не обижай. Пусть лучше гибнетъ тѣлесное вѣсть съ тѣломъ, только бы не потерпѣло вреда что-либо душевное. Ни съ кѣмъ не входи въ судъ, а осужденный, когда не долженъ ты быть судимъ, терпи. Не возлюби душою своею чего-либо мірскаго; но покорствуй правителямъ и начальствующимъ, и удерживайся отъ близкихъ сношеній съ ними; потому что это — сѣть, уловляющая несправедливыхъ въ погнѣбель.

Тебѣ, чревоугодникъ, старающійся услужить чреву своему, лучше уголь огненный ввергнуть въ утробу свою, нежели печенія правителей и па-

(м) Точнее безъ наводки (ἄνευ ἐπιφ'ελπίως).

чаествующихъ. На всѣхъ изливай милость, и во всемъ будь скромнѣе. Соблюдай себя отъ многоглаголанія. Ибо оно угашаетъ въ сердцѣ мысленныя движенія, бывающія отъ Бога. Какъ мечущагося на всѣхъ льва, бѣгай охоты учить. Не сходишь для этого ни съ питомцами Церкви, ни съ чужими. Не проходи и стогнами гнѣбныхъ или сварливыхъ, чтобы сердце твое не исполнилось раздражительности, и душою твоею не возобладала тма прелести. Не живи въѣсть съ горделивымъ, да не будетъ дѣйственность Святаго Духа отъята отъ души твоей, и да не содѣлается она жилищемъ всякой лукавой страсти. Если соблюдешь ты, человекъ, снѣ предосторожности, и будешь всегда заниматься богомыслиемъ; то душа твоя дѣйствительно узритъ въ себѣ свѣтъ Христовъ, и не омрачится во вѣки. Христу слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 10.

Сказанія святыхъ мужей, ихъ преподобныя изреченія
и чудное житіе.

—

Въ одинъ день удался я въ келью къ одному святому брату, и по немощи своей прилежъ у него на одномъ мѣстѣ, чтобы походить онъ за мною ради Бога; потому что знакомыхъ у меня никого тамъ не было. И видѣлъ я, какъ этотъ братъ встаетъ ночью прежде времени, пьетъ обычай приходитъ на правило до братій. Довольно времени онъ стихословилъ, и вдругъ на все то время, пока продолжалось это съ

нимъ, оставлялъ правило, падалъ на лице свое, и до ста или болѣе разъ съ горячностію, какую возжигала въ сердце его благодать, ударялъ головою въ землю. Послѣ сего вставалъ, лобызалъ крестъ Владычій, снова дѣлалъ поклонъ, и лобызалъ тотже крестъ, и опять повергался на лице свое. И такой обычай соблюдалъ онъ всю жизнь, такъ что невозможно изобразить мнѣ числомъ множества его коленопоклоненій. Да и кто былъ бы въ состояніи исчислить поклоны этого брата, какіе клалъ онъ каждую ночь? Разъ двадцать со страхомъ и горячностію, съ любовію, растворенною благоговѣніемъ, лобызалъ онъ крестъ, и опять начиналъ стихословіе, а иной разъ отъ великаго возгорѣнія помысловъ, распалывшихъ его горячностію своею, когда не въ силахъ былъ выносить разжженія онаго пламени, препобѣждаемый радостію, потому что не могъ удержаться, восклицалъ. По этому, много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его въ дѣль Божіемъ. По утру же, послѣ перваго часа, когда садился онъ за чтеніе, дѣлался подобенъ челоуку плънешному, и въ продолженіе каждой, читаемой имъ главы, не разъ падалъ на лице свое, и на многихъ стихахъ воздѣвалъ руки свои къ небу, и славословилъ Бога. Отъ рода же былъ ему сороковой годъ. Употреблялъ онъ и пищу въ весьма маломъ количествѣ и совершенно сухую. И поеліку сверхъ мѣры и силы дѣлалъ частыя принужденія тѣлу своему; то казался подобнымъ тѣни, почему, жалость возбуждало во мнѣ изнеможеніе лица его, такъ исхудавшаго отъ многаго неяденія, что въ немъ не было и двухъ перстовъ. И нерѣдко говаривалъ

я ему: «пожалѣй и себя, братъ, въ подвигъ своемъ, и этого добраго житія, какое приобрѣлъ ты; не спутай и не порви этого, подобнаго духовной цѣни, упражненія твоего, и изъ желанія прибавить нѣсколько труда не умаль и не останови совершенно теченія пути своего. Бѣшь въ мѣру, чтобы не лишиться возможности ѣсть (н); не простирай поги своей сверхъ силы, чтобъ не сдѣлаться вовсе неспособнымъ къ дѣлу». Былъ же онъ милостивъ, весьма скромень, и милость оказывалъ съ благодушiемъ. Чистый по врожденнымъ качествамъ, покорный увѣщанiю, мудрый по Богу, всѣми любимъ былъ за чистоту свою и за благодушiе. Съ братiею же, когда имѣли въ немъ нужду, перѣдко работалъ дня по три и по четыре; потомъ на все время, отъ вечера до вечера, уходилъ въ свою келлию; потому что искусень былъ и во всякомъ служенiи. Когда же приобрѣталъ что, хотя имѣлъ въ томъ нужду, изъ великаго уваженія своего къ большимъ и малымъ, не могъ сказать, что не имѣетъ того. Всего же чаще, когда работалъ съ братiею, дѣламъ это какбы стыдлсь, и принуждалъ себя, не находя для себя удовольствiя въ томъ, чтобы выходить изъ келлии. Таково было житiе и обращенiе онаго подлинно дивнаго брата. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

(н) Въ греч. *ἵνα μὴ πάντοτε φάγῃς*; но въ серб. и древн. слав. пер. *да всегда яси* — безъ отрицанiя.

С Л О В О 11.

О ДРЕВНЕМЪ СТАРЦѢ.

—

Въ другой разъ опять пошелъ я къ одному древнему, прекрасному и добродѣтельному старцу. Онъ весьма любилъ меня, и былъ, хотя невѣжда въ словѣ, но просвѣщенъ въ дѣиствіи и глубокъ сердцемъ, и говорилъ, что внушала ему благодать; не часто выходилъ онъ изъ своей келліи, развѣ только къ святымъ службамъ; былъ же внимателенъ къ себѣ, и жилъ въ безмолвіи. Нѣкогда сказалъ я ему: «Пришелъ мнѣ, Отецъ, помысль, пойдти въ воскресный день на церковную наперть, съѣсть тамъ, и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижилъ.» На сіе старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: «Писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ мѣрянамъ, не узритъ свѣта. А ты никому не извѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, будутъ же говорить, что монахи съ утра ядятъ; особливо же, братія здѣсь повоначальные, и немощны въ своихъ помыслахъ; многіе изъ нихъ, ииѣя вѣру къ тебѣ, и пользуясь отъ тебя, какъ-скоро увидятъ, что сдѣлалъ ты это, потерпятъ вредъ. Древніе Отцы дѣлывали такъ, но причины многихъ совершенныхъ ими чудотвореній, и по причине оказываемой имъ чести и прославленія ихъ имени, и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестию, скрыть славу житія своего, и удалить отъ себя причины къ гордышѣ. А тебя что заставляетъ поступить подобнымъ сему об-

разомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія, и такого имени, а живешь какъ и прочіе братія. Ты себя не принесешь пользы, а другому повредишь. Притомъ, такое дѣйствованіе полезно не всѣмъ, но однимъ совершеннымъ и великимъ; потому что въ этомъ есть отрѣшеніе отъ чувствъ. Достигшимъ же только среднимъ и новоначальнымъ оно вредно; потому что имѣютъ пужду въ большей предосторожности и въ подчиненіи чувствъ. Старцы уже пережили время осторожности, и извлекаютъ пользу, изъ чего только захотятъ. Ибо неопытные кунцы въ большихъ оборотахъ великіе приносятъ себѣ убытки, а въ маловажныхъ оборотахъ скоро идутъ съ усильемъ впередъ. И опять, какъ сказалъ я, всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ, что сверхъ его мѣры, тотъ ничего не приобретаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ. Если вожделѣнно тебѣ это; съ радостію терпи то безчестіе, которое по Божію смотрѣнію, а не по твоей волѣ, постигнетъ тебя, и не смущайся, не ищай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя».

Была у меня однажды еще бесѣда съ симъ благодарившимъ мужемъ, вкусившимъ плода съ древа жизни за труды, понесенные имъ съ ранней юности до вечера старости своей. И преподавъ мнѣ много уроковъ добродѣтели, говорилъ онъ еще такъ: «Всякая молитва, въ которой не утруждалось тѣло и не скорбѣло сердце, вмѣняется за одно съ недопошеннымъ плодомъ чрева, потому что такая молитва не имѣетъ въ себѣ души». И еще говорилъ мнѣ: «Че-

ловѣку лобопрительному, который хочетъ поставить на своемъ словѣ, лукавъ умомъ и безстыденъ въ чувствахъ своихъ, ничего не давай, и у него вовсе ничего не бери, чтобы тебѣ не удалить отъ себя чистоту, приобретенную съ великимъ трудомъ, и не наполнить сердца своего тмою и смущеніемъ».

С Л О В О 12.

О другомъ старцѣ.

Пошелъ я нѣкогда въ келлію къ одному изъ Отцевъ. Святой же нечасто кому отворялъ двери. По какъ-скоро увидѣлъ въ окно, что иду я, сказалъ мнѣ: «Хочешь ли войти?» и я отвѣчалъ: «да, честный Отецъ». Послѣ же того, какъ вошелъ я, сотворилъ молитву, съѣлъ, и о многомъ мы побесѣдовали, на послѣдокъ спросилъ я его: «Что мнѣ дѣлать, Отецъ? Иные приходятъ ко мнѣ, и я ничего не приобретаю, и никакой не извлекаю пользы изъ бесѣды съ ними, но стыжусь сказать имъ: не ходите. Даже препятствуютъ они мнѣ нрѣдко исправлять обычное правило, и потому скорблю». На это отвѣчалъ мнѣ блаженный оный старецъ: «Когда прійдутъ къ тебѣ таковыя любители праздности; какъ-скоро посидятъ немного, подай имъ видъ, что хочешь стать на молитву; и пришедшему скажи съ поклономъ: помолимся, братъ, потому что наступило уже для меня время правила, и не могу нарушить онаго; тяжело мнѣ дѣлается, когда хочу выполнить оное въ

другой часъ, и это бывасть для меня причиною смущенія, и безъ крайней какой-либо нужды не могу оставлять правила. А теперь нѣтъ необходимости, чтобы отмѣнена была моя молитва. И не отпущай его безъ того, чтобы не помоллся съ тобою. Если скажетъ: молись, а я пойду;—сдѣлай ему поклонъ, и скажи: любви ради сотвори со мною хотя эту одну молитву, чтобы мнѣ была польза отъ молитвы твоей. — И когда станете, продли молитву твою даже сверхъ того, какъ обыкъ ты дѣлать. Если такъ будешь поступать съ ними, какъ-скоро придутъ къ тебѣ; то, узнавъ, что не погакаешь имъ и не любишь праздности, не приближатся и къ мѣсту тому, о которомъ услышать, что ты тамъ.

Посему смотри, чтобы тебѣ изъ лицепріятія не разорить дѣла Божія. Если же встрѣтятся кто изъ Отцевъ, или утрудившійся странникъ; то побыть съ таковымъ виѣнится тебѣ вмѣсто самой длинной молитвы. Но если странникъ будетъ одинъ изъ любителей суесловія; то уснокой его по возможности, и отпусти съ миромъ».

Одинъ изъ Отцевъ сказалъ: «Дивлюсь, слыша, что нѣкоторые въ келіяхъ своихъ занимаются рукодѣліемъ, и могутъ безъ онущенія совершать правило свое, и не смущаться». Изрекъ же достойное удивленія слово: «по правдѣ сказать, если выхожу за водою, то чувствую замѣшательство въ своемъ обычаѣ и въ порядкѣ онаго, и встрѣчаю препятствіе къ усовершенію своего разсудка».

С Л О В О 13.

О' вопросъ одного брата.

—

Тотже старецъ вопрошенъ былъ однажды пѣ-
 некоторымъ братомъ: «Что мнѣ дѣлать? Нерѣдко бы-
 ваетъ у меня какая-нибудь вещь, въ которой имѣю
 надобность, или по немощи, или по дѣлу, или по
 другой какой причинѣ; и безъ этой вещи не могу
 жить въ безмолвіи, но вижу, что кто-нибудь имѣеть
 въ ней нужду, и преодолюваемый жалостію отдаю
 ему эту вещь; а часто дѣлаю это и потому, что
 бываю къмъ-либо упрощень. Ибо вынуждаютъ меня
 къ тому и любовь и заповѣдь, и уступаю, что са-
 мому мнѣ нужно. А потому потребность для меня
 этой вещи дѣлаетъ, что впадаю въ безпокойство и
 смущеніе помысловъ; и это отвлекаетъ мой умъ отъ
 попеченія о безмолвіи, даже бываю принужденъ оста-
 вить безмолвіе, и идти искать тойже вещи. Если
 же достаетъ терпѣнія не выходить изъ безмолвія;
 то бываю въ великой скорби и въ смятеніи помы-
 словъ. Поэтому не знаю, что избрать мнѣ: или для
 успокоенія брата своего дѣлать то, что разсѣиваетъ
 и прекращаетъ мое безмолвіе, или презирать прось-
 бу, и пребывать въ безмолвіи?»

На это старецъ отвѣчалъ и сказалъ: «Если мило-
 стыня, или любовь, или ссрдоболіе, или что-либо,
 почитаемое сдѣланнымъ для Бога, препятствуютъ
 твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ,
 свергаютъ тебя въ безпокойство, помрачаютъ въ тебѣ

намятованіе о Богъ, прерываютъ молитвы твои, производятъ въ тебѣ смятеніе и неустройство помысловъ, дѣлаютъ, что перестанешь заниматься божественнымъ чтеніемъ, оставляешь это оружіе, избавляющее отъ паренія ума, истребляютъ осторожность твою, производятъ, что, бывъ дотогѣ связанъ, начинаешь ходить свободно, и вступивъ въ уединеніе, возвращаешься въ общество людей, пробуждаютъ на тебя погребенныя страсти, разрываютъ воздержаніе чувствъ твоихъ, воскрешаютъ для міра тебя, умершаго міру, отъ ангельскаго дѣланія, о которомъ у тебя единственная забота, низводятъ тебя, и ставятъ на сторону мірянъ; — то да погибнетъ такая правда! Ибо вынуждать обязанность любви, доставляя успокоеніе тѣлесное, есть дѣло людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ, не пребывающихъ въ безмолвіи, или такихъ, у которыхъ безмолвіе соединено съ единомушнымъ общежитіемъ, которые непрестанно и входятъ, и выходятъ. Для такихъ это есть дѣло прекрасное и достойное удивленія».

«А тѣмъ, которые дѣйствительно избрали для себя отшельничество отъ міра и тѣломъ и умомъ, чтобы установить мысли свои въ уединенной молитвѣ, въ омертвѣніи для всего преходящаго, для зрѣнія мірскихъ вещей и для памятованія о шихъ, — таковымъ подобаетъ не служить дѣланіемъ чего-либо тѣлеснаго и правды дѣлъ явныхъ (чтобы ни оправдаться предъ Христомъ), но, по слову Апостола, умерщвленіемъ удовъ своихъ, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), приносить Христу чистую и непорочную жертву помысловъ, въ начатокъ воздѣлыванія самихъ

себя, и тѣлесную скорбь въ терниѣхъ опасностей, ради будущаго упованія. Ибо житіе иноческое равночестно ангельскому. И непримично намъ, оставивъ небесное дѣланіе, держатся житейскаго. Богу же нашему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 14.

Объ одномъ укоренномъ братѣ.

—

Однажды укоренъ былъ пѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ свободно и смѣло отвѣчалъ укорившему его: «монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню». Но укорившій возразилъ ему: «Виденъ и явель тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицемъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се мы оставихомъ вся, и възслѣдъ Тебѣ идехомъ* (Матт. 19, 27.), т.-е. кто ничего не имѣетъ на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чемъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо приобрѣтеніи, но, если кто и дастъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставитъ то ни во что, и живетъ точно какъ птица. Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо какъ можетъ давать другому, отъ чего свободенъ самъ? Но кто развлекается дѣлами житейскими, собственными своими руками работаетъ, и самъ

береть у другихъ, тотъ тѣмъ наче обязанъ подавать милостыню. И если не радѣть ему о милостыни; то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо, если кто не приближается къ Богу втайнѣ, и не умѣетъ служить Ему духомъ, но не заботится и о дѣлахъ явныхъ, которые возможны для него; то какая еще будетъ у такового надежда пріобрѣсти себѣ жизнь? Таковъ и бессмысленъ».

Другой старецъ сказалъ: «дивлюсь тѣмъ, которые смущаютъ себя въ дѣлѣ безмолвія, чтобы другихъ успокоить въ тѣлесномъ». И еще говорилъ: «Неудобно намъ къ дѣлу безмолвія прибѣгивать попеченіе о чемъ-либо другомъ: всякое же дѣло да будетъ чувствуемо на своемъ мѣстѣ, чтобы поведеніе наше не имѣло на себѣ пятнъ. Ибо, кто имѣетъ попеченіе о многихъ, тотъ рабъ многихъ. А кто оставилъ все, и заботится о благоустройствѣ души своей, тотъ другъ Божій. Смотри, подающихъ милостыню, и въ отношеніи къ ближнимъ выполняющихъ любовь удовольствіемъ нуждамъ тѣлеснымъ, и въ мірѣ много; а дѣлатели всеобщаго и прекраснаго безмолвія, занятые богомысліемъ, едва обрѣтаются и рѣдки. Кто же изъ подающихъ въ мірѣ милостыню, или соблюдающихъ правду въ томъ, что касается до тѣла, могъ достигнуть хотя одного изъ тѣхъ дарованій, какихъ бываютъ сподобляемы отъ Бога пребывающіе въ безмолвіи»? И еще сказалъ онъ: «Если ты мірянникъ; то проводи время въ наслажденіи мірскими благами. А если ты инокъ; то украшайся дѣлами, какими отличаются иноки. Если же намѣренъ ты заниматься тѣмъ и другимъ; то утратишь то и другое. Дѣла инока суть слѣдующія: свобода отъ тѣ-

леснаго, въ молитвахъ тѣлесный трудъ, и непрестанное сердечное памятованіе о Богѣ. Суди же самъ, можно ли тебѣ безъ снхъ дѣлъ удовольствоваться мірскими добродѣтелями?»

Вопросъ. Не можетъ ли шокъ, злостраждущій въ безмолвіи, пріобрѣсти два рода занятій, то-есть, помыслять о Богѣ и имѣть въ сердце другую заботу?

Отвѣтъ. Думаю, что намъревающійся проводить время въ безмолвіи, когда все оставитъ и будетъ заботиться о своей одной душѣ, не возможетъ безъ недостатка управиться въ дѣль безмолвія, даже если поставитъ себя внѣ житейскаго понеченія; а тѣмъ паче, если будетъ заботиться и о другомъ. Господь оставилъ себѣ въ мірѣ работающихъ Ему и радующихъ о чадахъ Его, и избралъ Себѣ такихъ, которые служили бы предъ Нимъ. Ибо не у земныхъ только царей можно замѣчать различіе чиновъ и видѣть, что славнѣе тѣ, которые всегда стоятъ предъ лицемъ у царя и участвуютъ въ его тайнахъ, нежели тѣ, которые занимаются дѣлами вышними; но можно видѣть это же и въ дѣлахъ Царя небеснаго, а именно: какое дерзновеніе пріобрѣли тѣ, которыхъ вссгдашнее пребываніе въ молитвѣ содѣлало собою свидѣниками и таинниками Его, какого енодобляются они богатства и небеснаго и земнаго, и въ какой мѣрѣ обнаруживаютъ они власть свою надъ всякою тварію, паче тѣхъ, которые служатъ Богу своимъ нѣнїемъ и житейскими благами, и благоугождаютъ Ему твореніемъ добрыхъ дѣлъ, что также весьма важно и прекрасно. Поэтому, должно намъ брать въ образецъ не послѣднихъ, которые еще недостаточны въ дѣлахъ Божїихъ, но тѣхъ подвижниковъ и свя-

тыхъ ратоборцевъ, которые прекрасно совершили житіе свое, оставили все житейское, и на земль въздымали царство небесное, однажды навсегда отинули земное, и простерли руки ко вратамъ небеснымъ.

Чѣмъ благоудили Богу древніе святые, проложившіе намъ путь сего житія? Иже во Святыхъ Юаннѣхъ Оувейскій, это сокровище добродѣтелей, этотъ источникъ пророчества, тѣмъ ли благоудилъ Богу, что въ тѣлесныхъ нуждахъ улюкосвалъ братій внутри затвора своего, или молитвою и безмолвіемъ? Не спору, что и первымъ многіе также благоудили Богу; но менѣе угодившихъ молитвою и оставленіемъ всего. Ибо отъ живущихъ въ безмолвіи и прославляющихся опытъ есть явная нѣкая помощь братіямъ нхъ. Разумью же, что во время нужды помогаютъ они намъ словомъ, или приносятъ о насъ молитвы. А что кромъ этого (если памятованіе или попеченіе ради кого-либо о житейскомъ и снть въ сердць пребывающихъ на безмолвіи); то сіе не дѣло духовной мудрости. Ибо не безмолвствующимъ, но вънъ безмолвія живущимъ, сказано: *воздадите кесарева кесаревн: и Божіа Богови* (Матѣ. 22, 21.), т. е., каждому свое, что ближняго, то ближнему, и что Божіе, то Богу. Тѣмъ, которые живутъ въ ангельскомъ чинѣ, т. е., имѣють попеченіе о душѣ, не заповѣдано благоудждать Богу чѣмъ-либо житейскимъ, т. е. заботиться о руководѣнн, или брать у одного и подавать другому. Поэтому, шюку не должно имѣть попеченія ни о чемъ такомъ, что колеблетъ и нзводитъ умъ его отъ предстояща лица Божіа.

Если же кто, противорѣча сему, упоминаетъ о божественномъ Павлѣ Апостолѣ, что онъ работалъ собственными своими руками, и подавалъ милостыню; то скажемъ ему, что Павелъ одинъ и могъ дѣлать все; мы же не знаемъ, чтобы другой былъ Павелъ, подобно ему способный на все. Ибо покажи мнѣ другаго такого Павла, и повѣрю тебѣ. Притомъ, что бывасть по Божію смотрѣно, того не выставляй на видъ для дѣлъ общихъ. Ибо иное есть дѣло благовѣствованія, и иное — дѣятельность безмолвія. Ты же, если намѣренъ держаться безмолвія, будь подобенъ Херувимамъ, которые не заботятся ни о чемъ житейскомъ. И не думай, что кромѣ тебя и Бога есть кто другой на землѣ, о комъ бы заботиться тебѣ, какъ наученъ ты прежде тебя бывшими Отцами. Если не ожесточитъ кто собственнаго сердца своего, и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердія своего такъ, чтобы стать далекимъ отъ попеченія о всемъ дольнемъ, и ради Бога, и ради чего-либо житейскаго, и не станетъ пребывать въ одной молитвѣ въ опредѣленные на то времена; то не можетъ онъ быть свободнымъ отъ смущенія и заботы и пребывать въ безмолвіи.

Поэтому, когда прійдетъ тебѣ мысль позаботиться о чемъ-либо подъ предлогомъ добродѣтели, и твѣ возмутитъ тишину, какая у тебя въ сердцѣ, тогда скажи той мысли: «прекрасенъ путь любви, прекрасно дѣло милосердія ради Бога; но я ради же Бога не хочу этого». — «Остановись, Отецъ», сказалъ одинъ монахъ; «ради Бога слышу за тобой». И тогь отвѣчалъ: «и я ради Бога быгу отъ тебя». Авва Арсеній ради Бога ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ ни о

пользѣ душевной, ни о чемъ шюмъ. Другой ради Бога весь день говорилъ, и принималъ всѣхъ входящихъ странниковъ; а онъ вмѣсто сего избралъ молчаніе и безмолвіе, и по сей причинѣ среди моря настоящей жизни разглагольствоваль съ Божественнымъ Духомъ, и въ величайшей тишинѣ преплыль опое на корабль безмолвія, какъ ясно видѣли сіе подвижники, донытывавшіеся о семъ у Бога. И вотъ законъ безмолвія: умолкнуть для всего. А если и въ безмолвіи окажешься исполненнымъ сматенія, и будешь смущать тѣло рукодѣліями, а душу заботою о комъ-нибудь; то суди самъ, какое проводишь тогда безмолвіе, заботясь о многихъ, чтобы угодить тѣмъ Богу?—Ибо стыдно и сказать, будто бы безъ оставленія всего, безъ удаленія себя отъ всякой заботы можно преуснѣть въ безмолвномъ житіи. Богу же нашему слава!

С Л О В О 15.

О разныхъ отличіяхъ безмолвія, о власти ума, и о томъ, сколько властенъ умъ возбуждать собственныя свои движенія при разныхъ видахъ молитвы, какой предѣлъ дашь молитвѣ самымъ естествомъ, до какого предѣла властенъ ты молиться молитвою, но преступленіи какого предѣла молитва твоя уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называется молитвою.

—

Слава Имлявшему обильно дары Свои на людей! Онъ содѣлалъ, что и плотяные служатъ Ему въ

чинъ естество безплотныхъ и природу перстныхъ сподобить глаголати о таковыхъ тайнахъ. Наипаче же, когда люди грѣшныя, подобныя намъ, недостойны и слышать такіе глаголы, Онъ, по благодати Своей, отверзъ намъ слышоту сердечную къ разумнѣнью оныхъ, изъ разсмотрѣнія Писанія и ученія великихъ Отцевъ. Ибо въ слѣдствіе собственнаго своего подвига не сподобился я дознати опытно и тысячную часть того, что написалъ своими руками, особенно же въ этомъ сочиненіи, которое предложу для возбужденія и просвѣщенія думъ вашихъ и всѣхъ читающихъ оное, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, воспріянуть и, вождельвъ сего, приступятъ къ дѣланію.

Иное дѣло — молитвенное услажденіе, а иное — молитвенное созерцаніе. Последнее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человекъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ, и стихословіе одного стиха въ молитвѣ неизчетно продолжается, не позволяя переходить къ другому стиху; и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы раждается нѣкое созерцаніе, и прерываетъ оно устную молитву, и молящійся въ созерцаніи изумляется, цѣпелъ тѣломъ. Такое состояніе называемъ мы молитвеннымъ созерцаніемъ, а не видомъ и образомъ, или мечтательнымъ призракомъ, какъ говорятъ несмысленные. И опять, въ семъ молитвенномъ созерцаніи есть мѣра, и различіе дарованій; и это еще молитва: потому что умъ не преступилъ туда, гдѣ нѣтъ уже молитвы, въ такое состояніе, которое выше молитвы. Ибо движенія языка и сердца въ молитвѣ

суть ключи; а что послѣ сего, то уже есть входъ въ сокровенныя клятвы. Здѣсь да умолкнуть всякія уста, всякій языкъ; да умолкнуть и сердце—этотъ распорядитель помысловъ, и умъ—этотъ правитель чувствъ, и мысль—эта быстроараящая и безстыдная птица, и да прекратится всякое ихъ ухищреніе. Здѣсь да остановятся шущіе; потому что пришелъ Домовладыка.

С Л О В О 16.

О чистой молитвѣ.

Какъ вся сила законовъ и заповѣдей, какия Богомъ даны людямъ, по слову Отцевъ, имѣетъ предѣломъ чистоту сердца; такъ всѣ роды и виды молитвы, каковы только люди молятся Богу, имѣютъ предѣломъ чистую молитву. Ибо, и воздыханія, и колѣнопреклоненія, и сердечныя прошенія, и сладчайшіе вопли, и всѣ виды молитвы, какъ сказалъ я, имѣютъ предѣломъ чистую молитву, и до нея только имѣютъ возможность простираться. А отъ чистоты молитвенной и до внутренней, какъ-скоро мысль преступила этотъ предѣлъ, не будетъ уже имѣть она ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни возжеланія, ни услажденія чѣмъ-либо изъ уловасмаго въ сей жизни, или въ будущемъ вѣкѣ. До сего только предѣла всякое молитвенное движеніе и всѣ виды молитвы доводятъ

умъ властно свободы. Потому и подвигъ въ молитвѣ. А за снѣмъ предѣломъ будетъ уже изумленіе, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступаетъ же нѣкое созерцаіе; и не молитвою молятся умъ. Всякая, какова бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредствомъ движеній; но какъ-скоро умъ входитъ въ духовныя движенія, не имѣетъ тамъ молитвы. Иное дѣло—молитва, а иное—созерцаіе въ молитвѣ, хотя молитва и созерцаіе замѣтствуютъ себѣ начало другъ въ другъ. Молитва есть сѣяніе, а созерцаіе — собираніе рукоятей, при которомъ жнуцій приводится въ изумленіе неизглаголаннѣмъ видѣніемъ, какъ изъ малыхъ и голыхъ, посѣянныхъ имъ зеренъ, вдругъ пронзросли предъ нимъ такіе красивыя классы. И онъ въ собственномъ своемъ дѣланіи (о) пребываетъ безъ всякаго движенія; потому что всякая совершаемая молитва есть моленіе, заключающее въ себѣ или прошеніе, или благодареніе, или хваленіе. Разсмотримъ же внимательнѣе, одинъ ли изъ сихъ видовъ молитвы, прошеніе ли чего-либо, бываетъ, когда умъ переступаетъ сей предѣлъ, и входитъ въ оную область? Ибо спрашиваю о семъ того, кто вѣдаетъ истину. Но не у всѣхъ сія разсудительность, а только у тѣхъ, которые содѣлались зрителями и служителями дѣла сего, или учились у таковыхъ Отцевъ, и изъ устъ ихъ познали истину, и въ сихъ, и подобныхъ снѣмъ изысканіяхъ провели жизнь свою.

(о) Въ древ. серб. и слав. переводахъ вмѣсто словъ *въ своемъ дѣланіи*, читается *въ своемъ видѣніи*.

Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты: такъ изъ тысячи развъ одинъ найдется при великой осторожности, сподобившійся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этотъ предѣль и пріять оное таинство; потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе; сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва по благодати Божіей, находится и изъ рода въ родъ.

Молитва есть моленіе и понеченіе о чемъ-либо и воздѣльніе чего-либо, какъ то: избавленія отъ здѣшнихъ или будущихъ искушеній, или воздѣльніе наслѣдія Отцевъ, пріготовъ моленіе, которымъ чело-вѣкъ пріобрѣтастъ себѣ помощь отъ Бога. Смыслъ движеній и ограничиваются движенія молитвенныя. А чистота и нечистота молитвы зависятъ отъ слѣдующаго: какъ-скоро въ то самое время, какъ умъ пріуготовляется прішести одно изъ сказанныхъ нами движеній своихъ, примышляется къ нему какая-либо посторонняя мысль, или безпокойство о чемъ-нибудь, тогда молитва сія не называется чистою; потому что не отъ чистыхъ животныхъ при-несъ умъ на жергвенникъ Господень, — то-есть на сердце — этотъ духовный Божій жертвенникъ. А если бы кто упомянулъ объ оной, у Отцевъ называемой духовною, молитвѣ, и, не разумѣвъ силы отеческихъ изреченій, сказалъ: «сія молитва въ предѣлахъ молитвы духовной»; то думаю, если точно вышкнутъ въ это понятіе, хульно будетъ сказать какой-либо твари, будго бы вполне преклоняется

духовная молитва. Ибо молитва преклоняющаяся ниже духовной. Всякая же духовная молитва свободна отъ движеній. И ежели едва ли кто молится чистою молитвою; то можемъ ли что сказать о молитвѣ духовной? У святыхъ Отцевъ было въ обычаѣ всѣмъ добрымъ движеніямъ и духовнымъ дѣланіямъ давать именоваііе молитвы. И не только Отцамъ, но и всѣмъ, которые просвѣщены въ дѣніемъ, обычно всякое прекрасное дѣланіе именуютъ почти за одно съ молитвою. Явно же, что шее дѣло—молитва, а иное—совершаемыя дѣла. Иногда сію, такъ называемую духовную молитву въ одномъ мѣствъ называютъ путемъ, а въ другомъ—въ дѣніемъ, и нидѣ—умнымъ видѣніемъ. Видишь, какъ Отцы перемѣняютъ названія предметовъ духовныхъ? Ибо точное значеніе именоваііи устанавливается предметами здышными; а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно простое въ дѣніе, которое выше всякаго наименованія и всякаго составнаго начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ слагаемыхъ именъ. Поэтому, когда душевное въ дѣніе возносится изъ видимаго міра, тогда Отцы въ означеніе онаго упогребляютъ, какія хотятъ, названія, такъ-какъ точныхъ именоваііи оному никто не знаетъ. Но, чтобы утвердить на семъ въ дѣніи душевныя помысленія, употребляютъ они наименованія и притчи, по изреченію святаго Діонисія, который говоритъ, что ради чувствъ упогребляемъ притчи, слоги, приличныя имена и реченія. Когда же дѣйствіемъ Духа душа подвигнута къ божественному; тогда излишній для насъ и чувства, и нхъ дѣятельность, равно какъ излишніи силы духовныя ду-

шь, когда она, по непостижимому единству, содѣлывается подобною Божеству, и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта.

Наконецъ, повѣрь, братья, что умъ имѣеть возможность различать свои движенія, только до предѣла чистой молитвы. Какъ же скоро достигаетъ туда, и не возвращается вспять, или не оставляетъ молитвы; молитва дѣлается тогда какбы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда умъ въ движеніи; тогда онъ въ душевной области; но какъ-скоро вступаетъ въ оную область, прекращается и молитва. Ибо Святые въ будущемъ вѣкѣ, когда умъ ихъ поглоченъ Духомъ, не молитвою молятся, но съ изумленіемъ водворяются въ веселящей ихъ славы. Такъ бываетъ и съ нами. Какъ-скоро умъ сподобится оцутить будущее блаженство; забудетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее, и не будетъ уже имѣть въ себѣ движенія къ чему-либо. Иосему, никто съ увѣренностію осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе посредствомъ чувствъ всякую совершенную добродѣтель, и всякій чинъ молитвы, въ тѣль или то, или въ мысли, и даже самый умъ, — этого царя страстей. Когда же управленіе и смѣръшіе Духа возоподствуютъ надъ умомъ — этииъ домостроителемъ чувствъ и помысловъ; тогда отъсмыется у природы свобода, и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ сплахъ имѣть надъ собою власти, но иною еяюю путеводится, сама не знаетъ куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось, но овладѣвается, въ этотъ часъ, плѣ-

нищею ее силою, и не чувствуетъ, гдѣ путево-
дится сю? Тогда человекъ не будетъ имѣть и хотѣнїя,
даже, по свидѣльству Писанїя, не знаетъ, въ тѣль
онъ, или кромѣ тѣла (2 Кор. 12, 2.). И будетъ ли
уже молится въ томъ, кто столько пѣвентъ, и не
сознаетъ самъ себя? Посему, никто да не глаго-
летъ хулы, и да не дерзнетъ утверждать, что можно
молиться духовною молитвою. Такой дерзости пре-
даются тѣ, которые молятся съ кичливостно, не-
вѣжды вѣдѣшемъ, и мживо говорятъ о себѣ, буд-
то бы, когда хотятъ, молятся они духовною молит-
вою. А смиренномудрые и понимающіе дѣлю согла-
шаются учиться у Отцевъ и знать предѣлы есте-
ства, не дозволяютъ же себѣ предаваться такимъ
дерзкимъ мыслямъ.

Вопросъ. Почему же сей неизглаголанной благо-
дати, если она не есть молитва, дается наименованіе
молитвы?.

Отвѣтъ. Причина сему, какъ утверждаемъ, та,
что благодать сія дается достойнымъ во время мо-
литвы, и начало свое имѣетъ въ молитвѣ, такъ-
какъ, по свидѣльству Отцевъ, кромѣ подобнаго
времени, нѣтъ и мѣста посѣщенію сей достослав-
ной благодати. Наименованіе молитвы дается сему,
потому что отъ молитвы путевожится умъ къ оно-
му блаженству, и потому что молитва бываетъ при-
чиною онаго; въ шїя же времена не имѣетъ оно
мѣста, какъ показываютъ отеческія писанїя. Ибо
знаемъ, что многіе Святые, какъ повѣствуется и
въ житїяхъ ихъ, ставъ на молитву, были восхищае-
мы умомъ.

Но если кто спроситъ: почему же въ сіе только

время бываютъ сіи великія и неизреченныя дарованія, то отвѣствуемъ: потому что въ сіе время болѣе, нежели во всякое другое, человекъ бываетъ собранъ въ себя и уготованъ внимать Богу, воздѣлывается и ожидаетъ отъ Него милости. Короче сказать, это есть время стоянія при вратахъ царскихъ, чтобы умолять царя; и прилично исполниться прошенію умоляющаго и призывающаго въ это время. Ибо бываетъ ли другое какое время, въ которое бы человекъ столько былъ приуготовленъ, и такъ наблюдамъ за собою, кромѣ времени, когда приступаетъ онъ къ молитвѣ? Или, можетъ быть, прилично получить ему что-либо таковое въ то время, когда спитъ, или работаетъ что, или когда умъ его возмущенъ? Ибо вотъ и святые, хотя не пѣютъ празднаго времени, потому что всякой часъ заняты духовнымъ, однакоже и съ ними бываетъ время, когда неготовы они къ молитвѣ. Ибо не рѣдко занимаются или помышленіемъ о чемъ-либо встрѣчающемся въ жизни, или разсматриваніемъ тварей, или иными чѣмъ дѣйствительно полезнымъ. Но во время молитвы созерцаніе ума устремлено къ единому Богу, и къ Нему направляется всѣ свои движенія, Ему отъ сердца, съ раченіемъ и непрестанною горячію, приносятъ моленія. И поему-то въ это время, когда у души бываетъ одно единственное помысленіе, прилично источаться божественному благоволенію. И вотъ видимъ, что, когда священникъ приуготовится, станетъ на молитву, умилостивляя Бога, молясь и собирая свой умъ во едино, тогда Духъ Святый нисходитъ на хлѣбъ и на вино, предложенныя на жертвенникъ. И Захаріи во

время молитвы явился Ангель, и предвозвѣстилъ рожденіе Іоанна. И Петру, когда во время шестаго часа молился въ горницѣ, явилось видѣніе, путеводствовавшее его къ призванію язычниковъ снисшедшею съ неба плащаницею и заключенными въ ней животными. И Корпилю во время молитвы явился Ангель, и сказалъ ему написанное о немъ. И также Іисусу сыну Навину глаголашъ Богъ, когда въ молитвѣ преклонился опъ на лице свое. И съ очистилица, бывшаго надъ кивотомъ, откуда священникъ о всемъ, что должно было знать, въ видѣніяхъ былъ отъ Бога тайноводствуемъ въ то самое время, когда Архіерей единожды въ годъ, въ страшное время молитвы, при собраніи всѣхъ колѣнъ сыновъ Израилевыхъ, стоявшихъ на молитвѣ во внѣшней скиніи, входилъ во Святое-святыхъ и повергался на лице свое,—слышалъ онъ Божіи глаголы въ страшномъ и неизглаголанномъ видѣніи. О, какъ страшно оное таинство, которому служилъ при семъ Архіерей! Но таковы и всѣ видѣнія, являвшіяся святымъ во время молитвы. Ибо какое другое время такъ свято, и по святынѣ своей столько прилично пріятію дарованій, какъ время молитвы, въ которое человекъ собесѣдуетъ съ Богомъ? Въ это время, въ которое совершаются молитвословія и моленія предъ Богомъ, и собесѣдованіе съ Нимъ, человекъ съ успіемъ отвсюду собираетъ во едино всѣ свои движенія и помышленія, и погружается мыслію въ единомъ Богъ, и сердце его наполнено бываетъ Богомъ; и оттого уразумѣваетъ онъ непостижимое. Ибо Духъ Святыи, по мѣрѣ силъ каждаго, дѣйствуетъ въ немъ, и дѣйствуетъ, заимствуя веще-

ство изъ того самаго, о чемъ кто молится; такъ-что внимательностию молитва лишается движенія, и умъ поражается и поглощается изумленіемъ, и забывается о вожделѣннн собственнаго своего прошенія, и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его, и бываетъ онъ не въ міръ сему. И тогда не будетъ тамъ различія между душою и тѣломъ, ни памятованія о чемъ-либо, какъ сказалъ божественный и великій Григорій: «молитва есть чистота ума, которая одна, при изумленнн челоуька, удѣляется отъ свѣта Святыя Троицы. Видишь ли, какъ удѣляется молитва приходящимъ въ изумленіе уразумѣніемъ того, что рождается отъ нея въ умъ, по сказанному мною въ началѣ сего писанія и во многихъ другихъ мѣстахъ? И еще, тотже Григорій говоритъ: чистота ума есть пареніе мысленнаго. Она уподобляется небесному цвѣту, въ пей во время молитвы просіяваетъ свѣтъ Святыя Троицы».

Вопросъ. Когда же кто сподобляется всей этой благодати?

Отвѣтъ. Сказано: во время молитвы. Когда умъ совлечется ветхаго челоуька, и облечется въ челоуька новаго, благодатнаго, тогда узритъ чистоту свою, подобную небесному цвѣту, который старѣйшины сыновъ Израилевыхъ наименовали мѣстомъ Божинь (Исх. 24, 10.), когда Богъ явился имъ на горѣ. Посему, какъ говорилъ я, даръ сей и благодать сію должно называгь не духовною молитвою, но порожденіемъ молитвы чистой, ниспосылаемой Духомъ Святымъ. Тогда умъ бываетъ тамъ — выше молитвы, и съ обрѣтеніемъ лучшаго молитва оставляется. И не молитвою тогда молится умъ, но бы-

васть въ восхищеніи, при созерцаши непостижимаго, — того, что за пределами міра смертныхъ, и умоляетъ въ невѣдшии всего здѣшняго. Сіе-то невѣдшіе называется высшимъ видѣніемъ. О семъ-то невѣдшии говорится: блаженъ постигши невѣдшіе, неразлучное съ молитвою, котораго да сподобится и мы, по благодати едиnorodнаго Сына Божія. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 17.

О предположеніи души, ищущей глубокаго созерцаши, чтобы погрузиться въ ономъ отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ памятованіемъ вещей.

Все, что выше другаго, сокрыто отъ того, чего оно выше; и не можетъ служить ему по природѣ пѣкосю завѣсою, такъ-что можетъ и открывать его сокровенность. Всякая умопредставляемая сущность не въ себя заимствуетъ то, что составляетъ собственное ея отличіе; напротивъ того, внутри ея движеній определено сіе отличіе, то-есть, можетъ она непосредственно поступать къ пріятно перваго свѣта, въ большей ясности, или подобно другому чину, который, очевидно, разнствуетъ не мѣстомъ, но чистотою пріятія и преимущества, или сообразно съ умственною мѣрою въ силѣ пріятія горнихъ мановеній и силъ. Всякая умопредставляемая сущность

сокрыта для сущности, которая ниже ея; одна же отъ другой сокрыты онѣ не по природѣ, а по движеніямъ добродѣтелей; и говорю это о свитыхъ силахъ, о душевныхъ чинахъ и о демонахъ. Первыя отъ среднихъ, и среднія отъ третьихъ сокрыты и по природѣ, и по мѣсту, и по движеніямъ. Сущности же каждаго чина, и сами для себя, и одна для другой въ томъ же чинѣ, видны ли онѣ, или невидны, сокрыты по видѣнію; а отъ сущностей низшаго чина — по естеству; потому что видѣніе у существъ бестѣлесныхъ не въ нихъ, какъ у существъ тѣлесныхъ; но видѣть имъ другъ друга значитъ и добродѣтели и мѣрою движеній быть имъ внутри движеній существъ или видимыхъ. Поэтому, если въ равномъ удѣлѣ онѣ досточестны, то, хотя и отдалены другъ отъ друга, однакоже не мечтательно, но въ истинномъ видѣніи, въ истинномъ естествѣ, видятъ другъ друга, кромѣ Причины всечестныхъ, Которая, какъ единая достопоклоняемая, превъне сея разности. Демоны, хотя и крайне нечесты, однакоже въ чинахъ своихъ не сокрыты другъ отъ друга, но не видятъ двухъ чиновъ, которые выше ихъ; потому что духовное видѣніе есть свѣтъ движенія, и онъ-то самый служитъ для нихъ и зеркаломъ и окомъ. И какъ-скоро обратятся движенія, существа не видятъ высшихъ чиновъ. Въ собственномъ своемъ чинѣ видятъ другъ друга, такъ-какъ они дебелѣе духовныхъ чиновъ. И это имѣетъ мѣсто въ разсужденіи демоновъ.

Души же, пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ; а если очистятся и возвратятся въ древнее состояніе,

въ какомъ созданы, то ясно будутъ видѣть сѣи три чина, т. е. чинъ низшій ихъ, чинъ высшій, и другъ друга въ своемъ чинѣ. И не потому, что измѣнятся въ тѣлесный видъ, увидятъ тогда ангеловъ ли то, или демоновъ, или другъ друга; напротивъ того, узрятъ въ самомъ естествѣ и въ духовномъ чинѣ. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или ангелу, если не измѣнятся они, не примутъ на себя видимаго образа; то сие будетъ значить, что видятъ уже не дуца, а тѣло. Но въ такомъ случаѣ какая нужда въ очищеніи? Ибо вотъ, и нечистымъ людямъ по временамъ являютя демоны, равно какъ и ангелы, впрочемъ, когда видятъ они, видятъ тѣлесными очами, и здѣсь нѣтъ нужды въ очищеніи. Но не то бываетъ съ душею, достигшею чистоты; напротивъ того, видитъ она духовно, окомъ естественнымъ, то-есть, прозорливымъ, или разумнымъ. И не дивись тому, что души видятъ одна другую, даже будучи въ тѣлѣ. Ибо представляю тебѣ доказательство ясное, по истинности свидѣтельствующаго, разумно же блаженнаго Леонасія Великаго, который въ сочиненіи объ Антоніи Великомъ, говоритъ: Великій Антоній, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ чью-то душу, возпосимую съ великою честію, и ублажилъ сподобившагося таковой славы; блаженный же сей былъ Аммонъ изъ Нитріи, и та гора, на которой жилъ святой Антоній, отстояла отъ Нитріи на тринадцать дней пути. Сими примѣрами о трехъ, сказанныхъ выше, чинахъ доказано уже, что душевныя природы видятъ одна другую, хотя и удалены одна отъ другой, и что не препятствуютъ имъ видѣть другъ друга раз-

стояніе и тѣлесныя чувства. А подобно и души , когда достигаютъ чистоты , видятъ не тѣлесно , но духовно; потому что тѣлесное зрѣніе совершается открыто, и видить, что передъ глазами, отдаленное же требуетъ шаго видѣнія.

Многіе горніе чины въ бытіи нечисленны , и именуются по отличію и чину. Ибо почему названы Началами, Властями, Силами? Господствами наименованы, можетъ быть , какъ отличенныя честию. И они малочисленнѣе подчиненныхъ имъ, какъ сказалъ святой Діонисій, Епископъ аѳинскій, но больше по власти и вѣдѣнію, и наиболѣе удѣлены по величію своихъ чиновъ. Ибо простираются отъ чина въ чинъ, пока не достигнутъ къ единству паче всѣхъ великаго и могущественнаго — Главы и основанія всей твари. Главою же называю не Творца, но предшествующаго чудесамъ дѣлъ Божіихъ. Ибо многіе ниже промышленности премудрости Бога, ихъ и нашего Творца, и столько ниже, сколько подъ ними состоящіе ниже ихъ самихъ. Называю же низшими , разумѣя высоту и низость не въ мѣстѣ, но въ силѣ вѣдѣнія, сообразно съ тою мѣрою , каковую пріобрѣтаютъ въ сравненіи съ послѣдующимъ, большимъ или меньшимъ, вѣдѣніемъ. Ибо всѣ сіи духовныя сущности божественное Писаніе наименовало девятью духовными именами , и раздѣляло ихъ на три степени ; и первую дѣлитъ на великіе , высокіе и святѣйшіе Престолы , многоочитыхъ Херувимовъ и шестокрылатыхъ Серафимовъ ; вторую же степень — на Господства , Силы и Власти , и третью, — на Начала, Архангеловъ и Ангеловъ. Чины же сіи съ еврейскаго толкуются: Серафимы, — согревающіе и

сжигающіе; Херувимы, — обильные вѣдніемъ и мудростію; Престолы, — Божія опора и Божій покой; и сими именами названы чины сїи по ихъ дѣйствованіямъ. Именуются же Престолы, какъ досточестные, Господства, какъ имѣющіе власть надъ всякимъ царствомъ, Начала, — какъ устроющіе эфиръ, Власти, — какъ властвующіе надъ народами и надъ каждымъ человекомъ, Силы, — какъ крѣпкіе силою и страшные въ видѣніи своемъ, Серафимы, — какъ освящающіе, Херувимы, — какъ посящіе, Архангелы, — какъ бодрственные стражи, Ангелы, — какъ посылаемые.

Въ первый день сотворено девять духовныхъ природъ въ молчаніи и одна природа — словомъ; и это — свѣтъ. Во второй день сотворена твердь. Въ третій день произвелъ Богъ собраніе водъ и прозібеніе злаковъ; въ четвертый, — отдѣленіе свѣта; въ пятый, — птицъ, пресмыкающихся и рыбъ; въ шестой, — животныхъ и чловѣка. Устройство цѣлаго міра — долгота и широта; начало — востокъ; конецъ — западъ; правая сторона — сѣверъ; левая — югъ. Цѣлую землю поставилъ Богъ, какъ одръ; вмѣстѣ небо, какъ кожу и сводъ, и кубъ; второе небо — какъ колесо, призмнутое къ первому небу, и то, чѣмъ примыкаются другъ къ другу небо и земля; океанъ — какъ поясъ, окружающій небо и землю, а внутри его высокія горы, связующія до неба, и позади горъ солнце, чтобы проходило тамъ въ продолженіе цѣлой ночи, и среди сихъ горъ великое море, которое занимаетъ около половины и четверти всей суши.

Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 18.

О ВИДЬНИ ЕСТЕСТВА БЕЗПЛОТНЫХЪ, ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Сколько способовъ и разностей у чело-
вѣческой природы въ видьни естества безплотныхъ?

Отвѣтъ. Представленіе всякаго простаго и тонкаго естества духовныхъ тѣлъ (п) подѣлжитъ чувству природы челоуѣческой въ трехъ разныхъ видахъ: или въ дебелости видимаго предмета — осуществленно, или въ тонкости онаго — неосуществленно, или въ истинномъ созерцаіи, то-есть, въ созерцаіи самой сущности. Чтò до перваго, то на сіе имьютъ власть и чувства; чтò до втораго, то дуна усматриваетъ сіе въ одной поверхности; чтò до третьяго, то нужна здѣсь сила естества умаго. И еще, чтò до каждаго изъ двухъ послѣднихъ, то на сіе имьютъ власть воля и умъ; и чтò до воли и душевнаго услажденія, то, если согласна на то воля, она бывасть первою этому причинною. И это суть порожденія свободы, хотя, во время потребности, свобода и воля сохраняютъ безмолвіе, пока имьеть мьсто и останавливается на семъ дѣйствованіе. Въ одномъ случаѣ оно указываетъ только и бывасть безъ одобряющей воли и безъ истиннаго вѣдѣнія; потому

(п) Духовными тѣлами называются здѣсь самыя безплотныя и не-
гнестественныя сущности, которыя навлечены естествомъ слож-
нымъ.

что чувства способны принимать въ себя случайное безъ участія воли. Сими тремя способами святыя Силы, при общеніи съ нами, служатъ къ нашему наставленію и къ устроенію нашей жизни.

Нечистые же демоны, когда приближаются къ намъ на погибель, а не на пользу нашу, могутъ въ насъ приводить въ дѣйствіе два только способа; не могутъ же приступать къ намъ, для обольщенія нашего, третьимъ способомъ; потому что демоны вовсе не имѣютъ силы приводить въ насъ въ движеніе естественные помыслы ума. Ибо сынаиъ тмы невозможно приближаться къ свѣту. Но святыя Ангелы обладаютъ симъ, т. е. могутъ и приводить въ движеніе, и просвѣщать помыслы; тогда-какъ демоны суть властители и творцы ложныхъ мыслей — исчадіи тмы; потому что отъ свѣтоносныхъ пріемлется свѣтъ, а отъ потемненныхъ — тма.

Вопросъ. Какая причина, что тѣмъ дано, а симъ нѣтъ?

Отвѣтъ. Всякій учитель то свѣдѣніе, которому учитъ, сперва самъ въ себѣ разсматриваетъ, изучаетъ, пріемлетъ, вкушаетъ, и тогда уже можетъ предлагать оное учаемымъ. Первые учителя точное познаніе о вещахъ передаютъ изъ собственнаго здраваго вѣдѣнія; и это суть тѣ, которые въ самомъ началѣ могутъ все обнимать въ быстромъ представленіи самаго пронцательнаго и чистаго ума. Демоны же обладаютъ скоростію, но не свѣтомъ. Иное же дѣло — пронцательность, а иное — свѣтъ. Первая безъ втораго ведетъ къ гибели обладающаго ею. Второй показываетъ истину, а первая — призракъ истины, потому что свѣтъ показываетъ

дѣйствительность вещей, и умножается и умаляется соразмѣрно съ образомъ жизни.

Святые Ангелы изъ собственнаго вѣдѣнія вливаютъ въ насъ познаніе о движеніи вещей; что сами прежде вкусили, и что представили умомъ, то передаютъ потомъ и намъ. И вторые также учителя, по мѣрѣ своего вѣдѣнія, возбуждаютъ въ насъ представленія о движеніи вещей; потому что иначе о томъ, въ чемъ сами не пребыли, будетъ имъ необходимо въ насъ возбуждать правые помыслы. Впрочемъ, будь увѣренъ, какъ уже сказалъ я, что если бы мы и могли принять, то они не въ состояніи научить насъ истинному созерцанію, хотя вначалѣ и имѣли оное. И опять, каждый изъ нихъ возбуждастъ научаемыхъ къ тому, или къ противоположному, сообразно съ Божіимъ смотрѣніемъ, которое управляетъ имъ. А я признаю за истину то, что умъ нашъ, и безъ посредства святыхъ Ангеловъ, можетъ самъ собою и не учась возбуждаться къ добруму, хотя познанія о злѣ безъ посредства демоновъ не пріемлютъ чувства, и не приводятся зломъ въ движеніе, и умъ не можетъ самъ собою сдѣлать зла. Ибо доброе насаждено въ природѣ, а злое — нѣтъ. Все же чуждое и отицѣ прिवходящее для того, чтобы получить познаніе о семъ, имѣетъ нужду въ какомъ-либо посредникѣ. Между-тѣмъ какъ все, что произрастаетъ внутри, проникаетъ сколько нибудь въ природу и безъ наученія. И если таково свойство естества, что само собою возбуждается оно къ добру; то возрастаніе его и свѣтозарность возможны и безъ созерцанія Ангеловъ. Впрочемъ, они наши учителя, равно-какъ учителя и взаимно другъ другу.

Низшіе учатся у тѣхъ, которые припикають на нихъ и нѣмого больше свѣта; и такимъ образомъ, учатся одни у другихъ, восходя постепенно до той единицы, которая имѣеть учителя Святую Троицу. И самый опять первый чинъ утвердительно говоритъ, что не самъ собою учится онъ, но имѣеть учителя посредника Иисуса, отъ Котораго пріемлетъ и передаетъ низшимъ.

Разсуждаю такъ, что умъ нашъ имѣеть естественную силу стремиться къ Божественному созерцанію, и однимъ желаніемъ (р) равны мы всему небеснымъ естествамъ; покольку въ насъ и въ нихъ дѣйствуетъ благодать. Но по естеству, и человѣческому и ангельскому уму созерцаніе Божества необычайно; потому что созерцаніе сіе не соприспелается къ прочимъ созерцаніямъ. Во всѣхъ же разумныхъ, и первыхъ и среднихъ, существахъ не по естеству бываетъ, но благодатию совершается, созерцаніе всего сущаго, и небеснаго и земнаго; и не естество постигло сіе, какъ прочія вещи.

Умное созерцаніе, въ какомъ пребываетъ чинъ существъ небесныхъ, и видѣніе, до пришествія Христа во плоти, не были для нихъ столько доступны, чтобы проникать имъ въ сѣнъ тайны. Но когда воплотилось Слово, отверзлась имъ дверь въ Иисуса, какъ говоритъ Апостоль. А если бы мы содѣлались непорочными и чистыми, то разсуждаю (а сіе и дѣйствительно такъ), что у насъ—человѣковъ мысли наши, безъ посредства существъ небес-

(р) Вмѣсто *ίφροσι* лучше читать *ἔφροσι*, согласно съ древними славянскими переводами.

ныхъ, не могли бы приблизиться къ откровеніямъ и познаніямъ, возводящимъ къ оному вѣчному созерцанію, которое подлинно есть откровеніе тайнъ; потому что уму нашему не достаетъ такой силы, какая есть у горнихъ существъ, которыя пріемлютъ откровенія и созерцанія непосредственно отъ Вѣчнаго. Ибо и онѣ пріемлютъ въ образъ, а не безъ прикровенія; а подобно имъ пріемлетъ и нашъ умъ. Ибо каждый чинъ пріемлетъ чрезъ передаваніе отъ другаго чина, съ соблюденіемъ строгаго порядка и различія въ сообщеніи отъ перваго чина второму, пока тайна перейдетъ такимъ образомъ ко всемъ чинамъ. Но многія изъ тайнъ остававливаются на первомъ чинѣ, и не простираются на другіе чины; потому что, кромѣ сего перваго чина, все прочіе не могутъ вмѣстить въ себя величія тайны. А нѣкоторыя изъ тайнъ, исходя отъ перваго чина, открываются одному второму чину, и имъ сохраняются въ молчаніи, другіе же чины не постигли оныхъ; и нѣкоторыя тайны доходятъ до третьяго и до четвертаго чина. И еще въ откровеніяхъ, видимыхъ святыми Ангелами, бываютъ приращеніе и умаленіе. А если такъ бываетъ у нихъ; то кольми паче, можемъ ли мы пріять таковыя тайны безъ нихъ и безъ ихъ посредства? Напротивъ того, отъ нихъ бываетъ сіе, что въ умъ Святыхъ является оцущеніе откровенія какой-либо тайны. И какъ-скоро поупущено Богомъ, чтобы откровеніе передавалось отъ чина высшаго и потомъ низшаго другому чину; то такимъ образомъ, какъ-скоро Божіимъ заповѣніемъ поупущено доходить чему-либо до естества человѣческаго, доходятъ сіе къ людямъ, по всему того достойнымъ.

Ибо чрезъ горніе чины пріемлютъ Святые свѣтъ созерцанія даже до славнаго Присносущія, — сей неизучаемой тайны, сами же они пріемлютъ другъ отъ друга, потому что суть *служебнии души посыллаеми* къ тѣмъ, которые готовы содѣлаться насльдниками жизни (Евр. 1, 14.). Но въ будущемъ вѣкѣ упразднится такой порядокъ; потому что не одинъ отъ другаго будетъ принимать тогда откровеніе славы Божіей, къ прославленію и веселію души своей; по каждому, по мѣрѣ доблестей его, непосредственно, что слѣдуетъ ему, дано будетъ Владыкою по достоинству, и не отъ другаго, какъ здѣсь, приметъ онъ даръ. Ибо тамъ нѣтъ ни учащаго, ни поучаемаго, ни имбющаго нужду, чтобы другой восполнилъ недостатокъ его. Тамъ одинъ Даятель, непосредственно дарствующій способнымъ пріять, и отъ Него пріобрѣтають пріобрѣтающіе небесное веселіе. Тамъ прекратятся чины учащихъ и учащихся, и средоточіе всякаго желанія будетъ утверждаться на единомъ остріѣ.

Говорю же, что мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви. И какъ горько и жестоко это мученіе любви! Ибо ощутившіе, что погрѣшили они противъ любви, терпятъ мученіе вѣдшее всякаго приводящаго въ страхъ мученія; печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви, страшнѣе всякаго возможнаго наказанія. Неумѣстна чловѣку такая мысль, что грѣшники въ гееннѣ лишаются любви Божіей. Любовь есть порожденіе вѣдвнія истины, которое (въ чемъ всякій согласенъ) дается всѣмъ вообще. Но любовь силою своею дѣйствуетъ двойко: она мучитъ грѣшниковъ, какъ и здѣсь случается

другу терпѣть отъ друга, и веселитъ собою соблюдающихъ долгъ свой. И вотъ, по моему разсужденію, таково гееннское мученіе,—оно есть раскаяніе. Души же горнихъ сыновъ любовь упояваетъ своимъ утѣхамъ.

Вопросъ. Кто былъ спрошенъ: когда человекъ узнаетъ, что получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ?

Отвѣтъ. И спрошенный отвѣчалъ: когда ощутитъ въ душѣ своей, что совершенно, отъ всего сердца, возненавидѣлъ грѣхи, и когда явно даетъ себѣ направленіе противоположное прежнему. Таковой уповаешь, что получилъ отъ Бога оставленіе грѣхопадѣній, какъ возненавидѣвшій уже грѣхъ по свидѣтельству совѣсти, какое приобрѣлъ въ себѣ по Апостольскому слову: неосужденная совѣсть сама себѣ свидѣтель.

Да сподобимся и мы получить отпущеніе грѣховъ нашихъ по благодати и человеколюбію безначальнаго Отца съ едиnorodнымъ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 19.

ОБРАЗЕЦЪ УМОЗРѢНІЯ О ДНѢ ВОСКРЕСНОМЪ И О СУББОТѢ,
И ПРИТЧНОЕ ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

—

День воскресный есть непріемлемая нами, пока мы съ плотію и кровію, тайна вѣдѣнія истины, и она превосходитъ помышленія. Въ семь вѣкъ нѣтъ для осьмаго, ни субботы, въ подлинномъ смыслѣ. Ибо

сказавшій: *почи Богъ въ день седьмый* (Быт. 2, 2.), означить отдохновеніе по совершеніи теченія жизни сей; потому что гробъ есть тѣло, и оно отъ міра. Шесть дней совершаются въ дѣланіи жизни, храненіемъ зановѣдей; седьмой день весь проводится во гробъ, и осьмой въ пеществіи изъ гроба. Какъ удостоиваемые въ притчѣ пріемлютъ здѣсь тайны воскреснаго дня, а не самый день въ существѣ его, такъ и подвижники въ притчѣ пріемлютъ тайны субботы, но не въ дѣйствительности самую субботу, которая есть отдохновеніе отъ всего скорбнаго и совершенное упокоеніе отъ безпокойствъ. Ибо таинство, а не истинную дѣйствительность, устроить далъ намъ здѣсь Богъ. Истинная и несравненная суббота есть гробъ, показующій и знаменующій совершенное упокоеніе отъ скорбей, отъ страстей и отъ сопротивнаго покою дѣланія. Тамъ субботствуетъ человекство, и душа и тѣло. Богъ въ шесть дней привелъ въ порядокъ весь составъ міра сего, устроилъ стихіи, пріеподвижному ихъ движенію далъ законы служенія, и не ослабовится онъ въ теченіи до своего разоренія. Ихъ-то силою, то-есть, силою первобытныхъ стихій, составилъ Онъ и наши тѣла. Но и стихіямъ не далъ покоя въ движеніи ихъ, ни тѣламъ нашимъ, изъ стихій произшедшимъ, отдохновенія отъ дѣланія. Предѣль же отдохновенія отъ дѣланія положилъ въ насъ, между-тѣмъ какъ тѣла наши послѣдуютъ первому своему средству, и это есть разрѣшеніе отъ жизни сей. Такъ и Адаму сказалъ: *въ потъ лица твоего съиши хлѣбъ твой*. И долго ли будетъ сіе? *дондеже возвратишися въ землю, отъ неяже взяты бысть*, и которая воз-

раститъ тебѣ тернія и волчцы (Быт. 3, 18. 19.). Вотъ тайны дѣланія жизни сей, пока ты живешь! Но съ той ночи, въ которую Господь излілъ потъ, прѣмѣнилъ Онъ потъ, пзведшій тернія и волчцы, на потъ, проливаемый въ молитвѣ и вмѣстѣ въ дѣланіи правды. Пять тысячъ и пять сотъ слишкомъ лѣтъ Богъ оставлялъ Адама трудиться на землѣ, потому что дотолъ не у явился святыя путь, какъ говоритъ божественный Апостоль (Евр. 9, 8.). Въ послѣдокъ же дней пришелъ и заповѣдалъ свободу одинъ потъ замѣнить другимъ потомъ, дозволивъ се отдохнуть отъ всего, но прѣмѣненіе всего; потому что, за продолжительность злостраданія нашего на землѣ, оказалъ намъ Свое человеколюбіе. Посему, если престанемъ проливать на землѣ потъ, то по необходимости пожнемъ тернія. Ибо по тойже необходимости оставленіе молитвы есть дѣланіе отълесенія землѣ, которая естественно произращаетъ тернія. Дѣйствительно же страсти суть тернія, и произрастаютъ въ насъ отъ сяннія въ тѣло (Гал. 6, 8.). Пока носимъ на себѣ образъ Адамовъ, необходимо носимъ въ себѣ и страсти Адамовы. Ибо невозможно землѣ не произращать прозябеній свойственныхъ природѣ ея. Порожденіе же ея естества есть земля тѣлъ нашихъ, какъ гласитъ Божіе свидѣтельство: земля, отъ неяже взятъ еси (Быт. 3, 9.). Та земля произращаетъ тернія, а сія разумная—страсти.

Если Господь по всему былъ для насъ образомъ, въ таинствѣ, во всѣхъ различныхъ дѣйствіяхъ домо-строительства Своего, и даже до девятаго часа пятка не преставаъ отъ дѣла и труда (а это есть

тайна дѣланія нашего цѣлую жизнь), въ субботу же почить во гробъ; то гдѣ утверждающіе, что въ жизни еще есть суббота, т. е., одоховеніе отъ страстей? О днѣ же воскресномъ высоко для насъ и говорить. Наша суббота есть день погребенія. Тамъ дѣйствительно субботствуетъ естество наше. Ежедневно же, пока стоитъ земля, валежитъ намъ нужда исторгать изъ нея тернія. За продолжительность только нашего дѣланія оскудѣваютъ снѣ тернія; потому что не всецѣло очищается отъ нихъ земля. И если это такъ, и при временномъ облѣненіи, или при маломъ нерадѣніи, умножаются тернія, и покрываютъ лице земли, подавляють посвященное тобою, и трудъ твой обращаютъ въ ничто: то каждый уже день должно очищать землю; потому что прекращеніе очищенія увеличиваетъ множество терній, отъ котораго да очистится по благодати единосущнаго и едиnorodнаго Сына Божія! Ему слава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ во вѣки! Аминь.

С Л О В О 20.

Ежедневное воспоминаніе о томъ, что всего нужнѣе, и что весьма полезно пребывающіи въ кѣлліи своей и рывившемся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.

Нѣкто изъ братій написалъ и всегда полагалъ предъ собою, напоминалъ себѣ и говорилъ: «Не-

благоразумно прожилъ ты жизнь свою, человекъ по-
 срамленный и достойный всякаго зла; остерегись
 же хотя этотъ день, оставшійся отъ дней твоихъ,
 прошедшихъ напрасно безъ дѣлъ добрыхъ и обо-
 гатившихся дѣлами худыми. Не спрашивай ни о
 мѣрѣ, ни о поведеніи его, ни о монахахъ, ни о дѣ-
 лахъ ихъ, ни о томъ, какъ они живутъ, какъ велико
 ихъ дѣланіе, не заботься ни о чемъ подобномъ.
 Таинственно ищешь ты изъ міра и, какъ мученецъ,
 въздыхаешь о Христѣ; не живи больше міру и тому, что
 въ мѣрѣ, да предваритъ тебя упокоеніе, и будешь
 живъ во Христѣ. Будь готовъ и вооружись терпе-
 ніемъ противъ всякаго поношенія, всякой обиды,
 осмѣянія и порицанія отъ всѣхъ. И все это прини-
 май съ радостію, какъ дѣйствительно того досто-
 яный, переноси съ благодареніемъ всякій трудъ, и
 всякую скорбь, и всякую бѣду отъ демоновъ, кото-
 рыхъ волю исполняешь ты, мужественно сноси всякую
 пужду, и что приключится естественно, и все го-
 рести. Въ упованіи на Бога терпи лишеніе того,
 что необходимо для тѣла, и вскорѣ обращается въ
 гной. Желай все сіе принимать въ надеждѣ на Бога,
 не ожидая нпоткуда больше ни избавленія, ни чьего-
 либо утѣшенія. *Возврати на Господа печаль твою*
 (Псал. 54, 23.), и во всѣхъ искушеніяхъ своихъ
 осуждай самъ себя, какъ виновнаго во всемъ этомъ.
 Ничьего не соблазняйся, и не укоряй никого изъ
 оскорбляющихъ тебя; потому что и ты вкусилъ
 съ запрещеннаго древа, и ты приобретаешь разныя
 страсти. Съ радостію принимай горести, пусть при-
 ведуть оныя тебя въ содроганіе; за то въ-последст-
 вѣи почувствуешь услажденіе. Горе тебѣ и смрадной

славъ твоей! Душу свою, которая исполнена всякаго грѣха, оставилъ ты, какъ несужденную, а другихъ осуждалъ словомъ и мыслию. Достаточно, достаточно для тебя этой, свиніямъ приличной пищи, какою допынь питасшься ты. Чтѣ общаго съ людьми у тебя, скверный, и не стыдишься оставаться въ ихъ обществѣ, проводя жизнь такъ неразумно? Если обратишь на сіе вниманіе, и сохранишь все это; можетъ быть, и спасешься, при содѣйствіи Божіемъ. Въ противномъ же случаѣ, отойдешь въ страну темную и въ селеніе демоновъ, которыхъ волю исполнялъ ты съ безстыднымъ лицомъ. Вотъ засвидѣтельствовавъ я тебѣ о всемъ этомъ. Если Богъ праведно подвигнетъ на тебя людей, воздастъ тебѣ за обиды и поруганія, какія держалъ ты въ мысли и изрекалъ на нихъ во все время своей жизни; то цѣлый міръ отъ тебя не будетъ имѣть покоя. Перестань, наконецъ, хотя отнынѣ, и терни все, чѣмъ будетъ тебѣ воздаваемо». Все это напоминалъ себѣ братъ каждый день, чтобы, когда прійдутъ на него искушенія, или скорбь, быть ему въ состояніи претерпѣвать это съ благодарностію и съ пользою для себя. О, еслибъ и намъ съ благодарніемъ претерпѣвать постигающія насъ бѣдствія и извлекать изъ нихъ для себя пользу, по благодати человеколюбца Бога! Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 21.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ. ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

—

Вопросъ. Какими узами связывается сердце чело-
вѣческое, чтобы не стремиться ему къ злу?

Отвѣтъ. Тѣми, чтобы постоянно послѣдовать пре-
мудрости и избыточествовать ученіемъ жизни. Ибо
пѣтъ иныхъ узъ столько крѣпкихъ, чтобы сдержи-
вать ими безчистыя мысли.

Вопросъ. Гдѣ предѣлъ стремленій у послѣдователя
премудрости, и чѣмъ свершается обученіе оной?

Отвѣтъ. Подлинно невозможно въ шествѣи своемъ
достигнуть сего предѣла; потому что и святые не
дошли въ этомъ до совершенства. Пути премудро-
сти пѣтъ конца; она шествуетъ выше и выше, пока
не соединитъ послѣдователя своего съ Богомъ. То
и составляетъ ея признакъ, что постиженіе ся без-
предѣльно, потому что премудрость есть самъ Богъ.

Вопросъ. Какая первая стезя, приближающая насъ
къ премудрости, и въ чемъ ея начало?

Отвѣтъ. Въ томъ, чтобы всею силою стремиться
во слѣдъ премудрости Божіей, и въ семъ стремленіи
отъ всей души посвящать до самого конца жизни, даже
изъ любви къ Богу не вознерадеть и о томъ, чтобы,
если это нужно, совлечься самой жизни, и отринути
ее отъ себя.

Вопросъ. Кто достойно именуется смысленнымъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто дѣйствительно понялъ, что
есть предѣлъ сей жизни. Онъ можетъ положить

предѣль и своимъ прегрѣшеніямъ. Ибо какое ведѣніе, или какое разуміе, выше сего, — умудрится человеку выйти изъ жизни сей въ перастѣльнѣ, не имѣя ниодной части, оскверненной зловоніемъ вождельнѣ, и никакой скверны въ душѣ, оставляемой сладостію вождельнѣ. Ибо, если какой человекъ уточаетъ мысли свои, чтобы проникнуть ему въ тайны всѣхъ естествъ, и обогащается позбрѣтеніями и наблюденіями во всякомъ вѣдѣнн, но душа его осквернена грѣховною скверною, и не пріобрѣтъ онъ свидѣльства о надеждѣ души своей, однакоже думаетъ, что счастливо вошелъ въ пристань упованія: то нѣтъ въ мірѣ человека неразуміе его; потому что дѣла его, въ непрерывномъ стремленн его къ міру, довели его только до мірской надежды.

Вопросъ. Кто по самой истинѣ криче всѣхъ ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто благодушествуетъ въ скорбяхъ временныхъ, въ которыхъ сокрыты жизнь и слава побѣды его, и не вождельтъ нпроты, въ которой скрывается зловоніе ада, и которая обрѣтающаго се во всякое время наносваетъ изъ части воздыханія.

Вопросъ. Какой бываетъ вредъ въ шествіи къ Богу, если кто, по прищѣ искушеній, уклоняется отъ добрыхъ дѣлъ ?

Отвѣтъ. Невозможно приблизиться къ Богу безъ скорби; безъ нея и праведность человѣческая не сохраняется неизмѣнною. И если человекъ оставляетъ дѣла, пріумножающія праведность; то оставляетъ и дѣла, охраняющія се. И дѣлается онъ подобенъ несохраняемому сокровищу, — и борцу, съ котораго совлечены его оружія, когда окружили его полки вра-

говъ его, — и кораблю, пеняющему спасетей своихъ, и саду, который не орошается болѣе источникомъ воднымъ.

Вопросъ. Кто просвѣщенъ въ своихъ понятіяхъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто умѣетъ отыскать горечь, сокровенную въ сладости міра, воспретилъ устами своимъ пить изъ этой чаши, донскивается всегда, какъ снасти душу свою, не останавливается въ своемъ стремленіи, пока не отрѣшится отъ міра сего, и закроетъ двери чувствъ своихъ, чтобы не вошла въ него приверженность къ сей жизни, и не похитила у него тайныхъ сокровищъ его.

Вопросъ. Что такое міръ? Какъ познаемъ его, и сколько вредитъ онъ любителямъ своимъ?

Отвѣтъ. Міръ есть блудница, которая взирающихъ на нее съ вожделѣніемъ красоты ся привлекаетъ въ любовь къ себѣ. И какъ, хотя отчасти, возобладала любовь къ міру, кто опутанъ имъ; тотъ не можетъ выйти изъ рукъ его, пока міръ не лишишь его жизни. И когда міръ совлечетъ съ человека все, и въ день смерти вынесетъ его изъ дому его; тогда узнаетъ человекъ, что міръ подлинно льстецъ и обманщикъ. Когда же будетъ кто усиливаться выйти изъ тмы міра сего, пока еще сокрытъ въ немъ; невозможно видѣть путь его. И такимъ образомъ, міръ удерживаетъ въ себѣ не только учениковъ и чадъ своихъ, и тѣхъ, которые связаны имъ, но и нестяжательныхъ, подвижниковъ, и тѣхъ, которые сокрушили узы его и вдругъ стали выше его. Вотъ, и ихъ различными способами начинаетъ уловлять въ дѣла свои, повергаетъ къ ногамъ своимъ и понижаетъ.

Вопросъ. Что дѣлать намъ съ тѣломъ, когда окружать его болѣзнь и тяжесть, а съ нимъ вмѣстѣ изнеможемъ и воля въ пожеланіи добраго и въ первой крѣпости своей!

Отвѣтъ. Нерѣдко бываетъ съ нами, что одна половина нхъ пошла во слѣдъ Господа, а другая половина осталась въ мѣрѣ, и сердце ихъ не отрывилось отъ здѣшняго, но раздѣлились они сами въ себя, и иногда смотрятъ впередъ, а иногда назадъ. И думаю, снмъ раздѣлвшимся въ себя самихъ и приближающимся къ пути Божию Премудрый даетъ совѣтъ, говоря: *не приступи къ нему съ сердцемъ раздвоеннымъ* (Сир. I, 28.), но приступай, какъ съюдой и какъ жнудой. И Господь, зная, что сн несовершененно отрекающіеся отъ міра, но раздѣленные въ себя самихъ, подъ предлогомъ страха и скорбей, умомя, иш, вѣрше сказать, помысломъ, обращаются вснать, потому что не отвергли еще отъ себя плотской похоти, и желая свергнуть съ нихъ это расслабленіе ума, изрекъ имъ определенное слово: *кто хочетъ по Мнѣ идти, прежде, да отвержется себѣ* и т. д. (Матѣ. 16, 24.).

Вопросъ. Что значить отвергнуться себя самого?

Отвѣтъ. Какъ приготовившійся взойдти на крестъ одну мысль о смерти имѣеть въ умѣ своемъ, и такимъ образомъ, восходитъ на крестъ, какъ человекъ непомышляющій, что слова будетъ имѣть часть въ жизни настоящаго вѣка, такъ и желающій исполнить сказанное. Ибо крестъ есть воля, готовая на всякую скорбь. И Господь, когда хотѣлъ научить, почему это такъ, сказалъ: *Кто хочетъ жить въ мѣрѣ семъ, тотъ погубитъ себя для жизни истиной; а кто погубитъ себя здѣсь Мене ради, тотъ обрящетъ*

себя тамъ (Матѣ. 10, 25.), то-есть, обрѣтеть себя шествующій путемъ крестнымъ и на немъ утвердившій стоны свои. Если же кто снова печется о жизни сей; то лишилъ онъ себя упованія, ради котораго вынеслъ на скорби. Ибо попеченіе сіе не попускаетъ ему приблизиться къ скорби ради Бога, и тѣмъ самымъ, что предается онъ сему попеченію, увлекаетъ его постепенно и уводитъ изъ среды подвигоблаженной жизни, и возрастаетъ въ немъ помысль этотъ, пока не побѣдитъ его. *А иже въ умъ своемъ погубитъ душу свою Мене ради,* изъ любви ко Мнѣ, тотъ неукоризненнымъ и невредимымъ сохранится въ жизнь вѣчную. Сіе-то значитъ сказанное: *Иже погубитъ душу свою Мене ради, обрѣцетъ ю.* Здѣсь еще самъ уготовь душу свою къ совершенному уничтоженію для этой жизни. И если погубишь себя для этой жизни; то Господь скажетъ въ томъ же смыслѣ: *дамъ тебѣ животъ вѣчный,* какъ обѣщавъ Я тебѣ (Іоан. 10, 28.). Если же и въ сей жизни пребудешь; то здѣсь еще самымъ дѣломъ покажу тебѣ обѣщаніе Мое и удостовѣреніе въ будущихъ благахъ. И тогда обрѣтешь вѣчную жизнь; когда будешь пренебрегать этою жизнью. И когда въ этомъ вооруженіи выступишь на подвигъ; тогда сдѣлается въ очахъ твоихъ достойнымъ пренебреженія все, почитаемое труднымъ и скорбнымъ. Ибо, когда умъ вооруженъ такимъ образомъ, тогда путь для него ни борьбы, ни скорби во время смертной опасности. Посему, должно въ точности знать, что, если человекъ не возненавидитъ жизни своей въ міръ, по причинѣ вожделѣнія жизни будущей и блаженной, то не можетъ вполне пере-

нестн всякаго рода скорбей и трудовъ, постигающихъ его каждый часъ.

Вопросъ. Какимъ образомъ человекъ оставляетъ прежною свою привычку и приучается въ жизни къ недостаткамъ и къ подвигамъ ?

Отвѣтъ. Тьлю не соглашается жить безъ удовольственія нуждъ его, пока окружено тьмь, что служить къ роскоши и разслабленію; и умъ не можетъ удержать его отъ этого, пока оно тьлю не будетъ устранено отъ всего производящаго разслабленіе. Ибо, когда открыто предъ нимъ зрѣлище роскоши и суеты, и каждый почти часъ видитъ служащее къ разслабленію, тогда пробуждается въ немъ пламенное пожеланіе сего, и какбы разжигая его раздражаетъ. Посему-то Искупитель Госнодь обязавшемуся идти во слѣдъ Его весьма хорошо заповѣдалъ, обнажитья и выйдти изъ міра; потому что человекъ долженъ сперва отршуть все, служащее къ разслабленію, и потомъ пристунать къ дѣлу. И самъ Госнодь, когда началъ брань съ діаволомъ, велъ оную въ самой сухой пустынь. И Павелъ приѣмлющимъ на себя крестъ Христовъ совѣтуетъ выйдти изъ града. *Да исходимъ къ Пему, говоритъ, изъ града, и приѣмемъ поношеніе Его* (Евр. 13, 13.); потому что пострадалъ Онъ изъ града. Ибо, какъ-скоро отлучить себя человекъ отъ міра и отъ всего, что въ міръ, немедленно забываетъ прежною свою привычку и прежній образъ жизни, и долгое время не занимается отпчъ. А отъ приближенія его къ міру и къ вещамъ мірскимъ скоро разслабываетъ сила ума его. Посему должно знать, что особенно споспѣшествуетъ и ведетъ къ преспянію въ сей

спасительной и подвижнической борьбѣ. Итакъ, пригодно и способствуетъ въ сей борьбѣ, чтобы монашеская келлія была въ скудномъ и недостаточномъ состояніи, чтобы келлія у монаха была пуста и не содержала въ себѣ ничего, возбуждающаго въ немъ вождельніе повола. Ибо, когда удалены отъ человека причины разслабляющія, нѣтъ ему опасности въ двойной брані—внутренней и внешней. И такимъ образомъ человекъ, который вдали отъ себя имѣетъ служащее къ удовольствію, безъ труда одерживаетъ побѣду, въ сравненіи съ тѣмъ, у котораго вблизи возбуждающее его къ вождельнію. Ибо здѣсь сугубый подвигъ.

Когда у человека недостаетъ нужнаго къ устройству жилища его; тогда и потребности его дѣлаются удобно пренебрегаемыми, и даже въ необходимое время умѣреннаго удовлетворенія потребностямъ своимъ взирать онъ на сіе не съ вождельніемъ, и малымъ чѣмъ-нибудь не угождаетъ тѣлу, но смотритъ на это, какъ на нечто удобопренебрегаемое, и приближается къ пище не по сладости ея, но чтобы помочь естеству и подкрѣпить оное. Такія побужденія скоро доводятъ человека до того, что преступаетъ онъ въ подвигу съ нескорбнымъ и безначальнымъ помысломъ. Итакъ, рачительному шюку прилично скорою погою, не обращаясь вспять, бѣжать отъ всего воюющаго съ шюкомъ, не входить въ общеніе съ тѣми, которые ведутъ съ шюмъ брань, но воздерживаться даже отъ единаго воззрѣнія на нихъ, и, сколько возможно, удалиться отъ ихъ приближенія. И говорю это не только о чревѣ, но и о всемъ, что вводитъ въ искушеніе и брань, чѣмъ

искушается и испытывается свобода сына. Ибо человекъ, когда приходитъ къ Богу, дѣлаетъ съ Богомъ завѣтъ воздерживаться отъ всего этого, именно же не засматриваться на лице женское, не смотреть на красивыя лица, не штатъ ни къ чему вожделѣнію, не роскошествовать, не смотреть на нарядныя одежды, не смотреть на всякій порядокъ, заведенный у мірянъ, не слушать словъ ихъ и не любопытствовать о нихъ, потому что страсти пріобрѣтаютъ большую силу отъ сближенія со всѣмъ подобнымъ сему, какъ расслабляющимъ подвижника и измѣняющимъ мысли его и намѣренія. И если воззрѣніе на что-либо хорошее возбуждаетъ произволеніе истиннаго ревнителя, и склоняетъ къ совершенію добра; то явно, что и противоположное сему имѣетъ силу поработать себя умъ. И если съ безмолвствующимъ умомъ не случается чего-либо большаго, а только ввергаетъ оныя себя въ бранный подвигъ; то и это великая уже утрата — самому себя изъ мирнаго состоянія произвольно ввергнуть въ смутное.

И если одинъ изъ старцевъ подвижниковъ, искушившихся въ борьбѣ, увидѣвъ юношу, немѣвнаго бороды и походившаго на жену, почелъ это вреднымъ для помысла и гибельнымъ для своего подвига; то можетъ ли кто вознерадеть въ другомъ чемъ, когда этотъ святой не рѣшился войти и облобызать брата? Мудрый старецъ разсуждалъ: «если подумаю только въ эту ночь, что есть здѣсь нечто подобное, то и сіе будетъ для меня великимъ вредомъ». Посему-то не вошелъ оныя, и сказалъ имъ: «не боюсь я, чада; впрочемъ, для чего же и желать

мнѣ напрасно воздвигать на себя брань? Воспоминаніе о чемъ-либо подобномъ производитъ въ умѣ бесполезное смущеніе. Въ каждомъ членѣ этого тѣла скрывается приманка, человѣку предстоитъ отъ сего великая брань, и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую въ этомъ брань, спасаясь отъ нея бѣгствомъ; а какъ-скоро приближается что-либо такое, человѣкъ, хотя и принуждаетъ себя къ добру, однакоже бываетъ въ опасности, всегда видя это и вождельвая этого».

Въ землѣ видимъ многія сокровенныя врачевства, и льтомъ по причинѣ жара никто не знаетъ ихъ; когда же увлажнены будутъ и ощутятъ силу прохладеннаго воздуха, тогда оказывается, гдѣ было погребено въ землѣ каждое врачевство. Такъ и человѣкъ, когда онъ въ благодати безмолвія и въ теплотѣ воздержанія, тогда дѣйствительно бываетъ въ покоѣ отъ многихъ страстей; если же входитъ въ мірскія дѣла, то видитъ тогда, какъ возстаетъ каждая страсть, подымаетъ главу свою, особливо если ошутитъ вошю покоя. Сказалъ же я это для того, чтобы никто не предавался самонадѣянности, пока живетъ въ семъ тѣлѣ, и пока не умретъ; хотѣлось мнѣ также показать, что убѣгать и удаляться отъ всего, что ведетъ къ порочной жизни, много помогаетъ человѣку въ подвижническомъ бореніи. Всегда должно намъ бояться того, о чемъ одно воспоминаніе причиняетъ намъ стыдъ, и также не поспирать совѣсти, и не пренебрегать ея. Наконецъ, попытаемся удалить тѣло на время въ пустыню, и заставимъ его приобрести терпѣніе. А что всего важнѣе, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него,

но за то нечего уже будетъ ему бояться) старается, гдѣ бы онъ ни былъ, удалиться отъ того, что бываетъ причиною брани, чтобы, когда прійдетъ потребность, не пасть ему отъ близости удовлетворяющаго потребности.

Вопросъ. Кто отринулъ отъ себя всякое развлеченіе и вступилъ въ подвигъ, какое у него начало брани со грѣхомъ и чѣмъ начинается онъ борьбу?

Отвѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что всякой борьбѣ со грѣхомъ и вождельніемъ служатъ началомъ трудъ, бдѣніе и постъ, особливо же, если кто борется съ грѣхомъ внутри насъ пребывающимъ. Въ этомъ усматривается признакъ ненависти ко грѣху и вождельнію его въ ведущихъ сію невидимую брань; начинаютъ они постомъ, а послѣ него содѣйствуетъ подвигу ночное бдѣніе.

О постѣ и бдѣніи.

Кто въ теченіе цѣлой своей жизни любитъ бесѣду съ этою честою, тотъ бываетъ другомъ цѣломудрія. Какъ началомъ всему худому служатъ упокоеніе чрева и расслабленіе себя сномъ, возжигающее блудную похоть, такъ святой путь Божій, и основаніе всѣхъ добродѣтелей—постъ, бдѣніе, бодрствованіе въ службѣ Божіей, въ расшнаниі тѣла цѣлый день и цѣлую ночь, въ противоположность сладости сна. Постъ — огражденіе всякой добродѣтели, начало борьбы, вѣнецъ воздержныхъ, красота дѣвства и святости, свѣтлость цѣломудрія, начало христіанскаго пути, мать молитвы, источникъ цѣломудрія и благоразумія, учитель безмолвія, предшественникъ всѣхъ

добрыхъ дѣлъ. Какъ здоровымъ глазамъ свойственно вождельніе свѣта, такъ посту, соблюдаемому съ разсудительностію, свойственно вождельніе молитвы.

Какъ-скоро начнетъ кто поститься, вождельствуетъ уже съ этого времени умомъ своимъ прійдти въ вождельніе собесѣдованія съ Богомъ. Ибо тѣло постящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспать на постели своей. Когда на уста чловѣку налагается печать постовъ; тогда помысль его поучается въ умилешіи, сердце его источаетъ молитву, на лицѣ у него грусть, и срамныя помыслы далеки отъ него, невидна веселости въ очахъ его, врагъ онъ похотливій и суетныхъ бесѣдъ. Никто никогда не видалъ, чтобы разсудительный постникъ сталъ рабомъ худаго вождельнія. Постъ съ разсудительностію — обширная обитель для всякаго добра. А кто нерадитъ о постѣ, тотъ приводитъ въ колебаніе все доброе; потому что постъ былъ заповѣдію, вначалѣ данною нашему естеству въ остереженіе при вкушеніи пищи, и нарушеніемъ поста пало начало нашего созданія. Но въ чемъ состояло первое ущипленіе, съ того начинаютъ подвижники преспѣвать въ страхъ Божіемъ, какъ-скоро начнутъ хранить заповѣдь Божій.

Съ сего началъ и Спаситель, когда явился міру на Иорданѣ. Ибо, по крещеніи, Духъ пзвелъ Его въ пустыню, и постился Онъ тамъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Подобно и всѣ исходящіе во слѣдъ Спасителя на семь основаній утверждаютъ начало своего подвига, потому что постъ есть оружіе, уготованное Богомъ. И кто, если нерадитъ о немъ, не будетъ укоренъ за сіе? Если постится самъ Зако-

поположникъ; то какъ не постыться кому-либо изъ соблюдающихъ законъ? Посему-то до поста родъ человеческій не зналъ победы, и діаволь никогда не испытывалъ пораженья своего отъ нашего естества; но отъ сего оружія изнемогъ въ самомъ началѣ. И Господь нашъ былъ вождемъ и первенцемъ сея победы, чтобы на главу естества нашего возложить первый побѣдный вѣнецъ. И какъ-скоро діаволь видѣтъ сіе оружіе на комъ-нибудь изъ людей, тотчасъ приходитъ въ страхъ сей противникъ и мучитель, немедленно помышляетъ и воспоминаетъ о пораженьи своемъ въ пустыне Спасителемъ, и сила его сокрушается, и воззрѣніе на оружіе, данное намъ Началовождемъ нашимъ, попадаетъ его. Какое оружіе сильнѣе этого? и что придаетъ столько смѣлости сердцу въ борьбѣ съ духами злобы, какъ алчба ради Христа? Ибо въ какой мѣрь утруждается и злостраждетъ тѣло въ то время, какъ окружаютъ человека полкъ демонскій, въ такой мѣрь сердце исполняется упованіемъ. Облеченный въ оружіе поста во всякое время распаляется ревностію. Ибо и ревнитель Илія, когда возревновалъ о законъ Божіемъ, пребывалъ въ семь дѣль—въ постъ. Постъ стяжавшему его воспоминаетъ заповѣди Духа. Онъ есть посредникъ ветхаго закона и благодати, данной намъ Христомъ. Кто нерадитъ о постѣ, тотъ и въ другихъ подвигахъ расслабленъ, нерадивъ, немощенъ, показываетъ тѣмъ начало и худой признакъ расслабленія души своей, и воюющему съ нимъ дастъ случай къ побѣдѣ; потому что нагнѣтъ и безоружнымъ псходитъ на подвигъ, а посему явно, что выйдетъ изъ борьбы безъ побѣды, потому что члены

его не облекались въ теплоту алчбы въ постъ. Таковъ постъ. Кто пребываетъ въ немъ, у того умъ непоколебимъ и готовъ срыгнуть и отразить все пото- ты страсти.

О многихъ мученикахъ сказываютъ, что на тотъ день, въ который ожидали они пріять вънецъ муче- ничества, если предугиавали о семъ или по откро- венію или по извѣщенію отъ кого-либо изъ друзей своихъ, ничего не вкушали всю ночь, но съ вечера до утра стояли бодрственно на молитвъ, славя Бога въ псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, съ весе- ліемъ и радованіемъ ожидали того часа, какъ иные уготовившіеся на бракъ, чтобы въ постъ срыгнуть мечъ. Посему и мы, призванные къ невидному мучениче- ству, чтобы пріять вънцы святости, будемъ трезвиться, и врагамъ нашимъ да не будетъ дано знака отрече- нія шодшимъ членомъ, шодною частію нашего тѣла.

Вопросъ. Почему нерѣдко иные, и даже многіе, пивя, можетъ быть, и дѣла сн, не чувствуютъ ти- шины, и успокоенія страстей, и мира помысловъ?

Отвѣтъ. Страсти, соврешенныя въ душѣ, не исправляются, братъ, тѣлесными только трудами; они не удерживаютъ и помысловъ о томъ, что про- буждается всегда чувствами. Труды сн охраняютъ человека отъ пожеланій, чтобы не быть ими прено- бждаемъ, и отъ дечонскаго обольщенія, но не до- ставляютъ душѣ мира и тишины. Ибо дѣла и труды тогда доставляютъ душѣ безстрастіе, умерщвляютъ уды, *яже на земли*, и даруютъ увосеніе помы- словъ, когда пріобичимся безмолвію, когда во вѣщи- ныхъ чувствахъ прекратится смятеніе, и нѣсколько времени пребудутъ они въ дѣланіи премудрости. А

пока человекъ не лишится возможности быть въ сообществѣ съ людьми, и членовъ своихъ и себя самого отъ расслабленія помысловъ не собереть самъ въ себя; до тѣхъ поръ не возможно узнать страсти своей. Безмолвіе, какъ сказала святѣйшій Василій, есть начало очищенія души. Ибо когда во вѣншихъ членахъ прекращается вѣншій мятель и развлеченіе во вѣншности, тогда умъ отъ вѣншихъ развлеченій и шаренія возвращается въ себя, и упокоивается въ себя, а сердце пробуждается къ изслѣдованію внутреннихъ душевныхъ мыслей. И если человекъ хорошо устоитъ въ этомъ; то приходитъ онъ понемногу въ состояніе шествовать къ душевной чистотѣ.

Вопросъ. Не можетъ ли душа очиститься и во время пребыванія въ дери?

Отвѣтъ. Если дерево ежедневно поливается, то засыхаетъ ли когда корень его? Убываетъ ли когда въ сосудѣ, въ который ежедневно прибавляютъ? И если чистота не шое что есть, какъ незнаніе вольнаго обращенія съ людьми, и оставленіе этой привычки; то какъ же пожелаешь, чтобы очистилась когда душа его, тому, кто дѣятельно самъ собою, или другими, посредствомъ чувствъ, обновляетъ въ себя памятованіе старой привычки, то-есть познанія порока? Возможно ли, чтобы очистилась когда душа его отъ этого, или освободился онъ когда отъ вѣншихъ противодѣйствій, и могъ увидѣть себя? Если сердце ежедневно оскверняется, то очистится ли человекъ отъ скверны? Не въ страхъ онъ противостать дѣйствию вѣншей силы, не тѣмъ ли наче не можетъ очиститъ сердца, когда стоитъ среди вѣншаго стаа, и ежедневно ждетъ слышать частыя

вѣсти о брани? И какъ осмѣлится онъ провозгласить миръ дунь своей? Если же удалится отъ сего; то можетъ понемногу прекращать сперва внутреннія волненія. Пока рѣка не преграждена вверху, не пьсавають воды ея внизу. Когда же прійдетъ человекъ въ безмолвіе; тогда душа можетъ различить страсти и разумно извѣдывать свою мудрость. Тогда и внутренній человекъ пробуждается на духовное дѣло, и день ото дня больше ощущаетъ сокровенную мудрость, цвѣтущую въ душѣ его.

Вопросъ. Какія точныя указанія и близкіе признаки, по которымъ человекъ ощущаетъ, что началъ онъ видѣть въ себѣ плодъ, сокрытый въ душѣ?

Отвѣтъ. Когда сподобится кто благодати многихъ слезъ, проливаемыхъ безъ принужденія; потому что слезы положены уму какбы пѣкинь предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистогою. Пока не приметъ человекъ сего дарованія, совершается дѣло его еще во вѣннечѣ только человекъ, и еще вовсе не ощущать онъ дѣйственности того, что сокрыто въ духовномъ человекъ. Ибо, когда человекъ начнетъ оставлять тѣлесное настояцато вѣка, и оказывается переступившимъ сей предѣлъ того, что въ естество дѣйствительно есть внутреннее, тогда скоро достигаетъ сей благодати слезъ. И слезы сѣи начшаются въ первой обители созрѣвшаго житія, и возводятъ человека къ совершенству любви Божіей. И чѣмъ далѣе поступаеть онъ, тѣмъ больше обогащается сею благодатию, пока отъ продолжительнаго пльннн слезъ не начнетъ шть ихъ и въ шщѣ своей и въ штнн своемъ.

И это точный признакъ, что умъ перешелъ изъ міра сего, и ощутилъ инойъ духовный міръ. Но въ какой міръ человекъ умомъ своимъ приближается къ сему міру, въ такой же міръ умалится слезы сн. И когда умъ совершенно бываетъ въ сему міръ, тогда совершенно лишается онъ слъ слезъ. И это есть признакъ, что человекъ погробенъ въ страстяхъ.

О различіи слезъ.

Бываютъ слезы сожигающія, и бываютъ слезы утучняющія. Посему, все ть слезы, которыя исходятъ изъ сущности сердца отъ сокрушенія о грѣхахъ, псунаютъ и сожигаютъ тѣло; а пердыо и самое владычественное въ душу, во время изліянія слезъ, оцупасть отъ нихъ вредъ. И сперва человекъ по необходимости встунаетъ на эту степень слезъ; но при отверзаетъ ему дверь войдти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, въ которой человекъ пріемлетъ милость. Это уже слезы, проливаемые по благо разумію: онъ и украшаютъ, и утучняютъ, тѣло, и исходятъ непринужденно сами собою; и не только, какъ сказано, утучняютъ тѣло человеческое, но и видъ человека измѣняется. Ибо сказано: *сердцу веселящемуся, лице цвететъ: въ печали же еущу, съпунетъ* (Притч. 15, 13.).

Вопросъ. Чтѣ значитъ воскресеніе души, о которомъ говоритъ Апостоль: *аще воскреснете со Христомъ* (Колос. 3, 1.)?

Отвѣтъ. Апостоль, сказавъ: *Богъ, рекій изъ шмы свѣту возсіяти, той возсія въ сердцахъ нашихъ* (2

Кор. 4, 6.), показать, что воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно, чтобы произошелъ новый человекъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человека, но сказанному: *и дамъ имъ сердце ново, и духъ новъ* (Иез. 36, 26.). Ибо тогда воображается въ насъ Христосъ Духомъ премудрости и откровенія познанія Его.

Вопросъ. Въ чемъ состоитъ (говоря кратко) сила дѣятельности безмолвія?

Отвѣтъ. Безмолвіе умерщвляетъ внѣшнія чувства, и возбуждаетъ внутреннія движенія. А занятіе внѣшнимъ производитъ противное тому; возбуждаетъ внѣшнія чувства, и умерщвляетъ внутреннія движенія.

Вопросъ. Чѣмъ бываетъ причиною видѣній и откровеній; ибо иные имѣютъ видѣнія, а иные трудятся больше ихъ, однакоже видѣніе не дѣйствуетъ въ нихъ столько?

Отвѣтъ. Причинъ сему много. Однѣ изъ нихъ домогательственныя, имѣютъ цѣлю общую пользу, другія же — утѣшеніе, ободреніе и наученіе немощныхъ. И во-первыхъ, все сіе устроится по милости Божіей къ людямъ; болынею же частію устроится сіе ради творякаго рода людей, — или ради людей простыхъ и крайне незлобныхъ, или ради некоторыхъ совершенныхъ и святыхъ, или ради тѣхъ, которые имѣютъ пламенную ревность Божію, отреклись и совершенно отъединились отъ міра, удалились отъ сожителства съ людьми, оставивъ все, не ожидая никакой помощи отъ видимаго, концы во славу Богу. На нихъ-то нападаетъ боязнь по исключительности ихъ состоянія, или окружаетъ ихъ опа-

спность смертная отъ голода, отъ болѣзни, или отъ
какого-нибудь обстоятельства, и отъ скорби, такъ-
что приближаются они къ отчаянію. Посему, если
таковымъ бываютъ утѣшенія, а тѣмъ, которые пре-
восходятъ ихъ трудами, не бывають; то первая сему
причина — непорочность и порочность, и именно со-
вести. Вторая же причина безречно есть слѣ-
дующая: какъ-скоро имѣеть кто человеческое утѣ-
шеніе, или утѣшеніе чѣмъ-либо видимымъ; то не-
бывають ему подобныхъ утѣшеній, развѣ по нѣкоему
домостроительству, ради общей пользы. У насъ же
слово объ отшельникахъ; и свидѣтель сказанному
одинъ изъ Отцевъ, который молился объ утѣшеніи,
и услышалъ: «достаточно для тебя утѣшенія чело-
вѣческаго и бесѣды съ людьми».

И другой нѣкто, подобно сему, когда былъ въ
отшельничествѣ, и велъ жизнь отшельническую, еже-
часно услаждался благодатнымъ утѣшеніемъ; а ко-
гда сблизился съ міромъ, печаль по обычаю утѣше-
нія и не находилъ, и сталъ просить Бога, открыть
ему причину, говоря: «не ради ли епископства, Гос-
поди, отступила отъ меня благодать?» И ему сказано:
«нѣтъ; не по этому, но по тому, что Богъ промыш-
ляетъ о живущихъ въ пустынь, и ихъ удостои-
ваетъ таквихъ утѣшеній». Ибо невозможно, чтобы кто-
либо изъ людей имѣеть видимое утѣшеніе, а вѣдетъ
привѣтъ и благодатное, развѣ по какому-нибудь, упо-
мянутому выше, современному домостроительству,
которое извѣстно въ подобныхъ случаяхъ одному
Домостроительствующему.

Вопросъ. Отно ли и то-я е видѣніе и откровеніе
намъ нѣтъ!

Отвѣтъ. Нѣтъ. Напротивъ того, въ нихъ есть разность. Откровеніемъ часто называется то и другое. Послѣнку въ видѣніи обнаруживается совершенное, то всякое видѣніе называется откровеніемъ. Откровеніе же видѣніемъ не называется. Слово — *откровеніе* болышею частію употребляется о познаваніи, о томъ, что умомъ испытуется и умопредставляется. Видѣніе же бываетъ всякими способами, напр. въ изображеніяхъ и прообразованіяхъ, какъ бывало древо ветхозавѣтнымъ, въ глубокомъ снѣ, или въ бодрственномъ состояніи, и иногда со всюю точностію, а иногда какбы въ прѣракъ и нѣсколько неясвенно; почему и самъ, имбющій видѣніе, часто не знаетъ, въ бодрственномъ ли состояніи видѣлъ онъ, или въ сонномъ. Можно и гласъ слышать о всономощствованіи, и иногда видѣть какое-либо прообразованіе, иногда же ясне лицемъ къ лицу и видѣть, и бесѣдовать, и вопрошать, и на вопросы получать отвѣты. Видны бываютъ достойными, и даютъ нѣкъ откровеніе, святыхъ силы. И таковыя видѣнія бываютъ въ мѣстахъ наиболѣе пустынныхъ и удаленныхъ отъ людей, гдѣ человекъ необходимо имѣеть въ нихъ нужду; потому что нѣтъ у него иной помощи и утѣшенія отъ сазаго мѣста. Откровенія же, ощущаемыя умомъ, при чистотѣ удобопріемлемы и бываютъ только совершеннымъ и ведущимъ.

Вопросъ. Если достигъ кто сердечной чистоты, что служить ея признакомъ? И возможна ли когда человекъ, что сердце его достигнуто чистоты?

Отвѣтъ. Когда всѣхъ людей видѣть кто хоронимъ, и никто не представляется ему несчастнымъ и оскверненнымъ; тогда полно чисть отъ сердцемъ.

Ибо, какъ исполнить слову Апостольскому, по которому должны мы всѣхъ равно отъ искренняго сердца *честно большихъ себе творить* (Фил. 3, 3.), если не будетъ сказано, что доброе око не узритъ зла (Авв. 1, 13.)?

Вопросъ. Что такое чистота? и гдѣ предѣль ея?

Отвѣтъ. Чистота есть забвеніе противоестественныхъ способовъ веденія, изобретенныхъ естествомъ въ мірѣ. А чтобы освободиться отъ нихъ и стать внѣ ихъ, вотъ сему предѣль: прійти человеку въ первоначальную простоту и первоначальное незлобіе естества своего, и сдѣлаться какъ бы младенцемъ, только безъ младенческихъ недостатковъ.

Вопросъ. Можетъ ли кто взойти на эту степенъ?

Отвѣтъ. Да. Ибо вотъ, шше приходилъ въ мѣру сію, какъ и Авва Сисой пришелъ въ сію мѣру такъ, что спрашивалъ ученика: «ѣтъ я, или не ѣтъ»? И другой пѣгго изъ Отцевъ пришелъ въ такую простоту и почти въ младенческую невинность, почему, совершенно забывая все здѣшнее, такъ-что сталъ бы и ѣтъ до Пріобщенія, если бы не препятствовали ему въ этомъ ученики; и какъ младенца приводили его ученики къ Пріобщенію. Но для міра быть онъ младенецъ, для Бога же совершенъ душею.

Вопросъ. Чемъ заниматься, и о чемъ размышлять, должно подвижнику, пребывающему на безмолвіи, въ безмолвной своей келліи? и что надлежитъ ему непрестанно дѣлать, чтобы умъ его не имѣлъ досуга для суетныхъ помысловъ?

Отвѣтъ. Спрашивается о занятіи и размышленіи, какъ человеку стать жертвымъ въ келліи своей?

Развѣ человекъ рачительный и трезвенный душою имѣеть нужду спрашивать, какъ ему вести себя, когда бываетъ онъ одинъ самъ съ собою? Какое шое занятіе у монаха въ келліи его, кромѣ плача? Развѣ бываетъ у него время отъ плача обратиться къ другому помыслу? И какое занятіе лучше этого? Самое пребываніе монаха и одиночество его, угодобляясь пребыванію во гробъ, далекому отъ радости человеческой, учать его, что дѣятельность его—плачь. И самое значеніе имени его къ тому же призываетъ и убѣждаетъ, потому что называется онъ сътующимъ, то-есть, неполненнымъ горести въ сердць. И все святые въ плачь переселились изъ сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились изъ жизни сей, очн ихъ всегда были наполнены слезами; то кто же не будетъ плакать? Утѣшеніе монаху порождается плачемъ его. И если совершенные и побѣдоносные здѣсь плакали, то какъ стерпигъ исполненный язвъ, чтобы перестать ему плакать? Кто имѣеть лежащаго предъ собою мертвеца, и видитъ, что самъ онъ умерщвленъ грѣхами, того нужно ли учить, съ какою мыслію пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже цѣлаго міра, умерщвлена грѣхами, и лежитъ предъ тобою; ужели же не требуетъ она плача? Поэтому, если пойдемъ на безмолвіе, и съ терпимемъ будемъ пребывать въ немъ, то конечно въ состояніи будемъ пребывать въ плачь. Посему, будемъ часто въ умѣ своемъ молить Господа, чтобы даровалъ намъ плачь. Ибо, если приобретаемъ сію благодать, лучшую и превосходящую прочихъ дарованій, то, при помощи ея, достигнемъ чистоты. А какъ-скоро дости-

гнѣвъ ся, не отищется уже у насъ чистота до самаго исхода нашего изъ жизни сей.

Поэтому, блаженны чистые сердцемъ, потому что нѣтъ времени, когда бы не услаждались они сею сладостію слезъ, и въ ней всегда зрятъ они Господа. Пока еще слезы у нихъ на глазахъ, они сподобляются зрѣнія откровеній Его на высотѣ молитвы своей; и нѣтъ у нихъ молитвы безъ слезъ. Сіе-то и значить сказанное Господомъ, *блаженн плачущи, яко тѣи утѣшатся* (Мато. 5, 11.). Ибо отъ плача приходитъ человѣкъ къ душевной чистотѣ. Поэтому Господь, сказавъ: *яко тѣи утѣшатся*, не объяснить: какимъ утѣшеніемъ. Ибо, когда монахъ сподобился съ помощію слезъ преѣйти область страстей, и вступилъ на равнину душевной чистоты, тогда срѣтаетъ его таковое утѣшеніе. Поэтому, если кто изъ небавшихъ утѣшенія здѣсь прострегае на сію равнину, и на ней встрѣтитъ утѣшеніе, необрѣтаемое здѣсь, то уразумѣваетъ тогда, какого ожидаетъ себя, наконецъ, утѣшенія за плачь, и какое утѣшеніе плачущимъ даетъ Богъ за чистоту ихъ; потому что непрестанно плачущій не можетъ быть тревожимъ страстями. Пролить слезы и плакать, это—дарованіе безстрастныхъ. И если слезы плачущаго и съгнущаго временно могутъ не только пугиводить его къ безстрастію, но и совершенно очистить и освободить умъ его отъ памятованія страстей; что скажемъ о тѣхъ, которые съ вѣднѣемъ день и ночь урражняются въ семь дѣланій? Поэтому, никто не знаетъ помощи бывающей отъ плача, вровъ тѣхъ однихъ, которые вредятъ души свои дѣлу сему. Въ свѣтые стремятся къ сему входу; потому что слезами отвер-

застея предъ нами дверь, для вшествія въ страну угыпенія ; и въ этой странѣ въ откровеніяхъ изображаются прѣблагіе и спасительныя слѣды Божіи.

Вопросъ. Послѣку шые, по немощи тѣла, не въ состояніи непрестанно плакать, что должно имѣть имѣ къ охраненію ума, чтобы противъ него, когда онъ шить не занятъ, не возставали страсти ?

Отвѣтъ. Страсти не могутъ возстать на душу и смутить подвижника, если въ отшельничествѣ его; удаленномъ отъ всякаго развѣшанія, сердце его не занимается житейскимъ, развѣ только будетъ онъ лѣшивъ и перадивъ къ своему долгу. А преимущественно, если будетъ онъ упражняться въ полученіи божественныхъ Исканій, то, занимаясь изысканіемъ ихъ смысла, пребываетъ шмало не тревожимъ страстями. Шбо, при возрастающемъ и укореняющемся въ немъ разумнн божественныхъ Исканій, бѣгутъ отъ него суетныя помыслы, и умъ его не можетъ отетать отъ желанія читать Исканія, или размышлять о читанномъ, и не обращаетъ онъ шмалого вниманія на жизнь настоящую, но причиняетъ весьма великаго наслажденія своимъ занятіемъ, восхищаемый Исканіями въ глубокомъ пустынномъ безмолвіи. Носему, забываетъ себя и естество свое, и дѣлается какбы человекомъ, который пришелъ въ изступленіе, повсе не памятуетъ о семь вѣкъ, преимущественно занятъ шелью о величн Божіемъ, и погружаясь въ это умомъ, говоритъ : «слава Божеству Его!» и еще: «слава чудесамъ Его! Дивны и необычны въ дѣла Его! На какую высоту возвелъ Онъ мое убожество! Чему еще болѣе меня поучаться, на какіе отваживаться помыслы, чѣтъ уладжидать душу мою!»

Обращаясь мыслию къ чудесамъ сна, и всегда ни пзуемая, пребываетъ онъ въ непрестанномъ упоеніи, и какбы уже вкушаетъ жизнь по воскресеніи, потому что безмолвіе весьма много содѣйствуетъ сей благодати. Ибо умъ его находитъ возможность пребывать въ себѣ самомъ съ миромъ, какой приобрѣтенъ имъ въ безмолвіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждается симъ къ намътованію того, что сообразно съ порядкомъ жизни его. Ибо, мысленно представляя славу будущаго вѣка, и блага, по упованію уготованныя праведнымъ, пребывающимъ въ оной духовной жизни и въ Богѣ, и новое оное восстановленіе, не содержитъ, ни въ мысли, ни въ памяти того, что есть въ міръ сей. И когда будетъ снъ упоенъ, снова переносится оттуда созерцаніемъ къ вѣку сему, въ которомъ еще живетъ, и въ изумленіи говоритъ: *о глубина богатства, премудрости, вѣдѣнія, смысленности, разумности и домостроительства непознѣимаго Бога, яко не испытани судомъ Его, и неизслѣдовани путіе Его (Рим. 11, 33.)!* Ибо, когда Онъ уготовалъ шой столько чудный вѣкъ, чтобы ввести въ него все разумныя существа и сохранить ихъ въ нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему эготъ первый міръ, расширить его и столько обогатить его столпленіемъ и множествомъ видовъ и естествъ, и дать въ немъ мѣсто прищипавъ многихъ страстей, и тому, что ихъ играеть, и что имъ противоборствуетъ? И почему сначала поставилъ насъ въ этотъ міръ, водрузилъ въ насъ любовь къ долготной въ немъ жизни, и внезапно пемнщаетъ насъ изъ него смертію, немалое время хранитъ насъ въ безчувственности и неподвижности,

уничтожаетъ образъ нашъ, разливаешь раствореніе наше, смѣшиваетъ его съ землею, попускаешь, чтобы составъ нашъ разрушился, истлѣлъ и исчезъ, и вовсе не оставалось ничего отъ естества человѣческаго; а потомъ во время, какое опредѣлишь достопокланяемою премудростію Своею, когда восхождешь, воздвигнешь насъ въ новый образъ, какой Ему только извѣстенъ, и введешь насъ въ другое состояніе, чего мы только чловѣки надѣемся, но и самые святыя Ангелы, пеняющіе нужды въ этомъ мірѣ, по необъятности естества своего малымъ чѣмъ недостигніе совершенства, ожидаютъ нашего востанія изъ тлѣнія, когда встанетъ родъ нашъ изъ персти и обновится тлѣніе его! Ибо ради насъ и имъ возбраненъ входъ, и они ждутъ единократаго отверзетія двери новаго вѣка. И сія тварь (Ангелы) съ нами успокоится отъ тяжести тѣла, обременяющей насъ, какъ говоритъ Апостоль: *яко и сама тварь откровенія сыновъ Божіихъ чаесть, да свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19. 21.), по совершенномъ разореніи вѣка сего въ цѣломъ его устройствѣ, и по возстановленіи естества нашего въ первоначальное состояніе».

И отсюда уже возносится умомъ своимъ къ тому, что предшествовало сложению міра, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни Ангеловъ, ничего изъ приведеннаго въ бытіе, и къ тому, какъ Богъ, по единому благоволению Своему, внезапно привелъ все изъ небытія въ бытіе, и всякая вещь предстала предъ Нимъ въ совершенствѣ. И снова спускаетъ умомъ своимъ ко всѣмъ созданіямъ Божіимъ, обращаетъ вниманіе на чудесность тварей у

Бога и на премудрость произведеній Его, въ изумленіи разсуждая самъ съ собою: «Какое чудо! Сколько домогательство и Промысль Его превышаютъ всякое понятіе, сколько чудная сила Его крѣче всѣхъ произведеній Его! Какъ изъ небытія привелъ Онъ въ бытіе тварь сію, это несчастливое множество различныхъ вещей? И какъ опять разорить ее, уничтоживъ это чудное благоустройство, эту льноту естество, это стройное теченіе тварей, часы и годы, это сочетаніе ночи и дня, воздушныя перемѣны, содѣйствующія году, эти разнообразныя, прозябающія изъ земли цвѣты, эти прекрасныя зданія городовъ и въ нихъ преукрашенные чертоги, это быстрое движеніе людей, это существованіе ихъ, обремененное трудами отъ влествія своего въ міръ до самаго несчастія? И какъ внезапно прекратится чудный этотъ порядокъ, и наступитъ другой вѣкъ, и воспомнаніе о первой этой твари вовсе не взоидетъ никому на сердце, и будетъ шное видоизмѣненіе, нынѣшныя помященія, нынѣшныя понеченія! И естество человеческое также не вспомнаетъ вовсе о семъ міръ и о первомъ образѣ жизни своей; потому что умъ человеческій прилвнтся къ созерцанію онаго состоянія, и умъ людей не будетъ досуга возвратиться снова къ брани съ млію и кровію. Ибо съ разореніемъ сего вѣка немедленно приметъ начало вѣкъ будущій. И всякій человекъ скажетъ тогда слѣдующее: О матерь, забытая своими чадами, которыхъ родила, воспитала и умудрила, и которыхъ во мгновеніе ока собраны на чужое лоно, и содѣлалась неплодными чадами неплодной, никогда не рождавшей! *Возвеселися неплоды нераждающая* (Ис. 54, 1.) о чадахъ, которыхъ родила тебѣ земля».

И тогда, какбы въ изступленіи размышляетъ, и говоритъ: «сколько еще времени будетъ стоять въкъ этотъ; и когда восприметь начало въкъ будущій? Сколько еще времени хранимъ этииъ спать въ этомъ видѣ, и тѣмъ быть смѣшанными съ перстною? Какова будетъ оная жизнь? Въ какомъ образѣ встанеть и составится естество это? Какъ перейдетъ оно въ новую тварь?» И когда размышляетъ онъ о семъ и подобномъ ему, приходитъ онъ въ восторгъ, изумленіе и безмолвное молчаніе, и востаетъ онъ въ этотъ часъ, и преклоняетъ колѣна и, съ обильными слезами, возсылаетъ благодаренія и славословія единому премудрому Богу, всегда славимому во всекременныхъ дѣлахъ Его. Блаженъ, кто сподобился чего-либо таковаго! Блаженъ, у кого такое занятіе и день и ночь! Блаженъ, кто о семъ и подобномъ тому размышляетъ весь днѣ жизни своей! И если человекъ, въ началѣ своего безмолвія, не ощущаетъ силы таковыхъ созерцаній, по причине паренія ума своего, и не можетъ еще возноситься къ силамъ сказанныхъ выше чудесъ Божіихъ; то да не приходитъ въ уныніе, и да не оставляетъ тишины безмолвной жизни своей. Ибо и земледѣлецъ, когда сѣетъ, не точаетъ съ посѣвомъ сѣменъ видѣть и колосья; но за сѣвиюмъ сѣдующъ у него уныніе, трудъ, изнеможеніе собственныхъ членовъ, удаленіе товарищей, разлука съ домашними. А когда претерпитъ это, приходитъ иное время, въ которое улаживается тѣлатель и скачетъ, и радуется, и веселится.

Какое же это время? Когда вкуситъ онъ хлѣба, добытаго потомъ своимъ, и въ безмолвіи соблагоденно будетъ размышленіе его. Ибо великое и несконча-

мое удовольствіе возбуждаютъ въ сердце, и въ неизреченное удивленіе приводятъ умъ безмолвіе и это, сказанное выше, терпѣливое въ безмолвіи размышленіе. И блаженъ, кто терпѣливо пребываетъ въ опочтѣ; потому что отверзся предъ нимъ сей боготочный источникъ, и пилъ онъ пѣз него, и насладился, и не перестанетъ пить пѣз него всегда, во всякое время, во всякій часъ дня и ночи, до скончанія и послѣдняго предѣла цѣлой своей временной этой жизни.

Вопросъ. Что главное во всехъ трудахъ дѣла сего, т. е., безмолвія, чтобы человеку, который дошелъ и до сего, можно было знать, что достигъ уже онъ совершенства въ житіи?

Отвѣтъ. То, когда сподобится человекъ непрестаннаго пребыванія въ молитвѣ. Ибо, какъ-скоро достигъ онъ сего, взойдетъ на высоту всехъ добродѣтелей, и содѣлается уже обителемъ Святаго Духа. А если кто не пріялъ несомнѣнно сего благодати Утѣшителя; то не можетъ свободно совершать пребыванія въ сей молитвѣ; потому что, какъ сказано, когда вселится въ ковь пѣз людей Духъ, тогда не прекратитъ онъ молитвы, но самъ Духъ молится всегда (Рим. 8, 26.). Тогда и въ сонномъ и въ бодрственномъ состояніи человека молитва не пресѣкается въ душѣ его, но ѣсть ли, пить ли, спать ли, дѣлаетъ ли что, даже и въ глубокомъ снѣ, безъ труда издаются сердцемъ его благоуханія и иснерсія молитвы. Тогда молитва не отлучается отъ него, во всякій часъ, хотя и безмолвствуетъ во вѣнности его, однакоже въ то же время совершаетъ въ немъ службу Божию втайнѣ. Ибо мол-

чаніе чистыхъ одинъ изъ христовосныхъ мужей называется молитвою; потому что помыслы ихъ суть божественныя движенія, а движенія чистаго сердца и ума суть кроткіе гласы, которыми сокровенно воспѣваютъ Сокровеннаго.

Вопросъ. Что такое духовная молитва? и какъ подвижнику сподобиться ея?

Отвѣтъ. Душевныя движенія, за строгую неперочность и чистоту, дѣлаются причастными дѣйственности Святаго Духа. И ея сподобляется одинъ изъ многихъ тысячъ людей; потому что это тайна будущаго состоянія и житія. Естество возносится, и пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ. Не молитвою молится душа, но чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человеческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою Святаго Духа. А это есть умное созерцаніе, но не движеніе и не взысканіе (с) молитвы, хотя отъ молитвы замѣствовало себя начало. Ибо чрезъ это нѣкоторые изъ подобныхъ снмъ людей достигали уже совершенства чистоты. И нѣтъ часа, въ который бы внутреннее ихъ движеніе было не въ молитвѣ, какъ сказали мы выше. И когда приикаетъ Духъ Святыи, всегда обрѣтаетъ таковыхъ въ молитвѣ; и отъ этой молитвы возносятся ихъ къ созерцанію, которое называется духовнымъ видѣніемъ. Ибо не имѣютъ они нужды въ образѣ продолжительной молитвы, ни въ стояніи и въ чинѣ продолжительной

(с) Въ греческомъ рѣчь безъ отрицанія; но здѣсь предпочтены переводы: древній славянскій и сербскій.

службы. Для нихъ достаточно вспомнать о Богѣ, и тотчасъ является любовію Его. Впрочемъ, не нерадятъ совершенно и о стояніи на молитвѣ, когда дѣлають честь молитвѣ, и, кромѣ непрестанной молитвы, въ назначенные часы стоятъ на ногахъ.

Ибо видимъ святаго Антонія стоящимъ на молитвѣ девятаго часа и ощутившимъ возношеніе ума своего. И другой изъ Отцевъ, съ воздѣтыми руками стоя на молитвѣ, приходилъ въ восхищеніе на четыре дня. И другіе многіе, во время таковой молитвы, πληняемы были сильнымъ памятованіемъ о Богѣ и великою любовію къ Нему, и приходили въ восхищеніе. Сподобляется же ея человекъ, когда храненіемъ заповѣдей Господнихъ, противящихся грѣху, и внутренно и наружно совлечется грѣха. Кто возлюбитъ сіи заповѣди, и воспользуется ими по чину; для того необходимымъ сдѣлается освободиться отъ многихъ человѣческихъ дѣлъ, т. е. совлечется тѣла и быть внѣ его, такъ сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведетъ жизнь по образу Законоположника, и руководствуется заповѣдями Его; въ томъ невозможно оставаться грѣху. Посему, Господь обѣговалъ въ Евангеліи сохранить заповѣди сотворить у него обитель.

Вопросъ. Въ чемъ совершенство многихъ плодовъ Духа ?

Отвѣтъ. Въ томъ, когда сподобится кто совершенной любви Божіей.

Вопросъ. И почему узнатьъ человекъ, что достигъ ея ?

Отвѣтъ. Когда памятованіе о Богѣ возбуждилось въ умъ его; тогда сердце его немедленно возбуж-

дается любовію къ Богу, и очи его обильно производятъ слезы. Ибо любви обычно воспоминаемъ о любимыхъ возбуждать слезы. А пребывающій въ любви Божіей никогда не лишается слезъ; потому что никогда не имѣетъ недостатка въ томъ, что ищетъ въ немъ памятованіе о Богѣ; почему и во снѣ своемъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ибо любви обычно производитъ что-либо подобное, и она есть совершенство людей въ сей ихъ жизни.

Вопросъ. Если послѣ многого труда, изнуренія, боренія, какіе приобрѣлъ человекъ, помысль гордыни не стыдится прирастить къ нему, потому что заимствуетъ себѣ пищу въ льнотѣ добродѣтелей его, и рассчитываетъ на великость понесеннаго имъ труда; то чѣмъ одолѣть человеку помысль свой, и приобрѣсти въ душѣ своей такую твердость, чтобы не покорилась она помыслу?

Отвѣтъ. Когда познаетъ кто, что отпадаетъ онъ отъ Бога, какъ сухой листъ падаетъ съ дерева; тогда уразумѣваетъ силу души своей: то-есть, своею ли силою приобрѣлъ онъ добродѣтели снѣ, и перенесъ ради нихъ всѣ боренія, между-тѣмъ какъ Господь удерживалъ помощь Свою, и попускалъ ему одному вступать въ борьбу съ діаволомъ, и не ходилъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ обыкновенно участвуетъ Онъ въ борьбѣ съ подвизающимися, и содѣйствуетъ имъ; тогда обнаруживается сила его; лучше же сказать, яснымъ дѣлается пораженіе и затрудненіе его. Ибо со святыми всегда бываетъ Промысль Божій, охраняющій и укрѣпляющій ихъ. Имъ побуждаетъ всякій чинъ людей, если бываетъ въ подвигъ и въ страданія мученическихъ и въ

прочихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ за Бога и ради Его претерпѣваемыхъ. И это ясно, очевидно и несомнѣнно. Ибо какъ естество можетъ побѣдить силу щекотаній, непрестанно возбуждающихся въ членикахъ у людей, причиняющихъ имъ скорбь и очень сильныхъ для того, чтобы преодолеть ихъ? И почему другіе желаютъ побѣды, и любятъ ее, но не могутъ одерживать оной при сильномъ сопротивленіи своемъ; напротивъ же того, каждый день терпятъ пораженіе отъ тѣлесныхъ щекотаній, и пребываютъ въ трудѣ, въ плачѣ и въ изнеможеніи, трудясь о душахъ своихъ; а ты удобно возмощенъ понести приязанія тѣла, которыя столько трудны, и не приходитъ отъ того въ большее замѣнательство? И какъ тѣло, въ другихъ случаяхъ чувствительное къ страданіямъ, и потерпящее уязвленія терніемъ, уколовшимъ его поготь, можетъ пребороть рѣзаніе желѣзомъ, переносить сокрушеніе членовъ и всякаго рода муки, и не препобѣждаться страданіями, не ощущая, какъ обычно естеству, даже различія сего въ мученіяхъ, если кромѣ естественной силы не приходитъ отъ ншуду другая сила, отражающая отъ него лютость мученій? И поскольку заговорили мы о Божіемъ Промыслѣ; то не польнимся привести на память одну душевнолезную повѣсть, возвышающую человека въ бореціяхъ его.

Одинъ юноша, по имени Феодоръ, у котораго все тѣло подвергнуто было мученіямъ, спрошенный къмъ-то: «чувствовалъ ли ты мученія»? отвѣчалъ: вначалѣ чувствовалъ; а въ послѣдствіи увидѣлъ нѣкоего юношу, который отиралъ потъ моего бореція, укреплялъ меня, и доставлялъ мнѣ прохладу

во время подвига». О, какъ велики Божіи щедроты! Сколько близка бываетъ благодать Божія къ подвижающимся за нѣя Божіе, чтобы нѣя съ радостію претерпѣвать за Него страданія!

Поэтому, не будь непризнателемъ, человекъ, къ Божію о тебѣ промышленію. Если, наконецъ, явно, что ты не побѣдитель, а только какбы орудіе, побѣждаетъ же въ тебѣ Господь, и ты туше получаешь побѣдное имя; кто возбраняетъ тебѣ и во всякое время просить тойже силы, и побѣждать и принимать похвалу, и исповѣдываться Богу? Развѣ не слыхалъ ты, человекъ, сколь многіе подвижники отъ сложенія міра, бывъ непризнательными къ сей благодати, пали съ высоты жизни и съ высоты подвиговъ своихъ? Сколько многочисленны и различны дары Божіи роду человеческому сами въ себѣ, столько же бываетъ различія въ приемлемыхъ дарахъ и соответственно степени приемлющихъ оныя. Бываетъ умаленіе и величіе въ дарахъ Божіихъ; хотя все они высоки и чудны, но одинъ превосходитъ предъ другими славою и честію, и степень степени выше. И также: посвятить себя Богу, и жить добродѣтельно, есть одно изъ великихъ дарованій Христовыхъ. Ибо многіе, забывъ, что по сей благодати сподобились они стать отлученными отъ людей и посвященными Богу, причастниками и приемщиками дарованій Его, избранными и удостоенными служенія и священнодѣйствія Богу, вмѣсто того, чтобы непрестанно устами своими благодарить за сіе Бога, уклонясь въ гордыню и высокомеріе, и думаютъ о себѣ не какъ приняшіе благодать священнодѣйствія, чтобы священнодѣйствовать Богу чистымъ

жизнѣмъ и духовнымъ дѣланіемъ , но какъ оказывающіе милость Богу; когда бы надлежало имъ разсудить , что Богъ изъялъ ихъ изъ среды людей , и содѣлалъ присными Своими для познанія тайнъ Его. И не трепещутъ они всею душею своею, разсуждая такимъ образомъ, напротивъ же, когда видятъ, какъ у разсуждавшихъ подобно сему прежде нихъ внезапно отъято было достоинство, и какъ Господь въ мгновеніе ока свергнулъ ихъ съ той высокой славы и чести , какою имѣли они ; и уклонилъ они въ нечистоту, непотребство и студодѣянiе , подобно скотамъ. Послѣку не познали они силы своей , и не содержали непрестанно въ памяти Давнаго имъ благодать, совершать предъ Нимъ служеніе , стать включенными въ царство Его , быть сожителами Ангеловъ и приближаться къ Нему ангельскимъ житіемъ; то Богъ отстранилъ ихъ отъ дѣланія ихъ, и тѣмъ, что оставилъ безмолвіе , и измѣнили образъ жизни своей, показали имъ, что не ихъ была сила, если соблюдали они благочііе въ житіи, и не тревожили ихъ понужденія естества, демоновъ и шихъ прочихъ сопротивностей, напротивъ же того, была это сила благодати Божіей, производившая въ нихъ то, чего міръ, по трудности этого, не можетъ вѣстить или слышать, и въ чемъ они пребывали долгое время, и не были побѣждаемы; почему, конечно, была въ нихъ нѣкая сопутствующая имъ сила, достаточная къ тому, чтобы во всемъ помогать имъ и охранять ихъ. Но послѣку забыли они о силѣ этой; то исполнилось на нихъ слово , сказанное Апостоломъ: *яко же не искусиша имѣти въ разумъ Бога, Владыку своего, совокупившаго персть для духовна-*

го служенія, предаде ихъ въ неискусенъ умъ (Рим. 1, 28.), и какъ надлежало, воспріяли они безчестіе за свое заблужденіе.

Вопросъ. Бываетъ ли когда, чтобы тотъ, кто откажется вдругъ совершенно отрѣчься отъ сожителства съ людьми и по благой ревности впсзашо уйдти въ необитаемую и страшную пустыню, умеръ отъ сего съ голода, по немъшю у себя покрова и прочихъ потребностей?

Отвѣтъ. Кто безсловеснымъ животнымъ, прежде сотворенія ихъ, уготовалъ жилище, и нечется объ ихъ потребностяхъ, Тотъ не презритъ созданія Своего, преимущественно же боящихся Его, и въ простотѣ, безъ пытливости, послѣдовавшихъ Ему. Кто волю свою во всемъ предастъ Богу; тотъ не нечется уже о пуждахъ тѣла своего, о бѣдствіи и злостраданіи его, но желаетъ пребывать въ житіи соврѣнномъ и вести жизнь уничиженную, не боится скорбей, но почитаетъ пріятнымъ и сладостнымъ отчужденіе отъ цѣлаго міра за чистоту житія, пзиуря себя среди холмовъ и горъ, живетъ какъ скиталець въ кругу безсловесныхъ животныхъ, не соглашается упоковаться тѣлесно и проводитъ жизнь исполненную сквернъ. И когда предастъ себя на смерть, еже-часно плачетъ и молится, чтобы не лишиться ему чистаго Божія житія; тогда пріемлетъ отъ Бога помощь. Ему слава и честь! Онъ да сохранитъ насъ въ чистотѣ Своей, и да освятитъ насъ святынею благодати Святаго Духа, въ честь имени Своего, чтобы святое имя Его въ чистотѣ прославлялось во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 22.

О томъ, что тѣло, которое боится искушеній,
дѣлается другомъ грѣха.

—

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ, что другомъ грѣха дѣлается тѣло, которое боится искушеній, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему, Духъ Святыи поуждастъ его умереть. Ибо знаетъ, что, если не умретъ, не побѣдитъ грѣха. Если кто хочетъ, чтобы вселился въ немъ Господь; то приуждаетъ онъ тѣло свое, служить Господу, работаетъ въ заповѣдяхъ Духа, написанныхъ у Апостола, и хранитъ душу свою отъ дѣлъ плотскихъ, описанныхъ Апостоломъ (Гал. 5, 19.). Тѣло же, приобщившееся грѣху, упокоивается въ дѣлахъ плотскихъ, и Духъ Божий не упокоивается въ плодахъ его. Ибо, когда тѣло изнемогаетъ въ постъ и смиреніи, тогда душа укрѣпляется молитвою. Тѣлу обычно, когда много угнетается скорбями безмолвія, терпитъ лишенія и недостатки, и приближается къ тому, чтобы лишиться жизни своей, умолять тебя и говорить: «дай мнѣ немного свободы пожить въ мѣру; хожу я теперь право, потому что испытано великими злостраданіями». И какъ-скоро, изъ состраданія къ нему, споконшь его отъ скорбей, и доставишь ему нѣсколько отдохновенія, и хотя ненадолго успокоится оно; мало по малу станетъ съ ласкательствомъ нашептывать тебѣ (а ласкательства

его весьма сильны), пока не заставитъ тебя уйти изъ пустыни, и скажетъ тебѣ: «можемъ и близъ міра жить хорошо; потому что пещитаны во многомъ; поэтому, можемъ и тамъ жить по тѣмъ же правиламъ, какими водимся теперь. Искуси меня только, и если не буду такимъ, какъ тебѣ угодно, можемъ возвратиться. Вотъ, пустыня не бѣжитъ отъ насъ». Не вѣрь ему, хотя и сильно будетъ умолять, и дастъ много обѣщаній. Оно не исполнитъ того, что говоритъ. Когда склонился на просьбу его; ввергнетъ тебя въ великія паденія, изъ которыхъ не будешь въ состояніи востать и выйти.

Когда придешь отъ искушеній въ уныніе, и пресытись ниц; скажи самъ себѣ: «снова вождель-вашь ты нечистоты и срамной жизни». Если тѣло скажетъ тебѣ: «великій грѣхъ самому себя убивать»; то отвѣчай ему: «самъ себя убиваю, потому что немогу жить нечисто. Умру здѣсь, чтобы снова не увидѣть мнѣ истинной смерти души моеѣ, смерти для Бога. Лучше мнѣ умереть здѣсь ради непорочности, и не жить худою жизнью въ мірѣ. Прозвольно избралъ я смерть сію за грѣхи свои. Самъ себя умерщвляю, потому что согрѣшилъ я Господу; не буду больше прогнѣвлять Его. Что мнѣ въ жизни далекой отъ Бога? Буду терпѣть озлобленія сіи, чтобы не быть отчужденнымъ отъ небесной надежды. Что Богу въ жизни моеѣ въ этомъ мірѣ, если живу въ немъ худо, и прогнѣвляю Бога?»

С Л О В О 23.

ПОСЛАНИЕ, ПИСАННОЕ КЪ ОДНОМУ БРАТУ, ЛЮБИТЕЛЮ
БЕЗМОЛВІЯ.

—

Послику знаю, что любишь ты безмолвіе, и что діаволь, зная волю твоего ума подъ предложениями добра ошутываетъ тебя во многомъ, пока не сокрушилъ и не преспнулъ тебя въ добродѣтели, заключающей въ себя многіе виды добраго; чтобы мнѣ, какъ члену, тѣсно связанному съ тобою, добрый братъ, помочь благому твоему желанію полезнымъ словомъ, позаботился я написать, что самъ пріобрѣлъ у мужей, мудрыхъ добродѣтелию, въ писаніяхъ у Отцевъ, и собственнымъ опытомъ. Ибо, если человекъ не будетъ пренебрегать и почестіями и безчестіями, и ради безмолвія терпѣть поношеніе, поруганіе, вредъ, даже побой, не сдѣлается посмѣшищемъ, и видящіе его не станутъ почитать его юродивымъ и глумцемъ: то не возможетъ онъ пребыть въ благомъ намѣреніи безмолвія; потому что, если человекъ однажды отворитъ дверь какимъ-либо побужденіямъ, то діаволь не престанетъ выставлять ему на видъ нѣкоторыя изъ сихъ побужденій подъ многими предложениями, въ частыхъ и безчисленныхъ встрѣчахъ съ людьми. Поэтому, если ты, братъ, въ точности любишь добродѣтель такого безмолвія, которое не терпитъ въ себѣ ни разсѣянія, ни отторженія, ни отдѣленія, и какимъ побуждали древніе; то найдешь въ такомъ случаѣ возможность совершить похвальное свое желаніе, какъ-скоро уподобишься Отцамъ своимъ, и

пріймешь намѣреніе въ себѣ показать житіе ихъ. А они возлюбилн совершенное безмолвіе, не заботились поддерживать любовь ближнихъ своихъ, не старались употреблять силы свои на ихъ успокоеніе, и не стыдились избѣгать встрѣчн съ тѣми, которые почитаются людьми почтенными.

Такъ они шествовали, и не были осуждаемы людьми мудрыми и вѣдущими, какъ пренебрегающіе братьями, презрители, или нерадивые или лишеныя разсудка, что въ оправданіе ихъ и сказано однимъ почитающимъ безмолвіе и отшельничество наче сообщества съ людьми. «Человѣкъ», говоритъ онъ, «который опытно изучаетъ сладость безмолвія въ келліи своей, не какъ пренебрегающій ближнимъ, убѣгаетъ съ ними встрѣчи, но ради того плода, какой собираетъ отъ безмолвія». «Для чего», спрашиваетъ онъ, «Авва Арсеній предавался бѣгству, и не останавливался, встрѣчая кого-либо?» Авва же Ѳеодоръ, если встрѣчалъ кого, то встрѣча его была какъ мечъ. Никому не говорилъ онъ привѣтствія, когда находился внѣ своей келліи. А святыи Арсеній не привѣтствовалъ даже и приходящаго къ нему съ привѣтствіемъ. Ибо въ одно время нѣкто изъ Отцевъ пришелъ видѣть Авву Арсенія, и старецъ отворилъ дверь, думая, что это служитель его; но когда увидѣлъ, кто былъ пришедшій, повергся на лицо свое, и долго умоляемъ встать послѣ увѣренія пришедшаго, что прійметъ благословеніе и уйдетъ, святыи отрекся, говоря: «не встану, пока не уйдешь». И не всталъ, пока тотъ не ушелъ. И дѣлалъ блаженный это для того, чтобы, если однажды подастъ нѣмъ руку, снова не возвратились къ нему.

Посмотри же на продолженіе слова, и тогда не скажешь, что, можетъ быть, Арсеній пренебрегъ снѣмъ Отцемъ, или къмъ другимъ, по малозначительности его, а иному ради чести его оказалъ лицепріятіе, и бесѣдовалъ съ нимъ. Напротивъ того, Арсеній равно бѣгалъ отъ всѣхъ, и отъ малыхъ и отъ великихъ. Одно было у него предъ очами—ради безмолвія пренебрегать сообщеніемъ съ людьми, будетъ ли то человекъ великій, или малый, и ради чести безмолвія и молчанія отъ всѣхъ понести на себѣ укоризну. И мы знаемъ, что приходилъ къ нему Архіепископъ, блаженный Теофилъ, а съ нимъ былъ и судія той страны, имѣвшій желаніе видѣть святаго и оказать ему честь. Но Арсеній, когда сидѣлъ предъ ними, даже малымъ словомъ не почтилъ ихъ высокаго сана, хотя и очень желали они слышать слово его. И когда Архіепископъ сталъ просить его о томъ, добрый старецъ помолчалъ немного, и потомъ говорить: «сохраните ли слово мое, если скажу вамъ»? Они изъявили согласіе, сказавъ: «да». Старецъ же сказалъ имъ: «если услышите, что гудятъ Арсеній, не приближайтесь туда». Видишь ли чудный нравъ старца? Видишь ли пренебреженіе его къ человеческой бесѣдѣ? Вотъ человекъ, познавшій плодъ безмолвія. Блаженный не разсуждалъ, что пришелъ Учитель Вселенскій и глава Церкви, но представлялъ въ мысли съзвующее: «одножды навсегда умеръ я для міра, какая же польза отъ мертвеца живымъ»? И Авва Макарій укорилъ его исполненною любви укоризною, сказавъ: «что ты бѣгаешь отъ насъ»? Старецъ же представилъ ему чудное и достойное похвалы оправданіе, отвѣтивъ: «Богу извѣстно, что

люблю васъ; но не могу быть вмѣстѣ и съ Богомъ и съ людьми». И сему чудному вѣдѣнію наученъ онъ не шымъ къмъ, но Божиимъ гласомъ. Ибо сказано было ему: «бѣгай, Арсеній, людей, и спасешься».

Иногда праздный и любящій бесѣды человекъ да не будетъ столько безстыденъ, чтобы опровергать это, извращая слова Арсеніевы, и да не говоритъ вопреки сему: «это изобрѣтеніе человеческое, и изобрѣтено въ пользу безмолвія». Напротивъ того, это ученіе небесное. И чтобы не подумали мы, будто бы сказано сіе было Арсенію въ смыслѣ бѣжать и удаляться ему отъ міра, а не въ смыслѣ бѣгать ему также и отъ братій; послѣ того какъ оставилъ онъ міръ, пошелъ и поселился въ лавръ, снова молился онъ Богу, вопрошая: какъ можно жить ему добродѣтельно? и говорилъ: «укажи мнѣ путь, Господи, какъ спастись»; и думалъ, что услышитъ что-либо иное; но и во второй разъ услышалъ опять то-же владычній гласъ: «бѣгай, Арсеній, молчи, и безмолвствуй. И хотя много пользы (сказано ему) въ свиданіи и въ бесѣдѣ съ братіями, однакоже, не столько полезно для тебя бесѣдовать съ ними, сколько бѣгать отъ нихъ». И когда пріялъ сіе блаженный Арсеній въ божественномъ откровеніи, и какъ былъ еще въ міръ, повелѣно ему бѣгать, и потомъ, когда былъ съ братією, изречено то-же самое; тогда увѣрился онъ и позналъ, что къ пріобрѣтенію доброй жизни недостаточно ему бѣгать только мірскихъ, должно же убѣгать отъ всѣхъ равно. Ибо можетъ ли кто противиться и прекословить Божественному гласу? Да и божественному Антонію сказано было въ откровеніи: «если желаешь безмолвствовать, иди

не только въ Оиванду, но даже во внутреннѣйшую пустыню». Посему, если Богъ повелѣваетъ намъ бѣгать отъ всѣхъ и столько любить безмолвіе, когда пребываютъ въ немъ любящіе Его, кто станетъ выставлять на видъ какіе-либо предлоги къ тому, чтобы пребывать въ собесѣдованіи и сближеніи съ людьми? Если Арсенію и Антонію полезны были бѣгство и осторожность, то кольми паче полезны они немощнымъ? И если тѣхъ, и въ словѣ, и въ лицезрѣніи, и въ помощи которыхъ имѣлъ нужду цѣлый міръ, Богъ почтилъ больше за ихъ безмолвіе, нежели за вспомоществованіе всему братству, лучше же сказать, всему человечеству; то кольми паче безмолвіе нужно тому, кто не въ состояніи хорошо охранять себя?

Знаемъ и о другомъ нѣкомъ святомъ, что братъ его съдѣлался боленъ, и заключенъ былъ въ другой келліи. А поеліику святыи во все время болѣзни его превозмогалъ свою сострадательность и не приходилъ повидаться съ нимъ; то большой, приближаясь къ пеществію своему изъ жизни, послалъ сказать ему: «если ты не приходишь ко мнѣ донныи, то прійди теперь, чтобы видѣть мнѣ тебя прежде отшествія моего изъ міра, или прійди хотя ночью, и я поцѣлую тебя, и почи». Но блаженный не согласился даже и въ этотъ часъ, когда природа обыкновенно требуетъ нашего состраданія другъ къ другу, и преступаетъ опредѣленіе воли; но сказалъ: «если выйду, то не буду чистъ сердцемъ моимъ предъ Богомъ; потому что не радѣлъ посѣщать духовныхъ братій, естество же предпочелъ Христу? И братъ умеръ, а онъ не видалъ его.

Поэтому, никто по лѣности помысловъ да не представляетъ на видѣ, что сіе невозможно, да не испровергаетъ, и да не обращаетъ въ ничто своего безмолвія, отвергнувъ Божій о немъ Промыслъ. Если святые побѣдили самое естество, какъ оно ни крѣико, и если Христосъ любитъ, когда чувствуютъ безмолвіе, между-тѣмъ какъ оставляются въ пренебреженіи чада Его; то какая можетъ быть у тебя иная необходимость, которой ты не могъ бы пренебредить, когда подумашь ей? Оная заповѣдь, въ которой сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ* (Матѣ. 22, 37.), болѣе цѣлаго міра и естества и всего, что въ естествѣ, вполне исполняется, когда пребываешь въ безмолвіи своемъ. И заповѣдь о любви ближняго заключена въ немъ же. Хочешь ли, по Евангельской заповѣди, приобрести въ душѣ своей любовь къ ближнему? Удались отъ него; и тогда возгорится въ тебѣ пламень любви къ нему, и радоваться будешь при лицезрѣніи его, какъ при видѣніи свѣтлаго Ангела. Хочешь ли также, чтобы жаждали твоего лицезрѣнія любящіе тебя? Въ определенные только дни имѣй свиданіе съ ними. Опытъ дѣйствительно учитель для всѣхъ. Будь здоровъ. Богу же нашему благодареніе и слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 24.

Послалше къ нѣкоему брату естественному и духовному, который, живя въ мѣрѣ и желая видѣться съ Исаакомъ, убѣждалъ и умолялъ въ письмахъ своихъ
 ПРИЙТИ КЪ НЕМУ.

—

Не такъ мы сильны, какъ думася ты, блаженный; и, можетъ быть, не знаешь ты помощи моеѣ и того, что нетрудна для тебя погибель моя; а потому, какбы распалемый естествомъ по обычаю его, непрестанно просишь меня о томъ, о чемъ и намъ заботиться, чего и тебѣ желать, не должно. Не проси у меня, братъ, сего одного, упокоивающаго плоть и ея мудрованіе, но понекъ о спасеніи души моеѣ. Немного еще времени, и прейдемъ мы изъ века сего. Сколько лицъ встрѣчу, когда прииду къ тебѣ! Сколько увижу людскихъ правовъ и мѣстъ, пока не возвращусь въ свое мѣсто! Сколько причинъ къ помысламъ прійметъ душа моя при встрѣчѣ съ людьми! Сколько смущенія потеритъ отъ пробудившихся въ ней страстей, отъ которыхъ успокоилась нѣсколько! Это и тебѣ не неизвѣстно. Что монаху видѣть вредно мірское, самъ ты это знаешь. И смотри, какое измѣненіе происходитъ въ умѣ долгое время безмолвствовавшаго съ самимъ собою, когда онъ вдругъ снова впадаетъ въ это, и видитъ, и слышитъ, что для него непривычно. Если тому, кто въ подвигѣ и ведетъ еще брань съ сопротивникомъ своимъ, вредитъ и встрѣча съ монахами, когда они неблизки къ его

состоянію; то разсуди, въ какой кладязь падеть мы, особливо должимъ опытомъ приобрьтшіе познаніе? О, если бы избавиться намъ отъ жама врага нашего! Поэтому, не требуй отъ меня, чтобы я безъ нужды сдѣлалъ это. Даже обольщаютъ насъ утверждающіе, будто бы никакого вреда нѣтъ для насъ отъ того, что слышимъ и видимъ нѣчто, будто бы одинаковы мы по мыслямъ своимъ и въ пустынь и въ міръ; будто бы и въ келліи и внѣ ея не возмущается скромность наша, не происходитъ съ нею худой перемѣны, при встрѣчѣ съ лицами и вещами не чувствуемъ тревоги страстей. Утверждающіе это, если и раны пріемлютъ, не знаютъ этого; но мы не достигли еще сего душевнаго здравія; имѣемъ на себѣ смердящія язвы, и онѣ вскипаютъ червями, если и одинъ день не будетъ о нихъ попеченія, и останутся онѣ неперевязанными, не будутъ обложены пластыремъ и стянуты перевязками.

С Л О В О 25.

О ТРЕХЪ СПОСОБАХЪ ВѢДѢНІЯ, О РАЗНОСТИ ИХЪ ДѢЛАНІЯ И ПОЯТІЙ, О ВѢРѢ ДУШИ, О ТАИНССТВЕННОМЪ БОГАТСТВѢ ВЪ НЕЙ СОКРОВЕННОМЪ, И О ТОМЪ, СКОЛЬКО ВѢДѢНІЕ МІРА СЕГО РАЗНСТВУЕТЪ ВЪ СПОСОБАХЪ СВОИХЪ СЪ ПРОСТОТОЮ ВѢРЫ.

—

Душа, проходящая стезями житія и путемъ вѣры, и нерѣдко преуспѣвшая въ семъ послѣднемъ, если обращается снова къ способамъ вѣдѣнія, начинаеть

Т. XXIII. 10

вскорѣ хромать въ вѣрѣ, и утрачивается въ ней духовная ея сила, обнаруживавшаяся въ чистой душѣ взаимностию всеможеній и по простотѣ невходившая въ изслѣдованіе всего того, что въ ней, и къ ней относится. Ибо душа, однажды съ вѣрою предавшая себя Богу и многократнымъ опытомъ извѣдавшая Его содѣйствіе, не заботится уже о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ, и не имѣетъ возможности снова возвратиться къ способамъ своего вѣдѣнія и употребить ихъ къ дѣлю, чтобы иначе, при ихъ противленіи, не лишиться Божія промышленія, которое втайнѣ неуслышно назираетъ надъ душею, нечется о ней, и непрестанно преслѣдуетъ ее всѣми способами, — не лишится же потому, что душа обезумѣла, возмечтала, будто бы сама достаточно можетъ промышлять о себѣ, по силѣ своего вѣдѣнія. Ибо тѣ, въ комъ возсіяваетъ свѣтъ вѣры, не доходятъ уже до такого безстыдства, чтобы снова имъ испрашивать у Бога въ молитвахъ: «дай намъ это»; или: «возьми у насъ это», и имало не заботятся они о себѣ самихъ; потому что духовными очами вѣры ежедневно видятъ Отческій Промыслъ, какимъ пріосвящаютъ ихъ тотъ истинный Отецъ, Который безмѣрно великою любовію Своею превосходитъ всякую отческую любовь, паче всѣхъ можетъ и имѣетъ силу содѣйствовать намъ до избытка въ большей мѣрѣ, нежели какъ мы просимъ, помышляемъ и представляемъ себѣ.

Вѣдѣніе противно вѣрѣ. Вѣра во все, что къ ней относится, есть нарушеніе законовъ вѣдѣнія, Впрочемъ вѣдѣнія не духовнаго. Опредѣленіе вѣдѣнія то, что оно не имѣетъ власти что-либо дѣлать безъ

разысканія и изслѣдованія, а напротивъ того, разъискиваетъ, возможно ли тому быть, о чемъ помышляетъ, и чего хочетъ. Что же дѣлаетъ вѣра? Она не соглашается пребывать въ томъ, кто приближается къ ней неправо.

Вѣдѣніе безъ разысканія и безъ своихъ способовъ дѣйствованія не можетъ быть познано. И это есть признакъ колебанія въ истинѣ. А вѣра требуетъ единого чистаго и простаго образа мыслей, далекаго отъ всякаго ухищренія и изысканія способовъ. Смотри, какъ они противятся другъ другу. Домъ вѣры есть младенческое понятіе и простое сердце. Ибо сказано: *въ простотѣ сердца своего прославили Бога; и аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Матѣ. 18, 3.). Вѣдѣвіе же ставитъ съѣти простотѣ сердца и понятій, и противится ей.

Вѣдѣніе есть уставъ естества, охраняющій его во всѣхъ стезяхъ его. А вѣра совершаетъ шествіе свое выше естества. Вѣдѣніе не покушается допустить до себя что-либо разрушительное для естества, но удаляется отъ этого; а вѣра безъ труда дозволяетъ, и говоритъ: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія* (Исал. 90, 13.). Вѣдѣніе сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою. Въ какой мѣрѣ человекъ водится способами вѣдѣнія, въ такой же мѣрѣ связуется онъ страхомъ, и не можетъ сподобиться освобожденія отъ него. А кто послѣдуетъ вѣрѣ, тотъ вскорѣ дѣлается свободенъ и самовластенъ, и какъ Сынъ Божій всѣмъ пользуется со властію свободно. Возлюбившій вѣру сію, какъ Богъ, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ, по-

тому что вѣрѣ дана возможность создать новую тварь, по подобію Божию, какъ сказано : *восстотъ*, и все явится предъ тобою (Іов. 23, 13.). Перѣдко она можетъ все производить и изъ не-сущаго. А вѣдѣніе не можетъ что-либо произвести безъ вещества. У вѣдѣнія нѣтъ столько самонадѣянности, чтобы производить то, чего не дано естествомъ. Да и какъ ему произвести это? Текущее естество воды на хребетъ свой не пріемлетъ тѣлесныхъ стоиць, и приближающійся къ огню сжигаетъ себя; а если у него достанетъ на то смѣлости, то послѣдуетъ бѣда.

Вѣдѣніе съ осторожностію охраняетъ себя отъ этого, и никакъ не соглашается преступить въ этомъ предѣль. Вѣра же самовластно преступаетъ все, и говоритъ: *аще сквозь огонь прейдеши, не сожжеши-ся, и рѣки не покрываютъ тебе* (Ис. 43, 2.). И вѣра перѣдко производила сіе предъ цѣлою тварію. А если бы вѣдѣнію открывался здѣсь случай искутить себя въ этомъ; то, безъ сомнѣнія, оно не рѣшилось бы на то. Ибо многіе по вѣрѣ входили въ пламень, обуздывали сжигающую силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали какъ по сушь. А все это выше естества, противно способамъ вѣдѣнія, и показано, что сушно оно во всѣхъ способахъ и законахъ своихъ. Видишь ли, какъ вѣдѣніе сохраняетъ предѣлы естества? Видишь ли, какъ вѣра поступаетъ выше естества, и тамъ пролагаетъ стези своему шествію? Сіи способы вѣдѣнія пять тысячъ лѣтъ, или нѣсколько меньше, или и свыше сего, управляли міромъ, и человекъ нѣсколько не могъ подыять главы своей отъ земли, и сознать силу Творца своего, пока не возсіяла вѣра

наша, и не освободила насъ отъ тмы земнаго дѣланія и суетнаго подчиненія при напрасномъ пареніи ума. Да и теперь, когда нашли мы невозмутимое море и неоскудѣваемое сокровище, снова вождедьваемъ уклониться къ малымъ источникамъ. Путь вѣдѣнія, которое бы не было въ скудости, какъ бы много ни обогатилось оно. А сокровищъ вѣры не вмѣщаютъ ни земля, ни небо. Ничего никогда не утрачиваетъ тотъ, у кого сердце подкрѣпляется упованіемъ вѣры. И когда ничего не нѣдетъ, все обьсметъ онъ вѣрою, какъ написано: *вся, елика воспросите въ молитвъ, вѣрою примете* (Матѳ. 21, 22.); и еще: *Господь близъ. Ни о чемъ же пецѣтесе* (Фил. 4, 6.).

Вѣдѣніе всегда ищетъ способовъ къ охраненію приобрѣтающихъ оное. А вѣра говоритъ: *еще не Господь созиждетъ домъ, и сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій, всеу трудися зиждущій* (Псал. 126, 1.). Кто молится съ вѣрою, тотъ никогда не пользуется способами самоохраненія, и не прибѣгаетъ къ нимъ. Ибо вѣдѣніе на всякомъ мѣстѣ хвалитъ страхъ, какъ сказалъ Премудрый: *боицемуся блаженна душа* (Сир. 34, 15.). Чтò же вѣра? Сказано: *убоися, и наченъ утопати* (Матѳ. 14, 30.); и еще сказано: *не прійте духа работы паки въ болзнь: но прійте Духи сыноположенія въ свободу вѣры и надежды на Бога* (Рим. 8, 15.); и еще: *не убойся ихъ, и не бѣги отъ лица ихъ. Страху всегда сопутствуетъ сомнѣніе; а сомнѣніе сопровождается разьисканіемъ, а разьисканіе принятыми способами, а принятыя способы вѣдѣніемъ. И въ самомъ изслѣдованіи и разьисканіи всегда познаются страхъ и сомнѣніе; потому что не*

во всякое время во всемъ усильваетъ вѣдѣніе, какъ показали мы прежде сего. Ибо нередко встрѣчаются души затруднительныя стеченія и столкновенія обстоятельствъ и многіе исполненные опасностей случаи, въ которыхъ вовсе не могутъ здѣсь сколько-нибудь помочь вѣдѣніе и способы мудрости. Но съ другой стороны, въ затрудненіяхъ, неотвратимыхъ всѣми силами и крайнимъ предѣломъ человеческого вѣдѣнія, вѣра шмало не преодолевается иподнимъ изъ сихъ затрудненій. Ибо достаточно ли человеческого вѣдѣнія, чтобы помочь сколько-нибудь въ явныхъ браяхъ съ невидимыми природами и съ силами тѣлесными, а равно и со многимъ другимъ? Видишь ли немощь силы вѣдѣнія и крѣпость силы вѣры? Вѣдѣніе ученикамъ своимъ воспрещаетъ приближаться ко всему чуждому для естества. Но зашь въ этомъ силу вѣры: что предлагаетъ она учащимся у нея? Сказано: *именемъ Моимъ бгьсы иждедете; змѣя возметс: аще и что смертно пснiete, не вредитъ вы* (Марк. 16, 17.). Вѣдѣніе, по законамъ своимъ, всѣмъ шествующимъ путемъ его предлагаетъ во всякомъ дѣлѣ до начала его разыскать конецъ, и потомъ начинать, чтобы, если окажется, что конецъ дѣла съ трудомъ обрѣтается въ предѣлахъ человеческой силы, не потрудиться ниъ напрасно, и чтобы не открылось, что дѣлу трудно и невозможно совершиться. Что же говоритъ вѣра? *Вся возможна вѣрующему* (Марк. 9, 23.); потому что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Какое неизреченное богатство! Какое море богатства въ волнахъ вѣры и въ чудныхъ сокровищахъ, разливаемыхъ силою ея! Какого благодущія, удовольствія и

унованія исполнено шествіе съ нею! Какъ легки бремена ея! и сколько сладости въ дѣлашіи ея!

Вопросъ. Кому угоднобляется въ дѣль своемъ тотъ, кто сподобился вкушить сладости вѣры, и снова обратился къ вѣдѣнію душевному?

Отвѣтъ. Тому, кто нашелъ многоцѣнную жемчужину, и обмѣнилъ ее на мѣдный оволь;—тому, кто оставилъ полновластную свободу, и возвратился въ состояніе нищеты, исполненное страха и рабства.

Неукоризненно вѣдѣніе, но выше его вѣра. Если и укоримъ, то не самое вѣдѣніе укоримъ. Да не будетъ сего! Но чѣмъ различитъ разные способы, въ которыхъ идетъ оно вопреки естеству (т)? Какъ приближается оно къ чинамъ демонскимъ (что явственно различитъ въ послѣдствіи)? Сколько ступеней, на которыя восходитъ сими способами вѣдѣніе? Какая разность открывается на каждой ступени? Какими понятіями пробуждается вѣдѣніе при каждомъ способѣ, когда держится оныхъ? Въ которомъ изъ сихъ способовъ, когда слѣдуетъ имъ, противится вѣрѣ, и выходитъ изъ естества? и какая бывасть въ немъ разность? и на какой ступени, когда возвращается къ первоначальной своей цѣли, приходитъ въ естество свое, и устанавливается на одной ступени съ вѣрою въ добромъ житіи? и до чего иногда даетъ прослѣдаться разности на одной и тойже ступени? и какъ переходитъ отъ сего къ высшему? и какіе способы оной иной, или первоначальной ступени? И когда вѣдѣніе сопрягается съ

(т) Такъ читается въ греч. и въ древн. словъ переводѣ; хотя у Платона читается *сопротивъ вѣрѣ*.

вѣрою, дѣлается съ нею едино, облскается ею въ огненные понятія, возгарается духомъ, приобретаетъ крыла безстрастія, и отъ служенія земному, употребивъ шные способы, возносится въ область Создателя своего? Впрочемъ, до времени довольно намъ знать, что вѣра, и восхожденія ея, и дѣланіе оныхъ, выше вѣдѣній.

Самое вѣдѣніе усовершается вѣрою, и приобретаетъ силу восходить горѣ, ощущать то, что выше всякаго ощущенія, видѣть оный лучъ, безусловный умомъ и вѣдѣніемъ тварей. Вѣдѣніе есть ступень, по которой человекъ восходитъ на высоту вѣры, и какъ-скоро достигаетъ оной, болѣе уже не пользуется имъ. Ибо сказано нынѣ: *отъ части разумываемъ, отъ части понимаемъ. Егда же придетъ совершенное, еже отъ части, упразднится* (1 Кор. 13, 9.). Теперь уже вѣра какбы предъ очи представляетъ намъ дѣйствительность совершенства, и вѣрою нашею изучаемъ оное непостижимое, а не разысканіемъ и силою вѣдѣнія.

Вотъ дѣла правды: постъ, милостыня, святыня, и все прочее совершаемое съ помощію тѣла; любовь къ ближнему, смиренномудріе сердца, прощаніе проступковъ, помышленіе о добротѣ, изслѣдованіе дѣйствительныхъ таинъ, прикровенныхъ въ святыхъ Писаніяхъ, упражненіе ума въ дѣлахъ совершеннѣйшихъ, въ храненіи предѣловъ душевныхъ страстей, и прочія добродѣтели, совершаемыя въ душѣ. Все это имѣетъ нужду въ вѣдѣніи, потому что вѣдѣніе охраняетъ это, и учитъ порядку въ этомъ. И все это только ступени, по которымъ душа восходитъ на горнюю высоту вѣры; — и сіе на-

зывается добродѣтелями. Но жизнь вѣры выше добродѣтели, и дѣланіе ея—не дѣла, но совершенный покой, и утѣшеніе, и слова въ сердцѣ, и оно совершается въ понятіяхъ души. Ея также дѣланіе—всѣ чудные способы духовнаго житія, которыхъ дѣланіе есть чувство въ духовной жизни, и наслажденіе, и душевный покой, и воздержніе, и радость о Богѣ, и все прочее, что въ ономъ житіи дается душѣ, достойной благодати тамошняго блаженства, и что, какбы по указанію вѣры въ божественныхъ Писаніяхъ, совершается здѣсь Богомъ, богатымъ въ Своихъ дарованіяхъ.

Недоумленіе. Кто-нибудь скажетъ: если всѣ снѣ блага, и исчисленныя предъ симъ дѣла добродѣтели, и удаленіе отъ худаго, и различеніе тонкихъ возникающихъ въ душѣ помысловъ, и борьба съ помыслами, и противоборство страстямъ раздражительнымъ, и все прочее, безъ чего самая вѣра не можетъ показать силы своей въ душевномъ дѣланіи,—если все это совершается въ дѣнїемъ; то почему же въ дѣнїе почитается противнымъ вѣрѣ?

Рѣшеніе сомнѣнія. Отвѣствуемъ: три суть мысленные способа, по которымъ въ дѣнїе восходитъ и нисходитъ; и бываетъ измѣненіе, какъ въ способахъ, какими водится въ дѣнїе, такъ и въ самомъ въ дѣнїи; и чрезъ это оно вредитъ, и помогаетъ. Три же способа суть: тѣло, душа, духъ. И если въ дѣнїе въ естествѣ своемъ одно; то, относительно къ симъ областямъ мысленнаго и чувственнаго, оно утончается, измѣняетъ свои способы и дѣланія понятій своихъ. Выслушай, наконецъ, какой порядокъ сего дѣланія, и какія причины, по которымъ оно

вредить и помогають. Вѣдѣніе есть Божіе даиіе естеству разумныхъ тварей, данное вначаль при ихъ созданиі, и оно по природѣ своей просто и недѣлимо, какъ свѣтъ солнечный, но сообразно съ дѣланіемъ своимъ пріобрѣтаетъ измѣненія и дѣленія.

С Л О В О 26.

О ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ ВѢДѢНІЯ.

Когда вѣдѣніе слѣдуетъ плотскому вождельнію; тогда сводитъ въ едино слѣдующіе способы: богатство, тщеславіе, убранство, тѣлесный покой, раченіе о словесной мудрости, годной къ управленію въ міръ сѣмъ, и источающей обновленіе въ изобрѣтеніяхъ, и искусствахъ, и наукахъ, и все прочее, чѣмъ увѣнчивается тѣло въ этомъ видимомъ мірѣ. А по симъ отличительнымъ чертамъ, какъ сказали и расpredѣлили мы, вѣдѣніе дѣлается противнымъ вѣрѣ. И оно именуется голымъ вѣдѣніемъ, потому что исключаетъ всякое Божественное попеченіе, и по причинѣ преобладанія тѣла вноситъ въ умъ неразумное безсиліе, и все попеченіе его совершенно о сѣмъ только мірѣ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человекомъ, Божественная попечительность, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Посему, не Божію Промыслу приписываетъ оно управленіе міромъ, но все

доброе въ чловѣкѣ, спасеніе его отъ вредоноснаго для него, и естественное его остереженіе отъ затруднительнаго и отъ многихъ противностей, тайно и явно сопровождающихъ естество наше, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Таково понятіе о себѣ глумящагося вѣднія. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію; и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ видимымъ міромъ. Впрочемъ, не можетъ оно пребыть безъ непрестаннаго попеченія и безъ страха за тѣло, а потому, овладѣваютъ имъ малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь отъ людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость въ болѣзни, пошечительность въ скудости и недостатокъ необходимаго, страхъ смерти, страхъ страданій и злыхъ звѣрей, и все прочее сходное съ симъ и угодобляющееся морю, въ которомъ ежечасно день и ночь мнутея и устремляются на пловцовъ волны; такъ-какъ вѣдніе сіе не умѣетъ попеченія о себѣ возвергать на Бога въ дѣланіи вѣры въ Него. А потому во всемъ, что касается до него самого, бываетъ занято придумываніемъ средствъ и ухищреніями. Когда же способы его изобрѣтенія въ одну или другую сторону останутся недѣйствительными, а не усмотритъ оно и таинственнаго Промысла; тогда препирается съ людьми, которые препятствуютъ и противятся ему.

Въ семъ-то вѣдніи посаждено древо познанія добраго и лукаваго, искорепящее любовь. И оно развѣтвливаетъ малые проступки другихъ людей, вины ихъ и немощи, и настраиваетъ чловѣка учи-

тельствовать, прекословить на словахъ, употреблять лукавыя изобрѣтенія и хитрости; прибѣгаетъ оно и къ прочимъ способамъ, оскорбительнымъ для чловека. Въ немъ надменіе и гордыня; потому что всякое доброе дѣло присвоаетъ себѣ, а не Богу приписываетъ.

Вѣра же дѣла свои вѣнчаетъ благодати, потому и не можетъ превозноситься, какъ написано: *всѣ могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Фил. 4, 13.); и еще: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10.). А что сказалъ блаженный Апостоль: *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8, 1.), то изрекъ сіе о семъ вѣдѣніи, неразтворенномъ вѣрою въ Бога и надеждою на Него, а не о вѣдѣніи истины. Да не будетъ сего!

Вѣдѣніе истины душу пріобрѣтшихъ оное усовершенствуетъ въ смиреніи, какъ усовершило Моисея, Давида, Исаію, Петра, Павла и прочихъ святыхъ, сподобившихся сего, по мѣрѣ естества чловеческаго, совершеннаго вѣдѣнія. И въ подобныхъ снмъ святымъ вѣдѣніе ихъ всегда поглощается чрезвычайными созерцаціями, Божественными откровеніями, высокимъ созерцаіемъ духовнаго, неизреченными тайнами; и душа ихъ въ очахъ ихъ почитается немомъ и перстію. Другое же вѣдѣніе, какъ и прилично ему, кичится; потому что ходитъ во тмѣ, цѣнитъ достояніе свое по сравненію съ тмѣ, что на землѣ, и не знаетъ, что есть нечто лучшее его. Въ превозношеніе же вовлекаются всѣ, потому что они на землѣ, житіе свое взвѣшиваютъ плотию, опираются на дѣла свои, не номыслиаютъ же въ умѣ своемъ о неостижимомъ. И подвергаются этому,

пока плаваютъ въ волнахъ сихъ. Но святые преуспѣваютъ въ славной божественной добродѣтели; и дѣланіе ихъ горѣ, и мысль ихъ не уклоняется въ попеченіе объ изобрѣтеніяхъ и о суетномъ; потому что они ходятъ во свѣтъ, и не могутъ заблуждаться. Посему-то всѣ удалившіеся отъ свѣта познанія Сына Божія и уклонившіеся отъ истины, ходятъ по симъ стезямъ. Вотъ первая степень вѣдѣнія, на которой человекъ послѣдуетъ плотской похоти! И мы оуждаемъ сіе вѣдѣніе, и признаемъ оное противнымъ не только вѣрѣ, но и всякому дѣланію добродѣтели.

С Л О В О 27.

О второй степени вѣдѣнія.

Когда человекъ, оставивъ первую степень, бываетъ занятъ душевными помышленіями и пожеланіями; тогда во свѣтъ естества души, какъ тѣлесными чувствами, такъ и душевными умопредставленіями, совершаетъ слѣдующія предначертанныя превосходныя дѣла, а именно: постъ, молитву, милостыню, чтеніе божественныхъ Писаній, добродѣтельную жизнь, борьбу со страстями, и прочее. Ибо всѣ добрыя дѣла, всѣ прекрасныя отличія, усматриваемыя въ душѣ, и чудныя способы, употребляемые на служеніе во дворѣ Христовомъ, на сей второй степени вѣдѣнія, въ дѣланіи силы его, совершаетъ Духъ Святый. И оно-то указываетъ сердцу стези, ведущія насъ

къ вѣрѣ, въ немъ собираемъ напутствіе къ будущему вѣку. Но и здѣсь еще вѣдѣніе тѣлесно и сложно. Въ немъ только путь ведущій и преисповожающій насъ къ вѣрѣ. Напротивъ того, есть высшая степень вѣдѣнія. И если кто преуспѣеть; то найдетъ возможность, при помощи Христовой, возведеннымъ быть и на оную, когда основаніе своего дѣланія положить въ безмолвномъ удаленіи отъ людей, въ чтеніи Писаній, въ молитвѣ, и въ прочихъ добрыхъ дѣлахъ, которыми совершается все относящееся ко второму вѣдѣнію. И имъ-то производится все прекрасное; оно и называется вѣдѣніемъ дѣль; потому что чувственными дѣлами, при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, совершаетъ дѣло свое на высшей степенн. Аминь.

С Л О В О 28.

О ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ВѢДѢНІЯ, КОТОРАЯ ЕСТЬ СТЕПЕНЬ
СОВЕРШЕНСТВА.

Послушай же, какъ человекъ утончается, приобретаетъ духовное, и уподобляется въ житіи невидимымъ Силамъ, которыя служеніе свое отиравляютъ не чувственно производимыми дѣлами, но совершаемыми заботливостію ума. Когда вѣдѣніе вознесется надъ земнымъ и надъ попеченіемъ о дѣланіи земнаго, и начнетъ испытывать свои помысленія въ томъ, что сокрыто отъ очей внутри, и въ некоторомъ образомъ

станеть пренебрегать тѣмъ, отъ чего бываетъ непотребство страстей, и прострется горь, и послѣдуетъ вѣръ въ попеченіи о будущемъ вѣкѣ, и въ вождельнѣи обѣтованнаго намъ, и въ изысканіи сокровенныхъ тайнъ; тогда сама вѣра поглощаетъ сіе вѣдѣніе, и обращается, и раждаетъ оно снова, такъ-что всецѣло дѣлается оно духомъ.

Тогда можетъ воспарять оно на крылахъ въ области безмолвныхъ, касаться глубинъ несосязаемаго моря, представляя въ умѣ Божественныя и чудныя дѣйствія правленія въ естествахъ существъ мысленныхъ и чувственныхъ, и разъискиваетъ духовныя тайны, постигаемая умомъ простымъ и тонкимъ. Тогда внутреннія чувства пробуждаются для духовнаго дѣланія по тому чину, какой будетъ въ оной жизни безсмертія и нетлѣнія; потому что еще въ здѣшнемъ, какбы въ тайнѣ, пріято мысленное воскресеніе, въ истинное свидѣтельство о всеобщемъ обновленіи.

Вотъ три способа вѣдѣнія, съ которыми сопряжено все теченіе чловѣка въ тѣлѣ, въ душѣ, въ духѣ. Съ того времени, какъ начинаетъ чловѣкъ различать зло отъ добра, и пока не пзидеть онъ пзѣ міра сего, вѣдѣніе души сего пребываетъ въ сихъ трехъ мѣрахъ. И полноту всякой неправды и нечестія, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всѣхъ тайнъ духа, производитъ единое вѣдѣніе въ сказанныхъ трехъ мѣрахъ, и въ немъ заключено всякое движеніе ума, когда восходитъ, или нисходитъ онъ въ добръ, или въ злѣ, или въ среднемъ между добромъ и зломъ. Сн же мѣры у Отцевъ называются: естественное, противуестественное и сверхъ-

естественное. И это суть три направленія, по которымъ возводится и низводится памятованіе разумной души, когда, по сказанному, или по естеству дѣлаетъ кто правду, или превыше естества восхищается ея памятованіемъ, въ созерцаніи Бога вне естества, или исходитъ насти свиней, какъ расточившій богатство своєю разсудительности, который работалъ со множествомъ демоновъ.

Перечень сказаннаго о трехъ вѣдѣніяхъ.

Первая степенъ вѣдѣнія охлаждаетъ душу для дѣль шествія по Богу. Вторая согрѣваетъ душу для скорого теченія къ тому, что на степенн вѣры. Третья же есть упокоеніе отъ дѣланія (что есть образъ будущаго) въ единомъ упражненіи ума, наслаждающагося тайнами будущаго. Но какъ естество не можетъ еще совершенно возвыситься надъ состояніемъ омертвѣнія и тяготою плоти и усовершиться въ ономъ духовномъ вѣдѣніи, которое выше другаго уклоняющагося вѣдѣнія; то и вѣдѣніе сіе не въ состояніи и послужитъ къ совершенству немѣющему недостатка, и быть въ мѣрѣ мертвости, и совершенно оставить естество плоти. Но пока человекъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ состояніи отъ одного къ другому. То вдругъ душа его, какъ убогій и нищій, начннаетъ совершать служеніе на второй, средней степенн добродѣтели, какая вложена въ естество, и можетъ быть произведена при помощи естества тѣлеснаго; то пребываетъ, подобно пріившимъ Духа сыноположенія, въ таинствѣ свободы, наслаждается духовною благодатию, по достоинству Даво-

цаго оную, и снова возвращается къ смиренію дѣлъ своихъ, и это суть дѣла, совершаемыя съ помощію тѣла. И душа сохраняетъ ихъ, чтобы врагъ не изльщлъ ее приманками, обрѣгаемыми въ этомъ лукавомъ вѣкѣ, также смущенными и отклоненными помысленіями; потому что человекъ, пока заключенъ подъ завѣсою дверей плоти, не имѣетъ уюванія. Ибо въ вѣкѣ несовершенномъ нѣтъ совершенной свободы. Всякое дѣланіе вѣдѣній состоитъ въ дѣланіи и продолжительномъ упражненіи; дѣланіе же вѣры не дѣлами производится, но исполняется духовными умопредставленіями, въ чисто душевномъ дѣланіи; и оно превъше чувствъ. Ибо вѣра утонченѣе вѣдѣній, какъ вѣдѣніе утонченѣе вещей чувственныхъ. Всѣ святые, сподобившіеся обрѣсти житіе сіе (а это есть восторженіе къ Богу), по силѣ вѣры, пребываютъ въ услажденіи онымъ превъшестественнымъ житіемъ.

Вѣру же разумѣемъ не ту, какую человекъ имѣетъ въ разсужденіи разнствія достопокланяемыхъ и Божественныхъ Уюстасей, все превосходящаго и особеннаго естества въ самомъ Божествѣ, чуднаго домостроительства въ воплощеніи воспріятіемъ нашего естества (хотя и сія вѣра крайне высока), но вѣру, возсіявающую въ душу отъ свѣта благодати, свидѣтельствомъ ума поцрвляющую сердце, чтобы не колебалось оно въ несомнѣности надежды, далекой отъ всякаго самошвенія. И вѣра сія обнаруживается не въ приращеніи слуха ушей, но въ духовныхъ очахъ, которыя видятъ сокрытыя въ душѣ тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сыновъ плоти, и открываемое Духомъ ин-

гающими съ трапезы Христовой, въ поученіи законамъ Христовымъ, какъ сказать Господь: если заповѣди Мои соблюдете, пошлю вамъ Утѣшителя, Духа истины, Егоже міръ не можетъ прияти, и Той вы научитъ всякой истинѣ (Іоан. 14, 17. 26.). Онъ указываетъ человеку сію святую силу, обитающую въ немъ во всякое время, сей покровъ, сію мыслекую крѣпость, всегда покрывающую человека, отражающую отъ него все вредное, чтобы не приближалось это къ душѣ, или къ тѣлу, его. Сію-то силу умъ свѣтлый и духовный невидимо ощущаетъ очами вѣры. Она-то познается святыми наче въ опытномъ приобщеніи оной.

Но оная сила есть самъ Утѣшитель, крѣпостию вѣры, какъ огонь, сожигающій душевные члены. И душа устремляется, пренебрегаетъ всякою опасностию въ надеждѣ на Бога. на крылахъ вѣры возносится надъ видимою тварію, и бываетъ всегда какбы уносимою, въ изумленіи предъ Божественною поненительностию, въ сложномъ созерцаніи и невидимомъ разсматриваніи Божественнаго естества. приобучая умъ бытъ внимательнымъ къ изученію сокровенностей Его. Ибо, пока приидетъ Тотъ, Кто есть совершеніе таинствъ, и пока явно не сподобимся откровенія оныхъ, вѣра между Богомъ и святыми священнодѣйствуетъ неизреченныя таинства, которыхъ, по благодати самого Христа, и мы да сподобимся здѣсь, какъ въ залогъ, а въ самой дѣйствительной петлѣ тамъ, во царствіи небесномъ съ любящими Его! Аминь.

С Л О В О 29.

ОЪ ШЫХЪ СПОСОБАХЪ И РАДЛИЧНЫХЪ ПОНЯТІЯХЪ
ВЪДЫНІА.

—

Вѣдѣніе, которое записывается виднымъ, или чувствами пріемлетъ, что передается отъ видимаго, называется естественнымъ. Вѣдѣніе же, которое записывается силою мысленнаго и внутри себя природами существъ безилотныхъ, именуется духовнымъ; потому что опущеніе пріемлется духомъ, а не чувствами, и сими двумя рожденіями (у), при наблюденіи ихъ, бываетъ въ душѣ отъиъ. А вѣдѣніе, подаваемое Божественною силою, именуется сверхъестественнымъ; и оно паче недовѣдомо, и выше вѣдѣнія. И созерцаніе сего вѣдѣнія душа пріемлетъ не отъ вещества, которое виѣ ся, какъ въ первыхъ двухъ вѣдѣніяхъ; но внутри ся самой невестественно, туне, скоро и сверхъ чаянія обнаруживается и открывается оное изъ самой внутренности: потому что, по слову Христову, *царствіе небесное внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.), не прообразованіемъ итаетъ надежду, не съ соблюденіемъ приходитъ, но внутри образа, запечатлѣннаго въ сокровенномъ умѣ, открывается само собою, безъ помысленія о немъ; потому что умъ не находитъ въ немъ вещества.

(у) Въ семъ реченіи съ печатнымъ греческимъ текстомъ согласенъ древній слав. переводъ.

Первое въдѣніе бываетъ слѣдствіемъ непрестаннаго зачитія и рачительнаго обученія; второе же—слѣдствіемъ добраго житія и разумной вѣры; а третіе дано въ жребій одной вѣрь; потому что оно упраздняется въдѣніе, дѣла приѣмнотъ конецъ, и чувства дѣлаются излишними для употребленія. Посему, въдѣніе чувствуется, въ какой мѣрь исходитъ отъ сего предѣла; и чѣмъ больше исходитъ, тѣмъ наче чувствуется. И когда достигаетъ земли и земнаго, тогда всею владычествуеть въдѣніе; и безъ него всякое дѣло хромо и несовершенно. Когда же душа созерцаніе свое возводитъ горѣ, и понягія свои расширяетъ въ пренебесномъ, и помышляетъ о томъ, что невидимо тѣлесными очами, и что не во власти плоти; тогда все составляется вѣрою, которую и намъ да даруетъ Господь Іисусъ Христосъ, *сый благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5.).

С Л О В О 30.

Объ образъ молитвы, и о прочемъ, необходимо потребномъ для вслѣдшняго памятованія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, если сохранитъ это читающій съ разсужденіемъ.

—

Человѣку, во время молитвеннаго прошенія своего, утвердиться въ упованіи на Бога есть лучшая часть благодати вѣры. Утвержденіе же вѣры въ Бога не то, что здравое исповѣданіе, хотя оно и матеръ вѣ-

ры; напротивъ того, душа видитъ истину Божию по силѣ житія. Когда въ святыхъ Писаніяхъ находимъ вѣру, соединенную съ дѣлами; тогда разсужденія о ней не принимай за разсужденіе о правомъ повѣданіи; потому что вѣра, доводящая до несомнѣнности въ упованіи, никогда не достигается людьми некрещеными, или у которыхъ умъ растлѣнъ для истины. Ибо несомнѣнность вѣры въ людяхъ высокихъ душою открывается по мѣрѣ того, какъ правы ихъ внимательны къ житію по заповѣдямъ Господнимъ.

Непрестанное изученіе Писанія—свѣтъ для души; потому что оно указываетъ душѣ колесныя наоминанія о томъ, чтобы остерегаться отъ страстей, пребывать въ любви къ Богу, и въ чистотѣ молитвы, и также начертываетъ предъ нами мирный путь по слѣдамъ святыхъ. Впрочемъ, не сомнѣвайся въ силѣ молитвъ нашего стихословія, когда во время молитвъ, или ежечаснаго чтенія, не послѣдуетъ за ними сильнаго возбужденія и непрестаннаго сокрушенія.

Сказанное изъ опыта слово необходимо принимай, хотя изрекшій оное и не книжный человекъ; потому что царскія сокровища больше всѣхъ на землѣ, но не пренебрегаютъ тѣмъ, чтобы принять въ добавокъ себѣ оволь, взятый у шпцаго; и изъ малыхъ потоковъ наводняются рѣки, и дѣлаются великими въ теченіи своемъ.

О храненіи памятованій.

Если памятованіе добраго, когда приводимъ это себѣ на мысль, обновляетъ въ насъ добродѣтель; то

явно, что и памятованіе распутивства, когда припоминаемъ о немъ, обловляетъ въ умъ нашею срамное пожеланіе; потому что памятованіе того и другою показываетъ и начертываетъ въ помыслиеніяхъ нашихъ разность самыхъ воспоминаемыхъ вещей, какъ бы перстомъ указываетъ намъ, или на срамоту нашихъ помысловъ, или на высоту нашего житія, и укрываетъ въ насъ помыслы и движенія и деспныхъ и щухъ. Мы бываемъ заняты ими въ тайнѣ ума нашего, и въ этомъ мысленномъ занятіи изображается удѣлъ житія нашего, такъ-что по необходимости непрестанно видимъ самихъ себя. Наконецъ, не одно сіе занятіе вредитъ тому, кто имѣетъ оное, но съ нимъ вместе вредитъ и видѣніе, а также и воспоминающее это собою памятованіе. И не одно дѣланіе добродѣтели сильно вспомоцествуетъ тому, кто упражняется въ семь дѣланій, но и мысленное представленіе, образуемое припоминаніемъ о лицахъ, подвизавшихся въ добродѣтели.

А сіе дѣлаетъ понятнымъ, почему весьма многіе, достигшіе степени чистоты, сподобляются лицезрѣнію нѣкоторыхъ святыхъ всегда въ ночномъ видѣніи; и днемъ ежечасно въ мысленномъ упражненіи ума бываетъ для нихъ истощкомъ радости видѣніе сихъ святыхъ, начертанныхъ въ душахъ ихъ. И потому, съ горячностію приступаютъ къ дѣланію добродѣтели, и въ избытокъ западаютъ въ нихъ пламень къ вожделѣнію оныхъ. И говорягъ, что святые Ангелы приимають на себя подобія нѣкоторыхъ досточтимыхъ и благихъ святыхъ, и въ сонномъ мечтаніи показываютъ душѣ сіи подобія, во время паренія ея мыслей, къ ея радости, обогащенію и восмищенію,

а днѣмъ постоянно приводятъ ихъ въ движеніе, когда разсматриваетъ душа свои помыслы; и дѣлаше ея облегчается радостію святыхъ; и отъ сего преуспѣваютъ они въ теченіи своемъ. Такъ бываетъ и при продолжительности браней. Кто имѣетъ привычку занимать свои мысли худыми, тому, при содѣйствіи демоновъ, представляется это въ подобіи. Демоны принимаютъ на себя подобіе, и показываютъ душу мечтанія, приводящія ее въ ужасъ, а болѣе, посредствующія къ тому дневнымъ памятованіемъ. И иногда страшнымъ сномъ видѣніемъ, приводящимъ душу въ ужасъ, скоро доводятъ ее до изнеможенія, а иногда представляютъ ей также трудность житія въ безмолвіи и уединеніи, и иное что-либо.

Поэтому и мы, братія, что касается до внимательности къ нашимъ памятованіямъ, и заключенія по онымъ о состояніи души нашей, начнемъ отнынѣ постоянно различать въ разсужденіи занимающихъ насъ памятованій, какія изъ нихъ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, и какія тогчасъ отгоняемъ мы отъ себя, какъ-скоро приближаются къ мысли нашей: тѣ ли, которыя въ насъ по предумышленію бѣсовъ, повергающихъ эту плоть страстямъ, или тѣ, которыя отъ вожделѣнія и раздражительности, или тѣ, которыя отъ святыхъ Ангеловъ, подающихъ намъ мановеніе радости и вѣдѣнія, то-есть, памятованія, пробуждающія насъ помыслами во время приближенія къ намъ святыхъ Ангеловъ, или тѣ, которыя въ насъ отъ впечатлѣній, предварительно принятыхъ чувствомъ, и которыя въ душѣ возбуждаются помыслами, увлекающіе къ чему-нибудь одно-

му. Чрезъ познаніе же сего различія пріобрѣтемъ опытность въ двухъ вещахъ: въ усмотрѣніи памятованій, и въ дѣланіи памятуемыхъ или дѣлъ, и постараемся, чтобы за тѣмъ и другимъ слѣдовала опредѣленная молитва.

О РАЗНЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ ЛЮБВИ.

Любовь, возбуждаемая чѣмъ-нибудь, есть какъ малый свѣтлыиць, питаемый слеемъ, который и поддерживается свѣтъ его, или какъ наводняемый дождемъ потокъ, котораго теченіе прекращается съ оскудѣніемъ составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имѣетъ виновникомъ Бога, есть тѣ-же, что быющій изъ земли источникъ; потоки ся никогда не пресъкаются (потому что одинъ Богъ есть источникъ любви), и питающее сію любовь не оскудѣваетъ.

О томъ, какъ должно тебѣ молиться безъ круженія мыслей.

Хочешь ли насладиться стихословіемъ, во время службы своей, и достигнуть смысла произносимыхъ тобою словесъ Духа? Отложи совершенно въ сторону количество стихословіій, не принимай въ расчетъ знанія мѣры въ стихахъ, произноси ихъ какъ молитву, оставь обычное громогласіе, и выразишь, что говорю тебѣ, и что сказано повѣствовательно, какбы въ книгѣ одного изъ мужей, руководимыхъ Богомъ. Да углубляется умъ твой въ изученіе словесъ Духа, пока душа твоя удивленіемъ къ домо-строительству не возбудится къ высокимъ нѣхъ разумнѣямъ, и чрезъ это не подвигнется къ славословію, или къ полезной печали. И ежели есть что

дѣя молитвы, усвой это себѣ; и когда умъ твой утвердится въ этомъ, тогда смущеніе уступитъ свое мѣсто, и удалится. Ибо въ рабскомъ дѣланіи нѣтъ мира уму, и въ свободѣ чадѣ нѣтъ мятежнаго смущенія. А смущеніе отнимаетъ обыкновенно вкусъ у смысла и понятливости, и расхищаетъ мысли подобно пѣявкѣ, высасывающей жизнь изъ тѣлѣ съ кровію ихъ членовъ. И смущеніе, если только возможно, прилично будетъ называть колесницею діавола, потому что сатана пѣшетъ всегда обычай, подобно вѣдоку, обуздываетъ умъ, брать съ собою кучу страстей, съ шумомъ входитъ въ несчастную дуню, и погружаетъ ее въ смущеніе. Но пойми разсудительно и это. При стихословіи псалмопѣнія твоего не будь какбы замѣствующимъ слова у другаго, чтобы не подать мысли, будто бы дѣло поученія умножася непрерывно, и совершенно не стать далекимъ отъ почеркаемыхъ въ стихахъ умилевія и радости; но, какъ самъ отъ себя произноси слова прошенія твоего съ умилевіемъ и разсудительнымъ разумѣніемъ, какъ истинно понимающій дѣло свое.

Заметь, отъ чего рождается умъ, и отъ чего
 ПАРЕНІЕ УМА.

Умъ отъ паренія ума, а пареніе ума отъ празности, чтенія и суетныхъ бесѣдъ, или и отъ пресыщенія чрева.

О томъ, что должно не прекословитъ лукавымъ (Ф) помысламъ, но повергать себя предъ Богомъ.

Если кто не прекословитъ помысламъ, всеваемымъ въ нихъ врагомъ, но молитвою къ Богу прерываетъ

(Ф) Слово *лукавымъ* допущено изъ древн. слав. перевода.

бесѣду съ ними; то это служитъ признакомъ, что умъ его обрѣлъ по благодати премудрость, что отъ многихъ лѣтъ освободило его истинное его вѣдѣніе, и что обрѣтеніемъ краткой стези, которой достигъ, пресѣкъ онъ долговременное нареніе на длинномъ пути, потому что не во всякое время имѣемъ мы силу такъ воспрекословить всемъ сопротивнымъ помысламъ, чтобы прекратить ихъ; напротивъ же того, перьдко получаемъ отъ нихъ язву, долгое время неуврачуемую. И ты выходишь дать урокъ тѣмъ, кому уже шесть тысячъ лѣтъ. А это служитъ для нихъ оружіемъ, которыми возмогутъ они поразить тебя, несмотря на всю твою мудрость и на все твое благоразуміе. Но когда и побѣдишь ты ихъ; и тогда нечистота помысловъ осквернитъ умъ твой, и зловоніе смрада ихъ на долгое время останется въ обоняніи твоёмъ. Употребивъ же первый способъ, будешь свободенъ отъ всего этого, и отъ страха; потому что нѣтъ иной помощи, кромѣ Бога.

О слезахъ.

Слезы во время молитвы — признакъ Божіей милости, которой сподобилась душа въ покаяніи своемъ, — признакъ того, что молитва принята, и слезами начала входитъ на поле чистоты. Ибо, если не будутъ отъяты въ подахъ помыслы о преходящемъ, и не огрннуть они отъ себя мірской надежды, и не возбудится въ нихъ пренебреженіе къ міру, и не начнутъ они уготовлять добраго папутствія къ пеществу своему, не начнутъ въ душѣ воставать помыслы о томъ, что будетъ тамъ: то глаза не могутъ проливать слезъ; потому что слезы суть слѣд-

ствіе безпримьснаго и невысокопарнаго размышленія, многихъ частыхъ и неуклоно пребывающихъ помысловъ, памятованія о чемъ-то тонкомъ, совершающемся въ умъ, и памятованіемъ симъ приводящемъ сердце въ печаль. Отъ сего-то слезы умножаются, и наиболѣе увеличиваются.

О РУКОДѢЛІИ И О СРЕБРОЛОБІИ.

Когда, во время пребыванія твоего на безмолвіи, обращаешься къ рукодѣлію; не обращай отеческой заповѣди въ покрывало своему сребролобію. Во избѣжаніе унынія пусть будетъ у тебя небольшое дѣло, невозмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь болѣе заняться дѣломъ; то знай, что молитва въ чинъ своемъ выше милостыни. А если ради тѣлесныхъ потребностей; то, если ты перенасытишь, къ удовлетворенію нуждъ твоихъ достаточно съ тебя и того, чѣмъ надѣляетъ тебя Богъ. Ибо Онъ никогда не оставляетъ дѣлателей Своихъ, чтобы терпѣли они недостатокъ въ переходящемъ. Господь сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33.), прежде прошенія вашего.

Никто изъ святыхъ сказалъ: «не тотъ чинъ житія твоего, чтобы насыщать алчущихъ, и чтобы келлія твоя сдѣлалась страннопріимницею для пришлыхъ. Это дѣло мірянъ: имъ оно нате прилично, какъ дѣло прекрасное, а не отшельникамъ, свободнымъ отъ видныхъ пожеланій, и хранящимъ умъ свой въ молчѣнствѣ».

С Л О В О 31.

Объ отшельничествѣ, и о томъ, что должно намъ не въ боязнь приходить и устрашаться, но подкрѣпить сердце упованемъ на Бога, и благодушествовать съ несомнѣнною вѣрою, потому что стражемъ и хранителемъ имѣемъ Бога.

—

Если когда окажешься достойнымъ отшельничества, которое въ царствѣ свободы его имѣеть бремена легкія; то помысль страха да не понуждаетъ тебя, по обычаю своему, многообразно измѣнять помыслы и зашматься ими. Но будь наче уврѣненъ, что Хранитель твой съ тобою; и мудрость твоя во всей точности да удостоверить тебя, что, вмѣстѣ со всеми тварями, и ты состоишь подъ единымъ Владыкою, Который единымъ мановеніемъ приводитъ все въ движеніе, и колеблетъ, и укрощаетъ, и устрояетъ. Ниодни рабъ не можетъ сдѣлать вреда кому-либо изъ подобныхъ ему рабовъ, безъ дозволенія о всѣхъ Промышляющаго и всѣмъ Управляющаго. И ты немедленно встань, и благодушествуй. Если и дана тымъ свобода; то не во всякомъ дѣлѣ. Нбо ни демоны, ни губительныя звѣри, ни порочныя люди, не могутъ неопищать воли своей на вредъ и пагубу, если не конуситъ сего изволеніе Управляющаго, и не дасть ему мѣста въ определенной мѣрѣ. Онъ и свободѣ не конускаетъ приводить все въ дѣйствіе. А если бы не было того,

не осталась бы въ живыхъ никакая плоть. Господь не позволяетъ, чтобы къ твари Его приближалась власть демоновъ и людей, и исполняла на ней волю свою. Поэтому, говори всегда душѣ своей: «есть у меня оберегающій меня Хранитель; и ни одна изъ тварей не можетъ явиться предо мною, развѣ только будетъ повельно свыше». Будь же увѣренъ, что не осмѣлятся показаться на глаза тебѣ и заставить тебя выслушать ушами своими угрозы ихъ. Ибо, если бы дозволено было свыше отъ Пренебеснаго; то не было бы пужды въ словъ и въ словахъ, но за волею ихъ последовало бы и дѣло.

Скажи также самъ себѣ: «если есть на то воля Владыки моего, чтобы лукавые возобладали надъ созданиемъ; то принимаю сіе не огорчаясь, какъ нежелающій, чтобы воля Господа его осталась безъ исполненія». Такимъ образомъ, въ искущеніяхъ твоихъ будешь исполненъ радости, какъ увѣдавшій и въ точности сознавшій, что управляетъ и распоряжаетъ тобою Владычье маповеніе. Наконецъ, подкрѣпляй сердце свое упованіемъ на Господа; и не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни (Ис. 90, 5.). Ибо сказано, что праведнаго въра въ Бога и дикихъ звѣрей дѣласть кроткими, подобно овцамъ.

Скажешь: «я не праведникъ, чтобы уповать мнѣ на Господа». Но ты дѣйствительно для дѣланія правды вышелъ въ пустыню исполненную скорбей, и для этого содѣлался послушнымъ Божіей волѣ. Все и трудись, когда несешь труды сіи не потому, что Богу тогда только желателенъ трудъ человеческій, когда приносишь ты Ему скорбь свою

въ жертву любви. Сію разсудительность показываютъ все любящіе Бога, подвергающіе себя скорбямъ изъ любви къ Нему. Ибо благоволяющіе жить о Христѣ Иисусѣ въ страхъ Божіемъ избираютъ для себя скорбь, терпятъ и оненіе. И Онъ дѣлаетъ ихъ обладателями вѣйшии хранимыхъ Своихъ сокровищъ.

О выгодахъ, доставляемыхъ искушеніями тѣмъ, которые терпятъ ихъ и съ благодарностію, и мужественно.

Нѣкто изъ святыхъ говорилъ: « Былъ одинъ отшельникъ, старецъ почтенный, и я пришелъ къ нему однажды, а самъ былъ въ печали отъ искушеній. Онъ лежалъ больнои; и когда привѣтствовалъ я его, и былъ у него, и сказалъ ему: помолись о мнѣ, Отецъ, потому что весьма печалюгъ меня демонскія искушенія, — тогда онъ, открывъ глаза свои, внимательно посмотрѣлъ на меня, и сказалъ: молодъ ты, чадо, и Богъ не оставляетъ посылать на тебя искушенія. Я отвѣчалъ ему: да, очень я молодъ, терплю же искушенія мужей кривыхъ силамъ. — И онъ продолжалъ: Богъ хочетъ уже умудрить тебя. — Я возразилъ: какъ же умудритъ меня? Ежедневно вкушаю смерть. — И онъ сказалъ на это: любишь тебя Богъ; молчи: Онъ дастъ тебѣ благодать Свою. Потомъ присовокупилъ: знай, чадо, тридцать лѣтъ велъ я брань съ демонами, и по истеченіи двадцатого года вовсе не видѣлъ себя помощи. Когда же прожилъ я и пятый изъ послѣднихъ десяти, тогда началъ находить упокоеніе. И съ теченіемъ времени оно возрастало. И когда прошелъ седьмой годъ, а за нимъ насту-

ншь осьмый, упокоеніе простерлось до большей гораздо мѣры. Въ теченіе же тридцатаго года, и когда оный приходилъ уже къ концу, такъ сильно стало упокоеніе, что не знаю и мѣры, до какой оно увеличилось. И еще присовокупить: когда захочу встать для совершенія службы Божіей, могу еще совершить одну славу (х); а что—до остальнаго, если буду стоять три дня, въ пзумыеніи пребываю съ Богомъ, и ничало не чувствую труда. Вотъ какое ненасыщаемое упокоеніе порождено многотруднымъ и долговременнымъ дѣломъ!

О томъ, что храненіе языка не только заставляеть умъ воспріять къ Богу, но и содѣйствуетъ воздержанно.

Былъ одинъ старецъ, вкушавшій пищу два раза въ недѣлю, и сказывалъ намъ: «въ тотъ день, въ который поговорю съ кемъ—нибудь, невозможно для меня сохранить правило поста, по обычаю моему; но принужденъ бываю разрѣшить постъ». И мы поняли, что храненіе языка не только заставляеть умъ воспріять къ Богу, но и дѣламъ явнымъ, совершаемымъ съ помощію тѣла, втайнѣ доставляетъ великую силу къ ихъ совершенію, а также просвѣщаетъ и въ тайномъ дѣланіи, какъ говаривали Отцы, потому что храненіе усть заставляеть совѣсть воспріять къ Богу, если только соблюдаетъ кто молчаніе съ вѣднѣемъ. Этуго святой имѣлъ большее обыкновеніе проводить

(х) Одну третью часть каѳизмы.

ночь во бдѣніи. Ибо говорить: «Въ ту ночь, которую стою до утра, засыпаю съ псалмопѣніемъ; а по пробужденіи отъ сна, въ день этотъ бываю какъ бы чуждымъ неприслужающимъ къ этому міру; никакіе земные помыслы не приходятъ мнѣ на сердце, и не имѣю нужды въ опредѣленныхъ правилахъ, по цѣлый этотъ день бываю въ изумленіи. Такъ, въ одинъ день хотѣлъ я принять пищу, по прошествіи передъ тѣмъ четырехъ дней, въ которые ничего не вкушалъ. И когда сталъ я на вечернюю службу, чтобы послѣ оной вкушать, и стоялъ на дворѣ келліи моеи, между-тѣмъ какъ солнце было еще высоко; начавъ службу, только въ продолженіе первой славы совершалъ оную съ сознаніемъ, а послѣ того, пребывалъ въ ней, незная, гдѣ я, и оставаясь въ сѣнѣ положенъ, пока не взошло опять солнце въ слѣдующій день, и не согрѣло лица моего. И тогда уже, какъ солнце начало сильно беспокоить меня и жечь мнѣ лице, возвратился ко мнѣ умъ мой, и вотъ увидѣлъ я, что насталъ уже другой день, и возблагодарилъ Бога, размышляя, сколько благодать Его преносится на челоуѣка, и какого величія сподобляетъ Отъ идущихъ во слѣдъ Его. Послѣ этого, Ему одному подобаетъ слава и вельствіе во вѣки вѣковъ!» Амѣнь.

С Л О В О 32.

О томъ, чѣмъ сохраняется тайное, внутреннее въ душѣ трезвеніе, и откуда приходятъ сонливость и холодность въ умъ, машаютъ въ душѣ святому горячності и умерщвляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячності къ духовному и небесному.

—

Кто имѣетъ добрыя желанія, тому противленіе не можетъ воспрепятствовать исполнить оныя, развѣ только лукавый найдетъ мѣсто худому предлогу въ желающихъ добраго. Бываетъ же это по слѣдующей причинѣ. За всякою мыслию добраго желанія, въ началѣ его движенія, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею угодоблющаяся огненнымъ углемъ; и она обыкновенно ограждаетъ сію мысль, и не допускаетъ, чтобы приближилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда; потому что ревность сія пріобрѣтаетъ великую крѣпость и несказанную силу ограждать душу отъ расслабленія или отъ боязни, при устремленіяхъ на нее всякаго рода стѣснительныхъ обстоятельствъ. И какъ самая первая мысль есть сила святаго желанія, отъ природы насажденная въ естество души; такъ ревность сія есть мысль, движимая раздражительною въ душѣ силою, данная намъ Богомъ на пользу, для соблюденія естественнаго предѣла, для выраженія понятія о своей свободѣ исполненіемъ естественнаго желанія, находящагося въ душѣ. Это есть добродѣтель, безъ которой не производится доброе, и она на-

зывается ревностно; потому что отъ времени до времени движеть, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ чловѣка, пренебрегать плотию въ скорбяхъ и въ страшныхъ срътающихъ его искушеніяхъ, не преставно предавать душу свою на смерть, и идти во срътленіе отступнической силѣ ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа.

Ибо нѣкто, облеченный во Христа, ревность сію въ словахъ своихъ называетъ неомъ и стражемъ закона Божіа, то-есть, добродѣтели, потому что закономъ Божіимъ называется добродѣтель. Эта сила ревности двумя способами укрѣпляется, пробуждается и воспаляется на храненіе дома, и также двумя способами приводится въ изнеможеніе, дремоту и лѣность. И именно: пробужденіе и воспламененіе бываегъ, когда чловѣку приходитъ на мысль какой-нибудь страхъ, заставляющій его бояться за то благо, которое онъ пріобрѣтъ, или имѣетъ въ виду пріобрѣсти, чтобы не было оно украдено, или уничтожено, какимъ-либо случаемъ, или послѣдствіемъ онаго. И сіе возбуждается въ чловѣкѣ по Божественному промышленію; разумью же страхъ во всехъ достойныхъ дѣлателяхъ добродѣтели, пребывающій въ душѣ для ея пробужденія и ревнованія, чтобы не предавалась она дремотѣ.

Когда же возбужденъ въ естество этотъ страхъ, тогда ревность, названная у насъ неомъ, день и ночь разгарается, какъ пылающая печь, и пробуждаетъ естество. И, подобно Херувимамъ, чловѣкъ пробуждается и ежечасно внимаегъ тому, что окрестъ его, и какъ говоритъ упомянутый выше нѣкто, если пролетитъ птица около его, приходитъ въ движеніе и

дасть съ самую быстрою и неслыханною стремительностію. И когда этотъ страхъ бываетъ о тѣлѣ; тогда дѣлается сатанинскимъ (ц); потому что человекъ поколебался въ вѣрѣ своѣй въ Промыслъ Божій, и позабылъ, какъ нечестен и промышляетъ Богъ о подвижающихся ради добродѣтели, ежечасно называя патъ шипъ, о чемъ и Духъ Святой говоритъ устнами Пророка: *они Господии на праведныя* и пр. (Ис. 33, 16.); и еще: *держава Господь боищихся Его* (Псал. 24, 14.). И самъ Господь, какбы отъ Своего лица сказалъ боящимся Его: *не придетъ къ тебѣ зло, и рани не приблизится селенію твоему* (Псал. 90, 10.).

Но когда страхъ бываетъ о душѣ по причинѣ того, что приключается добродѣтели, и что сопровождаетъ ее, и именно страхъ, чтобы она не была окрадена, и по какому-нибудь прищамъ не потерпѣла ущерба; тогда помысль сей божественъ, попеченіе благо, скорбь и томленіе бываютъ по Божію промысленно. И еще другой есть способъ, то-есть, кривость и воспламененіе ея обнаруживаются, когда наибольше возрастаетъ въ душѣ вождельніе добродѣтели. Ибо въ какой мѣрь возрастаетъ въ душѣ вождельніе, въ такой же воспламеняется и этотъ пестъ, то-есть, естественная ревность къ добродѣтели. Первый же поводъ къ охлажденію его, когда самое вождельніе уменьшился и прекратился въ душѣ. А второй поводъ, когда войдетъ въ душу

(ц) Слова *о тѣлѣ, тогда дѣлается сатанинскимъ*, допущены изъ прѣвлаго славянскаго перевода

какой-то помысль увѣренности и отважности, и утвердится въ ней, и человекъ станетъ надѣяться, думать и держаться той мысли, что нѣтъ ему причины бояться, потернть вредъ отъ какой-нибудь силы; и потому, слагаетъ онъ съ себя оружіе ревности, и бываетъ какъ домъ безъ стражи, всеъ запынаеть, и надолго оставляетъ стражу.

Весьма многіе мысленные дома бываютъ окрадены снмъ помысломъ. И это бываетъ, когда померкнетъ въ душѣ чистота онаго осіянія святымъ вѣдннємъ. Отъ чего же она померкаетъ? Конечно, отъ того, что вошелъ въ душу какой-либо самый тонкій помысль гордыни, и возгнздился тамъ; или человекъ сталъ болѣе предаваться попеченію о преходящемъ, или частому обольстительному для него сообщенію съ міромъ. Или бываетъ сіе отъ чрева этой госпожи всего худаго. Всякій же разъ, когда подвижникъ вступаетъ въ общеніе съ міромъ, душа его тотчасъ изнемогаетъ. То-же бываетъ, когда сходятся онъ со многими, которые по тщеславію необходимо сокрушаютъ душу его. Короче сказать, умъ предающагося бѣгству подвижника, когда входитъ онъ въ общеніе съ міромъ, унодобляется корчмему, который споконно плеть по морю и внезапно попадаеть въ среднюю подводныхъ камней, и тернть крушеніе.

Богу же нашему слава, держава, честь и веле-
льннє во вѣки! Аминь.

С Л О В О 33.

О многихъ измѣненіяхъ, послѣдующихъ въ умъ и
пскмшаемыхъ моштвою.

—

Предпочитать доброе изволеніе — дѣло желающаго; довершать же выборъ добраго изволенія — дѣло Божіе. Для сего человекъ имѣетъ нужду въ Божіей помощи. А посему сдѣлаемъ, чтобы за появляющимся въ насъ добрымъ желаніемъ слѣдовали частыя мошвы, и будемъ просить не только оказать намъ помощь, но и различить, послужить ли сіе къ угожденію воли Божіей, или нѣтъ. Ибо не всякое доброе желаніе входитъ въ сердце отъ Бога, но только то, которое полезно. Иногда человекъ желаетъ добраго, но Богъ не помогаетъ ему; потому что какое-нибудь подобное сему желаніе входитъ и отъ діавола, и почитается служащимъ въ помощь; а перьдко бываетъ не по мѣрѣ человеку. Самъ діаволь умышляетъ сдѣлать человеку вредъ, и поуждаетъ его взыскать желасмаго, когда не достигъ еще онъ соответствующаго тому житія. Или желаніе чуждо принятому на себя человекомъ образу. Или не пришло еще время, когда можно исполнить оное, или пачать его исполненіе. Или человекъ не имѣетъ достаточныхъ къ дѣлу, и вѣдѣній, и тѣлесныхъ силъ. Или не способствуютъ намъ въ томъ обстоятельстве времени. И діаволь всякимъ способомъ, какбы подъ личиного этого добраго дѣла, или смущаетъ человека, или наноситъ вредъ его тѣлу, или скрываетъ съти въ умъ сію. Впрочемъ, какъ сказать я,

рачительно будемъ совершать частыя молитвы, при появляющемся въ насъ добромъ желаніи, и каждый изъ насъ пусть скажетъ самъ въ себѣ: «да будетъ воля Твоя, пока не совершу добраго дѣла сего, которое возжелать я сдѣлать, если угодно воля Твоя». Ибо въ дѣль этомъ восхотѣть — для меня удобно, а сдѣлать этого безъ дарованія, Тобою ищесылаемаго, не могу; хотя отъ Тебя и то и другое, *и еже хотѣти, и еже дѣлати* (Фил. 2, 13.); потому что безъ благодати Твоей не рѣшился бы я прійти и этого возбуждаюся во мнѣ желанія, или убоялся бы его». Ибо таковъ обычай у того, кто воздѣлываетъ добро, — по разсудительности ума молитву употребляетъ въ пособіе къ дѣланію и къ пріобрѣтенію мудрости, для различенія истины отъ подложнаго. А доброму отдается предпочтеніе при многихъ молитвахъ, дѣланіи, храненіи, непрестанной приверженности, при частыхъ слезахъ, смиреніи и небесной помощи, особливо когда въ человѣкѣ есть сопротивныя помыслы гордыни. Ибо они не допускаютъ до насъ Божію помощь, — приводимъ же ихъ въ бездѣйствіе молитвою.

С Л О В О 34.

О тѣхъ, которые живутъ въ приближеніи къ Богу,
и проводятъ дни свои въ жизни вѣдѣнія.

Одинъ старецъ на стѣнахъ келіи своей ищаль слова и разныя мысли, и когда спросилъ его: «что это значитъ?» отвѣчалъ: «это — помыслы правды,

приходящіе ко мнѣ отъ Ангела, пребывающаго со мною, и возникающія во мнѣ естественныя правыя размышленія; записываю же ихъ во время появленія ихъ, чтобы, при обращеніи своемъ, записывать мнѣ ими, и они избавляли меня отъ заблужденія».

Другой старецъ ублажаемъ былъ помыслами своими, что вмѣсто преходящаго міра сподобился онъ непробущей надежды, и старецъ отвѣчалъ: «пока еще я въ пути, напрасно хвалите меня; не совершилъ еще я пути».

Если будешь трудиться въ прекрасной добродѣтели и не почувствуешь, что вкушаешь отъ нея наслажденіе; то не дивись. Ибо, пока не смиренится человекъ, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, но за смиреніе. Кто оскорбляетъ послѣднее, тогъ теряетъ первую. Кто предварилъ, и пріялъ уже награду за добрыя дѣла, тотъ преимуществуетъ предъ имѣющимъ дѣланіе добродѣтели. Добродѣтель есть мать печали; а отъ печали рождается смиреніе, а смиренію дается благодать. Воздаяніе же бываетъ уже не добродѣтели, и не труду ради ея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. Если же оно утрачено; то первыя будутъ напрасны.

Дѣланіе добродѣтели есть храненіе заповѣдей Господнихъ. Обиліе дѣланія — вогъ доброе приуготовленіе ума. Оно состоитъ въ смиренномудрїи и храненїи. Когда оскудѣетъ сила первыхъ, вмѣсто нихъ прїемлется это. Христовъ же требуетъ не дѣланія заповѣдей, но исправленія души, для котораго законныя заповѣди подзаконныя. Тѣло равно дѣйствуетъ и десными и шуми, а утъ, какъ хочеть, или

оправдывается, или погрѣшаетъ. Иной и дѣлами шуним содѣлываетъ жизнь въ премудрости Божіей, а иной продастъ грѣхъ какбы подѣ личною божественнаго.

Въ шныхъ, охраняющихъ себя, и недостатки бываютъ хранителями правды. Дарованіе безъ искушеній — погибель для пріемлющихъ оное. Если дѣлаешь доброе предѣ Богомъ, и дасть тебѣ дарованіе; умоли Его дать тебѣ познаніе, сколько прилично для тебя смиригься, или представить къ тебѣ стража надѣ дарованіемъ, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всехъ безвредно хранить богатство.

Душа, пріавшая на себя попеченіе о добродѣтели и живущая въ строгости и страхѣ Божіемъ, не можетъ быть безъ печали каждый день; потому что добродѣтели сопряжены съ печальми. Кто уходитъ отъ скорбей, тотъ, конечно, разлучается несомнѣнно и съ добродѣтелию. Если возделываешь добродѣтели; то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождаютъ смиреніе. Богъ не хочетъ, чтобы душа была безъ попеченія. Кто желаетъ не имѣть попеченія, тотъ мудрованіемъ своимъ виѣ волн Божіей. Попеченіе же разумѣемъ не о тѣлесномъ, но о томъ, что утруждаетъ послѣдующихъ добрымъ дѣламъ. Пока не достигнемъ истиннаго вѣдѣнія, т. е. откровенія таинъ; посредствомъ искушеній приближаемся къ смиренію. Кто безъ скорби пребываетъ въ добродѣтели своей; тому отверзета дверь гордости.

И кто уже пожелаетъ быть безъ печали въ мысляхъ своихъ? Безъ оскорбленій умъ не можетъ пребыть въ смиреніи, а безъ смиренномудрія не мо-

жетъ чисто заняться молитвою къ Богу. Сперва человекъ мыслями своими удаляется отъ должнаго попеченія, а послѣ сего приближается къ нему духъ гордыни. Когда же человекъ пребываетъ въ гордости; тогда удаляется отъ него промыслительный Ангель, который близъ него и возбуждаетъ въ немъ попеченіе о праведности. И когда человекъ оскорбитъ сего Ангела, и онъ удалится; тогда приближается къ человеку чуждый, и съ того времени вѣтъ уже у него никакого попеченія о праведности.

Прежде сокрушенія гордыни, говоритъ Премудрый (Притч. 18, 12.), и прежде дарованія смиренія. По мѣрѣ гордыни, видимой въ душѣ, и мѣра сокрушенія, какимъ вразумляетъ душу Богъ. Гордыню же разумно не ту, когда помысль ея появляется въ умѣ, или когда человекъ на время побѣждается ею, но гордыню постоянно пребывающую въ человекѣ. За горделивымъ помысломъ послѣдуетъ сокрушеніе; а когда человекъ возлюбилъ гордыню, не знаетъ уже сокрушенія. Богу нашему слава и велельніе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 35.

О ПРИВЕРЖЕННОСТИ КЪ МІРУ.

Истинно слово, сказанное Господомъ, что человеку невозможно съ приверженностію къ міру приобрести любви къ Богу, и нѣтъ возможности при общеніи съ міромъ вступить въ общеніе съ Богомъ,

и съ попеченіемъ о міръ имѣть попеченіе о Богѣ. Какъ-скоро оставимъ Божіе по тщеславію или перѣлко по недостатку потребнаго для тѣла, многіе уклонятся отъ насъ въ шныя стороны. Шные изъ-явили согласіе трудиться для царства небеснаго, и не помнятъ обѣтованія, какое изрекъ Господь: «если все попеченіе ваше приложите о царствѣ небесномъ, не лицу васъ удовольворяющаго потребностямъ естества видимаго, но все прійдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ прочимъ. Ибо не оставлю васъ. имѣть попеченіе о себѣ самихъ». О вещахъ неодушевленныхъ, о птицахъ ради насъ созданныхъ, печется Господь; ужели же не печется о насъ? Сіе невозможно. Кто печется о духовномъ, или о чемъ-нибудь служащемъ духовному; тому доставляется тѣлесное безъ попеченія о томъ, сколько и когда то нужно. А кто печется о тѣлесномъ сверхъ потребности; тотъ невольно отпадаетъ отъ Бога. Если же мы постараемся имѣть попеченіе о томъ, что нужно, ради имени Господня; то Господь попечется о томъ и о другомъ, по мѣрѣ подвига нашего.

Впрочемъ, не будемъ стараться искушать Бога въ тѣлесномъ, въ замѣнъ душевныхъ нашихъ дѣлъ, но всѣ дѣла свои направимъ къ надеждѣ будущихъ благъ. Кто изъ любви къ душѣ своей единожды предасть себя добродѣтели, и возжелать совершить дѣланіе ся; тотъ не печется послѣ сего о тѣлесномъ, есть ли это у него, или нѣтъ. Въ разсужденіи этого Богъ перѣдко попускаетъ, чтобы добродѣтельные искушаемы были чѣмъ-либо таковымъ, дозволяетъ, чтобы отвсюду возставали противъ шныя искушенія, поражаетъ ихъ въ тѣлѣ ихъ, какъ Юва,

свергаетъ ихъ въ нищету, дѣлаетъ, что отстунается
 отъ нихъ человечество, поражаетъ ихъ въ томъ,
 что пріобрѣтено ими; только въ душамъ ихъ не
 приближается вредъ. Ибо невозможно, чтобы, ко-
 гда идемъ путемъ правды, не встрѣтилась съ нами
 печаль, тѣло не изнемогало въ болѣзняхъ и тру-
 дахъ, и пребывало неизмѣннымъ, если только воз-
 любимъ жить въ добродѣтели. Если же человекъ
 проводитъ жизнь по волю своей, или предаваясь
 зависти, или губя душу свою, или дѣлая что-либо
 иное вредное для него; то подлежитъ онъ осужде-
 нію. А когда пойдетъ онъ путемъ правды, и совер-
 шаетъ уже шествіе свое къ Богу, и пріобрѣтаетъ
 многихъ подобныхъ себѣ, и встрѣчается съ нимъ
 что-либо подобное; то непринично ему уклоняться
 отъ стези своей, но долженъ онъ съ радостію, безъ
 пытливости, принимать это и благодарить Бога, что
 послалъ ему благодать сію, и сподобился онъ ради
 Бога внасть въ искушеніе, и содѣлаться сообщни-
 комъ въ страданіяхъ съ Пророками, Апостолами и
 прочими святыми, ради пути сего претерпѣвшими
 скорби. Отъ людей ли, отъ демоновъ ли, отъ тѣла
 ли прійдутъ на него искушенія (невозможно же,
 чтобы пришли и были понуцены безъ Божіа ма-
 новенія), да будетъ сіе для него поводомъ къ правдѣ.
 Ибо невозможно, чтобы Богъ возжелавшему пре-
 бывать съ Нимъ оказалъ благодѣяніе какъ иначе, а
 не послалъ на него искушенія за истину; какъ и
 человеку содѣлаться достойнымъ того, чтобы спо-
 добиться сего величія, то-есть, за божественные сіи
 труды войти въ искушеніе и возрадоваться, невоз-
 можно безъ благодати Христовой. О семъ свидѣ-

тельствуютъ святой Павелъ. Ибо столько велико дѣло сіе, что Апостоль явнѣ называетъ дарованіемъ, когда человекъ готовится пострадать ради надежды на Бога. Павелъ говоритъ: отъ Бога дарована намъ сіе, не токмо еже въ него вѣровати, но и еже по Немъ страдати (Фил. 1, 29.). Такъ и святой Петръ написалъ въ Посланіи своемъ: когда страждете правды ради, блаженни есте (1 Петр. 3, 14.), потому что содѣлались общниками страстей Христовыхъ (Фил. 3, 10.). Наконецъ, не надлежитъ тогда тебѣ радоваться, когда живешь пространно, въ скорбяхъ же посуныягъ лице, и почитать ихъ чуждыми путн Божію. Ибо стезя его отъ вѣка и отъ родовъ крестомъ и смертію пролагается. А у тебя откуда такая мысль? Дознай изъ этого, что ты вѣи пути Божія, и удаляешься отъ него, не хочешь идти по слѣдамъ святыхъ, или намѣреваешься устроить себѣ иной особенный путь, и по немъ ходить не страдая.

Путь Божій есть ежедневный крестъ. Никто не восходилъ на небо, живя прохладно. О пути же прохладномъ знаемъ, гдѣ онъ оканчивается. Богу не угодно, чтобы безопаснымъ былъ тотъ, кто Ему предалъ себя всею сердцемъ. Попеченіе же его должно быть обь истинъ. А изъ сего познается, что подь Божіимъ онъ Промыслонъ, когда Богъ непрестанно посылаетъ ему печали.

Промыслъ никогда не попускаетъ, чтобы живущіе въ искушеніяхъ впадали въ руки демонскія, особливо, если они лобзаютъ ноги у братіи, прикрываютъ и утаиваютъ ихъ вши, какбы свои собственныя. Кто хочетъ въ міръ семъ не имѣть

попеченій, и вождельвасть сего, но желаетъ и въ добродѣтели упражняться; тотъ не на ся путь. Шбо праведные не только по волю своей подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ, но и невольно выдерживаютъ сильное бореиіе съ искушеніями, во испытаніе своего терпѣнія. Душа, имѣющая въ себѣ страхъ Божій, не боится чего-либо такого, что вредитъ ей тѣлесно; потому что на Бога уповаеть отшель и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 36.

О томъ, что не должно желать, или домогаться безъ нужды -- имѣть у себя въ рукахъ какия-либо явные знаменія.

Господь не во всякое время, когда Отецъ близокъ къ святымъ Своимъ, въ помощь имъ, безъ нужды явно показываетъ силу Свою въ какомъ-либо дѣлѣ и чувственномъ знаменіи, чтобы оказываемая имъ помощь не сдѣлалась безполезнаю, и не послужила къ какому вреду. И дѣлаеть сіе. промышляя о святыхъ, и желая показать имъ, что и на часъ не прекращаетъ тайнаго Своего о нихъ попеченія, но во всякомъ дѣлѣ предоставляетъ имъ, по мѣрѣ силъ, показать свой подвигъ и потрудиться въ молитвѣ. Если же дѣлю преобладаеть имъ трудностию; когда изнемогутъ они, и не въ силахъ будутъ совершить дѣла, потому что недостаточна къ тому природа ихъ, Самъ совершаетъ по величію державы Своей; и какъ Самъ знаетъ, получаютъ они надле-

жащую помощь, и сколько можно, укрываетъ ихъ втайнѣ, пока съ силою не противостанутъ скорби своей. Пбо дѣлаетъ, что въ днѣи своемъ, какое даруетъ имъ, разрынаются все пути скорби ихъ, и созерцаніемъ оного пробуждаетъ ихъ къ славословію, полезному въ томъ и другомъ случаѣ. Если же дѣло требуетъ обнаруженія; то, по необходимости, дѣлаетъ и это; и способы Его бываютъ самые премудрые, достаточные въ скудости и въ нуждѣ, а не какіе-либо случайно избранные.

Кто безъ нужды осмѣливается на сіе, или молить Бога, и желаетъ, чтобы въ рукахъ его были чудеса и силы; тотъ искушается въ умъ своимъ ругателемъ демономъ, и оказывается хвастливымъ и немощнымъ въ своей совѣсти. Пбо въ скорби должно просить намъ Божіей помощи. Безъ нужды же искушать Бога опасно. И кто желаетъ сего, тотъ не дѣйствительно праведенъ. Приобрѣтается же многими святыми и то, что Господь сотворить не благоволи. Но кто хочетъ и воздѣлываетъ сего по воли своей безъ нужды; тотъ найдетъ, лишаясь охраненія, и поножается въ вѣдѣніи истинны. Пбо, если просящій услышанъ будетъ въ семь, какъ отваживался просить о томъ у Бога; то найдетъ въ немъ мѣсто лукавыи, и ведегъ его еще къ бѣльшему непрощеннаго. А истинные праведники не только не воздѣлываютъ сего, но и отказываются, когда дается имъ то; и не только предъ очами людей, но и втайнѣ сами для себя не желаютъ сего.

Пбо вотъ одинъ изъ святыхъ Отцевъ за чистоту свою, по благодати, получилъ дарованіе, предузнавать идущихъ къ нему, и молить Бога (а съ нимъ

молыше и другіе святые, упрошенныя на сіе старцемъ), чтобы взято было у него дарованіе. Если же некоторые изъ ихъ принимали дарованія, то принимали по нуждѣ, или по простотѣ своей; а прочихъ побуждало принять Божіе мавовеніе (ч), и, конечно, не безъ особенныхъ къ тому причинъ.

Когда святой блаженный Аммуъ шелъ приветствовать святаго Антонія Великаго, и заблудился въ пути; тогда смотри, что говорилъ онъ Богу, и также что содѣлалъ съ нимъ Богъ (ш). Припомни объ Аввѣ Макаріи и о прочихъ. Истинныя праведники всегда помышляютъ сами въ себѣ, что недостойны они Бога. А что истинныя они праведники, дознается сіе изъ того, что признаютъ себя окаянными и недостойными попеченія Божія, и несовѣдуютъ сіе тайно и явно, и умудряются на сіе Святымъ Духомъ, чтобы не оказаться не имѣющими подобающей имъ заботливости и трудиться, пока они въ этой жизни. Время же упокоенія Богъ соблаговѣнъ въ будущемъ вѣкѣ. И имѣющіе въ себѣ живущаго Господа, по сему самому не желаютъ быть въ покоѣ и освободиться отъ скорбей, хотя по временамъ и дается имъ таинственно утѣшеніе въ духовномъ.

Ис добродѣтель уже человѣку, когда достигнетъ ея, не имѣтъ попеченія и труда въ ней; но вотъ селеніе Духа — непрестанно принуждать себя быть въ повиновеніи, хотя и есть способъ сдѣлать дѣло въ покоѣ; по тому что такова воля Духа: въ комъ обитаетъ Онъ, — не приучать тѣхъ къ лѣности. На-

(ч) Въ греч. читается *ὅχι ἐκίνη* (не побуждало), но въ древн. слав. безъ отрицанія *бѣ подвижил*.

(ш) См. Достоп. Сказ. о подвижн. Изд. 2. стр. 45.

противъ того, Духъ побуждаетъ ихъ не покоя искать, но предаваться паче дѣланію и наибольшимъ скорбямъ. Испытаніями Духъ укрѣпляетъ ихъ, и дѣлаетъ, что приближаются они къ мудрости. Таковая воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали въ трудахъ.

Не Духъ Божій живетъ въ тѣхъ, которые пребываютъ въ покой, но духъ дѣволовъ, какъ сказалъ нѣкто изъ любящихъ Бога: «клялся я, что умираю всякій день». Тѣмъ и отличаются сыны Божіи отъ прочихъ, что живутъ они въ скорбяхъ, а міръ гордится роскошью и покоемъ. Ибо не благоволилъ Богъ, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они въ тѣлѣ, но паче восхотѣлъ, чтобы они, пока въ мірѣ, пребывали въ скорби, въ тяготѣ, въ трудахъ, въ скудости, въ наготѣ, въ одиночествѣ, нуждѣ, болѣзни, униженіи, въ оскорбленіяхъ, въ сердечномъ сокрушеніи, въ утружденномъ тѣлѣ, въ отреченіи отъ сродниковъ, въ печальныхъ мысляхъ, пѣшли ный взглядъ на всю тварь, мѣсто жительства непохожее на обыкновенное человѣческое, жилище иноческое, которое безмолвно, невидно по человѣческому взгляду, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что веселитъ здѣсь человека. Инокъ плачетъ, а міръ смѣется. Они воздыхаютъ, а міръ веселится. Они постятся, а міръ роскошествуетъ. Трудятся они днемъ, и ночью предаются подвигамъ въ тѣснотѣ и трудахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пребываютъ въ добровольныхъ скорбяхъ; другіе въ трудахъ, борясь съ страстями своими; иные гонимы людьми, а иные бедствуютъ отъ страстей, отъ демоновъ и отъ прочаго. И одни были изгнаны, другіе умерщвлены,

ныя *проидоша въ милоотьхъ* (Евр. 11, 37.) и проч. И исполнилось на нихъ слово Господа: *въ мѣръ скорбни будете*, но о Мнѣ возрадуетесь (Іоан. 16, 33.). Господь знаетъ, что живущимъ въ тѣлесномъ покоѣ невозможно пребывать въ любви Его, и потому, воспретилъ имъ покой и услажденіе онымъ. Христосъ Спаситель цангъ, любовь Котораго превозмогаетъ тѣлесныя смерти, да явитъ намъ крѣпость любви Своей!

С Л О В О 37.

О томъ, по какой причинѣ Богъ попускаетъ искушенія на любящихъ Его.

По любви, какую святые показали къ Богу, потому что страждутъ за ния Его, когда содержать ихъ въ тѣснотѣ, и не отступаютъ отъ возлюбленныхъ Имъ, сердце святыхъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе взирать на Бога непокровешнымъ лицемъ, и просить Его съ упованіемъ. Велика сила дерзновенной молитвы. Потому, попускаетъ Богъ, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалію, и также опытно извѣдывали помощь Его и то, сколько промышляеть о нихъ Богъ, потому что въ слѣдствіе искушеній пріобрѣтають мудрость. Попускаетъ, чтобы, оставаясь невѣждами, не лишлись они обученія въ томъ и другомъ, но изъ опыта пріобрѣли вѣдѣніе о всемъ, и не потеряли осмѣянія отъ демоновъ; потому что, если бы искусилъ ихъ въ одномъ доб-

ромъ, то недоставало бы имъ обученія въ другой части, и во браняхъ были бы они слѣпы.

И если скажемъ, что Богъ обучаетъ ихъ безъ ихъ о томъ познанія; то это значитъ уже сказать, что Богъ хочетъ содѣлать ихъ подобными воламъ и осламъ, и не имѣющими ни въ чемъ свободы, и что человекъ, если не бываетъ искушенъ сперва испытаніемъ худаго, не имѣетъ вкуса въ добромъ, чтобы, когда встрѣтится доброе, съ вѣдѣніемъ и свободно воспользоваться тѣмъ, какъ своею собственностію. Какъ пріятно знаніе, заимствованное самымъ дѣломъ изъ опыта и изъ упражненія, и какую силу доставляетъ тому, кто долговременнымъ опытомъ своимъ обрѣлъ опое въ себѣ самомъ, познается сіе тѣмъ, которые извѣдали содѣйствіе знанія, равно какъ немощь естества и помощь Божеской силы, и увѣрились въ этомъ. Ибо тогда только познаютъ, когда Богъ, удержавъ сперва силу Свою отъ содѣйствія имъ, приводитъ ихъ въ сознаніе немощи естества, трудности искушеній, лукавства вражескаго, и того, съ кѣмъ у нихъ борьба, какимъ облечены они естествомъ, и какъ были охраняемы Божескою силою, сколько совершили пути, сколько возвысила ихъ Божія сила, и сколько бываютъ немощны въ борьбѣ со всякою страстію, если удаляется отъ нихъ эта сила, такъ-что изъ всего этого пріобрѣтаютъ смиреніе, приближаются къ Богу, начинаютъ ожидать Его помощи и пребывать въ молитвѣ. И откуда бы заняли все это, если бы не пріобрѣли опыта о многомъ худомъ, влавъ въ сіе худое по Божію позволенію, какъ говоритъ Апостолъ: *за премногія откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакост-*

никъ плоти, аггелъ сатанинъ (2 Кор. 12, 7.)? По въ искушеніяхъ, многократно испытывая Божію помощь, человекъ пріобрѣтаетъ и твердую вѣру; отчего, дѣлается небоязненнымъ, пріобрѣтаетъ и благодушіе въ искушеніяхъ отъ самаго упражненія, какое имѣлъ онъ.

Искушеніе полезно всякому человеку. Ибо, если полезно было искушеніе Павлу, то да *всякія уста заградятся, и повиненъ будетъ весь міръ Богу* (Рим. 3, 18.). Подвижники бываютъ искушаемы, чтобы присовокупить имъ къ богатству своему; разслабленные, чтобы охранять имъ себя отъ вреднаго; погруженные въ сонъ, чтобы пріуготовиться имъ къ пробужденію; далеко отстоящіе, чтобы приблизиться имъ къ Богу; свои Богу, чтобы веселиться имъ съ дерзновеніемъ. Всякій необученный сынъ пріемлетъ богатство изъ дома отца своего не въ помощь себѣ. По этому-то Богъ сперва искушаетъ и томитъ, а потомъ показываетъ дарованіе Слава Владыкъ, Который горькими врачевствами приводитъ насъ въ возможность насладиться здравіемъ!

Нѣтъ человека, который бы не скорбѣлъ во время обученія; и нѣтъ человека, которому бы не казалось горькимъ время, когда пенивается онъ ядъ искушеній. Безъ нихъ невозможно пріобрѣсти крѣпкаго сложенія. Но претерпѣть искушенія не въ нашихъ силахъ. Ибо какъ остановить теченіе воды сосуду изъ брешія, если не укрѣпимъ его Божественный огонь? Если, во смреніи прося съ непрестаннымъ желаніемъ, покоримся Богу въ терпѣніи; то все примемъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

С Л О В О 38.

О томъ, какъ по возбуждающимся въ челоѣкѣ помысламъ узнавать, на какой степенн стоитъ онъ.

—

Человѣкъ, пока въ нерадѣніи, боится часа смертнаго; а когда приблизится къ Богу, боится срътенія суда; когда же всецѣло поступитъ въ предіяя, тогда любовно поглощается тотъ и другой страхъ. Почему же это? Потому что, когда остается кто въ вѣдѣніи и житіи тѣлесномъ, ужасается онъ смерти; когда же бываетъ въ вѣдѣніи духовномъ и въ житіи добромъ, умъ его всякій часъ быцаетъ занятъ памятованіемъ будущаго суда; такъ-какъ право стоитъ онъ по самому естеству, движется въ душевномъ чинѣ, занимается своимъ вѣдѣніемъ и житіемъ, и хорошо устроенъ для того, чтобы приблизиться къ Богу. Но когда достигнетъ онаго вѣдѣнія истины, по возбужденіи въ немъ ощущенія тайны Божіихъ и по утвержденіи надежды будущаго; тогда любовно поглощается и онъ тѣлесный человекъ, подобно животному боящійся закланія, и человекъ разумный, боящійся суда Божія; содѣлавшійся же сыномъ украшается любовно, а не устрашающимъ вразумляется жезломъ. *Азъ же и домъ отна моего служити будемъ Господевн* (Нав. 24, 15.).

Кто достигъ въ любовь Божію, тотъ не желаетъ уже снова пребывать здѣсь; потому что любовь уничтожаетъ страхъ. И я, возлюбленные, послѣку вѣдана

въ юродство, то не могу сохранить тайну въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи; потому что такова истинная любовь; она не можетъ содержать что-либо втайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ. Когда писалъ я это, персты мои неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартіи, и не могъ я сохранять терпѣнія отъ удовольствія, вторгавшагося въ сердце мое и заставлявшаго умолкнуть чувства. Впрочемъ, блаженъ, у кого помышленіе всегда о Богѣ, кто удержался отъ всего мірскаго, и съ Питъ однимъ пребывалъ въ бесѣдѣ вѣдѣнія своего. И если достанетъ у него терпѣнія; то недолго замедлитъ увидѣть плодъ.

Радость о Богѣ крѣпче здышней жизни; и кто обрѣлъ ея, тотъ не только не посмотритъ на страданія, но даже не обратитъ взора на жизнь свою; и не будетъ тамъ иного чувства, если дѣйствительно была сія радость. Любовь сладостиѣ жизни; и разумнѣе по Богу, отъ котораго рождается любовь, еще сладостиѣе паче меда и сола. Любви не печаль принять тяжкую смерть за любящихъ. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія; а вѣдѣніе есть порожденіе душевнаго здравія; здравіе же душевное есть сила, прпшедшая отъ продолжительнаго терпѣнія.

Вопросъ. Что такое вѣдѣніе?

Отвѣтъ. Ощущеніе безсмертной жизни.

Вопросъ. Что такое безсмертная жизнь?

Отвѣтъ. Ощущеніе въ Богѣ; потому что любовь отъ разумнѣія, а вѣдѣніе по Богу есть царь всѣхъ пожеланій, и сердцу, пріемлющему оное, всякая сладость на землѣ измѣннѣя. Пбо нѣтъ ничего подобнаго сладости познанія Божія.

Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!

Жизнь вечная есть утѣшеніе въ Богъ; и кто обрѣтъ утѣшеніе въ Богъ, тотъ почитаетъ измѣнившимъ утѣшеніе мірское.

Вопросъ. Откуда человекъ дознаетъ, что пріиалъ онъ мудрость отъ Духа?

Отвѣтъ. Отъ самой мудрости, которая въ сокровенности ея и въ чувствахъ учитъ ея смиреннымъ правамъ; и въ умъ ея открывается ему, какъ пріемлетеля смиреніе.

Вопросъ. Изъ чего дознаетъ человекъ, что достигъ смиренія?

Отвѣтъ. Изъ того, что находятъ для себя гнуснымъ угождать міру своимъ общеніемъ съ нимъ, или словомъ; и въ глазахъ его ненавистна слава міра сего.

Вопросъ. Что такое страсти?

Отвѣтъ. Прираженія, которыя производятся вещами міра сего, побуждая тѣло удовлетворять самой необходимой ея потребности; и прираженія сѣи не прекращаются, пока стоитъ сей міръ. Но человекъ, который сподобился Божественной благодати, вкусилъ и ощутилъ нечто высшее сего, не попускаетъ прираженіямъ своимъ входить въ сердце ея; потому что вѣсто ихъ возобладало въ немъ другое, лучшее ихъ возжеланіе, и къ сердцу ея не приближаются ни самыя сѣи прираженія, ни порожденное ими, но остаются они бездѣйственными, не потому, что нѣтъ уже страстныхъ прираженій, но потому, что пріемлющее ихъ сердце мертво для нихъ и живетъ чѣмъ-то инымъ; не потому что человекъ усно-

копля въ слѣдствіе храненія разсудительности и дѣль, но потому что въ умъ его нѣтъ ни отъ чего тревоги, сознаніе его насыщено, насладившись чѣмъ-то инымъ.

Сердце, которое въ полнотѣ пріяло въ себя ощущеніе духовнаго и созерцаніе будущаго вѣка, таково же бываетъ въ сознаніи своемъ къ памятованію страстей, каковъ человекъ, насытившійся дорогою пищей, къ иной, несходной съ тою и предложенной ему, пищѣ, то-есть, вовсе не обращаетъ на нее вниманія, не желаетъ ея, а наче, гнушается ею и отвращается отъ ней, не потому только, что она сама въ себѣ гнуса и ненавистна, но и потому, что человекъ насытился первою, лучшею пищею, которою онъ питался не какъ расточившій часть свою и возжелавшій потомъ рожцевъ, когда напередъ уже расточилъ отцевское богатство, какое нѣтъ. И еще, кому вверено сокровище, тотъ не спитъ.

Если будемъ хранить законъ трезвенія и дѣло разсудительности въ вѣдѣніи, плодомъ чего бываетъ жизнь; то борьба съ страстными прираженіями совершенно не приблизится къ уму. Воспизается же войдти нѣтъ въ сердце въ слѣдствіе не борьбы, но пресыщенія сознанія и вѣдѣнія, какимъ наполнена душа, и желанія чудныхъ, находимыхъ въ душѣ, созерцаній. Вотъ что воспренятствовало прираженіямъ приближаться къ сердцу; не потому что, какъ сказалъ я, удалились въ слѣдствіе храненія и дѣль разсудительности, которыя охраняютъ вѣдѣніе истины и свѣтъ душевный, но потому что умъ, по сказаннымъ выше причинамъ, не имѣетъ борьбы. Ибо снѣдь пищихъ гнуса богатымъ, а подобно и снѣдь

больныхъ—здоровымъ; богатство же и здравіе составляются при трезвости и попечительности. Пока человекъ живетъ, имѣть пужду въ трезвости, попечительности и бодрственности, чтобы охранять свое сокровище. Но если оставить назначенный ему предѣлъ; то сдѣлается боленъ и будетъ ограденъ. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плодъ; но надобно подвизаться до самаго исхода. Ибо перѣдко и созрѣвшій плодъ побивается внезапно градь. Кто вмѣшивается въ житейскія дѣла и пускается въ бесѣды; о томъ невозможно еще быть увѣреннымъ, что здравіе его сохранится въ немъ.

Когда молишься, произноси такую молитву: «сподоби меня, Господи, дѣйствительно быть мертвымъ для собесѣдованія съ міромъ спмъ». И знай, что совмѣстилъ ты въ этомъ все прошенія; старайся же исполнить въ себѣ дѣло это. Ибо, если за молитвою послѣдуетъ дѣло, то дѣйствительно стоишь ты въ свободѣ Христовой. А умерщвленіе себя для міра состоитъ не только въ удаленіи человека отъ общенія въ собесѣдованіи съ тѣмъ, что есть въ мірѣ; но и въ томъ, чтобы въ бесѣдѣ ума своего не вожделѣвать мірскихъ благъ.

Если приобучимъ себя къ доброму размышленію; то будемъ стыдиться страстей, какъ-скоро встрѣтимся съ ними. И это знаюгь извѣдавшіе опытомъ на себѣ самихъ. Но будемъ стыдиться приближенія къ страстямъ и по причинѣ ихъ виновности. Когда изъ любви къ Богу желасшь совершить какое дѣло, предѣломъ желанія сего поставь смерть; и такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ сподобишься взойти на

степень мученичества въ борьбѣ съ каждою страстію, и не понесешь никакаго вреда отъ того, что встрѣтится съ тобою внутри онаго предѣла, если претерпишь до конца, и не разслабьешь. Помышленіе немощнаго разсудка немощною дѣлаетъ силу терпѣнія; а твердый умъ и тому, кто слѣдуетъ помышленію сего, сообщаетъ силу, какой не имѣетъ природа.

Сюдобнѣ меня, Господи, возненавидѣть жизнь свою ради жизни въ Тебѣ!

Житіе міра сего подобно выводящимъ нѣкоторыя только буквы изъ начертанныхъ на таблицѣ; и когда кто захочетъ и пожелаетъ, прибавляетъ къ нимъ и убавляетъ, и дѣлаетъ перемѣну въ буквахъ. А жизнь будущая подобна рукописаніямъ, начертаннымъ на чистыхъ свиткахъ, занечатанныхъ царскою печатію, въ которыхъ нѣтъ ни дополненія, ни пропуска. Поэтому, пока мы среди измѣненія будемъ внимательны къ себѣ, и пока имѣемъ власть надъ рукописаніемъ жизни своей, какосъ панишемъ своими руками, постараемся дѣлать въ немъ дополненія добрымъ житіемъ, ставемъ изглаждать въ немъ недостатки прежняго житія. Ибо, пока мы въ этомъ мірѣ, Богъ не прилагаетъ печати ни къ доброму, ни къ худому, до самаго часа несшества, въ который оканчивается дѣло въ отечествѣ нашемъ, и отходимъ въ страну чуждую. И какъ сказалъ святой Ефремъ: «подобаетъ намъ размыслить, что душа наша подобна готовому кораблю, незнающему, когда подуетъ на него вѣтеръ, и воинству, невѣдущему, когда протрубитъ бражная труба. И если», говоритъ, «такъ бываетъ сіе для малаго приобрѣтенія, въ такихъ слу-

чаяхъ, которые, можетъ быть, снова возвратятся; то какъ должно намъ приуготовляться и снаряжаться предъ онымъ грознымъ днемъ, предъ этимъ моментомъ, и предъ этою дверію новаго вѣка? Готовность утвердиться въ ономъ явленіи чаянія да даруетъ намъ Ходатай жизни нашей Христосъ. Ему слава, поклоненіе и благодареніе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 39.

О томъ, почему люди душевные прозираютъ въ дѣиіемъ въ иное духовное, соразмѣрно съ тѣлесною дебелиною, какъ умъ можетъ возноситься надъ оною, какая причина тому, что не освобождается отъ нея, когда и въ какой мѣрѣ можно ему пребывать безъ мечтания въ часъ моленія.

Благословенна честь Господа, отвергающаго предъ нами дверь, чтобы не было у насъ иного прощенія, кромѣ желанія къ Нему устремляться. Ибо въ такомъ случаѣ оставляемъ мы все, и душа устремляется во слѣдъ Его единого, такъ-что нѣтъ у ней попеченія, которое бы воспренятствовало ей въ ономъ созерцаніи Господа. Въ какой мѣрѣ, возлюбленные, оставляетъ умъ попеченіе о семъ видимомъ, и озабочивается упованіемъ будущаго, соответственно возвышенію своему надъ попеченіемъ о тѣлѣ и надъ помышленіемъ о семъ попеченіи, въ такой же утоп-

чается ошъ и просвѣтляется въ молитвѣ. И въ какой мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой же освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ понеченій, въ такой просвѣтляется онъ; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утопается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, посяцаго на себѣ образы дебелосн. И тогда умъ научается созерцать въ Богъ, подобно Ему, а не какъ видимъ мы. Если чловѣкъ не содѣлается сперва достойнымъ откровенія; то не можетъ видѣть онаго. И если не достигнетъ чистоты, понятія сго не могутъ стать просвѣтленными, чтобы видѣть ему сокровенное. И пока не освободится отъ всего видимаго, усматриваемаго въ видимой твари, не освободится и отъ понятій о видимомъ, и не содѣлается чистымъ отъ потемненныхъ помысловъ. А гдѣ тма и спутанность помысловъ, тамъ и страсти. Если чловѣкъ не освободится, какъ сказали мы, отъ сего и отъ причинъ къ тому; то умъ не прозритъ въ сокровенное. Посему, Господь прежде всего повелѣлъ взяться за нестяжательность, удалиться отъ мірскаго мятежа и отрывиться отъ понеченія, общаго всеъмъ людямъ, сказавъ: *всякъ, иже не отречется отъ всего чловѣчества и отъ всего своего, и не отвергнется самъ отъ себя, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 33.).

Чтобы умъ не терпѣлъ вреда отъ всего, отъ зрѣнія, отъ слуха, отъ понеченія о вещахъ, отъ нль истребленія, отъ ихъ умноженія, отъ чловѣка, и чтобы связать сго однимъ упованіемъ на Бога, Господь отклонилъ отъ насъ всякое иное по-

печеніе, чтобы въ слѣдствіе сего возжелали мы собесѣдованія съ единымъ Богомъ. Но молитва имѣетъ еще нужду въ упражненіи, чтобы умъ умудрился долговременнымъ пребываніемъ въ оной. После нестяжательности, разрывающей наши мысли отъ узъ, молитва требуетъ пребыванія въ оной; потому что съ продолженіемъ времени умъ спускаетъ навѣкъ къ упражненію, познаетъ, какъ отражать отъ себя помысль, и долгимъ опытомъ научается тому, чего заимствовать не можетъ изъ иного источника. Ибо всякое настоящее житіе заимствуетъ возрастаніе отъ житія предшествовавшаго, и предъидущее требуется къ спусканію послѣдующаго. Молитву предваряетъ отшельничество, и самое отшельничество нужно ради молитвы, а самая молитва для того, чтобы пріобрѣсти намъ любовь Божію, потому что въ слѣдствіе молитвы сънискиваются причины любить намъ Бога.

Надлежитъ же знать намъ, возлюбленные, и то, что всякая бесѣда, совершаемая втайнѣ, всякое поученіе добраго ума о Богѣ, всякое размысленіе о духовномъ, устанавливается молитвою, и парцается именемъ молитвы, и подъ снѣгъ именемъ сводится во едино, будешь ли разумѣть различныя чтенія, или гласъ устъ въ славословіи Богу, или заботливую печаль о Господѣ, или тѣлесныя поклоны, или псалмопѣніе въ стихословіи, или все прочее, изъ чего составляется весь чинъ подлинной молитвы, отъ которой рождается любовь Божія; потому что любовь отъ молитвы, а молитва — отъ пребыванія въ отшельничествѣ. Въ отшельничествѣ же имѣемъ мы нужду для того, чтобы намъ была возможность

наединѣ бесѣдовать съ Богомъ. По отшельничеству предшествуетъ отреченіе отъ міра. Ибо, если человекъ не отречется сперва отъ міра, и не удосужится отъ всего мірскаго, то не можетъ уединиться. И такимъ образомъ, отреченію отъ міра предшествуетъ оный терпѣніе, а терпѣнію—ненависть къ міру, и ненависти къ міру—страхъ и любовь. Ибо, если не устранить сердца страхъ гсены, и любовь не приведетъ къ желанію блаженствъ; то не возбудится въ сердцѣ ненависти къ міру сему. А если не возненавидитъ міра, то не потерпитъ быть внѣ его покоя. И если не предваритъ въ умѣ терпѣніе, то человекъ не возможетъ избрать мѣста, исполненнаго суровости и шикъмъ не обитаемаго. Если не изберетъ себѣ отшельнической жизни; не возможетъ пребывать въ молитвѣ. Если не будетъ бесѣдовать съ Богомъ, не пребудетъ въ снхъ съ молитвою соединенныхъ размышленіяхъ, и во всѣхъ видахъ сказаннаго нами молитвеннаго чина; то не ощутитъ любви.

Наконецъ, любовь къ Богу отъ собесѣдованія съ Нимъ, а молитвенное размысленіе и поученіе достигается безмолвіемъ, безмолвіе — нестяжательностію, нестяжательность — терпѣніемъ и ненавистію къ похотѣніямъ, а ненависть къ похотѣніямъ — страхомъ гсены и чаяніемъ блаженствъ. Ненавидитъ же похотѣнія, кто знаетъ плодъ ихъ, и что уготовляется ими человеку, и до какого блаженства не допускается онъ ради похотѣній. Тамъ, всякое житіе связано съ предшествующимъ, и у него занятвустъ себѣ приращеніе, и переходитъ въ другое высшее. И если одно будетъ ниже самого

себя; то и послѣдующее за нимъ не можетъ устоять и быть видимымъ; потому что все разрушается и гибнетъ. Что паче сего, то есть мѣра словамъ. Богу нашему слава и вселеліе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 40.

О поклонахъ и о прочемъ.

Не называй праздностію продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, потому что оставилъ ты при этомъ псалмы. Но паче упражненія въ стихословіи возлюбилъ на молитвѣ поклоны. Молитва, когда подастъ тебѣ руку, замѣняетъ собою Божию службу. И когда во время самой службы дано тебѣ будетъ дарованіе слезъ; услажденіе ими не называй праздностію въ молитвѣ; потому что благодать слезъ есть полнота молитвы.

Въ то время, какъ умъ твой разсѣянъ, паче молитвы занимайся чтеніемъ. Но, какъ сказано, не всякое писаніе полезно. Возлюбилъ безмолвіе гораздо паче дѣлъ. Если можно, чтеніе предпочитай стоящю. Ибо чтеніе источникъ чистой молитвы. Ни подъ какимъ видомъ не предавайся перацѣнню, трезвись же отъ паренія ума. Ибо псалмоговніе корень житія. Впрочемъ знай и то, что дѣла тѣлесныя много полезнѣе стихословія, совершаемаго съ пареніемъ ума. А печаль умная превосходитъ и тѣлесный трудъ. Во время перацѣнія трезвись, и возбуж-

дай въ себя понемногу ревность; потому что она сильно пробуждаетъ сердце, и согрѣваетъ душевныя мысли. Противъ похоти, во время перадънія, помогаетъ природъ раздражительность. Ибо прекращаетъ холодность души. По снѣ-то причинатъ перадъніе обыкновенно приходитъ на насъ или отъ обремененія чрева, или отъ множества дѣлъ.

Благочиніе въ дѣланіи есть свѣтъ въ образѣ мыслей. Это не иное что, какъ вѣдѣніе. Всякая молитва, которую совершаемъ ночью, да будетъ въ очахъ твоихъ досточестіе всѣхъ дневныхъ дѣяній. Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился умъ твой, и не быть тебѣ въ смятеніи отъ паренія мысли, когда встанешь ночью, и не разслабли члены твои, и тебѣ самому не оказаться исполненнымъ женскаго разслабленія, а сверхъ сего, чтобы душа твоя не омрачилась, и не стали потемненными понятія твои, и чтобы, по причинѣ омраченія, не прійдти тебѣ въ совершенное безсміе, собрать ихъ во едино для стихословія, и чтобы не попортился въ тебѣ вкусъ ко всему, и не перестало услаждать тебя стихословіе псалмопѣнія, тогда-какъ умъ, при легкости и свѣтлости мысли, съ удовольствіемъ обыкновенно вкушаетъ его разнообразіе. Ибо, когда возмущено ночное благочиніе, тогда и въ дневномъ дѣланіи умъ бываетъ смущенъ, и ходитъ въ омраченіи, и не услаждается, по обычаю, чтеніемъ; потому что обратися ли умъ къ молитвѣ, или къ какому занятію, на мысли находитъ какбы буря. Удовольствіе, подаваемое подвижникамъ днемъ, истекаетъ въ чистомъ умѣ изъ свѣта ночнаго дѣланія. Всякій человекъ, который опытомъ не извѣдалъ про-

должительнаго безмолвія, пусть не ожидаетъ самъ собою узнать что-либо большее о благахъ подвижничества, хотя онъ и великъ, и мудръ, и учитель, и имѣетъ много заслугъ.

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишкомъ тѣло твоё, и отъ того не усилилось противъ тебя нерадѣніе, и не охладило душу твою вкушеніемъ сего дѣлація. Всякому надѣжштъ какбы на всѣхъ взвѣшивать житіе своё. Въ то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себѣ и въ маломъ свободу. Да будетъ цѣломудренно сдѣланіе твоё во время удовлетворенія потребностей. Наипаче же, во время сна своего будь цѣломудренъ и чистъ, и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими. Храни себя отъ самоувѣнія во время добрыхъ въ тебѣ измѣненій. Помошь свою и невѣжество своё въ разсужденіи точности сего самоувѣнія рачительно открывай Господу въ молитвѣ, чтобы не быть тебѣ оставленнымъ и не искутиться въ чемъ-либо срамномъ; потому что за гордостію слѣдуетъ блудъ, а за самоувѣніемъ обольщеніе.

Руководліемъ занимайся по мѣрѣ пуждъ своихъ, лучше же сказать, для того, чтобы оно служило для тебя узамъ въ безмолвіи твоёмъ. Не изнемогай въ упованіи на Промыслителя своего; потому что дивно домостроительство Его въ приписанныхъ Ему. Ибо въ необитаемой пустышѣ не человѣческими руками устрояетъ Онъ дѣла живущихъ упованіемъ на Него. Если Господь посѣтитъ тебя въ тѣлесномъ безъ твоего труда, когда подвизася въ пощеченіи о душѣ своей; то по ухищренію убійцы—дѣвола возникнетъ тогда въ тебѣ помысль, что причина всего

этого промышленія, безъ сомнѣнія, въ тебѣ самомъ. И тогда вѣсть съ симъ помысломъ прекращается промышленіе о тебѣ Божіе, и въ тотъ самый годъ устремляются на тебя весьма многія искушенія, или отъ прекращенія попеченія о тебѣ Промыслителя, или отъ возобновленія трудовъ и болѣзней, востающихъ въ тѣлѣ твоемъ. Богъ прекращаетъ попеченіе Свое не за одно возникновеніе помысла, но за то, что умъ останавливается на семъ помыслѣ. Ибо не наказуетъ и не судитъ Богъ человека за невольное движеніе, если и согласимся на время съ помысломъ. Если въ тотже часъ прободемъ въ себѣ страсть, и явится въ насъ сокрушеніе; то Господь не взыскиваетъ съ насъ за такое перадыніе; взыскиваетъ же за перадыніе, которому дѣйствительно предастся умъ такъ, что взрастъ на это безчувственно, и признастъ это чѣмъ-то должнымъ и полезнымъ, а не почитаетъ сего опасною для себя заботою.

Будемъ же всегда молиться Господу такъ: «да возсілетъ въ сердцахъ нашихъ истина Твоя, Христе, полнота истины, и да познаемъ, какъ по волю Твою ходитъ путемъ Твоимъ!»!

Когда посвящается въ тебѣ лукавый лѣвій помысль, или изъ числа слухъ издалика входящихъ, или изъ числа предзанятыхъ тобою прежде, и часто появляется въ умъ твоимъ; тогда за вѣрное признай, что скрываетъ онъ тебѣ сътъ. Но ты пробудись и отрезвись во время. А если помысль изъ части десныхъ и добрыхъ; то знай, что Богъ хочетъ дать тебѣ нѣкоторый образъ жизни; и потому помысль сей, сверхъ обычая, возбуждается въ тебѣ. Если же по-

мысль омраченъ, и ты сомнѣваешься въ немъ, и не можешь ясно постигнуть, свой онъ или тать, помощникъ или навѣтникъ, скрывающійся подъ доброго личиною; то вооружимся на него усильною и самою скорою молитвою со многими бдѣніемъ и день и ночь. Ты и не отдавай его отъ себя, и не соглашайся съ нимъ; но со тцаніемъ и горячію сотвори о немъ молитву, и не умолкай, призывая Господа. Онъ покажетъ тебѣ, откуда сей помысль.

С Л О В О 41.

О молчаніи.

Наче всего возлюби молчаніе; потому что приближаетъ тебя къ плоду; языкъ же немощенъ изобразить оное. Сперва будемъ принуждать себя къ молчанію, и тогда отъ молчанія родится для насъ нечто, приводящее къ самому молчанію. Да подастъ тебѣ Богъ оцутить что-либо раждаемое молчаніемъ. Если же начнешь спать житіемъ; то не умью и сказать, сколько свѣта возсіяетъ тебѣ отсюда. Не думай, братъ, что, какъ рассказываютъ о чудномъ Арсеніи, когда посѣтилъ его Отцы и братія, приходившіе видѣть его, а онъ сидѣлъ съ ними молча, и въ молчаніи отнускалъ ихъ отъ себя, все сіе дѣлалъ онъ совершенно по волю, и что вначалѣ не принуждалъ себя къ этому. Отъ упражненія въ семъ дѣланіи со временемъ раждается какое-то удовольствіе, и насильно ведетъ тѣло къ тому, чтобы

пребывать въ безмолвіи. И множество слезъ раждается у насъ въ семь житій, и въ чудномъ созерцаніи сердце раздѣльно ощущаетъ въ нихъ что-то, въ иное время съ трудомъ, а въ иное съ удивленіемъ; потому что сердце умиляется, дѣлается подобно младенцу; и какъ-скоро начнетъ молитву, льются слезы. Великъ тотъ человѣкъ, который терпѣннѣе членовъ своихъ приобрѣлъ внутренно въ душѣ своей чудный сей навыкъ. Когда на одну сторону положишь всѣ дѣла житія сего, а на другую молчаніе; тогда найдешь, что оно перевѣшиваетъ на всѣхъ. Много совѣтовъ у людей; но когда сблизится кто съ молчаніемъ, излишнимъ для него будетъ дѣланіе храненія ихъ, и излишними окажутся прежнія дѣла, и самъ онъ окажется превозшедшимъ сіи дѣланія; потому что приблизился къ совершенству. Молчаніе помогаетъ безмолвію. Какъ же это? Живя во многолюдной обители, невозможно не встрѣчаться намъ съ кѣмъ-нибудь. И равноангельный Арсеній, который больше всѣхъ любилъ безмолвіе, не могъ избѣжать сего. Ибо невозможно не встрѣчаться съ Отцами и братьями, живущими съ нами, и встреча эта бываетъ неожиданно; человѣку необходимо идти въ церковь, или въ другое мѣсто. Все это видѣлъ достоблаженный оный мужъ, и именно, что невозможно ему избѣжать сего, пока живетъ близъ человѣческой обители. И когда часто бывалъ въ невозможности, по мѣсту жительства своего, удалиться отъ сближенія съ людьми и монахами, живущими въ тѣхъ мѣстахъ, тогда наученъ былъ благоудно сему способу—непрестанному молчанію. И если когда по необходимости некоторымъ изъ нихъ отво-

рялъ дверь свою; то увеселялись они только лицезрѣніемъ его, а словесная бесѣда и потребность въ ней стали у нихъ излишними.

Многіе изъ Отцевъ лицезрѣніемъ спячь приведены были въ состояніе охранять себя самихъ, и умножать духовное богатство, воспользовавшись урокомъ, каковымъ служило для нихъ лицезрѣніе блаженнаго. И нѣкоторые изъ нихъ привязывали себя къ камню, или связывали веревкою, или томилн себя голодомъ въ то время, какъ раждалось въ нихъ желаніе идти къ людямъ; потому что голодь много способствуетъ къ укрощенію чувствъ.

Находилъ я, братъ, многихъ Отцевъ, великихъ и чудныхъ, которые болѣе, нежели о дѣлахъ, прилагали попеченіе о благочиннн чувствъ и о тѣлесномъ навькѣ; потому что отсюда происходитъ благочиннн помысловъ. Много причинъ встрѣчается человеку внѣ его воли, которыя заставляютъ его выходить изъ предѣловъ свободы своей. И если не будетъ онъ охраняемъ въ чувствахъ своихъ предварительно сплсканнымъ неослабнымъ навькомъ; то можетъ сдѣлаться, что долгое время не войдетъ онъ самъ въ себя, и не обрѣтетъ первоначальнаго мирнаго своего состоянія.

Преспѣваніе сердца—помышленіе о своемъ упованнн. Преспѣваніе житія—отрышеніе отъ всего. Памятованіе о смерти — добрыя узы для вышнихъ членовъ. Приманка для души — радость, производимая надеждою, процвѣтающего въ сердцѣ. Приращеніе вѣдѣнн—непрестанныя испытанія, каковымъ умъ ежедневно подвергается внутренно въ слѣдствіе двоякихъ измѣненнн. Ибо, если отъ удивленнн раждается

въ насъ иногда и уныніе (и сіе, можетъ быть, попускается по Божію смотрѣнію); то имѣемъ превосходное утѣшеніе надежды—слово вѣры, которое въ сердцахъ у насъ. И хорошо сказалъ одинъ изъ мужей богоносныхъ, что для вѣрующаго любовь къ Богу — достаточное утѣшеніе даже и при погибелн души его. Ибо, говоритъ онъ, какой ущербъ причинять скорби тому, кто ради будущихъ благъ пренебрегаетъ наслажденіемъ и упокоеніемъ?

Даю же тебѣ, братъ, и сію заповѣдь: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока на самомъ себѣ не ощутишь той милости, какую имѣешь ты (щ) къ міру. Наше милосердіе пусть будетъ зеркаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и въ сущности Божіей. Сми и подобнымъ сему будемъ просвѣщаться для того, чтобы намъ съ просвѣтленнымъ произволеніемъ подвигнуться къ житію по Богу. Сердце жестокое и немилосердое никогда не очистится. Человекъ милостивый — врачъ своей души; потому что какбы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей разгоняетъ онъ омраченіе страстей. Это, по Евангельскому слову жизни, добрый долгъ, данный намъ въ зачетъ Богу.

Когда приближаешься къ постель своей, скажи ей: «въ эту ночь, можетъ быть, ты будешь мнѣ гробомъ, постеля; и не знаю, не прійдетъ ли на меня въ эту ночь, вмѣсто сна временнаго, вечный, будущій сонъ». Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди во

(щ) Древнимъ славянскимъ переводомъ подтверждается греческое чтеніе *ἐχέει*, а не переводъ Панаіевъ: *Богъ имѣетъ*.

слѣдь дѣланія, прежде нежели связанъ ты узамн, которыхъ невозможно уже будетъ разрѣшнть. Пока есть у тебя персты; расши себя въ молитвъ, прежде нежели прннма смерть. Пока есть у тебя глаза; наполняй ихъ слезамн, прежде нежели покрыты они прахомъ. Какъ роза, едва подуетъ на нее вѣтеръ, увдасть; такъ, если внутри тебя дохнуть на одну изъ стпхій, входящихъ въ составъ твой, ты умрешь. Положи, человекъ, на сердце своемъ, что предстоитъ тебѣ отшествіе, и непрестанно говори себѣ: «Вотъ у дверейъ уже прншедшій за мною посланникъ. Что же я снжу? преселеніе мое вѣчно, возвратъ уже не будетъ».

Кто любитъ собесѣдованіе со Христомъ; тотъ любитъ быть уединеннымъ. А кто любитъ оставаться со многими, тотъ другъ міра сего. Если любишь покаяніе; возлюби и безмолвіе. Ибо внѣ безмолвія покаяніе не достигасть совершенства. И если кто будетъ противорѣчь сему; не входи съ нимъ съ состязаніе. Если любишь безмолвіе—матерь покаянія; то съ удовольствіемъ возлюби и малый тѣлесный вредъ, и укоризны, и обиды, какія помяются на тебя за безмолвіе. Безъ этого предуготовленія не можешь жить въ безмолвіи свободно и невозмутно. Если же будешь пренебрегать сказаннымъ; то содѣлаешься причастникомъ безмолвія, по волѣ Божіей, и пребудешь на безмолвіи, сколько благоугодно будетъ Богу. Приверженность къ безмолвію есть непрестанное ожиданіе смерти. Кто безъ сего помышленія вступастъ въ безмолвіе, тотъ не можетъ понести того, что всѣмъ мбрамн должны мы терпѣть и сносить.

Знай и то, разсудительныи, что избираемъ уединенное жителство съ душами своими, безмолвіе и затворничество не для дѣль, простирающихся сверхъ правль, не для того, чтобы ихъ сдѣлать. Пбо известно, что къ этому, по причинѣ тѣлеснаго рвенія, способствуетъ болѣе общеніе съ многими. И если бы необходимо было сіе; то нѣкоторые изъ Отцевъ не оставили бы сопробыванія и общенія съ людьми, а другіе не стали бы жить въ гробахъ, и нѣкоторые не избрали бы себѣ затвора въ уединенномъ домѣ, гдѣ, всего болѣе расслабивъ тѣло и оставивъ его въ несостояніи исполнять наложенныя имъ на себя правила, при всевозможной помощи и тѣлесномъ истомленіи, съ удовольствіемъ цѣлую жизнь свою переносили еще тяжкія постигшія ихъ болѣзнь, отъ которыхъ не могли стоять на ногахъ своихъ, или пропознати обычную молитву, или славословить устами своими, но даже не совершали псалма, или иного чего, совершаемаго тѣломъ; и вмѣсто всехъ правль достаточно для нихъ было одной тѣлесной помощи и безмолвія. Такъ вели они себя все дни жизни своей. И при всей этой мнимои праздности, никто изъ нихъ не пожелалъ оставить своей келліи, и, по причинѣ неисполненія ими правль своихъ, идти куда-нибудь вонъ, или въ церквахъ возвеселить себя гласами и службами другихъ.

Возмуществовавшій грѣхи свои выше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ, когда обитель его будетъ среди многолюдства. Кто одинъ часъ провелъ, въздыхая о дунѣ своей, тотъ выше доставляющаго пользу цѣлому міру своимъ лицезрѣніемъ. Кто сподобился увидѣть самого себя, тотъ вы-

не сподобивнагося видѣть Ангеловъ. Ибо послѣдній входитъ въ общеніе очами тѣлесными, а первый очами душевными. Кто послѣдуетъ Христу въ уединенномъ плащѣ, тотъ лучше похваляющагося собою въ собраніяхъ. Никто да не выставляетъ на среду сказаннаго Апостола: *молибыхя азъ отлученъ быти отъ Христа* (Римл. 9, 3.). Кто пріялъ силу Павлову, тому и повелѣвается это дѣлать. А Павелъ для пользы міра поятъ былъ пребывающимъ въ немъ Духомъ, какъ самъ засвидѣтельствовалъ, что дѣлалъ сіе не по своей воли. Ибо говоритъ онъ: *нужда ми належитъ, и горе ми, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16.). И избраніе Павла было не для того, чтобы показать ему образъ своего покаянія, но чтобы благовѣствовать человечеству; для сего пріялъ онъ и прензбыточествующую силу.

Впрочемъ, будемъ мы, братія, любить безмолвіе, пока міръ не умерщвленъ въ сердцахъ нашихъ. Будемъ всегда наизготовать о смерти, и въ семъ помышленіи приближаться къ Богу сердцемъ своимъ, и пренебрегать суеты міра, и презрѣнными содѣлаются въ глазахъ нашихъ мірскія удовольствія, съ пріятностію въ бользненномъ тѣлѣ претерпимъ всегдашнюю прайдность безмолвія, чтобы сподобиться наслажденія съ тѣми, которые въ вертемахъ и пропастьяхъ земныхъ (Евр. 11, 38.) чають славнаго откровенія Господа нашего съ небесн. Ему и Отцу Его, и Святому Его Духу слава, и честь, и держава, и веледѣніе во вѣки вѣковъ! Амѣнь

С Л О В О 42.

Послание къ одному изъ возлюбленныхъ Ислакомъ, въ которомъ предлагаетъ онъ а) учение о тайнахъ безмолвія, и о томъ, что многіе, но незнанию сихъ таинъ, нерадятъ о семъ чудномъ дѣланіи, большая же часть держатся пребыванія въ кельяхъ по преданно ходящему у инковъ, и б) краткое собраніе относящагося къ сказанію о безмолвіи.

—

Поелику вынужденъ я обязанностию необходимо писать къ тебѣ, братъ, о должномъ; то инсѣмомъ монѣ, по нашему данному тебѣ обещанію, извѣщаю любовь твою, что нашелъ я тебя строгостію житія своего приуготовившимъ себя къ тому, чтобы идти на пребываніе въ безмолвіи. Поэтому все, что слышалъ я о семъ дѣланіи отъ мужей разсудительныхъ, послѣ того какъ собраніе ихъ изреченій сообразилъ въ умѣ своемъ съ ближайшимъ, какой имѣлъ на самомъ дѣлѣ, опытомъ, краткимъ словомъ напечатлѣваю въ твоей памяти; только и самъ ты, по внимательномъ прочтеніи сего посланія, содѣйствуй себѣ обычнымъ тебѣ тщаніемъ; потому что съ мудрымъ разумѣніемъ, не наряду съ обычнымъ чтеніемъ, долженъ ты приступить къ чтенію словесъ, собранныхъ въ семъ нашемъ посланіи, и, по причинѣ великой сокровенной въ немъ силы, при прочемъ чтеніи приять оное, какбы цѣкій свѣтъ; и тогда дознаешь, что значитъ пребываніе на безмолвіи, въ чемъ состоитъ дѣланіе онаго, какія тайны сокрыты въ семъ дѣланіи, и почему нѣкоторые умалютъ цѣну правды

въ общественной жизни, и предпочитаютъ ей скорби и подвиги безмолвнаго пребыванія и иноческаго житія. Если желася, братъ, въ краткіе дни свои обрести жизнь петлинуую; то съ разсудительностію да будетъ вступленіе твое на безмолвіе. Войди въ изслѣдованіе сего дѣланія, и не по имени только вступай на сей путь, но выйди, углубись, подвизайся и потщись со всеми святыми постигнуть, что такое глубина и высота сего житія. Ибо во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ началѣ сего дѣланія и до конца, предполагаются какой-либо способъ и надежда совершенія; а сіе и побуждаетъ умъ положить основаніе дѣла. И эта цѣль укрѣпляетъ умъ къ повесенію трудности дѣла; и въ возрѣшнн на сію цѣль заимствуетъ умъ для себя нѣкоторое утѣненіе въ дѣлѣ. И какъ иный неослабно напрягаетъ умъ свой до окончанія своего дѣла; такъ и досточестное дѣло безмолвія дѣлается приставію тавитъ при обдуманной цѣли, на которую внимательно смотритъ умъ, во всѣхъ продолжительныхъ и тяжелыхъ трудахъ своихъ. Какъ глаза кормчаго устремлены на звезды; такъ живущій въ усмиреніи, во все продолженіе своего шествія, внутреннее возрѣшеніе устремляетъ на ту цѣль, къ какой положилъ идти въ умъ своемъ съ того перваго дня, въ которой рѣшился совершить путь свирѣнымъ моремъ безмолвія, пока не найдетъ той жемчужины, для которой пустился онъ въ неосязаемую бездну моря безмолвія: и исполненное надежды вынваніе облегчаетъ его въ тягости дѣланія и въ жестокости опасностей, встрѣчающихся съ нимъ въ шествіи его. А кто въ началѣ своего безмолвія не предполагаетъ самъ въ себѣ этой цѣли

въ предстоящемъ ему дѣланіи; тотъ поступаетъ неразсудительно, какъ и сражающійся съ воздухомъ. Таковъ во всю свою жизнь никогда не избавляется отъ духа унынія; и съ нимъ бываетъ одно изъ двухъ: или не выноситъ онъ нестерпимой тяготы, побуждается сию, и совершенно оставляетъ безмолвіе, или терпѣливо пребываетъ въ безмолвіи, и келлія дѣлается для него домомъ темничнымъ, и песнекается онъ въ ней; потому что не знаетъ надежды на утѣщеніе, поражаемое дѣланіемъ безмолвія. Посему-то, желая сего утѣщенія, не можетъ просить съ сердечною болѣзнію и плакать во время молитвы. Всему этому на потребу жизни нашей оставши намъ признаки въ писаніяхъ своихъ Отцы наши, исполненные жалости, и любящіе сыновъ своихъ.

Одинъ ихъ нихъ сказалъ: «Для меня та польза отъ безмолвія, что когда удалось изъ дома, въ которомъ живу, умъ мой отдыхаетъ отъ брашнаго угощенья, и обращается къ лучшему дѣланію».

Подобнымъ образомъ и другой говорилъ: «Я подвизаюсь въ безмолвіи для того, чтобы услаждался для меня стихи при чтеніи и молитвѣ. И когда отъ удовольствія при уразумѣніи ихъ умолкнетъ языкъ мой; тогда, какъ бы во снѣ какомъ, прихожу въ состояніе сжатія чувствъ и мыслей моихъ. И также, когда, при продолжительности сего безмолвія, утихаетъ сердце мое отъ мятежа воспоминаній, тогда посылаются мнѣ непрестанно волны радости внутренни помышленіями, сверхъ чаянія внезапно приходящими къ услажденію сердца моего. И когда приближаются волны снѣ къ кораблю души моей, тогда отъ вѣщаній міра и отъ плотской жизни по-

гружаютъ ее въ истинныя чудеса, въ безмолвіе, пребывающее въ Богъ».

А другой, напротивъ того, говорилъ : «Безмолвіе отвѣкаетъ предлоги и причины къ новымъ помысламъ, и внутри стѣнъ своихъ доводитъ до обветшанія и увяданія воспоминаанія о предзанятомъ нами. И когда обветшаютъ въ мысли старыя вещества; тогда умъ, исправляя ихъ, возвращается въ свой чинъ».

И еще другой сказалъ : «Мѣру сокровеннаго въ тебѣ уразумѣешь изъ различія мыслей твоихъ, говорю же о мысляхъ постоянныхъ, а не случайно возбуждаемыхъ, и въ одишъ часть проходящихъ. Нѣтъ никого посягающаго на себѣ тѣло, кто пришелъ бы въ свой домъ, не отлучившись отъ двухъ, добрыхъ или худыхъ, измѣненій: и если онъ рачителенъ; то—отъ измѣненій маловажныхъ, и при помощи естества (потому что отцы суть отцы раждаемыхъ); а если онъ нерадивъ, то—отъ измѣненій высокихъ, и при помощи закваски оной благодати, бывшей въ естествѣ нашего».

И шій говорилъ : «Избери себѣ дѣланіе усладительное, непрестанное бдѣніе по ночамъ, во время котораго всѣ Отцы совлекались ветхаго чловѣка, и сподобились обновленія ума. Въ сіи часы душа ощущаетъ оную безсмертную жизнь, и ощущеніемъ ея совлекается одѣянія тмы, и пріемлетъ въ себя Духа Святаго».

И другой еще сказалъ : «Когда видятъ кто различныя лица, и слышатъ разнообразныя голоса, несогласныя съ духовнымъ его занятіемъ, и вступаетъ въ собесѣдованіе и въ общеніе съ таковыми; тогда не можетъ онъ найдти свободнаго времени для ума,

чтобы видѣть себя втайнѣ, привести себѣ на память грѣхи свои, очистить свои помыслы, быть внимательнымъ къ тому, что представляется ему, и сокровенно бесѣдовать въ молитвѣ».

И еще: «Чувства сѣи подчинить власти души невозможно безъ безмолвія и отчужденія отъ людей; потому что разумная душа, бывъ существенно соединена и сопряжена съ силами чувствами, и своими помыслами неволью увлекается, если человекъ не будетъ бодрственъ въ сокровенной молитвѣ».

И еще: «Сколько доставляетъ услажденія, какъ веселитъ, радуетъ бодрствованіе, и очищаетъ душу своимъ пробужденіемъ, а вмѣстѣ молитвою и чтеніемъ, наконецъ знаютъ сѣи тѣ, которые во всякое время жизни своей въ этомъ бываютъ заняты, и живутъ въ самомъ строгомъ подвижничествѣ. Посему и ты, человекъ, любящій безмолвіе, сѣи указательныя мановенія отеческихъ словесъ положи предъ собою, какъ нѣкоторую цѣль, и къ сблизженію съ ними направляй теченіе своего дѣланія. А прежде всего ухитрись дознаться, что наконецъ надлежитъ согласить съ цѣлью твоего дѣланія. Ибо безъ этого не можешь пріобрѣсти вѣдѣнія истины; и въ семъ потщись съ избыткомъ показать свое терпѣніе».

Молчаніе есть тайна будущаго вѣка; а слова суть орудіе этого міра. Человекъ постыжкъ пытается—душу свою молчаніемъ и непрестаннымъ постомъ угодить естеству духовному. Когда человекъ въ божественномъ своемъ дѣланіи отлучаетъ себя на то, чтобы пребывать въ своемъ сокровенномъ; тогда посвящается онъ въ сѣи тайны; и служеніе его бываетъ исполнено божественныхъ таинствъ, а чрезъ

онья и невидимыхъ Силъ, и свѣтыни господствующей надъ тварями Власти. И если некоторые отлучали себя на время, чтобы войти нѣкъ въ божественныя тайны; то были ознаменованы сею печатью. И некоторымъ изъ нихъ ввѣряемо было, къ обновленію стоящихъ на средней степенн, обнаруженіе таинъ, сокрытыхъ въ недовѣдомомъ Господнемъ молчаніи; потому что послужить таковымъ тайнамъ было бы неприлично чловѣку, у котораго наполнено чрево и умъ возмущенъ невоздержаніемъ.

Но и свѣтые не дерзали на бесѣдованіе съ Богомъ, и не возносились до сокровенности таинъ, развѣ только при помощи членовъ, при блѣдномъ цвѣтѣ лица отъ любви къ алчбѣ и отъ безмолвнаго ума, и при отреченіи отъ всѣхъ земныхъ помысловъ. Ибо, когда, по долгомъ времени, въ келіи твоей, среди дѣлъ труда и храненія того, что сокровенно, и при воздержаніи чувствъ отъ всякой встрѣчи, осѣнить тебя сила безмолвія; тогда срѣтншь сперва радость, безъ причины овладѣвающую, по временамъ, душою твоею, и потомъ отверзутся очи твои, чтобы, по мѣрѣ чистоты твоей, видѣть крѣпость твари Божіей и красоту созданій. И когда умъ путеводится чудомъ сего видѣнія; тогда и ночь и день будутъ для него едино въ славныхъ чудесахъ созданій Божіихъ. И съ сего времени въ самой душѣ похощается чувство страстей пріятностію сего видѣнія; и въ ономъ-то, въ слѣдующемъ за нимъ порядкѣ, начиная съ чистоты и выше, восходитъ умъ еще на двѣ степени мысленныхъ откровеній. Сего да сподобитъ Богъ и насъ! Аминь.

С Л О В О 43.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯХЪ И О ТОМЪ, КАКАЯ ПУЖДА
ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НИХЪ.

—

Чувство духовное такого качества, что принимаетъ въ себя созерпательную силу, подобно зѣнцѣ тѣлесныхъ очей, имѣющихъ въ себѣ чувственный свѣтъ. Мысленное созерцаніе есть естественное вѣдѣніе, присоединенное къ естественному состоянію; и оно называется естественнымъ свѣтомъ. Святая сила есть дарованіе солнца разсудительности, поставленнаго между свѣтомъ и созерцаемъ. Природы суть нечто среднее, созерцаемое разсудительными при свѣтъ. Стрѣсти суть какбы твердая какая сущность; онѣ занимаютъ средину между свѣтомъ и созерцаемъ, и препятствуютъ при свѣтъ различать разнообразіе вещей. Чистота есть прозрачность мысленнаго воздуха, въ нѣдрахъ котораго воспаряетъ внутреннее наше естество. Если умъ нездравъ въ естествѣ своемъ, то недѣйственно въ немъ вѣдѣніе, какъ и тѣлесное чувство, когда отъ какихъ-нибудь причинъ повреждено, теряетъ зрѣніе. Если же умъ здравъ, но нѣтъ въ немъ вѣдѣнія, то безъ него не различаетъ умъ духовнаго, какъ и глазъ, здоровый въ цѣломъ своемъ составѣ, бываетъ нередко слабъ относительно къ чувственному зрѣнію. А если во всемъ этомъ сохранено, что чему свойственно, но не близка благодать; то въ дѣлѣ различенія остается все сіе недѣйственнымъ; какъ и въ часы ночи, по-

слику нѣтъ тогда солнца, глаза бываютъ неспособны разбирать предметы. И когда все (то-есть, и глазъ и зрѣніе) здорово и само въ себя совершенно, но нѣкоторыя вещи не различены, или не различаются; то снмъ исполняется сказанное: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.). Если же благодать мысленнаго Солнца бываетъ близка, возбуждастъ къ желанію, поощряетъ и дѣластъ бодрственнымъ, но нѣтъ въ умѣ чистоты; то онъ подобенъ пустому воздуху, который непрозраченъ (ъ) отъ густоты облаковъ и темныхъ веществъ, удобно возносящихся къ солнечному свѣту, веселящему насъ пріятностію сего видѣнія.

Послику зрѣніе не твердо въ различеніи; то и естество слабо въ дѣятельности. Душѣ ощущать пріятность возсіявающаго надъ всѣмъ втораго Солнца препятствуетъ наложенное на нее тѣлесное, которое закрываетъ собою озаренія истины, такъ-что онѣ не доходятъ до насъ. Впрочемъ, съ нуждою сыскивается все это нами сказанное; и потому что трудно въ одномъ человѣкѣ найдти все это въ цѣлой совокупности, безъ недостатка и укоризны; и потому что не могутъ многіе достигать совершенства въ одномъ какомъ-либо духовномъ вѣдѣніи. Недостатокъ же сей бываетъ по слѣдующимъ причинамъ: по недостаточности разума, по беспорядочности воли, по несоотвѣтствующему цѣли положенію, по оскудѣнію чистоты, по неимѣнію учителя и руководителя, по удержанію благодати (сказано: *мужу скупому не*

(ъ) Въ древн. сербс. переводѣ читается: *иже не озаренъ*, хотя въ греч. сказано безъ отрицанія *ἵσως διαυρῆς*.

льно есть богатство и обладаніе великимъ (Сир. 14, 3.), по препятствіямъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣста и отъ нравовъ.

Истина есть ощущеніе по Богу, какое только вкушаютъ въ себѣ человекъ ощущеніемъ чувствъ духовнаго ума. Любовь есть плодъ молитвы; и огъ созерцанія своего возводитъ умъ къ ненасытному сея вождельнію, когда умъ пребываетъ въ ней безъ унынія, и человекъ умомъ только въ молчаливыхъ помысленіяхъ разумнѣе молится иламенно и съ горячностію. Молитва есть умерщвленіе понятій, свойственныхъ волѣ плотской жизни. Ибо молящійся прилежно есть то-же, что умершій для міра; и терпѣливо пребывать въ молитвѣ значитъ отречься человеку отъ себя самого. Въ самоотверженіи души обрѣтается, наконецъ, любовь Божія.

Какъ отъ съмени нота постовъ произрастаетъ колось цѣломудрія, такъ отъ сытости—распутство, и отъ пресыщенія—нечистота. При алчущемъ и смиренномъ чревѣ никакъ не приикаютъ въ душу срамные помыслы. Всякая поглощаемая ея прибавляетъ собою влагъ, и дѣлается естественною въ часть крѣпостію. И когда орудные члены, отъ произшедшаго въ нихъ напряженія цѣлаго тѣла, дѣлаются полными, и при этомъ случится увидѣть что-либо тѣлесное, или въ сердцѣ невольно возбудится что-либо вмѣстѣ съ помысломъ; тогда отъ помысла внезапно приходитъ въ движеніе что-то пріятное, и распространяется по всему тѣлу. Хотя умъ цѣломудреннаго и непорочнаго въ своихъ помыслахъ крѣпокъ; однакоже, онымъ ощущеніемъ, происшедшимъ въ членахъ, тотчасъ возмущается разумокъ ея, и

какбы съ высокаго какого мѣста нисходитъ онъ съ своего мѣста, на которомъ стоить; и свѣтлость помысловъ его колеблется, и свѣтлое цѣломудріе оскверняется мятежемъ страстей, вопнедшихъ въ сердце при распаленіи членовъ. Тогда половина силы его изнемогаетъ; почему, можно сказать, что забываетъ онъ и первую цѣль надежды своей; и прежде нежели вступить въ борьбу, безъ борьбы оказывается плышникомъ, безъ усилія, враговъ своихъ дѣлается подчиненнымъ воли немощной плоти. Ко всему этому понуждаетъ волю добраго чловѣка сильное произволеніе непрестаннаго насыщенія. Хотя бы и твердо пребывалъ онъ въ пристаи цѣломудрія; однакоже, пресыщеніе склоняетъ его предаться тому, чего никогда не хотѣлъ бы онъ допустить въ сердце свое. И какъ-скоро уснетъ одинъ помысль; окружаетъ его сборище помысловъ, заключающихъ въ себя пустыя и срамныя мечты; и это чистое ложе его дѣлаетъ виталищемъ блуда и позорищемъ видѣній. Когда же въ упоеніи помысловъ приобщится бесѣдъ съ ними, и осквернитъ преподобныя свои члены безъ приближенія жены; тогда волнуется ли и кипитъ ли такъ отъ бури какое море, какъ мятется умъ, подвергшійся силѣ волнъ, отъ пресыщенія чрева возбуждаемыхъ на него моремъ плоти его!

Какъ просвѣтляется красота твоя, цѣломудріе, возлежаніемъ на голой землѣ, трудомъ алканія, отъемлющаго у тебя сонъ, злостраданіемъ плоти, которая, при воздержаніи отъ яствъ, между ребрами и чревомъ дѣлается подобною глубокому рву! Всякая снѣдь, приѣмая насъ внутрь, и всякое упокоеніе образуютъ въ насъ срамныя подобія и безобраз-

ные призраки; и они рождаются, выходят наружу, дѣлаются видными въ сокровенной области ума нашего, и раздражаютъ насъ къ тайному сообщенію въ дѣлахъ срамныхъ. А пустота чрева и мысли наши дѣлаютъ страну пустынною, петревожимою помыслами и безмолвствующюю отъ всѣхъ мятежныхъ помысловъ. Чрево же наполненное отъ пресыщенія есть область привидѣній; и пресыщеніе дѣлаетъ его четырехвратнымъ для нелъныхъ мечтаній, хотя будемъ и одинъ въ пустынь. Ибо говорятъ, что пресыщеніе вождельваетъ многого.

Когда сподобишься божественной благодати и душевнаго безстрастія; тогда разумій, что не въ слѣдствіе неоявленія въ тебѣ безобразныхъ помысловъ, или невозбужденія помысловъ плотскихъ (безъ нихъ никому пробить невозможно), также не въ слѣдствіе помысловъ удобно тобою побъждаемыхъ (потому что ими, конечно, не оскверняется и не возмущается мысль, какъ бы ни была она крайне высока); но въ слѣдствіе помысловъ лучшей мысленной дѣятельности, не оставляется умъ въ необходимости вести съ ними брань и губить ихъ. Но какъ-скоро припикнетъ помысль; хищнически похищается отъ сближенія съ ними нѣкою силою, виѣ воли состоящею, которая по навыку и по благодати удерживаетъ закваску внутри сердца, которое есть обитель ума.

Иное—умъ подвижника; а иное—чинъ священства: умъ, по милости небесной умершій для міра, имѣетъ голые помыслы о нѣкоторыхъ только предметахъ безъ борьбы и подвига. Совершенство, сопряженное съ плотію и кровію, владычественно царствуетъ надъ

помыслами, протекающими отъ плоти и крови, но не доводитъ до совершеннаго бездѣйствія и ихъ и другихъ свойственныхъ естеству помысловъ, пока еще стихійною жизнью бѣется животворная мысль человека, и основаніе ума его во всякомъ движеніи и склоненіи замѣтуетъ измѣненіе отъ четырехъ влагъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 44.

О томъ, какъ разсудительному должно пребывать на безмолвіи.

Послушай, возлюбленный; если желаешь, чтобы дѣла твои были не напрасны, и дни твои не праздны и не лишены пользы, какой разсудительные надбоятся отъ безмолвія; то вступленіе твое въ оное пусть будетъ съ разсужденіемъ, а не въ упованіи чего-нибудь, чтобы не стать тебѣ похожимъ на многихъ. Напротивъ того, пусть будетъ въ мысли твоей положена цель, къ которой бы направлять тебѣ дѣла жизни своей. Выспрашивай о семъ болѣе знающихъ, и притомъ знающихъ изъ опыта, а не по одному умозрѣнію. И не переставай сего дѣлать, пока не покажешь опытовъ на всехъ стезяхъ дѣль безмолвія. При каждомъ сдѣланномъ тобою шагъ разтыскавай, путемъ ли ты идешь, или уклонился съ него, и идишь какою-нибудь стезею внѣ настоящей дороги.

И по однимъ дѣламъ явнымъ не увѣрайся въ томъ, что въ точности совершается тобою житіе безмолвное.

Если желася обрѣсти что-нибудь и постигнуть это опытомъ своимъ; то въ душѣ твоей сокровенно да будутъ знаки и примѣты на каждомъ сдѣланномъ тобою шагѣ, и по онымъ будешь узнавать истину Отцевъ и прелесть врага. А пока не умудришься на пути своемъ, пусть послужитъ для тебя сіе немногое. Когда, во время безмолвія, примѣчаешь въ умѣ своемъ, что мысль твоя можетъ свободно дѣйствовать помыслами десными, и во власти ея пасть которымъ-либо изъ нихъ нѣтъ ей принужденія; тогда знай, что безмолвіе твое правильно.

И еще, когда совершаешь службу, если, во время разныхъ службъ, бываешь, по возможности, далекимъ отъ паренія ума, и внезапно пресѣкается стихъ на языкѣ твоёмъ, и на душу твою палагаетъ оковы молчанія, безъ участія твоей свободы, и последуетъ сіе за долговременнымъ пребываніемъ на безмолвіи; то знай, что ты въ безмолвіи своемъ простираешься впередъ, и что кротость начала въ тебѣ усугубляться. Пбо простое безмолвіе въ правду достойно оужденія. Простое житіе у любозудрыхъ и разсудительныхъ признается какбы единичнымъ членомъ, отлученнымъ отъ спомоществованія другихъ членовъ.

И еще, если примѣчаешь въ душѣ своей, что, при каждомъ возникающемъ въ ней помыслѣ, при каждомъ припамятованіи, и во время созерцаній, какія бываютъ въ безмолвіи твоёмъ, глаза твои напомяются слезами, и слезы безъ принужденія текутъ по ланнтамъ твоимъ: то знай, что начало

совершаться предъ тобою отверстіе преграды на разореніе сопротивныхъ.

И если находишь въ себѣ, что по временамъ мысль твоя, безъ предварительнаго о томъ примыщленія, внѣ обычнаго порядка, погружается внутри тебя, и пребываетъ въ этомъ состояніи около часа, или сколько-нибудь времени, а потомъ примѣчаешь, что члены твои какбы въ великомъ изнеможеніи, и миръ царствуетъ въ помыслахъ твоихъ, и то же самое повторяется съ тобою всегда; то знай, что облако начало пріосѣнять скинію твою.

Если же, когда довольно времени проведенъ на безмолвіи, находишь въ душѣ своей помыслы, которые дѣлятъ ее на разныя части и овладѣваютъ ею, и какбы насильно она ежечасно объемяется сими помыслами, и мысль ея во всякое время возводится къ тому, что сдѣлано было ею, или желаетъ пускаться въ напрасныя раскаянія; то знай, что напрасно трудишься въ безмолвіи, и въ пареніи ума проводить время душа твоя, и причины тому бываютъ внѣшнія, или внутреннее нерадіе о должномъ, а наче о бдѣніи и чтеніи. И ты немедленно устрой дѣло свое.

Если же, когда вступишь въ дни сіи, не обрѣтаешь мира отъ тревожащихъ тебя страстей; то не дивись. Если пѣдро міра, по удаленіи отъ него лучей солнечныхъ, надолго остается теплымъ, и также запахъ врачевствъ, и дымъ мѣра, разливающихся въ воздухъ, пребываютъ немалое время, прежде нежели разсѣются и исчезнутъ; то тѣмъ наче страсти, подобно псамъ, привыкшимъ лизать кровь въ мясной лавкѣ, когда не даютъ имъ обыч-

ной ить пищи, стоятъ при дверяхъ и лаютъ, пока не сокрушена будетъ сила прежняго ихъ навыка.

Когда перадьніе начнетъ татскии входитъ въ душу твою, и въ обращеніи возвращается она вспять, и домъ близокъ къ тому, чтобы наполниться обращеніемъ; тогда приближаются слѣдующіе признаки. Почувствуешь въ себѣ тайно, что изнемогаешь въ вѣрѣ своей, преимуществуешь въ видимомъ, по упованіе твое умалается, тершишь утрату въ близкомъ тебѣ, вся душа твоя исполняется укоризны въ устахъ и въ сердцѣ на всякаго челоуька и на всякую вещь, съ чѣмъ ни встрѣчаешься помыслами и чувствами, и на самого Всевышняго, и боишься вреда тѣлеснаго, ради чего малодушіе овладѣваетъ тобою каждый часъ, и по временамъ душа твоя возбуждается такимъ страхомъ, что пугаешься и бѣгаешь тыни своей; потому что невѣріемъ затмилъ ты вѣру; подъ вѣрою же разумѣемъ не основаніе общаго всѣхъ неповѣданія, но оную мысленную силу, которая свѣтомъ ума подкрѣпляетъ сердце, и свидѣтельствомъ совѣсти возбуждаетъ въ душѣ великое упованіе на Бога, чтобы не заботилась она о себѣ самой, но попеченіе свое во всемъ беззаботно возвергла на Бога.

Когда же простирася ты впередъ; слѣдующіе явственныя признаки найдешь близкими въ душѣ своей: будешь укрьпиться во всемъ надеждою и обогащаться молитвою, не оскудѣешь когда-либо въ умѣ твоёмъ служащее къ пользѣ всякій разъ, какъ встрѣчаешься съ людьми и ощущаешь немощь естества челоуьческаго, и каждый таковой случай будетъ охранять тебя отъ гордыни. А съ другою

стороны недостатки ближняго сдѣлаются недостойными вниманія въ очахъ твоихъ. Съ такимъ желаніемъ пожелѣешь выйти изъ этого тѣла, съ какимъ сталъ бы пребывать въ будущемъ вѣкъ. О всякомъ скорбномъ для насъ приключеніи, встречающемся съ тобою явно и тайно, со всею осторожностію далекою отъ самоувѣрія, найдешь, что по справедливости и по суду приблизилось къ тебѣ все сіе (ы). И за все принесешь исповѣданіе и благодареніе. Вотъ признаки трезвенныхъ, осторожныхъ пребывающихъ въ безмолвіи, и жслающихъ достигнуть строгости житія.

Разслабленные же не имѣютъ нужды въ снхъ тонкихъ пригмѣтахъ угрожающихъ имъ паденій ; потому что далеки они отъ сокровенныхъ добродѣтелей. Когда одна изъ нихъ начнетъ проникать въ душу твою ; догадывайся въ этотъ часъ, на которую сторону началъ ты склоняться. Ибо вскорѣ узнаешь, какого ты сообщества. Да подастъ намъ Богъ истинное познаніе ! Аминь.

(ы) Здѣсь греч. текстъ нужно исправить такъ : *εὐδοκίαις ἐν δικαιοσύνῃ καὶ κρίσει ἐνταὶ πάντα ἐγγύς σε*, согласно съ сербскимъ переводомъ: *обрътаеши въ правду и суду быти вся близу тебе.*

С Л О В О 45.

О СТЕПЕНИ ТОНКОЙ РАЗСЪДИТЕЛЬНОСТИ.

—

Будь всегда внимателенъ къ себѣ самому, возлюбленный; и въ ряду дѣлъ своихъ разсмотри, и встрѣчающіяся тебѣ скорби и пустынность мѣстопробыванія твоего, и тонкость ума твоего вмѣстѣ съ грубостію твоего вѣдѣнія, и большую продолжительность безмолвія твоего вмѣстѣ съ многими врачевствами, то-есть, искушеніями, наводимыми пещиннымъ Врачемъ къ здравію онаго внутренняго чловѣка, а въ иное время и бѣсамъ, иногда же болѣзнями и тѣлесными трудами, а иногда боязливыми помышленіями души твоей, страшными воспоминаніями о томъ, что будетъ на-послѣдокъ, иногда же привітїемъ и обизанїемъ благодати сердечной теплоты и сладостныхъ слезъ, и духовной радости и всего прочаго, скажу такъ, не умножая словъ. Совершенно ли во всемъ этомъ примѣчаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться? то-есть, начали ли изнемогать страсти? Положи примѣту, и входи напрестанно самъ въ себя, и смотри: какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли передъ тобою, какія изъ нихъ пропали и совершенно отступили отъ тебя, и какія изъ нихъ начали умолкать въ слѣдствіе душевнаго твоего здравія, а не въ слѣдствіе удаленія того, что приводило тебя въ боязнь, и какія научилъ ты одолевать умомъ, а не

лишеніемъ себя того, что служитъ для нихъ поводомъ? Обрати также вниманіе на то, точно ли видишь, что среди загноенія язвы твоей начала наростать живая плоть, то-есть, душевный міръ. Какія страсти постепенно и стремительно понуждаютъ, и чрезъ какіе промежутки времени? Суть ли это страсти тѣлесныя, или душевныя, или сложныя и смѣшанныя? И возбуждаются ли въ памяти темно какъ немощныя, или съ силою возстаютъ на душу? И притомъ властительски, или татскимъ образомъ? И какъ обращаетъ на нихъ вниманіе владычій чувствами царь—умъ? И когда онъ напрыгутъ силы и вступитъ въ брань, сражается ли съ ними, и приводитъ ли ихъ въ безсиліе своею крѣпостію, или не обращаетъ даже на нихъ взора, и не ставитъ ихъ ни во что? И какія изъ нихъ изгладилась послѣ борьбы, и какія вновь изобразилась? Страсти приводятся въ движеніе, или какими-нибудь образами, или чувствомъ безъ образовъ, и памятію безъ страстныхъ движеній и помысленій, и не производятъ раздраженія. По всему этому можно также узнавать мѣру, на какой стоитъ душа.

Первыя не пришли въ устройство, потому что душѣ предстоитъ еще подвигъ, хогя и обнаруживаетъ прогивъ ихъ крѣпость свою, а вторыя зависятъ отъ употребленія, какъ сказала Писаніе, говоря: *сѣде Давидъ въ дому своемъ, и упокоитъ его Богъ отъ всѣхъ его окрестныхъ* (2 Цар. 7, 1.). Разумѣй сіе не объ одной страсти; но вмѣстѣ съ страстями естественными, пожеланіемъ и раздражительностію, и о страсти славолобія, которое

воображаетъ и мысленно представляетъ лица, и возбуждаетъ къ похоти и желанію, и также о страсти сребролюбія, когда душа входитъ въ общеніе съ нею тайно, хотя и не соглашается вступить самымъ дѣломъ, но изображаетъ въ умѣ подобія того, чѣмъ питается сребролюбіе при собираніи богатства, и чѣмъ заставляетъ душу помышлять объ этомъ, и производитъ въ ней желаніе, вмѣствъ съ прочимъ обладать и снмъ.

Не всѣ страсти ведутъ брань наступательно. Ибо есть страсти, которыя душѣ показываютъ только скорби. Перадѣніе, уныніе, печаль не нападаютъ наступательно и смѣло, но только налагаютъ на душу тяжесть. Крѣпость же души извѣдывается въ побѣдѣ надъ страстями, ведущими брань наступательную. И человеку надлежитъ имѣть тонкое свѣдѣніе обо всемъ этомъ, и знать приемы, чтобы, при каждомъ сдѣланномъ шагѣ, сознавать, куда достигла, и какую страну начала попить стопы свои души его : въ землѣ ли она ханаанской, или за Іорданомъ.

Но обрати вниманіе и на сіе. Достаточно ли, по душевному свѣту, вѣдѣнія къ различенію сего, или различаеги это во тмѣ, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находиши, что помысль началъ очищаться? Парснне мыслей въ умѣ проходитъ ли въ часѣ молитвы? Какая страсть смущаетъ умъ во время приближенія къ молитвѣ? Ощущаешь ли въ себѣ, что сила безмолвія пріосвѣтила душу кротостію, тишиною и миромъ, какой сверхъ-обычая раждается обыкновенно въ умѣ? Восхищается ли непрестанно умъ безъ участія воли къ

понятіямъ о безплотномъ, въ объясненіе чего не дозволено входитъ чувствамъ? Возгарается ли въ тебѣ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимымъ наслажденіемъ своимъ заставляющая умолкнуть языкъ? Источается ли непрестанно изъ сердца нѣкое удовольствіе, и влечетъ ли всецѣло умъ?

Но временамъ неощутительно во все тѣло входитъ какое-то услажденіе и радованіе, и плотскій языкъ не можетъ выразить этого, пока все земное не будетъ при семъ памятованіи почтять прахомъ и тщетою. Ибо оное первое, изъ сердца истекающее услажденіе, иногда въ часъ молитвы, иногда во время чтенія, а иногда также въ слѣдствіе непрестаннаго занятія и продолжительности мысли согрѣваетъ умъ. А сіе послѣднее всего чаще бываетъ безъ всего этого, и многократно во время подъяія, а такимъ же образомъ часто и по ночамъ, когда находишься между сномъ и пробужденіемъ, какбы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдетъ на человѣка это услажденіе, бнощесся въ цѣломъ тѣлѣ его; тогда думаетъ онъ въ этотъ часъ, что и царство небесное не иное что есть, какъ это же самое.

Смотри также, приобрѣла ли душа сплу, которая чувственныя памятованія потребляетъ сплюю овладѣвающей сердцемъ надежды, и внутреннія чувства укрѣпляетъ неизъяснимымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности? И сердце безъ попеченія о томъ, чтобы не было плѣнено оно земнымъ, пробуждено ли непрестаннымъ повѣданіемъ и непрерывнымъ сердечнымъ дѣланіемъ, совершасымъ со Спасителемъ нашимъ?

Приобрѣти вѣдѣніе о разности призванія къ дѣланію и повѣданія, когда услышишь о семъ. Возможность же скоро вкусить сего доставляетъ душѣ непрерывное безмолвіе непрестаннымъ и постояннымъ своимъ дѣланіемъ. Ибо, по нерадѣнію приемлющихъ, и по обрѣтеніи сіе снова утрачивается, и долгое уже время вновь іе приобретается. И осмыслится ли кто, положившись на свидѣтельство совѣсти своей, сказать о семъ то-же, что сказалъ блаженный Павелъ: *извѣстихся, яко ни смерть ни животъ, ни настоящая ни грядущая, ни все прочее возможетъ меня разлучити отъ любви Христовой* (Рим. 5, 38. 35.), то-есть, не разлучать ни тѣлесныя, ни душевныя скорби, ни голодъ, ни гоненіе, ни нагота, ни одиночество, ни затворъ, ни бѣда, ни мечъ, ни аггелы и силы сатаннины съ ихъ злобыми ухищреніями, ни упраздняемая слава прираженіемъ своимъ къ человѣку, ни клеветы, ни укоризны, ни заушенія, наносимыя безъ причины и напрасно?

Если же не началъ ты усматривать въ душѣ своей, братъ, что все это некоторымъ образомъ избыточествуетъ, или оскудѣваетъ; то труды твои и скорби, и все безмолвіе твое — бесполезное утомленіе себя. И если чудеса совершаются руками твоими, и мертвыхъ воскрешаютъ они, не идетъ то и въ сравненіе съ этимъ и немедленно подвигни душу свою, и со слезами умолай Спасающаго всѣхъ отъять прагъ отъ двери сердца твоего, омраченіе бури страстей уничтожить на внутренней тверди, сподобить тебя увидѣть лучъ дневный, чтобы не

походить тебѣ на мертвеца, вѣчно пребывающаго въ омраченіи.

Всегдашнее бдѣніе вмѣстѣ съ чтеніемъ, и въ слѣдъ за онымъ частые поклоны, не замедлятъ рачительнымъ подать блага сіи. И кто обрѣлъ ихъ, тотъ обрѣлъ спии именно средствами. Желаящіе снова обрѣсти ихъ имѣютъ нужду пребывать въ безмолвіи, а вмѣстѣ и въ дѣланіи сказаннаго нами, прежде же сего ни къ чему кромѣ души своей, даже ни къ одному человѣку, не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннемъ дѣланіи добродѣтели, да и въ разсужденіи самыхъ дѣлъ, упражняться въ тѣхъ именно, въ которыхъ особенно находимъ близкимъ къ себѣ определенное ощущеніе, утверждающее насъ и въ разсужденіи прочаго.

Кто пребываетъ на безмолвіи, и опытомъ извѣдалъ благость Божію; тотъ не имѣетъ нужды въ большой убѣдительности; напротивъ того, душа его нимало не болѣзнуетъ невѣріемъ, подобно колеблющимся въ истинѣ; потому что свидетельства ума его достаточно для него къ увѣренію себя самого паче безчисленнаго множества словъ, не оправданныхъ опытомъ. Богу же нашему слава и вельеліе во вѣки! Амшь.

С Л О В О 46.

ОБЪ ИСТИННОМЪ ВѢДѢНІИ , ОБЪ ИСКУШЕНІЯХЪ , И О НЕОБХОДИМОСТИ ТОЧНО ЗНАТЬ , ЧТО НЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ НЕВЫСОКІЕ , НЕМОЩНЫЕ И НЕОБУЧИВШИЕСЯ , НО И СПОДОБИВШИЕСЯ НА ВРЕМЯ БЕЗСТРАСТІЯ , ДОСТИГШИЕ СОВЕРШЕНСТВА ВЪ ОБРАЗѢ МЫСЛЕЙ , ПРИБЛИЗИВШИЕСЯ ОТЧАСТИ КЪ ЧИСТОТѢ , СОПРЯЖЕННОЙ СЪ ОМЕРТВѢНІЕМЪ , (СТАВИШЕ ВЫШЕ СТРАСТЕЙ , ПОКА ОНИ ВЪ МІРѢ СЕМЪ , ПО БОЖІЮ ПОПУЩЕНІЮ ОТЪ СОПРЯЖЕНІЯ ЖИЗНИ НХЪ СЪ СТРАСТНОЮ ПЛОТНО , ПРЕБЫВАЮТЪ ВЪ БОРЕНІИ , И ПО ПРИЧИНѢ ПЛОТИ ТЕРНЯТЪ БЕЗПОКОЙСТВО ОТЪ СТРАСТЕЙ , ПОТОМУ ЧТО) (Ъ), ПО МІЛОСТИ ПОПУСКАЕТСЯ НА НИХЪ СЯ ЗА ПАДЕНІЕ НХЪ ВЪ ГОРДЫНО.

—

Многократно иные день за день преступаютъ законъ , и покаяніемъ врачуютъ души свои , и благодать пріемлютъ ихъ ; потому что во всякомъ разумномъ естествѣ безъ числа бываютъ перемѣны , и съ каждымъ человекомъ ежечасно происходятъ измѣненія . И разсудительный находитъ много случаевъ уразумѣть это . Но испытанія , каждый день производимыя имъ надъ собою , особливо могутъ умудрить его въ этомъ ; если будетъ трезвиться , чтобы наблюдать за собою въ умѣ своемъ и дознавать , какое измѣненіе въ кротости и скромности принимаетъ мысль съ каждымъ днемъ , какъ внезапно изъ

(Ъ) Слова , заключенныя въ скобки , заимствованы изъ древняго сербскаго перевода.

мирнаго своего состоянія приходитъ въ смущеніе, когда не будетъ отклонена какая-либо къ тому причина, и какъ человекъ бываетъ въ великой и не-сказанной опасности.

И сіе-то святой Макарій, съ великою предусмотрительностію и рачительностію, явственнo написалъ на память и въ наставленіе братіямъ, чтобы, во время измѣненія въ противное, не шадли въ отчаяніе; потому что и съ стоящими на степенн чистоты, какъ съ воздухомъ охлажденіе, приключаются всегда паденіе, между-тѣмъ какъ нѣтъ въ нихъ нерадѣнія или послабленія себѣ; напротивъ же того, даже когда соблюдаютъ они чинъ свой, случаются съ ними паденія, противныя намеренію собственной ихъ воли. Да и блаженный Маркъ, какъ извѣдавшій точнымъ опытомъ, свидѣтельствуетъ о семъ, и въ превосходномъ порядкѣ излагаетъ сіе въ писаніяхъ своихъ, чтобы не подумалъ кто, будто бы святой Макарій сказалъ это въ Посланіи своемъ случайно, а не по дѣйствительному опыту, и чтобы отъ таковыхъ двоихъ свидѣтелей умъ со всею несомнѣнностію пріялъ для себя утѣхеніе во время пужды. Посему, что же теперь? «Измѣненія, говорить, въ каждомъ бываютъ, какъ въ воздухѣ». Выразумѣй же это слово: *въ каждомъ*; потому что естество одно, и чтобы не подумалъ ты, будто бы сказалъ это о низшихъ и худшихъ, совершенныя же свободны отъ измѣненія, и неуклонно стоятъ на одной степенн безъ страстныхъ помысловъ, какъ утверждаютъ эвхиты, сказалъ онъ по этому: *въ каждомъ*.

Какъ же это, блаженный? Впрочемъ, говоришь

ты, бываетъ же холодъ, и вскорѣ потомъ зной, также градъ, и немного спустя вѣдро. Такъ бываетъ и въ нашемъ упражненіи, то брань, то помощь отъ благодати; иногда душа бываетъ въ обуреваніи, и возстаютъ на нее жестокія волны; и снова происходитъ измѣненіе, потому что посѣщаетъ благодать, и наполняетъ сердце человѣка радостію и миромъ отъ Бога, цѣломудренными и мирными помыслами. Онъ указываетъ здѣсь на сіи помыслы цѣломудрія, давая тѣмъ разумѣть, что прежде нихъ были помыслы скотскіе и нечестые, и даетъ советъ, говоря: если за сими цѣломудренными и скромными помыслами послѣдуетъ порывъ; не будемъ печалиться и отчаяваться, не будемъ также хвалиться и во время упокоенія благодати, но во время радости станемъ ожидать скорби. Советуетъ же не печалиться намъ, когда послѣдуютъ болѣзненные припадки, показывая тѣмъ, что умъ долженъ не навлекать ихъ на насъ, но съ радостію принимать, какъ естественное и свойственное намъ. Не предадимся отчаянію, подобно человѣку, который за подвигъ ожидаетъ чего-то, даже совершеннаго и неизмѣняемаго упокоенія, и вмѣстѣ не допускаетъ подвиговъ, и печалей, и того, чтобы въ немъ произошло движеніе чего-либо сопротивнаго, что и Господь Богъ нашъ не нашелъ приличнымъ дать сему естеству въ этомъ мірѣ.

Макарій даетъ советъ сей, чтобы ниye не сдѣлался совершенно празднымъ, оставшись безъ дѣла, и съ этою мыслію не разслабѣли въ отчаяніи, и не пребыли неподвижными въ теченіи своемъ. Знай, говоритъ онъ, что всѣ святые пребывали въ семъ

дѣль. Пока мы въ мѣръ семъ, послѣ трудовъ сихъ бываетъ намъ втайнѣ и избыточествующее утѣшеніе; потому что каждый день и каждый часъ требуется отъ насъ опытъ любви нашей къ Богу въ борьбѣ и въ подвигѣ противъ искушеній. И это значитъ, не печалиться и не унывать намъ въ подвигѣ. И такимъ образомъ, благоустроенъ дѣлается путь нашъ. А кто хочетъ отбыть или уклониться отъ этого, тотъ бываетъ добычею волковъ. Достоинно, подлинно, удивленія въ этомъ святомъ, что такимъ краткимъ словомъ подтвердилъ мысль сію, и доказалъ, что она исполнена разума, и въ умѣ читающаго совершенно уничтожилъ сомнѣніе. Опъ же говоритъ: кто уклоняется отъ сего, — и дѣлается добычею волковъ, тотъ хочетъ идти не путемъ, и положить въ умѣ своемъ домогаться сего, и намѣревается ходить своею собственною стезею, которой не пролагали Отцы. Но учить опъ и тому, чтобы во время радости ожидать скорбей. Когда по дѣйствию благодати внезапно бываютъ въ насъ великіе помыслы, и, какъ сказалъ святой Маркъ, бываемъ въ изумленіи при мысленномъ созерцаніи высшаго естества, когда приближаются къ намъ Ангелы, исполняютъ насъ созерцаніемъ; тогда все противное удаляется, и во все то время, въ которое человекъ бываетъ въ подобномъ состояніи, продолжаютъ мѣрять и несказанная тишина. Но когда пріосвѣтитъ тебя благодать, и приблизятся къ тебѣ святыя Ангелы, ограждающіе тебя, и при семъ приближеніи отсутствовать все искушающіе; ты не превозносишь, и не помышляешь въ душѣ своей, что достигъ необуреваемой пристани и неизмѣняемаго воздуха, и совер-

шенно изнелъ изъ этого нѣдра противныхъ душо-
веній, и нѣтъ уже болѣе врага , и злой встрѣчи ;
потому что многіе возмечали это, и впади въ опа-
сности, какъ сказалъ блаженный Пилъ. Или, не
думай также , что ты выше многихъ , и тебѣ при-
лично быть въ такомъ состояніи, а другимъ нимало
не прилично, по недостаточности житія ихъ; или, по-
слику не имѣють они довольнаго вѣдѣнія, то и лиша-
ются подобныхъ дарованій, а ты имѣешь на это
право, потому что достигъ совершенства святости,
и духовной степенн, и неизмѣняемой радости. На-
противъ того, разсмотри лучше въ себѣ нечистые
помыслы и тѣ неблагоприличные образы , какіе у-
твердились въ умѣ твоёмъ во время обуреванія, въ
часъ смятенія и безпорядочности помысловъ, не за-
долго до сего возстававшихъ противъ тебя въ слѣ-
помъ омраченіи ; подумай , съ какою скоростію и
уклонился ты въ страсти, и бесѣдовалъ съ ними
въ омраченіи ума, не устыдился и не ужаснулся
божественнаго вѣдѣнія, дарованій и даровъ , какіе
пріялъ ты. И знай , что все это къ смиренію на-
шему навелъ на насъ Божій Промыслъ, который
о каждомъ изъ насъ промышляетъ и устрояетъ,
что кому полезно. А если превознесешься даровані-
ями его; оставитъ тебя, и совершенно падешь въ
томъ , въ чемъ будешь искушаемъ однимъ помы-
слами.

Наконецъ, знай, что устоять не твое и не добродѣте-
ли твоѣ дѣло, совершить же это благодать, которая
поситъ тебя въ дланяхъ руки своей , чтобы ты не
приходишь въ боязнь. Сіе вложи себѣ въ мысль во
время радости, чтобы не превознесся помыслъ, какъ

сказалъ Отецъ нашъ святой ; и плачь , и прошивай слезы, и придай при воспоминаніи о своихъ грѣхонаденіяхъ во время поущенія, чтобы избавить тебя этимъ, и пріобрѣсти чрезъ то смиреніе. Впрочемъ, не отчаявайся, и въ помыслахъ смиренія умноживленіемъ содѣлай простительными грѣхи свои.

Смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаеть простительными. Напротивъ того, безъ смиренія и дѣла бесполезны, даже уготовляютъ намъ много худаго. Смиреніемъ, какъ сказалъ я, содѣлай беззаконія твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели; оно можетъ сокрушить крѣпость многихъ грѣховъ. Если пріобрѣтеть оное, содѣлаеть насъ сынами Божиими, и безъ добрыхъ дѣлъ представитъ Богу; потому что безъ смиренія напрасны все дѣла наши, всякія добродѣтели и всякое дѣланіе.

Наконецъ, Богъ хочетъ измѣненія въ мысли. Мысль дѣлаеть насъ и лучшими и ненужными. Ея одной достаточно, чтобы безмощными поставитъ насъ предъ Богомъ, и она же говоритъ за насъ. Благодари, и въ молчаніи исповѣдуйся Богу въ томъ, что столько немощное и способное къ уклоненію получили ты естество, и при содѣйствіи благодати, до чего иногда возвышаешься, какихъ сподобляешься дарованій, и въ чемъ бывася превыше естества, когда же бываетъ поущево, до чего снисходишь, и пріобрѣтаешь умъ скогскій! Содержи въ памяти бѣдность естества своего и скорость, съ какою послѣдуютъ въ тебѣ измѣненія, какъ сказалъ нкто изъ святыхъ старцевъ. «Когда, говоритъ онъ, приходитъ къ тебѣ помысль гордыни, говоря тебѣ:

«вспомни свои добродѣтели»; ты скажи: «посмотри, старикъ, на свой блудъ». Разумѣть же тотъ блудъ, какимъ, во время пощени, искушаемъ бываешь въ помыслахъ, что съ каждымъ устроитъ благодать, или вводя насъ въ брань, или являя намъ помощь, когда что для насъ полезно.

Смотри же, какъ легко чудный сей старецъ выразилъ эту мысль. «Когда, говоритъ, приходитъ къ тебѣ помысль гордыни о высотъ житія твоего, скажи: посмотри, старикъ, на свой блудъ». Изъ сего ясно, что старецъ сказалъ это человѣку высокой жизни. Ибо невозможно, чтобы такимъ помысломъ тревожимы были люди кромѣ стоящихъ на высшей степенн, въ житіи достойномъ похвалы. Явно же и то, что страсть сія возстаетъ въ душѣ послѣ сдѣланной добродѣтели, чтобы лишитъ душу дѣланія оной. А если угодно, и изъ одного посланія тогоже святаго Макарія можешь научиться, на какой степенн стоятъ святые, и что попускается на нихъ для искушенія въ этомъ святыхъ. Посланіе же сіе есть слѣдующее.

Авва Макарій пишетъ ко всѣмъ своимъ чадамъ возлюбленнымъ, и ясно научаетъ, какое о нихъ Божіе домостроительство во время браней и благодатной помощи; потому что Божіей премудрости благоугодно снмъ обучать святыхъ, пока они въ жизни сей, въ боренн (ѣ) со грѣхомъ за добродѣтель, чтобы взоръ ихъ во всякое время возводимъ былъ къ Богу, и при непрестанномъ устремленн взора къ Богу

1.) Древній славянскій переводъ показываетъ, что вмѣсто *ἐν τῷ κινήσει* надобно читать *ἐν τῷ ἀγῶνι*.

возрастала въ нихъ святая любовь Его; когда непрестанно будутъ они стремиться къ Богу отъ смущенія и страха уклоненія, и утвердятся въ вѣрѣ, надеждѣ и любви Его.

И сіе дѣйствительно сказано теперь не тѣмъ, которые пребываютъ съ людьми, ходятъ по всякимъ мѣстамъ и всегда преданы дѣламъ и помысламъ срамнымъ и нечистымъ, также не тѣмъ, которые внѣ безмолвія соблюдаютъ правду въ дѣлахъ, и еже часно уловляются чувствами своими, во всякое время бываютъ въ опасности наденія (потому что необходимость, встрѣчающаяся съ ними вовсе не по ихъ волю, ставитъ ихъ въ непронзвольныя положенія), не могутъ охранять совершенно не только помысловъ, но и чувствъ своихъ; но тѣмъ, которые въ состояніи соблюдать тѣла свои и помыслы, вовсе далеки отъ мятежа и сообщенія съ людьми, въ отреченіи отъ всего и отъ душъ своихъ нашли удобство охранять умъ свой молитвою, измѣненія благодатныхъ смотрѣній пріемлютъ, не оставляя безмолвническаго житія, и живутъ подъ мышцею Господня вѣдѣнія, втайнѣ умудряются духомъ на безмолвіе, удаленіемъ отъ мірскихъ вещей и при содѣйствіи благодати. И насъ благодать сія да сохранитъ на этомъ предѣлѣ! Аминь.

С Л О В О 47.

О самомъ значеніи этой главы, и о молитвѣ.

Кратко выраженная мысль этой главы есть слѣдующая: еже часно надлежитъ намъ знать, что въ

сн двадцать четыре часа дня и ночи имѣемъ мы нужду въ покаяніи. Значеніе же слова: *покаяніе*, какъ дознали мы изъ дѣйствительнаго свойства вещей, таково: оно есть съ непоколебимою сокрушеніемъ молитвою приближающееся къ Богу неослабное прошеніе объ оставленіи прошедшаго, и бодрствованіе о сохраненіи будущаго. Посему и Господь нашъ опору нашей немощи указалъ въ молитвѣ, говоря: *пробудитесь, бдите и молитесь, да не увидите въ папасть* (Матѣ. 26, 41). Молитесь, и будьте неслѣпны, во всякое время *бодрствующе и молящеся* (Кол. 4, 2. 3.). *Просите и пріимете: нищете, и обрѣцете: толцыте, и отверзется вамъ. Всякъ бо просій пріемлетъ, и ищяій обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Матѣ. 7, 7. 8.). Особенно же подтвердилъ слово Своё, и къ большей рачительности подвигъ насъ притчею о другѣ, который въ полночь пришель къ другу своему, и просилъ у него хлѣба: Господь говоритъ: *аминь глаголю вамъ, аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безочетво его, воставъ дастъ ему, елика требуетъ* (Лук. 11, 8.). И вы молитесь и не будьте нерадивыми. Какое неслыханное побужденіе къ дерзновенію! Податель побуждаетъ насъ просить у Него, чтобы дать намъ Божественныя Свои дарованія. И если Самъ, какъ знаетъ Онъ, домостроительствуетъ все, что благотельно для насъ; то сн слова Его исполнены великой силы для возбужденія въ насъ дерзновенія и унованія. Послѣку Господь знаетъ, что прежде смерти не отъемлетъ Онъ у насъ возможности къ уклоненію, что весьма близко къ намъ это пзвнненіе, а именно, переходъ отъ добродѣтели къ

пороку, что человекъ и естество его удобно пріемлютъ въ себя противное; то повелѣлъ быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитвѣ. Если бы въ этомъ мѣрѣ была страна удостовѣренія; то, какъ-скоро человекъ достигъ бы оной, естество его стало бы тогда выше потребности, и дѣланіе его выше страха, и не повелѣлъ бы намъ Богъ подвизаться въ молитвѣ, совершая сіе Своимъ промышленіемъ; потому что въ будущемъ вѣкѣ не приносятъ Богу молитвъ съ прощеніями о чемъ-либо. Въ ономъ отечествѣ свободы естество наше не пріемлетъ измѣненія и уклоненія подъ страхомъ сопротивленія; потому что во всемъ совершенно. Поэтому, повелѣлъ не ради только молитвы и храненія себя самихъ, но и по причинѣ тонкости и неистижимости того, что всегда съ нами встрѣчается, и не объсмелется вѣднѣемъ ума нашего въ тѣхъ состояніяхъ, въ какихъ перѣдко находимся непроизвольно во всякое время. Ибо, хотя мысли наши и весьма тверды и прильплены къ добру; однакоже Промыслъ Его неоднократно оставлялъ насъ на предѣлѣ искушеній, и ввергалъ въ оныя, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостинокъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. И о семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене: и рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 7-9.).

Если уже это — Твоя воля, Господи, и младенчество наше требуетъ всего этого для руководенія и пробужденія своего Тобою, и даже когда человекъ любовію Твоею уноенъ, подобно мнѣ, и влеч-

чется во слѣдъ добраго, такъ-что вовсе не взираеть на мѣръ, по причинѣ упоенія, въ какомъ онъ находится, даже когда мнѣ сверхъ этого далъ Ты достигнуть откровеній и созерцаній, которыхъ невозможно объяснить плотскимъ языкомъ, далъ видѣть и слышать гласъ духовнаго служенія, и сподобиться исполненнаго святости созерцанія Твоего; но и при всемъ этомъ я, человѣкъ совершенный о Христѣ, недостаточенъ для того, чтобы охранять себя самого; потому что есть нечто такое, что по тонкости своей не можетъ быть достигнуто моею силою, хотя и приобрѣлъ я умъ Христовъ: то радуюсь уже по-сему, Господи, въ немощахъ, въ скорбяхъ, въ темнотахъ, въ узахъ, въ нуждахъ. Отъ естества ли это, отъ сыновъ ли естества, или отъ враговъ его; только радуюсь терплю чинъ немощи мои, то-есть, немощи въ искушеніяхъ моихъ, да вселится въ меня сила Божія. Если, послѣ всего этого, имѣю пужду въ жезлъ искушеній, чтобы мнѣ расширилось во мнѣ селеніе Твое, и я сохраняемъ былъ въ приближеніи къ Тебѣ; то знаю, что никто не возлюбленъ Тобою наче меня, и потому возвеличилъ Ты меня надъ многими. И какъ мнѣ далъ познать чудныя и славныя силы Твои, такъ не далъ никому изъ сотрудниковъ моихъ Апостоловъ. И наименовалъ меня сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15.); потому что вѣрно сохранию чинъ любви Твоей. Но всему этому, и особливо для того, чтобы преуспѣвало и простиралось впередъ дѣло проповѣди, Ты, сколько знаю, даровалъ бы мнѣ свободу, еслибы сіе было полезно для меня. Но Ты благоволилъ, что бы не былъ я безъ скорби и попеченія въ мѣръ семъ; такъ-

какъ для Тебя не столько важно то, чтобы множи-лось нашаче дѣло проповѣди Евангелія Твоего въ міръ, сколько то, чтобы мнѣ была польза отъ искушеній моихъ, когда душа моя сохранится у Тебя здороваго.

Наконѣцъ, если все это, разсудительный, есть великій даръ искушеній; потому что, чѣмъ болѣе превознесенъ человекъ, и, по подобію Павлову, вступилъ въ духовное, тѣмъ наче ищетъ еще нужду въ страхѣ и осторожности, и пожинаетъ пользу отъ встрѣчающихся съ нимъ искушеній; кто есть сей достигшій въ страну удостовѣренія, исполненную хищниковъ (Матѹ. 11, 12.), и пріимъ то, чтобы стать ему неуклоннымъ, чего не дано было и святымъ Ангеламъ, *да не бѣзъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 40.), — пріимъ то, что противно всему духовному и тѣлесному, и хочеть быть всецѣло неизмѣняемымъ, хочеть, чтобы не приближалось къ нему искушеніе и въ помыслахъ! Порядокъ же міра сего есть сія мысль, выраженная какбы во всѣхъ Писаніяхъ: если каждый день постоянно пріемлемъ тысячи ударовъ; то да не малодушествуемъ, и да не останавливаемся въ теченіи на поприщѣ; потому что въ одномъ маловажномъ случаѣ можно намъ восхитить побѣду и получить вѣнецъ.

Міръ этотъ есть состязаніе и поприще для состязаній. Время это есть время борьбы. А въ странѣ борьбы, и во время состязанія, закона не полагается, то-есть, царь не полагаетъ воиновъ своимъ предѣла, пока не будетъ кончено состязаніе, и всякой человекъ приведенъ къ дверямъ Царя царствующаго, и тамъ испытанъ бывшій въ состязаніи, кто

не допустишь одержать надъ нимъ побѣду, и кто обратилъ хребетъ свой. Пбо много разъ случается, что человекъ, ни къ чему не годный по искусству своему, непрестанно бываетъ поражаемъ и низлагаемъ, и во всякое время оставаясь въ безсиліи, когда вдругъ похищаются знамя изъ рукъ у воинства сыновъ племени своихъ, превозносятся имя его, и восхваляется онъ гораздо болѣе подвизавшихся и содѣлавшихся извѣстными въ побѣдахъ, и получаетъ въенецъ и дорогіе дары паче товарищей своихъ. Поэтому, шодитъ человекъ да не остается въ отчаяніи. Не будемъ только нерадеть о молитвѣ, и не польнимся просить помощи у Господа.

Твердо положимъ въ мысли своей и то, что, пока мы въ міръ сѣмъ, и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небснаго свода, не можемъ оставаться безъ дѣлъ и труда, и быть безъ попеченія. Это (проси меня въ томъ) есть совершенство; а что паче сего, то глумленіе безъ разума. Богу же нашему да будетъ слава, и держава, и велегніе во вѣки! Аминь.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,
СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ,

издаваемая

ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Книжка 1.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Готье.

1854.

С Л О В О 48.

О РАЗЛИЧИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И О СОВЕРШЕНСТВѢ ВСЕГО ПОПРИЦА.

—

Совершенство всего поприца заключается въ слѣдующемъ: въ покаяніи, въ чистотѣ и въ усовершеніи себя. Чтò такое покаяніе? оставленіе прежняго и печаль о немъ. Чтò такое чистота? кратко сказать: сердце милующее всякую тварную природу. Чтò такое усовершеніе себя? глубина смиренія, то-есть, оставленіе всего видимаго и невидимаго (видимаго т. е. всего чувственнаго, и невидимаго т. е. мысленнаго) и поначенія о томъ.

Въ другое время былъ опять спрошенъ: «чтò такое покаяніе?»—и сказалъ: «сердце сокрушенное и смиренное.» — «Чтò такое смиреніе?» и сказалъ (а): «сугубое, добровольно принятое на себя, омергвѣніе для всего.»—«И чтò такое сердце милующее?» — и сказалъ: «возгорѣніе сердца у чловѣка о всемъ твореніи, о чловѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о

(а) Слова *Чтò такое смиреніе, и сказалъ,* дополнены изъ древняго слав. перевода.

демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человека источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умляется сердце его, и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварию. А посему, и о безсловесныхъ и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и объ естество пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семь Богу.»

И еще бытъ спрошенъ: «что такое молитва?» — и сказать: «свобода и упрямство ума отъ всего здѣшняго, — сердце, совершенно обратившее взоръ свой къ возжеланію уповасяго въ будущемъ. А кто далекъ отъ сего; тотъ на шивъ своей съетъ смѣшенное сѣмя, и подобенъ впрягающему въ ярмо вмѣстѣ вола и осла» (Втор. 22, 10.).

И еще бытъ спрошенъ: «какъ можетъ человекъ приобрести смиреніе?» и сказать: «непрестаннымъ памятованіемъ прегрѣшеній, надеждою приближающейся къ смерти, бѣднымъ одѣваніемъ, тѣмъ, чтобы во всякое время предпочитать послѣднее мѣсто, и во всякомъ случаѣ принимать охотно на себя дѣла самыя послѣднія и уничиженныя, не быть непослушнымъ, сохранять непрестанное молчаніе, не любить ходить въ собранія, желать оставаться неизвѣстнымъ и ни во что не избираемымъ, не удерживать никакой вещи въ полномъ собственномъ распоряженіи, ненавидѣть бесѣды со многими лицами, не любить

прибытковъ, и сверхъ сего, умомъ своимъ быть выше всякаго людскаго порицанія и обвиненія и выше зависти, не быть такимъ человѣкомъ, котораго руки были бы на всѣхъ, и на которомъ были бы руки всѣхъ, по одному въ уединеніи заниматься своимъ дѣломъ, и не брать на себя понеченія о чьѣмъ-либо въ міръ кромѣ себя самого. Короче сказать: странническая жизнь, нищета и пребываніе въ уединеніи— вотъ огъ чего рождается смиреніе, и очищается сердце».

Достигшихъ же совершенства признаковъ таковъ: если десятикратно въ день преданы будутъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяются снѣмъ, какъ Моисей сказалъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изгладн мя изъ книги, въ шожже вписалъ еси* (Исх. 32, 32.); и какъ говоритъ блаженный Павелъ: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа по братіи моей*, и такъ далѣе (Рим. 9, 3.); и еще: *нынѣ радуюся въ скорбѣхъ о васъ*, язычникахъ (Колос. 1, 24.). И прочие Апостолы за любовь къ жизни человѣковъ приили смерть во всякихъ ей видахъ.

Конецъ же всего этого вѣнъ — Богъ и Господь. Но любви къ твари Сына Своего предать Онъ на крестную смерть. *Тако бо возлюбн Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ естъ за него на смерть* (Юан. 3, 16.), не потому, что не могъ искупить насъ инымъ образомъ, но чтобы научить насъ тѣмъ прензобилующей любви Своей, и смертію единогоднанаго Своего Сына приблизить насъ къ Себѣ. А если бы у Него было что болѣе драгоценное, и то далъ бы намъ, чтобы снѣмъ приобрести Себѣ родъ

нашъ. И по великой любви Своей, не благоволилъ стѣснить свободу нашу, хотя силень Огъ сдѣлать это, но благоволилъ, чтобы любовію собственнаго нашего сердца приблизилъсь мы къ Нему. И самъ Христось, по любви Своей къ намъ, послушенъ былъ Отцу Своему въ томъ, чтобы съ радостію принять на Себя поруганіе и печаль, какъ говоритъ Иисаіе: *вмѣсто предлежація Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ передивъ* (Евр. 12, 2.). Посему-то Господь въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, сказать: *сіе есть тѣло Мое, еже за мѣръ даемо въ жизнь* (Лук. 22, 19.); и: *сія есть кровь Моя, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (Мат. 26, 28.); и еще говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе* (Юан. 17, 19.). Такъ достигаютъ сего совершенства и все святые, когда содѣлаются совершенными, и угодятся Богу изліаніемъ любви своей и челоуѣколюбія ко всемъ. И домогаются святые сего признака—угодиться Богу совершенствомъ въ любви къ ближнему. Такъ поступали и отцы наши, иноки, когда для онаго совершенства всегда приимали въ себя уподобленіе, неполненное жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Говорять, что блаженный Антоній никогда не рѣшался сдѣлать что-либо полезное больше для него самого, нежели для ближняго, въ томъ уловініи, что выгода его ближняго наилучшее для него дѣланіе. Рассказываютъ также объ аввѣ Агафонѣ, будто бы сказать оу: «желать бы я найдти прокаженнаго, и взять у него тѣло его, а ему дать свое». Видишь ли совершенную любовь? И также, пока нубль оу что-либо въ себя, не могъ утерпѣть, чтобы не

уноконь тьмъ ближняго своего. И еще: былъ у него возжичекъ; братъ, пришедши къ нему, пожелалъ его имѣть, и авва не далъ ему выйти изъ келліи своей безъ этого возжичка. Таково и прочее написанное о подобныахъ мужаахъ. Но къ чему говорить это? Многіе изъ нихъ ради ближняго предавали тѣла свои звѣрячь, мечу и огню. Никто не можетъ взойди на степенъ этой любви, если не возмущуветъ онъ въ тайнѣ надежды своей. И не могутъ приобрьети любви къ челоавкамъ тѣ, которые любятъ міръ сей. Когда приобрьетъ кто любовь, облечется въ самого Бога. А тому, кто стяжалъ Бога, необходимо не только не соглашаться на приобрьтеніе съ Нимъ чего-либо пнаго, но и совлечься тѣла своего. Если же любовью къ міру облечется кто въ этотъ міръ и въ эту жизнь; то не облечется онъ въ Бога, пока не оставитъ сего. Ибо самъ Богъ засвидѣтельствовалъ се, говоря: *аще кто не оставитъ всего, и не возненавидитъ душу свою, не можетъ Мой бити ученикъ* (Лук. 14, 26.). Должно не только оставить, но и возненавидѣть это. А если кто не можетъ быть ученикомъ Господнимъ, то какъ Господь вселится въ немъ?

Вопросъ. Почему такъ сладостна надежда, и житіе ся и дѣла ся легки, и скоро совершаются дѣла ея въ душъ?

Отвѣтъ. Потому что въ этотъ часъ пробуждается въ душъ святыхъ естественное пожеланіе, и даетъ имъ штъ изъ этой чаши, и уповааетъ ихъ. Посему-то не чувствуютъ уже они труда, но дѣлаются нечувствительными къ скорбямъ, и во все продолженіе своего шествія думаютъ, что шествіе ихъ совершается

по воздуху, а не человеческими идутъ они стопами; потому что невидима имъ трудность пути, предъ ними нѣтъ холмовъ и потоковъ, и будутъ имъ острыя въ пути гладки и проч. (Ис. 40, 1.); и потому что ежечасно обращено вниманіе ихъ на лоно Отца ихъ; и самая надежда какбы перетомъ, въ каждое мгновеніе, указываетъ имъ отдаленное и невидимое, какбы гадательно выражающимъ на сіе совершеннымъ окомъ вѣры; и потому что желаніемъ отдаленнаго, какбы огнемъ, разжжены все части души, и отсутствующее вибняется имъ за присутствующее. Туда простирается все протяженіе ихъ помысловъ, и всегда поспѣшаютъ достигнуть туда; и когда приближаются къ совершенію какой-либо добродѣтели, не надъ нею одною трудятся, но вдругъ и всецѣло совершаютъ въ совокупности все добродѣтели: потому что неполны сіи шествіе свое не парсямъ совершаютъ путемъ, какъ и все прочіе, но избираютъ для себя стези краткія, по которымъ шные благодѣшныты скоро приходятъ въ обители. Самая надежда разжигаетъ ихъ какбы огнемъ, и не могутъ дать себѣ отдыха въ стремительномъ и непрестанномъ теченіи, совершаемомъ съ радостію. Съ ними бываетъ сказанное Іереміею; ибо говоритъ: *рекохъ, не вспомню имени Его, ниже возглаголю кому во имя Его: и бысть въ сердцахъ моихъ яко огонь горящъ, и пропигающій въ кости мои* (Іер. 20, 9.). Такъ памятованіе о Богѣ дѣйствуетъ въ сердцахъ ихъ, уповаемыхъ надеждою обѣтованій Божіихъ.

Сокращенныя стези добродѣтелей суть добродѣтели родовыя; потому что не имѣютъ онѣ большаго разстоянія между многими стезями житія отъ одной

стези до другой: не выжидаютъ ни мѣста, ни времени, не допускаютъ расточенія, но тотчасъ принимаются за дѣло, и исполняютъ это.

Вопросъ. Что такое безстрастіе человѣческое?

Отвѣтъ. Безстрастіе не въ томъ одномъ состоятъ, чтобы не ощущать страстей, но и въ томъ, чтобы не принимать ихъ въ себя. Въ слѣдствіе многихъ и различныхъ добродѣтелей, явныхъ и сокровенныхъ, пріобрѣтенныхъ святыми, страсти изнемогли въ нихъ, и нелегко могутъ возстать на душу: и умъ не имѣеть нужды непрестанно быть въ разсужденіи ихъ внимательнымъ; потому что во всякое время исполненъ мыслями, какія съ сознаниемъ возбуждаются въ разумъ помышленіемъ и бесѣдою о превосходнѣйшихъ правахъ. И какъ-скоро начинаютъ возбуждаться страсти, умъ внезапно восхищается отъ сближенія съ ними какимъ-то уразумѣніемъ, припикшимъ въ умъ; и страсти, какъ сказала блаженный Маркъ, остаются въ немъ какбы праздыми.

Умъ, по благодати Божіей, исполняя добродѣтельные дѣянія, и приблизившись къ вѣдѣнію, мало ощущаетъ того, что составляетъ худую и неразумную часть души. Ибо вѣдѣніе восхищаетъ въ высоту его и отчуждаетъ его отъ всего, что въ міръ. И по причинѣ непорочности святыхъ и тонкости, удобоподвижности и остроты ума ихъ, а также по причинѣ ихъ подвига, очищается умъ ихъ, и оказывается просвѣтленнымъ, по сухости ихъ плоти. И, въ слѣдствіе обученія ихъ безмолвію и продолжительнаго пребыванія въ ономъ, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцаніе, и въ изумленіе приводитъ ихъ созерцаемымъ. При семъ, обыкновенно,

изобилуютъ они созерцаніями, и умъ ихъ никогда не имѣетъ недостатка въ предметахъ разумныхъ, и никогда не бываютъ они безъ того, что производить въ нихъ плодъ духа. Долговременнымъ привыкомъ изглаждаются въ сердцахъ ихъ воспоминанія, которыми возбуждаются въ души страсти, и ослабляется сила дѣвольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями помыслиеніемъ о нихъ; тогда, послѣду занята она иною заботою, сила страстей не можетъ въ когтяхъ своихъ удержатъ духовныхъ чувствъ ея.

Вопросъ. Какія преимущества смиренія?

Отвѣтъ. Какъ самоизвнѣесть есть разлѣченіе души въ мечтаніи ея, которое уноситъ ее высерь, и не притетствуетъ ей парить въ облакахъ своихъ помысловъ, такъ-что кружится она по всей твари; такъ смиреніе собираетъ душу во-едино безвольемъ, и сосредоточивается она въ себя самой. Какъ душа незнанаема и невидима тѣлесными очами; такъ и смиренномудрый не познается среди людей. И какъ душа внутри тѣла сокрыта отъ зрѣнія и отъ общенія со всѣми людьми; такъ и истинно смиренномудрый человекъ, по своему отлученію отъ всѣхъ и по недостатку во всемъ, не только не желаетъ быть видимъ и знаемъ людьми, но даже такова его воля, — если можно, отъ самого себя погрузиться внутри себя, войти въ безвольіе, и вселиться въ немъ, всецѣло оставивъ все свои прежнія мысли и чувстваванія, содѣлаться чѣмъ-то какбы несуществующимъ въ твари, непришедшимъ еще въ бытіе, вовсе незнаемымъ даже самой душой своей. И пока таковой человекъ бываетъ сокровенъ, заключенъ въ себя и

отлученъ отъ міра, всецѣло пребываетъ онъ у своего Владыки.

Смирннмудрый никогда не останавливается по-смотреть на собранія, народное стеченіе, волненіе, шумъ, разгулъ, хлопоты и наслажденіе, слѣдствіемъ котораго бываетъ невоздержность; не обращаетъ вниманія на слова, бесѣды, клякки и развѣяннє чувствъ, но всему предпочтаетъ разобщаться со всеми въ безмолвіи, уединившись и отлучившись отъ всей твари, заботясь о себѣ самомъ въ странѣ безмолвной. Во всемъ умаленіе, нестяжательность, нужда, нищета для него возжеланны. Ему желательно не то, чтобы имѣть у себя многое и быть въ непрерывныхъ дѣлахъ, но чтобы во всякое время оставаться на свободѣ, не имѣть заботъ, не возмущаться здѣшними, такъ чтобы помыслы его не исходили вѣдъ его. Ибо увѣренъ онъ, что, если вѣдается во многое, невозможно будетъ пребыть безъ смущенія помысловъ; потому что при многихъ дѣлахъ бываетъ много заботъ и сборницъ помысловъ многосложныхъ. И человекъ перестаетъ уже, въ мирѣ помысловъ своихъ быть выше всехъ земныхъ попеченій, за исключеніемъ малыхъ самыхъ необходимыхъ потребностей, и отлагаетъ мысль озабоченную единственно лучшими ея помыслами. Если же потребности не перестаютъ удерживать его отъ лучшихъ помысловъ; то доходить онъ до состоянія, въ которомъ и тернитъ и дѣлаетъ вредъ, — и съ этого времени отверзается дверь страстямъ, удаляется тишина разсудительности, бѣжитъ смиреніе, и закрывается дверь мира. Но всему этому смирннмудрый непрестанно охраняетъ себя отъ всего многого; и тогда оказывается,

что во всякое время онъ въ тишинѣ, въ покоѣ, въ мирѣ, въ скромности, въ благоговѣніи.

Въ смиренномудромъ никогда не бываетъ поспѣшности, торопливости, смущенія, горячихъ и легкихъ мыслей, но во всякое время пребываетъ онъ въ покоѣ. Если бы небо прильнуло къ землѣ, смиренномудрый не ужаснется. Не всякій безмолвникъ смиренномудръ, но всякій смиренномудрый — безмолвникъ. Кто несмиренномудръ, тотъ не сдерживаетъ себя; но сдерживающихъ себя несмиренномудрыхъ найдешь многихъ. Сіе и значить, что сказано кроткимъ и смиреннымъ Господомъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрлице покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29.). Смиренномудрый во всякое время пребываетъ въ покоѣ; потому что печему привести умъ его въ движеніе, или въ ужасъ. Какъ никто не можетъ утрашить гору; такъ небоязненъ и умъ его. И если можно такъ выразиться (а, можетъ быть, и не неумѣстно сказать это), смиренномудрый въстаетъ *отъ міра сего* (Іоан. 8, 23.); потому что и въ печаляхъ не ужасается и не пѣзняется, и въ веселіи не приходитъ въ удивленіе и не ширится. Но все веселіе его и истинное радованіе о томъ, что угодно Владыкѣ его. За смиренномудріемъ слѣдуетъ скромность и собранность въ себя, то-есть, цѣломудріе чувствъ, соразмѣрность голоса, немногословіе, небреженіе о себѣ, бѣдная одежда, ненадменная походка, наклопеніе очей долу, превосходство въ милосердіи, скорое изліяніе слезъ, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность къ раздраженію, перасточенныя чувства, малость имущества, умаленіе во

всякой потребности, перенесеніе всего, терпѣніе, небоязненность, твердость сердца, происходящая отъ возненавидѣнія временной жизни, терпѣніе въ искушеніяхъ, вѣскія, а не легкія мысли, удашеніе помысловъ, храненіе тайнъ цѣломудрія, стыдливость, благоговѣніе, а сверхъ всего этого непрестанное безмолвствованіе и всегдашнее обвиненіе себя въ неведѣніи.

Смртенномудру никогда не встрѣчается такая нужда, которая приводитъ бы его въ смятеніе или смущеніе. Смртенномудрый иногда, будучи одинъ, стыдится себя самого. Дивлюсь же тому, что истинно-смртенномудрый не осмѣлится и помолиться Богу, или сподобиться молитвы, когда приступаетъ къ молитвѣ, или просить чего-либо иного, и не знаетъ, о чемъ молиться; но только молчитъ всеми своими помысленіями, ожидая одной милости и того изволенія, какое изыдетъ о немъ отъ лица достопокланяемаго Величія, когда преклоняетъ онъ лице свое на землю, и внутреннее зрѣніе сердца его вознесено къ превознесеннымъ вратамъ во Святое Святыхъ, гдѣ Тотъ, Коего селеніе—мракъ, предъ Кѣмъ сѣются очи Серафимовъ, Чья добродѣтель побуждаетъ легионы къ ликостоянію ихъ, на всѣ чины ихъ изливая молчаніе.—И осмѣливается только такъ говорить: « по волю Твою, Господи, да будетъ со мною ». Тоже и мы будемъ говорить о себѣ. Аминь.

С Л О В О 49.

О ВѢРѢ И О СМІРЕННОМУДРІИ.

Желаешь ли ты, человекъ малый, обрѣсти жизнь? Сохрани въ себѣ вѣру и смиреніе; потому что при приобщеніи милость, и помощь, и словеса изрекаемая въ сердце Богомъ, а также хранителя, сокровенно и явно съ тобою пребывающаго. Желаешь ли приобрѣсти сіе, то-есть, общеніе жизни? Ходи предъ Богомъ въ простотѣ, а не въ знаніи. За простотою ельдусть вѣра; а за утонченностію и извращеніемъ помысловъ — самомнѣніе; за самомнѣніемъ же — удаленіе отъ Бога.

Когда предстанешь въ молитвѣ предъ Бога; содѣлайся въ помыслѣ своемъ, какбы муравьемъ, какбы пресмыкающимся по землѣ, какбы шивницею, и какбы пѣмотствующимъ ребенкомъ. Не говори предъ Богомъ чего-либо отъ знанія, но мыслями младенческими приближайся къ Нему, и ходи предъ Нимъ, чтобы сподобиться тебѣ того отеческаго промышленія, какое отцы имѣють о дѣтяхъ своихъ младенцахъ. Сказано: *храний младенцы Господь* (Исая. 114, 5.). Младенецъ подходитъ къ змѣѣ, беретъ ее за шею, и она не дѣлаетъ ему вреда. Намъ ходитъ младенецъ цѣлую зиму, когда другіе одѣты и укрыты, и холодъ входитъ во все члены его; нагой сидитъ онъ въ день холода, звѣней стужки и изморози, и не болѣзнуеть. Ибо тѣло простоты его шнымъ невидимымъ одѣяніемъ покрываетъ сокровен-

ный Промысль, соб.подающій пѣжные члены его, чтобы не приблизился къ нимъ отъ чего-либо вреда.

Взрнись ли теперь, что есть вѣжій современный Промысль, Которымъ вѣжное тѣло, по своей вѣжности и немоцному житію, готовое тотчасъ пріять въ себя всякій вредъ, охраняется среди сопротивнаго ему, и не продолжается тѣмъ. Сказано: *арапскій младенецъ Господь*, и не только снхъ малыхъ тѣломъ, но и тѣхъ чюдрыхъ въ міръ, которые оставили вѣдніе свое, опершись на оную вседовѣльную Премудрость, волею своею угодились младенцамъ, и потому уже стали учиться оной мудрости, не ощущаемой въ трудахъ обученія. И прекрасно сказалъ богомудрый Павелъ: *кто мнителенъ мудръ быти въ міръ снхъ, бѣда да бываетъ, яко да премудръ будеть* (1 Кор. 3, 18.). Впрочемъ, проси у Бога, чтобы далъ тебѣ прійти въ мѣру вѣры. И если ощутишь въ душѣ своей наслажденіе сіе, то нетрудно сказать мнѣ при снхъ, что нечелю уже отвратить тебя отъ Христа. И нетрудно тебѣ каждый часъ быть отводимымъ въ мѣсть далеко отъ земнаго, и укрыться отъ этого немоцнаго міра и отъ воспоминаній о томъ, что въ міръ. О снхъ молншь нечелю, сего неспрашивай съ горячностію, обь эгомъ умолий съ великимъ раченіемъ, пока не получишь. И еще молншь, чтобы не ослабѣть. Сподобишься же этого, если прежде съ вѣрою понудишь себя нечелю свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность замѣнишь Его промышленіемъ. И когда Богъ усмотритъ въ тебѣ снхъ волю, что со всею чистотою мыслей довернися ты самому Богу болше, нежели себѣ самому, и понудишь себя умовать на

Бога болѣе, нежели на душу свою: тогда вселится въ тебѣ оная недовѣдомая сила, и оцутительно почувствуешь, что съ тобою несомнѣнно сила, — та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не боятся, и ходи по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть; потому-что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства, и чловѣкъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ-будто нечто невидимое убѣждаетъ его не вшмать видѣнію вещей страшныхъ и не взираеть на видѣніе невыносимое для чувствъ.

Конечно, думается тебѣ, что снѣтъ душевнымъ вѣдѣніемъ иной пріемлетъ оное духовное вѣдѣніе! Не только невозможно снѣтъ душевнымъ вѣдѣніемъ пріять оное духовное, но даже нѣтъ возможности оцутить его и чувствомъ, или сподобиться его кому-тѣбо изъ ревностно упражняющихся въ вѣдѣніи душевномъ. И если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ приблизиться къ оному духовному вѣдѣнію; то, пока не отрекутся отъ сего душевнаго, и отъ всякихъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя въ младшескій образъ мыслей, догдѣ не возмогутъ приблизиться, хотя мало, къ вѣдѣнію духовному. Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бываютъ для нихъ навкъ и понятія душевнаго вѣдѣнія, пока не изгладятъ сего мало-по-малу. Оное духовное вѣдѣніе просто, и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ. Пока разумъ не освободится отъ помысловъ многихъ и не прійдетъ въ единую простоту чистоты, догдѣ не возможетъ оцутить духовнаго вѣдѣнія.

Вотъ порядокъ сего вѣдѣнія—оцутить наслажде-

ше оною жизнью онаго вѣка: почему охуждаетъ оно помыслы многіе. Сіе душевное вѣдѣніе, кромя множества помысловъ, не можетъ познавать что-либо другое, пріемлемое въ простоту ума, по слову Пзрекнаго: *Аще не обратитесь, и будите яко дѣти*, не можете войти въ царствіе Божіе (Матѹ. 18, 3.). Но вотъ многіе не приходятъ въ простоту сію, а по добрымъ дѣламъ ихъ уповаемъ, что соблюдается нямъ часть въ царствіи небесномъ, какъ изъ разумнїя евангельскихъ блаженствъ, которыя Господь изобразилъ различно, можетъ быть нами дознано, что сими блаженствами показаль намъ многія измѣненія въ разныхъ родахъ житія; потому-что каждый человекъ, на всякомъ пути, какимъ шествуетъ къ Богу, самъ весьма мбрами отверзаетъ предъ собою дверь небснаго царствія.

Но онаго духовнаго вѣдѣнїя никто не можетъ прїять, если не обратитя, и не будетъ, какъ дитя. Ибо съ сего только времени ощущается оное услажденіе небеснымъ царствіемъ. О царствіи небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И обрѣтается оно не дѣлами помысловъ, но можетъ быть вкушаемо по благодати. И пока не очиститъ себя человекъ, не имѣеть оцъ достаточныхъ силъ и слышать о немъ; потому-что никто не можетъ пріобрѣсти онаго изученіемъ. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимой вѣрою въ безмолвіи отъ подей, и позабудешь знаніе міра сего, такъ-что не будешь и ощущать его: то внезапно обрѣтется предъ тобою духовное вѣдѣніе, безъ розысканія о немъ. Поставь, говорятъ, столпъ, и возмвай на него слей, и найдешь сокровище въ пѣдрѣ своемъ.

Если же удержи васъ себя вервѣно душевнаго званія; то не неугодно мнѣ сказать, что удобнѣе тебѣ освободиться отъ желѣзныхъ узъ, нежели отъ этого вервѣя; и всегда будешь недалеко отъ сътей прелести, и никогда не уразумѣешь, какъ возымѣть дерзновеніе предъ Господомъ и упованіе на Него, на всякій же часъ будешь ходить по острію меча, и шконить образомъ не возможешь быть безъ печали. Въ немощи и простотѣ молись, чтобы хорепо жить тебѣ предъ Богомъ, и бытъ безъ понеченія. Ибо какъ тыль слѣдуешь за тѣломъ, такъ и милость за смиренномудріемъ. Наконецъ, если желася заняться этимъ, то никакъ не подавай руки немощнымъ помысламъ. Если всякій вредъ, всякая злоба и въ опасности окружаютъ и будутъ устраниать тебя, не заботься о семъ, и не ставь сего ни во что.

Если однажды вверитъ ты себя Господу, вседовѣющему для охраненія твоего, и смотрѣно о тебѣ, и если пойдешь во слѣдъ Его; то не заботься опять о чемъ-либо такомъ, но скажи душѣ своей: «на всякое дѣло дозветъ для меня Того, Кому однажды предать я душу свою. Меня здѣсь итъ; Онъ это знаетъ». Тогда на дѣль увидишь чудеса Божіи: увидишь, какъ во всякое время Богъ близокъ, чтобы избавлять боящихся Его, и какъ Его Промысль окружаетъ ихъ, хотя и невидимъ. Но потому-что невидимъ тѣлесными очами Хранитель пребывающій съ тобою, не долженъ ты сомнѣваться о Немъ, будто бы Его итъ; ибо перьдко открывается Онъ и тѣлеснымъ очамъ, чтобы тебѣ благодушествовать.

Какъ-скоро человекъ отрешетъ отъ себя всякую

видимую помощь и человеческую надежду, и съ вѣрою и чистымъ сердцемъ поидеть во слѣдъ Богу: тотчасъ послѣдуетъ за нимъ благодать, и открываетъ ему силу свою въ различныхъ вспоможеніяхъ. Сперва открываетъ—въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промышленіемъ о немъ, чтобы въ этомъ всего болѣе могъ онъ восчувствовать силу о немъ Божія Промысла. И уразумѣніемъ явнаго увѣряется и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію его. Ибо какъ уготовляется потребное для него, когда о томъ и не заботился? Многіе удары, приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходягъ мимо, когда человекъ о нихъ и не помышлялъ: между-тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это, и хранитъ его, какъ питающая чадъ своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не приблизился къ нимъ отъ чего-либо вредъ. Благодать даетъ ему видѣть очами своими, какъ близка была къ нему погибель его, и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ обучаетъ его и въ разсужденіи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитрослестеніе мыслей и помысловъ трудныхъ, непостижимыхъ. И легко сыскивается человекомъ значеніе ихъ, взаимная между ними связь, и прелесть ихъ, и къ которому изъ сихъ помысловъ прильпнетъ человекъ, какъ они рождаются одинъ отъ другаго, и губятъ душу. И благодать посрамляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ и убѣжище помысловъ ихъ, влагаетъ въ него смыслъ уразумѣвать будущее; въ простотѣ его возсіяваетъ сокровенный свѣтъ,

чтобы вполне оцунцать силу понятій въ тонкихъ помыслахъ, и какбы перстоу указуетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, если бы не дозналъ сего. И тогда раждается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему въ молитвѣ персправивать себѣ у Создателя своего.

Когда Божественная благодать утвердитъ мысли его, чтобы во всемъ этомъ уповалъ онъ на Бога; тогда мало-по-малу начинаетъ онъ входить въ искушенія. И благодать попускаетъ, чтобы насылаемы были на него искушенія, соответственныя его мѣрѣ, чтобы понести челоуѣку силу ихъ. И въ сихъ искушеніяхъ оцунчительно приближается къ нему помощь, чтобы благодушествовалъ онъ, пока обучится постепенно и приобрѣтетъ мудрость, и въ упованіи на Бога станетъ презирать враговъ своихъ. Ибо умудрится челоуѣку въ духовныхъ браняхъ, познать своего Промыслителя, оцунтить Бога своего и сокровенно утвердиться въ вѣрѣ въ Него, невозможно иначе, какъ только по силѣ выдержавшаго имъ испытанія.

Благодать какъ-скоро усмотритъ, что въ помыслѣ челоуѣка начало появляться нѣсколько самошнбія, и сталъ онъ высоко о себѣ думать; тотчасъ попускаетъ, чтобы усильнѣе и укрьпимѣе противъ него искушенія, пока не познаетъ свою немощь, не бѣжитъ и не смелетъ во смрениіи за Бога. Силь прихощъ челоуѣкъ въ мѣру мужа совершеннаго вѣрою и упованіемъ на Сына Божія, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божія къ челоуѣку познается, когда бываетъ онъ въ обстоятельствахъ разрушающихъ надежду его. Здѣсь Богъ силу Свою

показуешь въ спасеніи его. Ибо никогда человекъ не познаетъ силы Божіей въ покоѣ и свободѣ; и нигдѣ Богъ не являлъ оцутительно дѣйственности Своей, какъ только въ странѣ безмолвія и въ пустынѣ, въ мѣстахъ лишенныхъ сходбищъ и молвы въ общаіи съ людьми.

Не дивись, что, когда приступаешь къ добродѣтели, отсюду источаются на тебя жестокія и сильныя скорби. Потому-что и добродѣтелию не почитается та, совершеніе которой не сопровождается трудностію дѣла. Ибо по сему самому, какъ сказалъ святой Іоаннъ, она и наименована добродѣтелию (*ἀρετή*): «добродѣтели, говоритъ, обычно встречать затрудненія; она достойна порицанія, когда привязана къ покою». Блаженный монахъ Маркъ сказалъ: «всякая совершенная добродѣтель именуется крестомъ, когда исполняетъ заповѣдь Духа». Посему-то *еси хотящій жити въ страхъ Господень и о Христвъ Исусъ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12.). Ибо говоритъ Онъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34.). Кто не хочетъ жить въ покоѣ, тотъ, погубивъ душу свою *Мене ради, обращетъ ю* (Матѣ. 16, 25.). Для того предварилъ Онъ тебя, и предложилъ тебѣ крестъ, чтобы ты опредѣлилъ себѣ смерть, и потомъ уже послалъ душу свою идти во слѣдъ Его.

Ничто такъ не сильно, какъ отчаяніе: оно не знаетъ, чтобы кто побѣдилъ его десными ли то, или шуми. Когда человекъ въ мысли своей лишитъ свою жизнь надежды; тогда нѣтъ ничего дерзостию его. Никто изъ враговъ не можетъ противо-

стать ему, и нѣтъ скорби, слухъ о которой привелъ бы въ изнеможаніе мудрованіе его; потому-что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а онъ подклонилъ главу, чтобы принять на себя смерть. Если во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ, во всякое время, что ни захочешь бы ты совершить, будешь въ мысляхъ своихъ предполагать дѣль и дѣль и печали; то не только во всякое время окажешься благодушнымъ и пельнымъ, чтобы противостать всякому представляющемуся тебѣ неудобству, но отъ сихъ помысловъ твоихъ побѣгутъ отъ тебя устраниющія и ужасающія тебя мысли, обыкновенно поражаемыя оными къ покою устремленными помыслами. И все, что встрѣчается тебѣ труднаго и неудобнаго, покажется тебѣ удобнымъ и легкимъ. *Перьдко* будетъ встрѣчаться съ тобою противное тому, чего ты ожидать; а быть можетъ, никогда не встрѣтится съ тобою ничего подобнаго.

Знаешь, что надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродѣтели. Но и тѣ, которые въ мѣрѣ семь живутъ для тѣла, не могутъ воишь достигать исполненія желаній своихъ, если не рѣшаются въ умѣ своемъ терпѣть неприятое. И поелку свидѣтельствуетъ о семъ опытъ: то не пужно убѣждать въ этомъ словамъ; потому-что, и прежде насъ и донынѣ, не отъ много-чего, но отъ сего именно, люди изнемогаютъ, и не только не одерживаютъ побѣды, но даже лишаются наилучшаго. Посему скажемъ короче, что, если человекъ небрежетъ о царствѣ небесномъ, то развѣ по надеждѣ малаго здѣшняго утѣшенія. И не это одно бываетъ съ нимъ, но часто сильныя удары

и страшныя искушенія уготовляются всякому человеку, внимательному къ своей воли, и къ этому идутъ помыслы его, потому-что править ими похоть.

Кто не знаетъ, что и птицы приближаются къ сѣти, имѣя въ виду покой? Въ удобовольствіи знанію птицъ немногаго, можетъ быть, не достаетъ и нашему знанію о томъ, что сокровенно, или бываетъ прикрито обстоятельствомъ, местомъ или чѣмъ инымъ, въ чемъ только дьяволъ изначала уловляетъ насъ обманомъ покоя и мыслями о немъ.

Но имѣя въ мысляхъ то, чтобы речь текла по желанію, уклонился я отъ дѣлш, какую предположить слову своему вначаль, а именно, что во всякое время должно намъ въ мысляхъ своихъ предполагать цель скорби во всякомъ дѣлѣ, съ какою хотимъ начать путь ко Господу, и конецъ совершенія пути тщательно утверждать на этомъ началѣ. Какъ часто человекъ, когда хочетъ начать что-либо ради Господа, спрашиваетъ такъ: «Есть ли въ этомъ покой? Есть ли возможности удобно пройти снмъ путемъ безъ труда? Или, можетъ быть, есть на немъ скорби, причиняющія томленіе тѣлу»? Вотъ какъ вездѣ всѣми мѣрами домогаемся мы покоя. Что говоришь ты, человекъ? Желаніе взойдти на небо, пріять тамоннее царство, общеніе съ Богомъ, упокоеніе въ тамоннемъ блаженствѣ, общеніе съ ангелами, жизнь безсмертную, и спрашивается: есть ли на пути этомъ трудъ? Чужое дѣло! Желаніе того, что есть въ этомъ переходномъ вѣкѣ, переживаютъ страшныя волны морскія, отваживаются проходить путями неудобопроходимыми, и вовсе не говорятъ, что есть трудъ, или печаль въ томъ, что

хотятъ сдѣлать. А мы на всякомъ мѣстѣ допытываемся о покоѣ. Но если во всякое время будемъ представлять въ умѣ путь крестный; то размыслимъ, какая печаль не легче этого пути?

Или, можетъ быть, найдется челоувѣкъ вовсе неубѣдившійся въ томъ, что никто никогда не одержалъ победы на брани, не получалъ даже тѣмънаго вѣнца, не достигъ исполненія своего желанія, хотя оно было и похвально, не послужилъ ничѣмъ въ дѣлахъ Божіихъ, не преуспѣвалъ ни въ одной изъ достохвальныхъ добродѣтелей, если не оказался сперва пренебрегшимъ трудами скорбей, и не допустилъ до сближенія съ собою мысли, побуждающей къ покою, которая порождаетъ нерадѣніе, лѣность и боязнь, а чрезъ нихъ во всемъ расслабленіе.

Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и вышшія чувства, какъ то: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, не уступаютъ надъ собою победы такимъ трудностямъ, которыя для нихъ чужды, необычайны, выходятъ изъ предѣла силъ естественныхъ. А если во время обнаружитъ свою дѣятельность естественная раздражительность; то тѣлесная жизнь бываетъ пренебрегаема наче умовъ. Ибо когда сердце возревнуетъ духомъ, тѣлю не печалится о скорбяхъ, не приходитъ въ боязнь и не сжимается отъ страха, но умъ, какъ алмазъ, своею чвердостью противостоитъ въ немъ всемъ некушевіямъ. Поревнуетъ и мы духовною ревностію о волю Іисусовой, и отгнано будетъ отъ насъ всякое нерадѣніе, поражающее въ мысляхъ нашихъ лѣность; потому-что ревность рождаетъ отважность,

душевную силу и телесную рачительность. Какая сила бываетъ въ монахахъ, когда думя подвигнеть противъ нихъ свою природную сильную ревность? А также и усердіе называется порожденіемъ ревности. И когда оно приводитъ въ дѣйствіе свою силу, придаетъ въ душу крѣпость всякой силѣ, содѣлавшейся небоязненною (а и самыя вѣщцы неповѣдничества, какіе пріемлютъ подвижники и мученики терпѣніемъ своимъ, пріобрѣтаются силой двумя дѣланіями ревности и усердія, поражаемыхъ силою естественной раздражимельности); тогда люди въ лютѣ скорби мученій дѣлаются безстрашными. Да дастъ Богъ и намъ такое усердіе благоугождать Ему! Аминь.

С Л О В О 30.

О пользѣ бѣгства отъ міра.

Подлинно упорна, трудна и неудобна борьба, предстоящая намъ въ дѣлахъ житейскихъ. Сколько бы ни могъ человекъ содѣлаться непобѣдимымъ и крѣпкимъ, какъ-скоро приближается къ нему, что служитъ причиною прираженія браней и подвиговъ, не оставляетъ его страхъ, и угрожаетъ ему скорымъ паденіемъ, даже болѣе, нежели при явной бранн съ діаволомъ. Поэтому, пока человекъ не удаляется отъ того, чего боится сердце его, врагу всегда есть удобство напасть на него. И если немного задрем-

леть онъ, врагъ легко погубить его. Ибо, когда душа связана вредными сношеніями съ міромъ, самыя сношенія сіи дѣлаются для него острыми рожнами; и какъ-свѣро встрѣчаетъ ихъ, какбы естественнымъ образомъ уступаешь надъ собою побѣду. И потому древніе Отцы наши, проходившіе сими стезями, зная, что умъ нашъ не во всякое время возможенъ и въ состояніи будетъ неуключно стоять на одномъ мѣстѣ и блюсти стражбу свою, въ иное же время не можетъ и усмотрѣть того, что вредитъ ему, премудро разсуждали, и, какъ въ оружіе, облекались въ нестяжательность, которая, какъ написано, свободна отъ многихъ бореній (чтобы такимъ образомъ своею скудостью человекъ могъ избавиться отъ многихъ грѣхонаденій), и ушли въ пустыню, гдѣ нѣтъ житейскихъ занятій, служащихъ причиною страстей, чтобы, когда случится имъ вземочь, не встрѣчать причинъ къ наденіямъ, разумью же раздраженіе, пожеланіе, злопамятность, славу, но чтобы все это и прочее содѣлала легкимъ пустыня. Ибо ею укрѣпляли и ограждали они себя, какъ непроборимымъ столпомъ. И тогда каждый изъ нихъ могъ совершать подвигъ свой въ безмолвіи, гдѣ чувства не находили себѣ помощи, для содѣйствія нашему противоборнику, въ встрѣчѣ съ чѣмъ-либо вреднымъ. Лучше намъ встрѣтить смерть въ подвигѣ, нежели жить въ наденіи.

С Л О В О 51.

О томъ, посредствомъ чего можно челоуѣку съ измѣненіемъ вѣншняго образа жизни пріобрѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ.

—

Пока челоуѣкъ пребываетъ въ нестяжательности, непрестанно приходитъ ему на мысль преселеніе изъ жизни; и прилагаетъ онъ всегда попеченіе свое о жизни по воскресеніи, во всякое время промышляетъ о всякомъ тамъ уготованіи, и пріобрѣтаетъ терпѣніе, бѣгаетъ всякой чести и тѣлеснаго покоя, посвящаемаго въ помысль его; и помысль о пренебреженіи міра ежесчасно животренещеть въ умъ его; и благодушень онъ въ умъ своемъ, и пріобрѣтаетъ во всякое время крѣпкое сердце, чтобы встрѣтить всякую опасность и всякій страхъ, причиняющій смерть; даже не боится и смерти, потому что ежечасно устремляетъ на нее взоръ, какъ на нѣчто приближающееся, и ожидаетъ ся, попеченіе же его съ несомнѣннымъ вполне упованіемъ возвергнуто на Бога. И если встрѣтятся ему скорби, то онъ, какъ бы увѣренъ и точно знаетъ, что скорби доставятъ ему вѣнецъ; и терпитъ ихъ со всякою радостію, принимаетъ ихъ съ веселіемъ и радованіемъ. Ибо знаетъ, что самъ Богъ по причинамъ полезнымъ предназначаетъ ему опын въ Своемъ неавномъ для насъ домоустройствѣ.

Если же случится ему, по дѣйствию и ухищренію онаго мудреца на всякое зло, по какой-либо причинѣ пріобрѣсти что-либо преходящее; то въ сей-

же самый часъ въ душѣ его начинаетъ пробуждаться любовь къ тѣлу; помышляетъ онъ о долгой жизни; ежечасно въ немъ возникаютъ и приходятъ въ силу помыслы о плотскомъ покоѣ, превозмогаетъ надъ нимъ тѣлесное, и изыскиваетъ самъ въ себѣ, не возможно ли ему, какъ бы то ни было, имѣть у себя все, что составляетъ для него этотъ покой, и выходить онъ изъ этой свободы неподчиненія помысламъ страха, а оттого при всякомъ случаѣ останавливается на мысляхъ, приводящихъ въ боязнь, и придумываетъ причины къ страху; потому что отпята у него эта твердость сердца, какую приобрѣлъ онъ, когда въ своей нестяжательности былъ выше міра, и какою обогащался въ душѣ своей, какъ наслаждикъ міра, но жръв того, что приобрѣталъ онъ. Подвергается же онъ страху по закону и домо-строительству, определенному Богомъ. На служеніе чему уготованы бываютъ члены наши, тому и порабощаемся и, по слову Апостола, повинны бываемъ работать со великимъ страхомъ (Евр. 2, 15.).

Прежде всѣхъ страстей самолюбіе; прежде всѣхъ добродѣтелей пренебреженіе покоемъ. Кто тѣло свое предаетъ покою; тотъ въ страхъ міра причиняетъ ему скорбь. Кто наслаждается въ юности своей; тотъ дѣлается рабомъ въ старости, и воздыхаетъ въ послѣдніе дни свои. Какъ тому, у кого голова въ водѣ, невозможно вдыхать въ себя тонкаго воздуха, разрывающагося въ этомъ пустомъ педрѣ (б); такъ

(б) По сербскому переводу: *наддливаемаго въ педръ повѣмъ се имъ*; откуда видно, что вмѣсто *тѣ жѣ* сербс. переводчикъ читалъ: *тѣ жѣ*

и тому, кто погружаетъ мысль свою въ здвншія за-
боты, невозможно вдыхать въ себя ощущеній онаго
поваго міра. Какъ воля смерти разстроиваетъ тѣлес-
ный составъ; такъ и непрстойное зрѣніще—миръ
ума. Какъ невозможно, чтобы въ одномъ тѣлѣ были
здравіе и болѣзнь, и одно не разстроивалось дру-
гимъ; такъ невозможно, чтобы въ одномъ домѣ были
множество денегъ и любовь, и одно не вредило дру-
тому. Какъ стекло не можетъ оставаться нѣлымъ при
столкновеніи съ находящимся по близости камнемъ;
такъ и свитый, когда бываетъ вмѣстѣ, падлою
остается и бесѣдуетъ съ женою, не можетъ пре-
быть въ чистотѣ своей и не оскверниться. Какъ съ
корнемъ вырываются деревья сильнымъ и постоян-
нымъ пригокомъ воды; такъ искореняется и любовь
къ міру въ сердце пригокомъ искушеній, устрем-
ленныхъ на тѣло.

Какъ лекарства истребляютъ нечистоту худыхъ
соковъ въ тѣлѣ; такъ и жестокость скорбей очи-
щаетъ сердце отъ лукавыхъ страстей. Какъ мерт-
вецъ не можетъ издавать запаха ощущаемаго отъ
живыхъ; такъ и душа шюка, погребеннаго въ без-
мовіе, какъ въ гробъ, лишена того вѣянія, какое
обыкновенно, наподобіе дыма, появляется при ощу-
щеніи чего бы то ни было, находящагося въ упо-
требленіи у людей. Какъ невозможно остаться не-
вреднымъ тому, кто падитъ своего врага на полѣ
битвы; такъ невозможно и подвижнику душу свою
пзбавить отъ погибелн, если падитъ онъ тѣло свое.
Какъ юная дѣва поражается страшными зрѣніщами,
и предаваясь бѣгству, держится за края одежды
своихъ родителей, призывая ихъ на помощь; такъ

и душа, въ какой мѣрѣ утѣшается и сокрушается страхомъ искушеній, сѣвшии приближиться къ Богу, призывая Его въ непрестанной молитвѣ. И пока искушенія продолжаютъ одно за другимъ нападѣть на нее, умножаетъ моленіе; а какъ-скоро получаетъ опять освобожденіе, предается пареио мыслей.

Какъ предаваемы въ руки судьямъ для наказанія за злодѣяніе, если они, какъ-скоро приближаются къ пыткамъ, смиряются, и немедленно сознаются въ неправдѣ своей, наказаніе уменьшается, и вскорѣ по малыхъ скорбяхъ избавляются они отъ суда; если же какіе преступники бываютъ упорны и не сознаются, то подвергають ихъ новымъ пыткамъ и наослѣдокъ, послѣ многихъ истязаній, когда тѣло ихъ покрыто бываетъ ранами, хотя и сознаются они невольно, но не получаютъ отъ того никакой пользы: такъ и мы, когда за прегрѣшенія наши, неосмотрительно нами сдѣланныя, милосердіе предасть насъ въ руки праведнаго всехъ Судии, и повелѣваетъ распростерть насъ подъ жезломъ искушеній, чтобы облегчить тамошнее наказаніе наше, если какъ-скоро приблизится къ намъ жезлъ Судии, смиримся, вспомнимъ свои неправды и принесемъ въ нихъ исповѣданіе карающему насъ, но кратковременныхъ искушеніяхъ вскорѣ избавимся; а если ожесточимся въ скорбяхъ своихъ, и не исповѣдуемъ, что дѣйствительно виновны въ таковыхъ грѣхахъ, и достойны потерѣть еще и большія сихъ скорби, напротивъ того, станемъ обвинять людей, а иногда бѣсовъ, въ иное же время и Божию правду, и утверждать, что мы невиновны въ такихъ дѣлахъ, и это будемъ помышлять и говорить, а не помыслимъ, что Богъ луч-

не насъ самихъ знать и вѣдаетъ насъ , что суды Его по всей землѣ, и безъ Его повелѣнія не наказывається человекъ,—то все случающееся съ нами будетъ причинять намъ непресташую печаль, скорби наши увеличатся, и одна послѣ другой будутъ онѣ, подобно веревкѣ , связывать насъ, пока не познаемъ себя, не смиримся, и не почувствуемъ беззаконій своихъ (ибо не почувствовавъ ихъ, невозможно намъ дойти до исправленія); и напоследокъ, обремененные множествомъ скорбей, безъ пользы для себя будемъ приносить исповѣданіе, когда, обыкновенно, уже не бываетъ утѣшенія. Но сіе — почувствовать грѣхи свои—естъ дарованіе, которое подается намъ Богомъ , когда Богъ видитъ, что утомлены мы многообразными искушеніями ; и тогда входитъ намъ на мысль, чтобы, при всѣхъ несчастіяхъ и скорбяхъ нашихъ, не отойти намъ изъ міра сего, не получивъ для себя никакой пользы. И то, что не уразумѣваемъ грѣховъ своихъ , бываетъ не по трудности , но по невѣдѣнію. Перѣдко шме , находясь въ подобныхъ сему обстоятельствахъ, отходятъ изъ міра сего виновными и не исповѣдавшимися въ своихъ грѣхахъ, но отрицающимися отъ нихъ, и обвиняющими другихъ ; милосердый же Богъ того ожидалъ, чтобы простить ихъ и сдѣлать имъ облегченіе , если бы только смирились ; и не только сдѣлалъ бы облегченіе ихъ искушеній, но простилъ бы имъ и прегрѣшенія , умилостивившись и малымъ сердечнымъ исповѣданіемъ.

Какъ шой, пришеся великій даръ царю, награждается отъ него ласковымъ взоромъ ; такъ и тому, кто имѣеть въ молитвѣ своей слезы , великій Царь въ-

ковъ, Богъ, прощаетъ всякую мѣру грѣхопаденій, и награждаетъ его благовольтельнымъ взоромъ. Какъ овна, выходя изъ ограды и скитаясь по пастбищу, останавливается у логовища волковъ; такъ и монахъ, отлучающійся отъ собранія друзей своихъ, подъ предлогомъ пребыванія на безмолвіи, встрѣчаетъ постоянно зрѣлища, уходитъ отъ нихъ, и приближается къ шмъ и проходитъ въ городахъ по позорницамъ.

Какъ человекъ, который на раменахъ своихъ несетъ многоцѣнную жемчужину, и идетъ путемъ, на которомъ есть разбойники, и о которомъ поется худая молва, ежечасно бываетъ въ страхъ, чтобы не подвергнуться нападенію; такъ и тотъ, кто несетъ бисеръ цѣломудрія и шествуетъ въ мѣръ, на этомъ вражескомъ пути, не имѣетъ надежды избавиться отъ разбойниковъ, пока не придетъ въ обитель гроба, то-есть, въ страну упованія. И можетъ ли не страшиться тотъ, кто несетъ съ собою драгоценную жемчужину? Такъ и этотъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ, откуда и въ какой часъ подсматриваютъ за нимъ, и лишастъ его внезапно надежды его, и въ дверяхъ дома своего, то-есть, во время старости своей, будетъ онъ ограбленъ.

Какъ человекъ, который пьетъ вино въ день плача, уиившись, забываетъ всякую печаль о своемъ трудномъ положеніи; такъ и упоенный любовію Божіею, въ семъ мѣръ, то-есть, въ домъ рыданія, забываетъ все свои труды и печали, и по причинѣ своего упоенія дѣлается безчувственнымъ ко всемъ грѣховнымъ страстямъ. Сердце его подкрѣпляется надеждою на Бога; душа его легка, какъ пернатая птица; умъ его ежечасно возносится отъ земли, превъше всего

человѣческаго паритъ своими помыслами, и наслаждается безсмертіемъ у Всевышняго. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 52.

О мощномъ бдѣніи и о различныхъ способахъ его дѣланія.

—

Когда пожелаешь стать на служеніе бдѣнія; тогда, при содѣйствіи Божіемъ, поступи, какъ скажу тебѣ. Преклони по обычаю колѣна твои, и встань; и не тотчасъ начинай службу твою, но когда помолитесь сперва и совершишь молитву и запечатлѣешь сердце свое и члены свои животворящимъ знаменіемъ креста, стой нѣсколько времени молча, пока успокоятся чувства твои и утихнутъ помыслы твои. Посль сего возведи внутренній взоръ свой ко Господу, и съ печалію умолай Его укрѣпить помощь твою, чтобы стихословіе твое и мысли сердца твоего содѣлались благоугодными святой Его воли. И безмолвно молись въ сердце своемъ, говоря такъ:

Ты, Господи Іисусе, Боже мой, призирющій на тварь Свою, Ты, Которому явны страсти мои, и помощь естества нашего, и сила сущности нашего, Ты самъ укрой меня отъ злобы его; потому-что сила его могущественна, а естество наше бѣдственно, и сила наша немощна. Посему, Ты, благодѣй, Который знаешь немощь нашу, и поспеши на Себѣ трудности нашего безспія, сохрани меня отъ мятежа помысловъ и отъ потока страстей, и содѣлай меня достойнымъ сей святой службы, чтобы мнѣ стра-

стями своими не растлить ся сладости и не оказаться предъ Тобою безстыднымъ и дерзкимъ.

Должно же намъ со всюю свободою вести себя во время службы нашей безъ всякой дѣтской и смущенной мысли. А если увидимъ, что времени немного, и до окончанія службы достигнетъ насъ утро, то по доброй воли съ ведѣніемъ оставимъ нѣзъ обычнаго правила одну или двѣ славы, чтобы не было мѣста смятенію, отъ чего утратился бы вкусъ къ службѣ нашей, и не въ должномъ порядкѣ стали бы мы читать псалмы перваго часа.

Если, когда отправляешь службу, помысль заговоритъ въ тебѣ и станетъ тебѣ нашептывать: «поспѣши нѣсколько, ибо дѣло у тебя умножается; скорѣе освободись»; ты не приобщайся къ сему помыслу. А если слыше будетъ беспокоить тебя этимъ, то воротись тотчасъ назадъ на одну славу, или на сколько хочешь, и каждый стихъ, заключающій въ себѣ видъ молитвы съ размышленіемъ повторяй многократно. И если опять будетъ смущать и стѣснять тебя помысль, оставь стихословіе, и скажи: «желаю не слова вычислать, но обителсей достигнуть; ибо всякою стезею, какою ни поведешь меня, пойду скоро». Оный народъ, сливній тельца въ пустынь, сорокъ лѣтъ ходилъ по ней, переходя горы и холмы, восходя на нихъ и нисходя съ нихъ, а землю обѣтованія не видѣлъ даже издалека.

Если же, когда пребываешь во бдѣніи, продолжительное стояніе одолеваетъ тебя своею долговременностію, и изнеможешь отъ безсилія, и скажетъ тебѣ помысль, върнѣ же сказать, злохитренный проговоритъ въ помысль, какъ въ змѣй: «окончи; потому

что не можешь стоять»; то отвѣчай ему: «вѣтъ; по посылку одну каѳизму; это лучше сна. И если языкъ мой молчитъ и не выговариваетъ псалма, умъ же поучается съ Богомъ въ молитвѣ и въ собесѣдованіи съ Нимъ; то бодрствованіе полезнѣе всякаго сна». Ни стояніе, ни стихословіе однихъ псалмовъ не есть всецѣлое бдѣніе. Напротивъ того, нѣкій всю ночь проводитъ во псалмахъ, другой въ покаяніи, молитвахъ умленныхъ и земныхъ поклонахъ, а нѣкій въ слезахъ и рыданіи о своихъ грѣхонадѣніяхъ. Объ одномъ изъ нашихъ Отцевъ говорятъ, что сорокъ лѣтъ молитву его составляла одна рѣчь: «согрѣшилъ я, какъ человекъ; Ты прости, какъ Богъ». И Отцы слышали, какъ онъ съ печалію твердилъ этотъ стихъ, а между-тѣмъ плакалъ и не умолкалъ; и сія одна молитва замѣняла у него службу днемъ и ночью. И еще, нѣкій малую часть вечера стихословитъ, остатокъ же ночи проводитъ въ иѣнѣи тропарей, а другой въ славословіи и чтеніи. Нѣкто же поставилъ себѣ правиломъ не преклонять колѣнъ, подобно тому, на кого напалъ блудный помысль. Богу же нашему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 53.

О томъ, какую честь приобретаетъ смиренномудріе,
и какъ высока степень его?

Хочу отверсть уста мои, братія, и говорить о высокомъ предметѣ, о смиренномудріи; но исполняюсь страхомъ, какъ и тотъ, кто знаетъ, что ца-

мѣрвается разсуждать о Богѣ по своимъ помысламъ. Смиреномудріе есть риза Божества. Въ него облеклось вочеловѣчившееся Слово, и чрезъ него бесѣдовало съ нами въ тѣлѣ нашемъ. И всякій, облеченный въ оное, истинно уподобился Нисшедшему съ высоты Своей, сокрывшему доблесть величія Своего и славу Свою прикрывшему смиреномудріемъ, чтобы тварь не была попадена воззрѣніемъ на Него. Ибо тварь не могла бы взирать на Него, если бы не воспріямъ Онъ части отъ нея, и такимъ образомъ сталъ бесѣдовать съ нею. Не могла бы услышать словесъ изъ устъ Его лицемъ къ лицу; потому что и сыны израилевы не могли слышать гласа Его, когда глагола къ нимъ изъ облака, и сказали Моисею: съ тобою пусть глаголетъ Богъ, и ты возвѣсти намъ словеса Его, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ (Исх. 20, 19.).

Посему, какъ тварь могла открыто пріять лицезрѣніе Его? Видѣніе Божіе такъ странно, что и Ходатай сказалъ: *пристрашенъ есмь и трепетенъ* (Евр. 12, 31.); потому что на горѣ синайской явилась самая доблесть славы; гора дымилась и колебалась отъ страха бывшаго на ней откровенія; почему и звери, приближавшіеся къ долинамъ частямъ горы, умирали; а сыны израилевы, очистивъ себя, по повелѣнію Моисееву, три дня уготовлялись и снаряжались, чтобы содѣлаться достойными слышать гласъ Божій и видѣть Божіе откровеніе; но, когда наступило время, не могли пріять видѣнія свѣта Его и крепости гласа громовъ Его.

Иныя же, когда въ пришествіе Свое изліялъ бла-

годать Свою на міръ, не въ трусѣ, не во огнь, не въ гласъ страшномъ и крѣпкомъ спсешель Онъ, но какъ дождь на руно, и какъ капля, тихо каплющая на землю, и видимъ были, шимъ способомъ бесѣдуя съ нами, то-есть, когда, какбы въ сокровищницѣ, утаилъ величіе Своё подъ завѣсою плоти, и среди насъ бесѣдовалъ съ нами въ томъ, что маговіемъ Своимъ соорудилъ Себѣ въ лонѣ Дѣвы и Богородицы Маріи, чтобы мы, видя, что Онъ есть единый изъ нашего рода, и съ нами бесѣдуетъ, не ужасались при воззрѣніи на Него.

Поэтому всякій, кто одѣнъ въ ризу, въ которой видимъ были въ томъ тѣлѣ, въ какое облекся, Творецъ, тотъ облекся въ самого Христа; потому что въ то подобіе, въ какомъ видимъ были твари Своей, и пожилъ съ нею Христосъ, и онъ пожелалъ облечься по внутреннему своему чловѣку, и въ этомъ подобіи видимъ подобнымъ ему рабамъ, и вмѣсто одѣянія чести и вѣншей славы сими украсился. Посему тварь, словесная и безсловесная, взирая на всякаго чловѣка, облеченнаго въ сіе подобіе, покланяется ему, какъ владыкѣ, въ честь Владыки своего, Котораго видѣла облеченнымъ въ это же подобіе и въ немъ пожившимъ. Но какая тварь не будетъ съ уваженіемъ взирать на смиренномудраго? Впрочемъ, пока слава смиренномудрія не была всемію открыта, пренебрегаемо было это исполненное святости зрѣлище. Нынѣ же возсіяло величіе его предъ очами міра, и всякій чловѣкъ чтить подобіе сіе, видимое на всякомъ мѣстѣ. Въ семъ посредствѣ сподобилась тварь пріять видѣніе Творца и Знателя своего. Поэтому, не пренебре-

гается оно и врагами истины. Хотя приобрѣтшій оное скуднѣе всякой твари; однакожь, какъ вънцемъ и порфирною, украшается имъ обучившійся ему.

Человѣкъ никогда не преслѣдуетъ ненавистно, не уязвляетъ словомъ, смиренномудраго, и не пренебрегаетъ имъ. Поеліку любитъ его Владыка его; то всѣми любимъ онъ. И онъ всѣхъ любитъ, и его всѣ любятъ. Всѣ вождельвуютъ его, и на всякомъ мѣстѣ, куда ни приближается, взираютъ на него, какъ на ангела свѣта, и воздаютъ ему честь. Если и начнутъ рѣчь мудрый или наставникъ; то они умолкнутъ, потому что право говорить уступаютъ смиренномудрому. Очи всѣхъ устремлены на его уста, въ ожиданіи, какое слово изыдетъ изъ нихъ. И всякій человѣкъ ожидаетъ словесъ его, какъ словесъ Божіихъ. Его краткое слово то же, что изреченія мудрецовъ, истолковывающія умопредставленія ихъ. Слова его сладостны слуху мудрыхъ болѣе, нежели сотъ и медъ гортани. Приговоръ его для всѣхъ, какъ Божій; хотя онъ и неучень въ словѣ своемъ, уничиженъ и малозначуиъ по виду своему.

Кто презрительно говоритъ о смиренномудромъ, и не признаетъ его живымъ человѣкомъ, тотъ какъ бы на Бога отверзаетъ уста свои. Но между-тѣмъ, какъ въ очахъ его пренебрегается смиренный, у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиренномудрый къ губительнымъ звѣрямъ? Едва только обрагять взоръ свой на него, укрощается свирѣность ихъ: они подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, поиікаютъ своими глава-

ми, лизуть руки и ноги его; потому что ощутили отъ него ту волю, которая исходила отъ Адама до его преступленія, когда звѣри собраны были къ Адаму, и нарекаль онъ имъ имена въ раю. Это отъиито было у насъ; но обновилъ и даровалъ намъ сіе пакы прішествіемъ Своимъ Іисусъ. Слмъ-то и помазано благоуханіе человѣческаго рода. Приближается ли также смиренномудрый къ смертоноснымъ гадамъ? Едва только приблизится онущеніе руки его, и коснется ихъ тѣла, прекращается ѣдкость и жестокость смертоносной ихъ горечи, и своими руками давить ихъ, какъ саранчу. Приближается ли онъ къ людямъ? И внимають ему, какъ Господу. И что говорю о людяхъ? Даже демоны, при всей наглости и досадѣ своей, при всей высокоувѣренности своего мудрованія, когда приходятъ къ нему, дѣлаются, какъ прахъ; вся злоба ихъ теряетъ силу, разрушаются козни ихъ, бездѣйственными остаются злоухищренія ихъ.

Теперь, поелнку показали мы величіе чести смиренію отъ Бога и сокрытую въ немъ силу, то покажемъ уже, что такое смиреніе, и когда человекъ удостоивается пріять оно въ томъ совершенствѣ, каково оно есть. Судьаемъ также различіе между смиренномудрымъ по-видимости и между сподобившимся истиннаго смиренномудрія.

Смиреніе есть такая таинственная сила, которую, по совершеніи всего житія, воспріемлють совершенные святые. Сила сія не иначе какъ только однимъ совершеннымъ въ добродѣтели дается сполою благодати, поелнку, въ должной мѣрѣ, способны къ сему по природѣ: потому что добродѣ-

тель сія заключаетъ въ себѣ все. Поэтому не всякаго чловѣка, кто бы онъ ни былъ, можетъ кто-либо почитать смиренномудрымъ, но однихъ сподобившихся сего сказаннаго нами чина.

Не всякій, кто скромнѣе и безмолвенъ, или благоразумнѣе, или кротокъ по природѣ, достигъ уже степеней смиренномудрія. Напротивъ того, истинно смиренномудръ, кто имѣетъ въ сокровенности нѣчто достойное гордости, но не гордится, и въ помыслѣ своемъ вмѣняетъ это въ прахъ. Да и того, кто смиренномудрствуетъ при воспоминаніи грѣхопаденій и проступковъ и помнитъ оныя, пока не сокрушится сердце его, и умъ его, при воспоминаніи о нихъ, не сойдетъ съ высоты горделивыхъ мыслей, не назовемъ смиренномудрымъ, хотя и сіе похвально, потому что сестъ еще въ немъ горделивый помыслъ, и не приобрѣлъ онъ смиренія, а ухищренно приближаетъ его къ себѣ. И хотя, какъ сказалъ я, и сіе похвально; однакоже смиреніе еще не принадлежитъ ему; желаетъ онъ только смиренія, но смиренія нѣтъ у него. Совершенно смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ пужды мудрованіемъ своимъ изобрѣтать причины къ смиренномудрію, но во всемъ этомъ совершенно и естественно приобрѣлъ смиреніе безъ труда, какъ чловѣкъ, который пріялъ въ себя нѣкое дарованіе великое и превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на чловѣка ничего не значащаго, и презрѣннаго въ собственныхъ своихъ глазахъ; и между-тѣмъ какъ вошелъ въ тайны всехъ духовныхъ существъ и во всей точности совершенъ сталъ въ мудрости всей твари, самъ

себя признаеть ничего не значащимъ. И этотъ, не ухищренно, но безъ принужденія таковъ въ сердце своемъ.

Возможно ли челоуьку, или невозможно, содѣлаться такимъ, и по природѣ такъ измѣнить себя?

Не сомнѣвайся, наконецъ, что пріятая челоуькомъ сила таинствъ совершаетъ въ немъ это, во всякой добродѣтели, безъ его трудовъ. Это есть сила, которую пріяли блаженные Апостолы въ видѣ огненномъ. Для нея-то заповѣдалъ путь Спаситель *отъ Иерусалима не отлучатися*, пока не пріимуть силы свыше (Дѣян. 1, 4.). Иерусалимъ сей есть добродѣтель, сила—смиреніе, а сила свыше—Утѣшитель, иначе толкуемый, Духъ утѣшенія. Сіе-то и значитъ сказанное о немъ въ божественномъ Писаніи, что тайны открываются смиренномудрымъ. Сего же Духа откровеній, показующаго тайны, сподобляются пріимать внутрь себя смиренномудрые. Посему-то и сказано нѣкоторыми святыми, что смиреніе усовершенствуетъ душу Божественными созерцаціями.

Да не осмѣнится, наконецъ, челоуькъ помыслить въ душѣ своей, что самъ собою пришелъ онъ въ мѣру смиренномудрїя; и ради одного помысла умиленія, возникшаго въ немъ въ нѣкоторое время, или при малыхъ слезахъ истекшихъ у него, или за одно какое-либо доброе дѣло, которое имѣеть онъ по естеству, или которымъ овладѣлъ съ усиленіемъ, и все то, что составляетъ полноту всѣхъ таинствъ, что служить храмищемъ всѣхъ добродѣтелей, все это, говорю, вмѣстѣ съ симъ дарованіемъ пріобрѣтъ малыми дѣлами. Напротивъ того,

если человекъ побѣдилъ всѣхъ сопротивныхъ духовъ, и изъ дѣлъ всякой добродѣтели не остался ни одного, котораго бы не совершилъ явно и не приобрѣлъ; если побѣдилъ и покорилъ всѣ твердыни сопротивниковъ, и послѣ этого ощутилъ въ себѣ духомъ, что пріямъ сіе дарованіе, когда, по слову Апостола, *Духъ послушествуетъ духови его* (Рим. 8, 16.);—то сіе есть совершенство смиренномудрія. Блаженъ, кто приобрѣлъ его; потому что ежечасно лобызаетъ и объемлетъ онъ Иисусово лоно.

Если же спроситъ человекъ: «Что мнѣ дѣлать? Какъ приобрести? Какими способомъ содѣлаться достойнымъ пріять смиреніе? Вотъ принуждаю самъ себя, и какъ-скоро подумаю, что приобрѣлъ оное, вижу, что вотъ противныя ему мысли обращаются въ мосьмъ умъ, и отъ того впадаю теперь въ отчаяніе».

Сему вопрошающему такой данъ будетъ отвѣтъ: *довлѣтъ ученику содѣлаться подобнымъ Учителю своему, рабу—подобнымъ господину своему* (Мат. 10, 25.). Смотри, какъ приобрѣлъ смиреніе Тотъ, Кто заповѣдалъ оное и даруетъ сіе дарованіе, и подражай, и обрѣтешь его. Онъ сказалъ: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не обрѣтетъ ничего* (Іоан. 14, 30.). Видишь ли, какъ при совершенствѣ всѣхъ добродѣтелей приобрести смиреніе! Поревнуй сему Давшему заповѣдь. Онъ говоритъ: *лисы язвыны имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклати* (Матѣ. 8, 20.). Говоритъ же сіе Тотъ,

Кто отъ всѣхъ, во всякомъ родѣ совершенныхъ, освященныхъ и достигшихъ полноты, имѣетъ славу, вмѣстѣ со Отцемъ, Его посланнимъ, и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 54.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Хорошо ли удаляться отъ всего, что раздражаетъ страсти? И такое бѣгство, когда душа избѣгаетъ браней и избираетъ себѣ покой, побѣдою ли признается, или поражениемъ души?

Отвѣтъ. Отвѣтимъ на это коротко. Инокъ всячески должно избѣгать всего, что раздражаетъ въ немъ лукавыя страсти, особенно отсѣкать въ себѣ причины страстей и то, чѣмъ приводятся въ дѣйствіе, и отъ чего возрастаютъ, хотя бы то самыя малыя страсти. Если же будетъ время противостать страстямъ и бороться съ ними, когда ставятся намъ съти въ духовномъ созерцаніи; то сдѣлаемъ это не шутя, но искусно. И человѣку должно всегда отвращать мысль свою отъ страстей къ естественному добру, какое Создателемъ вложено въ природу, хотя діаволь превратно употребилъ самую истину въ лукавое искушеніе. И если прилично такъ сказать, то ему должно бѣгать не только отъ докучливости страстей, но и отъ чувствъ своихъ,

и погружаться во внутренняго своего чловѣка, и тамъ уединенно пребывать, непрестанно воздѣлывая виноградникъ сердца своего, пока не приведетъ дѣль въ согласіе съ монашескимъ именемъ, нареченнымъ ему, въ сокровенности его и явно. И можетъ быть, что спуть пребываніемъ близъ внутренняго чловѣка прійдетъ въ совершенное соединеніе съ вѣднѣемъ нашей надежды, живущаго въ насъ Христа. Ибо, когда умъ нашъ пребываетъ тамъ уединенно и отшельнически, тогда не онъ уже ведетъ брань со страстями, но благодать; развѣ только и самыя страсти не приходятъ въ немъ въ дѣйствіе.

Вопросъ. Если чловѣкъ, что дѣлаеть ради душевной чистоты, а другіе, не понимая, соблазняются его духовнымъ житіемъ; то должно ли ему удалиться божественнаго своего житія по причинѣ соблазна, или дѣлать, что полезно для его намѣренія, хотя то и вредно взирающимъ на него?

Отвѣтъ. Скажемъ и о семъ, что, если законно, какъ принялъ отъ бывшихъ прежде него Отцевъ, дѣлаеть онъ, что бы то ни было, служащее къ очищенію ума его, и предположивъ въ себѣ эту цель,—достигнуть чистоты, а другіе, незнающіе, соблазняются его намѣреніемъ; то въ отвѣтственности не онъ, а соблазняющіеся. Не для того онъ воздерживается, или постится, или живетъ въ строгомъ затворничествѣ, и дѣлаеть, что полезно для его цели, чтобы другіе соблазнялись, но для того, чтобы очистишь умъ свой. А соблазняющіеся порицають его по незнанію цели житія его, и дѣйствительно подлежатъ отвѣтственности за то, что,

пребывая въ перадвѣнн, неспособны были уразумѣть ту духовную цѣль, какую предположили они себѣ, то-есть, чистоту своей души. О нихъ Божественный Павелъ написалъ, говоря: *слово крестное погибающимъ убо юродство есть* (1 Кор. 1, 18.). Что же теперь? Поелику слово крестное силой, неощутившими силы слова, вышено было въ юродство; то Павлу должно ли было молчать, а не проповѣдывать? Но вотъ и донынѣ ученіе крестное служитъ преткновеніемъ и соблазномъ для іудеевъ и для еллиновъ; поэтому и намъ молчать объ истинѣ, чтобы они не соблазнялись? Но Павелъ не только не молчалъ, но даже громко взывалъ, говоря: *мнѣ да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14.). Сія хвала о крестѣ высказана святымъ не для того, чтобы другихъ соблазнить, но потому что велика проповѣдуемая сила Креста. Посему и ты, святой, совершай житіе свое сообразно съ тою цѣлю, какую предположили себѣ предъ Богомъ, въ чемъ не осуждается совѣсть твоя, и житіе свое испытывай по божественнымъ Исканіямъ и по тѣмъ заповѣдямъ, какія принялъ ты отъ святыхъ Отцевъ. И если не будешь обвиняемъ ими; то не бойся того, чѣмъ соблазнишься другіе. Пбо иногда человекъ не можетъ всѣхъ равно удостоверить, или всѣмъ угодить, и въ сокровенности своей трудится для Бога.

Блаженъ тотъ монахъ, о блаженный, который дѣйствительно стремится къ чистотѣ души своей всею силою своею, и тѣмъ законнымъ путемъ, какими именовали къ чистотѣ отцы наши, по тѣмъ

степенямъ ся, по какимъ они восходили чинно и постепенно, и онъ возвысится до приближенія къ ней въ премудрости и терпѣннѣ скорби, а не по ухищреннѣмъ степенямъ чуждымъ.

Чистота души есть первоначальное дарованіе естества нашего. Безъ чистоты отъ страстей душа не врачуется отъ грѣховныхъ недуговъ, и не приобряетъ славы, утраченной преступленіемъ. Если же кто сподобился очищенія, т. е. душевнаго здравія : то умъ его дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ прие-млетъ въ себя радость духовнымъ чувствомъ ; ибо дѣлается онъ сыномъ Божиимъ и братомъ Христовымъ, и не имѣетъ времени ощущать встречающеся съ нимъ доброе и худое.

Да дасть намъ Богъ познать волю Его, чтобы всегда ее исполняя, приидти намъ въ вѣчный Его покой, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаютъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и во вѣки безпредѣльныхъ вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 55.

ПОСЛАНИЕ

КЪ ПРЕПОДОБНОМУ ОЦУ СИМЕОНУ ЧУДОТВОРЦУ .

Посланіе твое , святыи , не просто начертанныи слова ; напротивъ того въ немъ , какъ въ зеркаль , изобразилъ и показалъ ты любовь свою ко мнѣ . И

какъ представлялъ ты меня себѣ, такъ и написалъ, и самымъ дѣломъ показалъ, что любишь меня чрезмерно; а потому, отъ сильной любви позабылъ и мѣру мнѣ. Ибо что я долженъ былъ написать твоему преподобію, и о чемъ мнѣ, если бы у меня было почеченіе о своемъ спасеніи, надлежало у тебя спрашивать, и дознать отъ тебя самую истину, о томъ предупредилъ ты написать мнѣ, по великой любви; а можетъ быть, сдѣлалъ это и по ухищренію любобудрія, чтобы тонкими и духовными, вопросами, предложивъ мнѣ оныя, пробудить душу мою отъ перадыня, въ какое глубоко была она погружена. Впрочемъ и я, по этой любви, по которой забылъ ты мѣру мнѣ, забываю свою скудость; а потому, обращаю вниманіе не на то, къ чему могу быть способенъ, но что можетъ сдѣлать твоя молитва. Ибо, когда я забуду мѣру себѣ, а ты молитвами своими упросишь Бога, чтобы совершилось прошеніе твое, тогда, безъ сомнѣнія, чего просилъ ты въ молитвѣ, даю это будетъ отъ Бога тебѣ, какъ искреннему Его служителю.

Итакъ первый вопросъ въ посланіи слѣдующій :

Вопросъ. Должно ли сохранять все заповѣди Господни, и есть ли способъ спастися несохраняющему ихъ ?

Отвѣтъ. И объ этомъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ нужды кому-либо и спрашивать. Ибо, хотя заповѣдей и много, однакоже необходимо сохранять ихъ. Въ противномъ случаѣ, Спасителю не нужно было бы и давать ихъ. Потому что Владыка, какъ думаю, ничего не сказалъ и не сдѣлалъ излишняго, на что

не было бы причины, и въ чемъ не имѣлось бы нужды. И цѣлю пришествія Его, когда далъ намъ животворящія заповѣди Свои, какъ очистительныя врачевства въ нашемъ страстномъ состояніи, было то, чтобы очистить душу отъ поврежденія, произведеннаго первымъ преступленіемъ и возстановить ее въ первобытное ея состояніе. Чгò врачевства для больнаго тѣла, тò заповѣди для страстной души. И явно, что заповѣди постановлены вопреки страстямъ, для уврачеванія преступной души, какъ ясно говоритъ Господь ученикамъ Своимъ : *имѣй заповѣди Моя, и соблюдай ихъ, той есть любви Мя; а любви Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ : и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. И къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23.). И еще: *о семъ разумѣть мѣръ, яко Мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 35.). Ясно же, что любовь можетъ быть приобретена при душевномъ здравіи; а душа, несохранившая заповѣдей, не есть здравая.

Храненіе заповѣдей еще ниже духовной любви. И поелику много такихъ, которые хранятъ заповѣди изъ страха, или ради награды въ будущемъ, а не по любви; то Господь многимъ убѣждаетъ къ храненію заповѣдей по любви, чтобы ни сообщался душе свѣтъ. И еще: *да видятъ люди ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Мф. 5, 16.). Но въ душе не могутъ быть видны добрая дѣла, какимъ научилъ Господь, если не будутъ сохранены заповѣди. И Господь же сказать, что заповѣди не тяжелы для любящихъ истину : *нбо говоритъ: придите вси труждающіися и*

обремененнѣи, и *Азъ упокою вы.* *Иго бо Мое благо,* и *бремя Мое легко есть* (Мѡ. 11, 28. 30.). Самъ Онъ заповѣдалъ и то, что всѣ заповѣди должны быть сохраняемы нами рачительно, когда говоритъ: кто *разоряетъ одну заповѣдей сихъ малыхъ,* и *учитъ тому человеки,* тотъ *мнѣ наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19.). Послѣ всего этого, узаконеннаго къ спасенію нашему, не могу сказать, что не должно сохранятьъ всѣхъ заповѣдей. Да и самая душа не въ состояніи будетъ содѣлаться чистою, если не будетъ хранить ихъ. Заповѣди даны Господомъ, какъ врачевства, чтобы очищать отъ страстей и грѣхонаденій.

Знаешь ты, что поврежденіе привзошло къ намъ отъ преступленія заповѣдей. Изъ сего явствуешь уже, что здравіе возвращается снова нѣкъ храненіемъ. А безъ дѣланія заповѣдей, пока прежде всего не пойдемъ инымъ путемъ, ведущимъ къ душевной чистотѣ, не должно намъ и желать и надѣяться душевнаго очищенія. И не говори, что Богъ и безъ дѣланія заповѣдей можетъ, по благодати, даровать намъ душевное очищеніе. Это Господни суды, и Церковь не повелеваетъ намъ просить чего-либо таковаго. Иудеи, во время возвращенія своего изъ Вавилона въ Иерусалимъ, шествовали путемъ естественно проложеннымъ, и такимъ образомъ пришли во святыи градъ свой, и узрѣли чудеса Господни. Но Іезекиль сверхъ-естественно, по дѣйству откровенія былъ восхищенъ и прибылъ въ Иерусалимъ, и въ Божественномъ откровеніи содѣлался зрителемъ будущаго обновленія. Подобное сему бываетъ и въ разсужденіи душевной чистоты. Иные путемъ про-

топтаннымъ и законнымъ, чрезъ храненіе заповѣдей въ многотрудномъ житіи, кровію своею приходитъ въ душевную чистоту. А другіе удостоиваются ея и по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить въ молитвѣ чистоты, даруемой намъ по благодати, и отказываться отъ житія, сопровождаемаго въ дѣланіи заповѣдей. Ибо богатому, вопрошившему Господа, какъ *животъ вѣчный наследую* (Лук. 10, 25.), Господь, ясно сказалъ: *сохрани заповѣди*. И когда богатый спросилъ: *какія заповѣди?* Во-первыхъ повелѣлъ ему удерживаться отъ худыхъ дѣлъ, а потомъ напомнилъ о заповѣдяхъ естественныхъ. Когда же домогался узнать еще больше, сказалъ ему: *аще хочещи совершенъ быти; продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и возми крестъ свой, и гряди въ слѣдъ Мене* (Мѡ. 19, 21.). А это значитъ: умри для всего, что имѣешь у себя, потомъ живи во Мнѣ; изъиди изъ ветхаго міра страстей, и потомъ вступи въ новый міръ духа; возьми и совлекись вѣдѣнія человѣческихъ способовъ и ухищреній, и потомъ облекись въ простое вѣдѣніе истины. Ибо Господь, сказавъ: *возьми крестъ свой* (Мѡ. 16, 24.), научилъ тѣмъ человѣка умереть для всего въ мірѣ. И когда умертвилъ онъ въ себѣ ветхаго человѣка, или страсти, тогда сказалъ ему: *гряди въ слѣдъ Мене*. Ветхому человѣку невозможно ходить путемъ Христовымъ, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *яко плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наследуетъ* (1 Кор. 15, 50.); и еще: *сOGLEКНІТЕСЯ ВЕТХАГО ЧЕЛОВѢКА, ТЛЮЩАГО ВЪ ПОХОТЕХЪ, И ТОГДА ВОЗМОЖЕТЕ ОБЛЕЧЬСЯ ВЪ НОВАГО, ПОЗНАНІЕМЪ УПОДОБЛЕНІЯ СОТВОРШЕМУ*

его (Еф. 4, 22. 23.); и еще : мудрованіе перстное вражда на Бога: закону бо Божію не покарется, ниже бо можетъ. Ибо сущи во плоти плотское мудрствуютъ и Богу угодили духовнымъ мудрствованіемъ не могутъ (Рим. 8, 7. 8.). Ты же, святыи, если любишь чистоту сердца и сказанное тобою духовное мудрствованіе, то прильпнись къ Владычимъ заповѣдямъ, какъ сказалъ Владыка нашъ : *аще любиши внити въ животъ, сохрани заповѣди* (Мѡ. 19, 17.) изъ любви къ Давшему ихъ, а не изъ страха, или за воздаяніе награды. Ибо услажденіе, сокрытое въ правдѣ, вкушаемъ не тогда, какъ дѣлаемъ правду, но когда любовь къ правдѣ съѣдаетъ сердце наше; и содѣлываемся грѣшниками не тогда, какъ сдѣлаемъ грѣхъ, но когда не возненавидимъ его, и не раскаемся въ немъ. И не говорю, чтобы кто-либо изъ древнихъ, или изъ людей послѣднихъ вѣщъ, не хранилъ заповѣдей, и достигъ чистоты сердца, сподобился духовнаго созерцаія; напротивъ того, какъ мнѣ кажется, кто не сохранилъ заповѣдей и не шествовалъ по слѣдамъ блаженныхъ Апостоловъ, тотъ недостойнъ именоваться святымъ.

Блаженный Василій и блаженный Григорій, о которыхъ сказалъ ты, что были любителями пустыни, столпами и свѣтомъ Церкви, и восхваляли безмолвіе, пришли въ безмолвіе не тогда, какъ не умирали въ дѣланіи заповѣдей, но жили сперва въ мірѣ, и хранили заповѣди, какія должно было хранить живущимъ въ обществѣ, и потомъ пришли въ душевную чистоту, и сподобились духовнаго созерцаія. Дѣйствительно, я увѣренъ, что, когда жи-

ли они въ городахъ, принимали страшныхъ, посѣщали больныхъ, одѣвали нагихъ, умывали ноги трудящихся, и если кто поимъ ихъ *поприще едино*, или съ нимъ два (Мо. 5, 41.). И когда сохранили заповѣди, потребныя въ жизни общественной, и умъ ихъ началъ ощущать (в) первоначальную непоколебимость, божественныя и таинственныя созерцанія; тогда посѣщали они, и вышли въ пустынное безмолвіе; и съ сего времени пребывали съ внутреннимъ своимъ человѣкомъ; почему, содѣлались умозрителями, и пребыли въ духовномъ созерцаніи, пока не призваны благодатію содѣлаться пастырями Церкви Христовой.

Въ разсужденіи же сказаннаго тобою, что великій Василій иногда хвалилъ жизнь общественую, а иногда отшельничество, замѣчу, что истинно рачительные двумя способами приобрятаютъ себѣ пользу, каждый по мѣрѣ силъ, по тому различію, и по той цѣли, какую предположилъ онъ въ себѣ. Ибо въ сожителствѣ со многими иногда бываетъ польза сильнымъ, а иногда и немощнымъ; а то-же самое бываетъ и въ пустынѣ. Кто достигъ душевнаго здравія, у кого умъ срастворенъ духомъ, и кто умертвилъ себя для житія человѣческаго, тому общежитіе со многими не бываетъ вреднымъ, если трезвится онъ въ дѣлахъ своихъ. И онъ, поеліку призванъ на то Богомъ, пусть не только самъ получаетъ пользу, но пользуется и другихъ именемъ прочихъ Отцевъ. Но и немощному, которому нужно еще

(в) Слово *ощущать* дополнено изъ древн. славян. и сербск. переводовъ.

возрастать, питаясь млекою заповѣдей, полезно также сожителство съ многими, пока не обучится, не образуется, не постраждетъ отъ искушений, не будетъ падать и въ большемъ числѣ случаевъ воставать, и не пріобрѣтетъ душевнаго здравія. Итъ младенца, котораго не питали бы потоками молока, и пнодшъ монахъ, не бывъ воскормленъ млекою заповѣдей, не преуспѣлъ, не препобѣдилъ страстей, и не сподобился чистоты. А подобнымъ образомъ и пустыня, какъ сказали мы, иногда полезна немощнымъ и спасающимъ бѣгствомъ, а иногда и сильнымъ: и первымъ, чтобы въ нихъ къ разжженію и возрастанію страстей не заготовлялось того, что служить имъ пищею; а сильнымъ, когда они окружены питающимъ страсти и срытлн брани лукаваго. Дѣйствительно, какъ сказалъ ты, пустыня усыпляетъ страсти. Но отъ чловѣка требуется не это одно—усыпить свои страсти, а и то, чтобы искоренить ихъ, то-есть, преодолеть ихъ, когда будутъ противъ насъ упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, какъ-скоро встрѣчается причина прійдти имъ въ дѣятельность.

А какъ дознать тебѣ, говоришь ты, что не одна пустыня усыпляетъ страсти? Заметь, что, во время болѣзни и великой немощи, страсти несильно нападаютъ на насъ. И не это только, но даже перѣдко усыпляютъ онѣ одна другую, когда одна другой уступаютъ мѣсто. Ибо страсть тщеславія заставляетъ уступить ей мѣсто блудную страсть, и опять, страсть блудная укрощаетъ страсть честолюбія. Не потому уже только будемъ желать пустыни, что усыпляетъ она страсти, но пожелаемъ, чтобы, при

недостаткъ чувственнаго и въ удавленіи отъ всѣхъ, умудрится намъ въ ней, и чтобы обновился въ насъ внутренний, духовный о Христѣ человекъ, чтобы на всякій часъ быть намъ наблюдателями надъ самими собою, и чтобы умъ нашъ содѣлался бодрственнымъ и охранялъ себя ежечасно, и не похищалось у него памятованіе надежды его.

Сего, кажется мнѣ, достаточно на первый твой вопросъ, если только и въ этомъ настояла нужда. Скажемъ за симъ и о второмъ, а онъ былъ слѣдующій.

Вопросъ. Почему Господь нашъ, для уподобленія нашего величію Отца небеснаго, назначилъ намъ милосердіе, иноки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?

Отвѣтъ. Вотъ на него отвѣтъ. Хорошо, что изъ Евангелія представилъ ты примѣръ и образецъ изслѣдованія объ этомъ великомъ житіи — безмолвіи. Входимъ мы въ споръ о милосердіи, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ иъчно излишнее. Господь для уподобленія нашего Отцу небесному назначилъ намъ милосердіе, потому что милосердыхъ приближаетъ оно къ Богу. И мы иноки чтимъ безмолвіе, не исключая милосердія, а стараюсь, сколько возможно, удалиться отъ попеченія и мятежа, и не тогда, какъ намъ рываемся противостать встрѣчающимся намъ нуждамъ, напрогнвъ того, заботимся о безмолвіи, чтобы пребывать въ богомыслии, которыми всего больше можемъ возвратитъ себя чистоту послѣ смущенія, и приблизиться къ Богу. Если же, когда на извѣстное время будетъ необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно пе-

радьтъ объ оной. Посему, будемъ непрестанно по-
нуждять себя, во всякое время внутренно быть ми-
лосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо такъ
внушаетъ намъ ученіе Господне, и въ этомъ, а не
въ чемъ-либо пустомъ, состоитъ отличіе нашего
безмолвія. И надобно не только сохранять это внут-
реннее наше милосердіе, но, когда призываютъ са-
мыя обстоятельства дѣль и нужда, не вознерадеть
и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно; и въ
особенности, если безмолвники не опредѣлили себя
на совершенное безмолвіе, даже и не встрѣчаться
ни съ кѣмъ, но слѣдуютъ правилу назначающихъ
для себя безмолвіе на одну, или на семь седмиць.
Ибо таковыя, даже въ продолженіе времени, назна-
ченнаго правиломъ, не удерживаютъ себя, до ис-
полненія сего времени, отъ дѣль милосердія къ ближ-
нему; развѣ кто крайне печувствителенъ, жестокъ
и безчеловѣченъ, и держится безмолвія лицемерно
и напоказъ. Знаемъ, что безъ любви къ ближнему
умъ не можетъ просвѣщаться божественною бесѣ-
дою и любовію.

И какой сынъ мудрый монахъ, имѣя у себя нищу
и одѣяніе, и видя ближняго своего алчущимъ и об-
наженнымъ, не отдастъ ему того, что имѣеть, но
сбережетъ что-либо изъ этого? Или еще, кто, видя,
что человекъ единой съ нимъ плоти изнуренъ больз-
ною, бѣдствуетъ отъ изнеможенія, и имѣеть нужду
въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило за-
творя предпочтетъ любви къ ближнему? Когда же
нѣтъ чего-либо подобнаго, будемъ въ умѣ хранить
любовь и милосердіе къ братьямъ. Ибо въ томъ
только случаѣ, когда вещи близко, Богъ требуетъ

отъ насъ, исполнить и показать любовь на самомъ дѣлѣ. Посему явно, что, если ничего у себя не имѣемъ, не дозволяется намъ ввергать себя въ попеченіе и мятежи ради нищихъ; а если что имѣемъ, требуется отъ насъ это. Также, если, по принятому нами роду жизни, удаляемся отъ сожителства съ людьми и отъ участія въ ихъ собраніяхъ, то не надлежитъ намъ оставлять келью свою и мѣсто иноческаго и отшельническаго пребыванія, и предавать себя на то, чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ, и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ. Ибо явно, что въ подобныхъ случаяхъ бываетъ переходъ отъ высшаго къ низшему. Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ, и блнзъ его есть люди, на самомъ мѣстѣ пребыванія его съ ними, и трудами другихъ унокоевается во время здоровья, или болѣзни; то и самъ обязанъ дѣлать то-же, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому во всемъ требовать себѣ отъ другихъ успокоенія, но какъ-скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, посвящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидитъ поверженнаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрывать отъ него. Всякій таковой немилосердъ.

И не приводи мнѣ на память Іоанна евангелскаго и Арсенія, не говори: кто же изъ нихъ употреблялъ себя на подобныя дѣла, или предлагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, не радеть же о своемъ безмолвіи? Тебѣ и не приблизиться къ какому-либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо, если далекъ ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они; то Господь и тебѣ повелѣваетъ пре-

небрегать подобными дѣлами. Если же далекъ ты отъ оного совершенства, и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ людьми; то почему перадишь о заповѣдяхъ (которыя должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ), представляя въ предлогъ, что проводишь великое житіе святыхъ, къ которому ты и не приближался?

А я не буду столько перадивъ, чтобы не помянуть о поступкѣ святаго Макарія Великаго, который служить отличіемъ небрегающимъ о братіяхъ своихъ. Макарій пошелъ однажды посѣтить одного большаго брата. И когда Великій спросилъ болящаго, не желаетъ ли онъ чего, а тотъ отвѣчалъ: «немного мягкаго хлѣба» (а тогда все монахи, по большей части, екли себѣ хлѣбы однажды въ цѣлый годъ, таковъ былъ обычай въ томъ мѣстѣ); достоблаженный сей мужъ, будучи уже девяноста лѣтъ, немедленно всталъ, пошелъ изъ скита въ Александрию, и сухіе хлѣбы, которые взялъ въ суму, промѣнялъ на мягкіе, и принесъ ихъ брату.

Но пѣчто и сего еще большее сдѣлалъ подобный Великому Макарію авва Агаѳонъ, мужъ опытнѣйшій изъ всѣхъ того времени монаховъ и наче всѣхъ уважавшій молчаніе и безмолвіе. Итакъ, сей чудный мужъ, во время большаго торго, пришелъ продать свое рукодѣіе, и на торжищѣ нашелъ одного лежащаго большаго страпника; панялъ для него домъ, остался съ нимъ, работалъ своими руками, и что получалъ за то, на него тратилъ, и прислуживалъ ему шесть мѣсяцевъ, пока больной не выздоровѣлъ. Сей же Агаѳонъ (какъ повѣствуютъ о немъ) сказалъ: «желалъ бы я найдти прокаженнаго, и ему

отдать свое тѣло, а себѣ взять его». Вотъ совершенная любовь

Боящіеся Бога, возлюбленный, охотно воздерживаютъ того, и заботятся о томъ, чтобы хранишь заповѣди. И если окажется на дѣль, что отыскиваніе оныхъ имъ достается въ руки, то подвергаются ради ихъ и опасности. Жизнодавецъ совершенство заповѣдей связалъ и заключилъ въ двухъ заповѣдяхъ, объемлющихъ собою весь прочія,—въ любви къ Богу, и въ подобной же любви къ твари ея, то-есть, въ любви къ образу Божию. И первая удовлетворяетъ цели духовнаго созерцанія; а вторая созерцанію и дѣятельности. Ибо естество Божеское просто, несложно, невидимо, естественно ни въ чемъ не имѣеть нужды; и сознаніе при самоуглубленіи своемъ естественно не имѣеть нужды въ тѣлесной дѣятельности и въ содѣйствіи чего-либо, и въ дебелости представленій, дѣятельность его проста, и обнаруживается въ единой части ума, сообразно той простотѣ достопоклоняемой Вины, Которая выше плотскаго чувства. А вторая заповѣдь, то-есть, челоуѣколюбіе, по двойственности естества, требуетъ, чтобы попеченіе о дѣланіи ума было сугубое, то-есть, что исполняемъ невидимо въ сознаніи, то подобнымъ образомъ желаемъ неполнить и тѣлесно; и заповѣдь, совершаемая въ дѣлахъ, требуетъ совершенія и въ сознаніи.

Какъ челоуѣкъ составленъ изъ двухъ частей, то-есть, изъ души и тѣла: такъ и все въ немъ требуетъ двойной заботы, сообразно съ двойственностію его состава. И поеліку дѣятельность вездѣ присутствуетъ созерцанію; то невозможно кому-либо

возвыситься до области этого высшаго, если самымъ дѣломъ не исполнитъ прежде писшаго. И ни одинъ человекъ не смѣетъ сказать теперь о приобрѣтеніи любви къ ближнему, что преусииваетъ въ ней душу свою, если оставлена имъ та часть, которая, по мѣрѣ силъ сообразно съ временемъ и мѣстомъ, доставляющимъ случай къ дѣлу, исполняется тѣлесно. Ибо при семъ только исполненіи дѣлается достовѣрнымъ, что есть въ человекѣ, и даетъ о себѣ знать, любовь созерцательная. И когда бываемъ въ этомъ, по возможности, верны и истинны; тогда дается душѣ сила, въ простыхъ и ни съ чѣмъ не сравнимыхъ понятіяхъ простираться до великой области высокаго и божественнаго созерцанія. А гдѣ человеку нѣтъ возможности, любовь къ ближнему совершить въ дѣлахъ видимыхъ и тѣлесно, тамъ достаточно предъ Богомъ любви нашей къ ближнему, совершенной только мыслию; особливо, если затворническое и безмолвное житіе и пресыпаніе въ ономъ пребываютъ достаточными въ своемъ дѣланіи.

Если же скудны мы во всѣхъ частяхъ безмолвія; то восполнимъ недостатокъ присоединеніемъ къ нему заповѣди, то-есть, чувственной дѣятельности. И это, какъ восполненіе покоя жизни нашей, исполнять будемъ утружденіемъ тѣла нашего, чтобы свобода наша не оказалась предлогомъ къ подчиненію себя плоти, когда напрасно станемъ трудиться подъ отшельническимъ писанемъ. Ибо явно, что тому, кто совершенно не имѣетъ общенія съ людьми и всецѣло погруженъ мыслию въ Бога, когда мертвъ онъ для всего, въ удаленіи отъ этого, не повелѣвается прислуживать людямъ, и дѣлать имъ угожденія. По

кто содержитъ правило безмолвія своего въ продолженіе седми недѣль, или одной недѣли, и по исполненіи своего правила сходится, и вступаетъ въ общеніе, съ людьми, и утѣшается вмѣстѣ съ ними, но не радить о братіяхъ своихъ, которые въ скорбяхъ, думая тѣмъ въ строгости выдержать недѣльное правило, тотъ немилосердъ и жестокъ. И само собою явствуетъ, что онъ, по недостатку милосердія, и по самомнѣнію, и по ложнымъ помысламъ, не спиходитъ до участія въ таковыхъ дѣлахъ.

Кто пренебрегаетъ больнымъ, тотъ не узритъ свѣта. Кто отвращаетъ лице свое отъ скорбящаго, для того омрачится день его. И кто пренебрегаетъ гласомъ страждущаго, у того сыны его въ слѣпотѣ оцупью будутъ искать домовъ своихъ.

Непоругаситъ великаго имени безмолвія невѣжествомъ своимъ. Ибо всякому житію свое время, и мѣсто, и отлчїе. И тогда Богу да будетъ вѣдомо, угодно ли все дѣланіе онаго. А безъ сего суетно дѣланіе всѣхъ пекущихся о мѣрѣ совершенства. Кто ожидаетъ, чтобы немощь его утѣшали и посѣщали другіе, тотъ пусть смиритъ себя, и потрудится вмѣстѣ съ ближнимъ своимъ въ то время, когда тершитъ онъ искушеніе, чтобы собственное свое дѣланіе съ радостію совершить ему въ безмолвіи своемъ, будучи далекимъ отъ всякаго самомнѣнія и отъ бѣсовской прелестьи. Одному изъ святыхъ, мужу вѣдущему, сказаво: «ничто не можетъ такъ избавлять монаха отъ бѣса гордыни и споспѣшествовать ему въ сохраненіи цѣломудрія при разжженіи блудной страсти, какъ то, чтобы посѣщать ему лежа-

щихъ на ложахъ своихъ и одержимыхъ скорбію плоти».

Велико ангельское дѣло безмолвія, когда ради потребности смрєнія присоедишть къ себѣ таковую разсудительность. Ибо, когда бываемъ окрадываемы и расхищаемы, и сами не знаемъ. Сказалъ я это, братія, не для того, чтобы вознерадѣть намъ о дѣлѣ безмолвія и пренебречь имъ. Ибо вездѣ убѣждаемъ къ безмолвію, и теперь не оказываемся противорѣчащими словамъ своимъ. Изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ чего-либо отдѣльно, и отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ. Помню, во многихъ мѣстахъ давалъ я такой совѣтъ, что, если кому и случится въ келліи своей быть совершенно праздымъ, то, по пуждѣ немощи нашей, постигающей насъ отъ сего, не должно помышлять о совершенномъ выходѣ изъ келліи, и вѣщнее дѣланіе почитать лучшимъ дѣланіемъ келейнаго. Совершеннымъ же выходомъ называлъ я не то, если временемъ встрѣтитса намъ необходимое дѣло выйдти на нѣсколько недѣль, и въ продолженіи оныхъ пріобрѣсти упокоеніе и жизнь ближняго, и ты сталъ бы называть это праздыніемъ и признавать бездѣйствіемъ, но если думаетъ кто о себѣ, что онъ совершенъ, и пребываніемъ своимъ предъ Богомъ и удаленіемъ своимъ отъ всего видимаго выше всѣхъ живущихъ здѣсь, и по этому благовидному предлогу слапеть отказываться и отъ сего. Велико есть дѣланіе разсудительности въ томъ, что совершается подъ руководствомъ Божиимъ. И Богъ; по милости Своей, даруетъ намъ исполнить слово Его, какое

изрекъ Оупъ, сказавъ: *якоже хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31.). Ему слава и честь! Аминь.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что монахъ, желающій возлюбить Бога паче всего, обязанъ имѣть попеченіе о чистотѣ души своей. И сказалъ ты прекрасно, если имѣешь достаточныя на то силы. А поелику говоришь еще, что душа не имѣетъ дерзновенія въ молитвѣ, какъ непреобѣдившая еще страстей; то представляется мнѣ въ томъ и другомъ противорѣчіе, хотя я и невѣжда. Ибо если душа не преобѣдила страстей; то какъ ей имѣть попеченіе о чистотѣ? И поелику правиломъ духовной правды не повельно ей этого, когда не преобѣдила своихъ страстей, то значить, домогаешься ты того, что выше ея. Ибо не изъ того, чего вождельваетъ челоуѣкъ, познается, что онъ любитъ; но изъ того, что любитъ, дѣлается заключеніе о томъ, чего вождельваетъ: любовь естественно предшествуетъ вождельнію. (Чего не возлюбитъ челоуѣкъ, того не будетъ и вождельвать). Страсти суть дверь, заключенная предъ лицемъ чистоты. Если не отворить кто этой заключенной двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую область сердца. И сказанное тобою, что душа не имѣетъ дерзновенія въ часъ молитвы, сказано справедливо. Ибо дерзновеніе выше не только страстей, но и чистоты. И скажу тебѣ, какой бываетъ порядокъ этого преемства: терпѣніе съ принужденіемъ себя борется со страстями за чистоту. Поэтому, если душа преобѣдитъ страсти, то пріобрѣтаетъ чистоту; а нетщепная чистота дѣлаетъ, что умъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе въ часъ молитвы.

Ужели же подвергнемся укоризнѣ, въ молитвѣ прося этой душевной чистоты, о которой теперь рѣчь, и дѣломъ гордости и самоувѣрія бываетъ наше прошеніе, если просимъ у Бога того, что предписываетъ намъ божественное Писаніе и Отцы наши, и для чего монахъ идетъ въ отшельничество? По думаю, святой, что какъ сынъ не сомнѣвается въ отцѣ своемъ, и не проситъ у него такими словами: «научи меня искусству», или, «дай мнѣ что-нибудь»; такъ неприлично монаху разсуждать и просить у Бога: «дай мнѣ то и то». Ибо знаетъ, что промышленіе Божіе о насъ выше того, какое бываетъ у отца о сынѣ. И потому прилично намъ, наконецъ, смириться, плакать о тѣхъ причинахъ согрѣшеній, которыя вѣдь нашей воли, содѣланы ли оныя помысломъ, или самымъ дѣломъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ говорить словами мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13.); тайно и явно дѣлать, чему научить Господь, сказавъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключимы есмь; еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10.), чтобы совесть твоя засвидѣтельствовала тебѣ, что ты неключимъ, и имѣешь нужду въ пощиваніи. Знаешь же и самъ ты, что не дѣла отверзаютъ заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное и смиреніе души, когда преоблѣдши страсти смиреніемъ, а не пренебреженіемъ. Ибо больный, сперва смиряется и прилагаетъ попеченіе о выздоровленіи отъ своихъ недуговъ, а потомъ уже домогается сдѣлаться царемъ; потому что чистота и душевное здравіе суть царство души.

Какое же это царство души? Какъ больной не говоритъ отцу: «сдѣлай меня царемъ,» — но прилагаетъ сперва попеченіе о недугъ своемъ, и по совершенномъ выздоровленіи царство отца его само собою дѣлается его царствомъ; такъ и грѣшникъ, принося покаяніе, получая здравіе души своей, входитъ со Отцемъ въ область чистаго естества и царствуетъ во славу Отца своего.

Припомнимъ, какъ свитый Апостоль Павелъ описываетъ свои прегрѣшенія, и душу свою ставитъ на самомъ послѣднемъ и низшемъ мѣстѣ, говоря: *Христосъ Иисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь Азъ. Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ все Свое долготерпѣніе (1 Тим. 1, 15. 16.).* Ибо въ началѣ былъ я горштелемъ, досадителемъ и хульникомъ, но помилованъ былъ, яко неспѣдый сотворихъ въ неспѣствіи (13.). Когда же и въ какое время сказалъ онъ это? Послѣ великихъ подвиговъ, непочинныхъ силы дѣлъ, послѣ проповѣди, по благовѣствованію Христову, проповѣданной имъ въ цѣломъ мірѣ, послѣ многократныхъ смертей, многообразныхъ скорбей, какія тернѣль отъ іудеевъ и язычниковъ. И все еще взиралъ онъ на первыя свои дѣла, не только не почиталъ себя достигшимъ чистоты, но не помышлялъ даже признать себя, какъ слѣдовало, ученикомъ. Ибо говорилъ: *нѣсмь достоинъ нарецися Апостоль, зане гошихъ церковь Христову (1 Кор. 15, 9.).* И когда паче всѣхъ людей одержалъ побѣду надъ страстями; говорилъ: *умерщвлено тѣло мое и порабоцую, да не како инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду (1 Кор. 9, 27.).* Если же скажешь,

что Апостолъ въ нныхъ мѣстахъ повѣствуетъ о себѣ и великое; то пусть самъ онъ убѣдить тебя въ разсужденіи этого. Ибо говорить, что дѣлалъ сіе недобровольно, не ради себя, но для проковѣди. И когда повѣствуетъ о семъ для пользы вѣрныхъ, представляетъ себя за такую похвалу себѣ лишенымъ всякаго разума, взывая и увѣряя: *вы мя поудисте* (2 Кор. 12, 11.); и еще: *не глаголю по Господь, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы* (2 Кор. 11, 17.). Вотъ сіе справедливое и вѣрное правило, какое далъ намъ святой Павелъ. Будемъ, наконецъ, сохранять оное, и поревнуемъ о немъ. Отречемся отъ того, чтобы искать у Бога высокаго, когда не посылаетъ и не даруетъ Онъ этого; потому что Богъ знаетъ сосуды избранныя на служеніе Ему. Ибо блаженный Павелъ даже и послѣ того не просилъ царства душъ, но говорилъ: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.). Какъ же осмѣлимся мы и прежде времени, вѣдомаго Богу, просить душъ царства, не соблюдиши заповѣдей, не пренобѣдивъ страстей, и не отдавъ долга?

Посему умоляю тебя, святой, да не входитъ тебѣ и на помысль это; но наче всего пріобрѣти терпѣніе для всего, что ни бываетъ съ тобою. И въ великомъ смрениіи и въ сокрушеніи сердца о томъ, что въ насъ и о помыслахъ нашихъ, будемъ просить отпущенія грѣховъ своихъ и душевнаго смрениа.

Однимъ изъ святыхъ написано: «кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Господомъ». Если же скажешь, что некоторые Отцы писали о томъ, что такое душевная чистота, что такое здравіе, что такое безстрастіе: то писали не

съ тѣмъ, чтобы намъ съ ожиданіемъ домогаться этого прежде времени; ибо написано, что *не придетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. 17, 20.) ожиданія. И въ комъ оказалось такое намѣреніе, тѣ приобрѣли себѣ гордость и паденіе. А мы область сердца приведемъ въ устройство дѣлами покаянія и житіемъ благоугоднымъ Богу; Господне же придетъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и неоскверненно. Чего же ищемъ *съ соблюденіемъ*, разумью Божіи высокія дарованія, то не одобряется Церковію Божіею; и пріемшіе это приобрѣтали себѣ гордость и паденіе. И это не признакъ того, что человекъ любитъ Бога, но душевная болѣзнь. Да и какъ намъ домогаться высокихъ Божіихъ дарованій, когда Павелъ хвалится скорбями, и высокимъ Божіимъ даромъ почитаетъ общеніе въ страданіяхъ Христовыхъ.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что возлюбла душа твоя любовь къ Богу, но не достигъ ты любви, хотя имѣешь великое вождельніе любить; а сверхъ того, вождельно для тебя пустынное отшельничество. И снѣтъ показаль ты, что положено въ тебѣ начало сердечной чистоты, и что памятованіе о Богѣ прилежно разжигается и възгрѣвается въ сердцѣ твоемъ. И это—великое дѣло, если справедливо; но не желалъ бы я, чтобы писалъ ты это; потому что не къ одной принадлежитъ это степени. Если же сказалъ это для вопроса; то и вопросъ требовальшаго порядка. Ибо, кто говоритъ, что душа его не имѣетъ еще дерзновенія въ молитвѣ, потому что не пренебѣдла страстей, тотъ смѣетъ ли сказать, что душа его возлюбла любовь къ Богу? Нѣтъ способа

возбуждѣнъ въ душѣ божественной любви, во слѣдъ которой таинственно течешь ты въ отшельничество, если она не препобѣдила страстей. Ты же сказалъ, что душа твоя не препобѣдила страстей, и возлюбилъ любовь къ Богу; и въ этомъ нѣтъ порядка. Кто говоритъ, что не препобѣдилъ страстей, и возлюбилъ любовь къ Богу; о томъ незнаю, что онъ говоритъ.

Но скажешь: не говорилъ я: «люблю», но «возлюбилъ любовь». И это не имѣетъ мѣста, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова; то не ты одинъ говоришь, но и всякій говоритъ, что желаетъ любить Бога; и не только христіане говорятъ это, но и неправо поклоняющіеся Богу. И слово это всякій произноситъ, какъ свое собственное; однакоже, при произношеніи такихъ словъ, движется только языкъ, душа же не ощущаетъ, что говоритъ. И многіе бо больны не знаютъ даже того, что они больны. Порокъ есть болѣзнь души, и заблужденіе — утрага истины. И весьма многіе изъ людей, недугуя смиръ, объявляютъ себя здоровыми, и у многихъ заслуживаютъ похвалу. Ибо, если душа не уврачуется отъ порока, и не будетъ приведена въ естественное здравіе, въ какомъ создана, чтобы родиться отъ духовнаго здравія: человеку невозможно воздѣлывать сверхъестественныхъ даровъ духа; потому-что душа, пока болѣзнуетъ страстями, не ощущаетъ чувствомъ своимъ духовнаго, и не умѣетъ воздѣлывать онаго, воздѣлываетъ же только по слуху ушей и по писаніямъ. Справедливо, наконецъ, сказалъ я и выше, что воздѣлывающіи совершенство надлежитъ сохранять все заповѣди; потому что сокровенное дѣлаше заповѣдей

врачуешь душевную силу. И оно должно быть не просто и как ни есть. Ибо написано, что *безъ кровопролитія не бываетъ оставленія* (Евр. 9, 22.). Но первоначально естество наше въ вочеловѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе, приобщилось Христову страданію и смерти; и потому, по обновленіи изліяніемъ крови, обновилось и освятилось естество наше, и содѣлалось способнымъ къ принятію заповѣдей новыхъ и совершенныхъ. А если бы заповѣди сіи даны были людямъ до изліянія крови, до обновленія и освященія естества нашего; то можетъ быть, и самыя новыя заповѣди, подобно заповѣдямъ древнимъ, отсыкали бы только порокъ въ душѣ, но не могли бы истребить въ душѣ самый корень порока. Нынѣ же не такъ: напротивъ того, послѣдовавшее сокровенное дѣланіе и заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ, имѣя въ виду страхъ Божій, обновляютъ и освящаютъ душу, и сокровенно врачуютъ все члены ея. Ибо явно для всѣхъ, какую страсть безмолвно въ душѣ изцѣляетъ каждая заповѣдь, и дѣйствительность ихъ ощутительна и врачующему и врачуемому, какъ было и съ кровоточивою женою.

Знаешь, возлюбленный, что, если будетъ не изцѣлена страстная часть души, не обновится, не освятится въ тайнѣ, не будетъ связана житіемъ духовнымъ, то душа не приобрететъ здравія, и не освободится отъ того, чтобы не печалило ее встрѣчающееся ей въ твари. И изцѣленіе сіе можетъ совершиться по благодати, какъ было съ блаженными Апостолами; потому что они върою усовершились въ любви Христовой. А иногда бываетъ, что душа приобретаетъ

здравіе законно. Ибо, кто дѣланіемъ заповѣдей и трудными дѣлами истиннаго житія препобѣдиль страсти, тотъ пусть знаетъ, что законно пріобрѣль онъ душевное здравіе, и отдоснѣ млекомъ внѣ ове- ществленія міра сего, и отсѣкъ въ себя прежній свой нравъ и возроденъ, какъ и первоначально, въ духовномъ, и по благодати, какъ пріобрѣтшіи понятія внутренняго чловѣка, сталъ виднмъ въ области духа, и пріаль его въ себя міръ новій, несложный.

Когда же умъ обновленъ, и сердце освящено; тогда всѣ возникающія въ немъ понятія возбуждаются сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ онъ. Сперва возбуждается въ немъ любовь къ божественному, и вождельвасть онъ общенія съ Ангелами и откровенія таинъ духовнаго вѣдѣнія; и умъ его ощущаетъ духовное вѣдѣніе тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе таинъ Святыя Троицы, также таинъ достопокланяемаго ради насъ домо- строительства; и потомъ всецѣло входитъ въ единеніе съ вѣдѣніемъ надежды будущаго.

Наконецъ, изъ того, что написалъ я тебѣ, уразумѣй состояніе свое. Если бы душа, когда заключена въ области страстей, могла истинно возлюбить Бога; то не имѣла бы большой нужды спрашивать и до- знать о таинствахъ міра духовнаго. Но явно, что обученіе и вѣдѣніе при страстяхъ не приносятъ пользы, и недостаточны къ тому, чтобы отверзть дверь, заключенную предъ лицемъ чистоты. Если же отъяты будутъ отъ души страсти; то умъ просвѣщается, и поставляется въ чистомъ мѣстѣ естества, и не имѣетъ нужды въ вопросахъ; потому что ясно виднть блага, обрѣтаемыя на своемъ мѣстѣ. Ибо,

какъ внѣшнія наши чувства не въ слѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя имъ естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не съ помощію вопросовъ, ощущаетъ встречающуюся ему вещь, (потому-что нѣтъ ученія посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ; слѣдственно сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоценныхъ вещей, — и пріемлетъ, и судитъ, и представляетъ себѣ красоту, какую имѣютъ они, только по названію; знаніе же и разсужденіе его далеки отъ удовольствія, доставляемаго самымъ видѣніемъ): такъ, подобнымъ сему образомъ, представляй себѣ и о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполне созерцаетъ славу Христову, и не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли, соразмѣрно горячности вѣры и надежды на Христа, какъ написалъ блаженный Павелъ: *еже вѣдѣемъ, что и уповаемъ? Терпѣніемъ ждемъ* (Рим. 8, 25.).

Наконецъ, должны мы ждать и пребывать уединенно и въ простотѣ со внутреннимъ нашимъ человѣкомъ, гдѣ нѣтъ впечатлѣній помысловъ, ни воззрѣній на что-либо сложное: потому-что умъ, на чтоъ взираетъ, отъ того пріемлетъ и образы. Когда взираетъ на міръ, тогда согласно съ вѣдопзыщеніемъ образовъ, по которымъ онъ носится, въ такомъ же числѣ принимаетъ отъ нихъ въ себя образы и подобія, которые, по мѣрѣ своего множества, и по различію своего измѣщенія, возбуждаютъ въ немъ помыслы; когда же помыслы возбуждены, отпечатлѣваются они въ умъ.

Если же умъ проникаеть взоромъ во внутренняго человека, гдѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы служить измѣненіемъ вѣдовъ, и гдѣ сложное не отдѣляется отъ другаго сложнаго шакостію образа, по все—единый Христосъ; то явно, что умъ прісмлетъ тогда простое созерцаніе, безъ котораго ничто иное не благоухаетъ душевной гортани, и не содѣлаетъ, чтобы душа пріобрѣла дерзновеніе въ часть молитвы; потому-что это есть лица естества души. И когда умъ станетъ въ области познанія истины, тогда не имѣеть нужды въ вопросахъ. Ибо, какъ тѣлесное око не спрашиваетъ сперва, и потомъ уже взирать на солнце; такъ и душевное око не входитъ сперва въ изслѣдованіе, и послѣ того уже созерцаетъ духовное вѣдѣніе. Такимъ образомъ и таинственное созерцаніе, какого вождельвасшь ты, святый, открывається уму по пріобрѣтеніи душевнаго здравія. Желать же посредствомъ изслѣдованія и разспросовъ дознавать таковыя тайны есть неразуміе души. Ибо и блаженный Павелъ, не по наукѣ, или вещественному какому способу сказалъ, что видѣлъ и слышалъ тайны и неизреченны глаголы, ихже нельтъ есть человеку глаголати (2 Кор. 12, 4.), но восхищеніемъ восхищенъ былъ въ духовную область, и видѣлъ откровеніе тайнъ.

Наконць, и ты, святый, если любишь чистоту, отсыки расточасную на всѣхъ любовь ко всему, и вошедши въ виноградникъ сердца своего, дѣлай въ немъ, истребляй въ душѣ своей страсти, старайся не знать злобы человѣческой. Чистота взирать на Бога, возсіяваетъ и цвѣтетъ въ душѣ не въ слѣдствіе прошенія, но въ слѣдствіе невѣднія злобы

какого бы то ни было человека. Если же желательно тебѣ, чтобы сердце твое содѣлалось вмѣстительствомъ таинъ новаго міра, то обогатись сперва дѣлами тѣлесными, постомъ, бдѣніемъ, службою, подвижничествомъ, терпѣніемъ, изложеніемъ помысловъ и прочимъ. Связывай умъ свой чтеніемъ Писаній и углубленіемъ въ оныя, наипаче предъ очами у себя заповѣди, и отдай долгъ страстей, когда бываешь побужденъ и побуждаешь. И непрестаннымъ себе-сѣдованіемъ молитвеннымъ и самоуглубленіемъ въ молитвословія искореняй въ сердцѣ своемъ всякій образъ и всякое подобіе, предварительно тобою воспріятое. Приучай умъ свой углубляться всегда въ тайны Спасителя домоустроительства; и оставь просишь себя въ дѣнія и созерцанія, которыя въ своемъ мѣстѣ и въ свое время превыше словеснаго описанія, продолжай дѣланіе заповѣдей и труды въ приобращеніи чистоты; и проси себя у Господа въ молитвѣ огнемъ разжженной о всемъ нечисти (какую влагалъ Оупъ въ сердца Апостоламъ, мученикамъ и Отцамъ), да уканеть она въ сердце твое, и да сподобишься умнаго житія. Начало, средину и конецъ житія сего составляетъ слѣдующее: отрѣшеніе всего единеніемъ о Христѣ. Если же возжелывашь созерцанія таинъ, самымъ дѣломъ воздѣлывай въ себѣ заповѣди, а не однимъ стремленіемъ къ ихъ въ дѣнію. Духовное созерцаніе дѣйствуетъ въ насъ въ области чистоты. И ты домогайся сперва дознать, какъ войдти тебѣ въ область духовныхъ таинъ, и потомъ начинай.

Первою изъ таинъ именуется чистота, достигаемая при дѣйственности заповѣдей. Созерцаніе же есть духовное возрѣніе ума для того, что бы постигать,

что было и будетъ, и отъ всего приходитъ въ изъясненіе. Созерцаніе есть видѣніе ума, приводимаго въ единеніе домостроительствомъ Божиимъ во всякомъ родѣ и родѣ, и постигающаго славу Божию и трудности поваго міра, при чемъ сокрушается и обновляется сердце; подобно младенцамъ о Христвъ, воспытывается млекоу зановѣдей новыхъ и духовныхъ, дѣлается безпорочнымъ, пріобучается къ духовнымъ тайнамъ и къ откровеніямъ вѣдѣній, восходя отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и отъ созерцанія къ созерцанію, и отъ постиженія къ постиженію, и обучается и укрѣпляется таинственно, пока не будетъ возвышено любовію, соединено надеждоу, и не водворится въ немъ радость, и не будетъ оно возвышено Богомъ и увѣнчано естественною славою своего сотворенія, въ какой было создано.

На сихъ духовныхъ нажитяхъ восходитъ умъ въ откровенія вѣдѣнія, и падасть, и востаетъ, и побѣждаетъ, и побѣждается и пережыгается въ нещи келліи, и такимъ образомъ очищается, и бываетъ ему милость, и дѣятельно сподобляется онъ того созерцанія Святыя Троицы, котораго вождельваешь ты. Ибо три суть созерцанія естествъ, въ которыхъ умъ возвышается, оказываетъ свою дѣятельность и упражняется: два созерцанія естествъ сотворенныхъ, разумныхъ и неразумныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, и еще созерцаніе Святыя Троицы. Посему, сперва бываетъ воззрѣніе на всякую тварь, пришедшую въ бытіе, и умъ обозрѣваетъ ее въ откровеніи вѣдѣнія; а что не подлежитъ чувствамъ, на то бываетъ мысленное воззрѣніе. Умъ имѣетъ воззрѣніе и для созерцанія себя самого; имъ-то внѣшніе фило-

софы надисвалнсь въ умъ своємъ при представленіи тварей.

Поэтому, созерцаніе сыновъ таинства вѣры сопряжено съ вѣрою, и насется на лугахъ Писаній: оно во-едино собираетъ умъ отъ всякаго внѣшняго паренія, и связуетъ его единеніемъ Христовымъ, какъ Василія Великаго и Григорія; и возвращеніе его бываетъ (г) на таинственныя словеса, помѣщенные въ Писаніи. И словеса, непостижимыя вѣдѣніемъ, дѣлаются понятными для насъ при помощи вѣры, и вѣдѣніе о нихъ получаемъ въ созерцаніи, какое бываетъ по очищеніи. Для духовныхъ таинъ, которыя выше вѣдѣнія, и которыхъ не оцущаютъ ни тѣлесныя чувства, ни разумная сила ума, Богъ далъ намъ вѣру, которою познаемъ только, что тайны сін существуютъ. И отъ этой вѣры рождается въ насъ надежда о нихъ. Вѣрою исповѣдуемъ, что Богъ есть Господь, Владыка, Творецъ и Создатель всяческихъ; а вѣдѣніемъ рываемъ, что должно намъ хранить заповѣди Его, и разуметь, что ветхія заповѣди хранить страхъ, какъ сказали самъ Онъ, а животворныя заповѣди Христовы хранить любовь, по сказанному: *Азъ заповѣди Отца Моего соблюдаюхъ, и пребываю въ Его любви* (Іоан. 15, 10.). Почему явно, что Сынъ хранитъ заповѣди Отца Своего не по страху, но изъ любви, а потому повелѣваетъ и намъ соблюдать заповѣди Его изъ любви, какъ говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. И Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя пошлетъ вамъ* (Іоан. 14,

(г) Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто *γινέται* должно читать *γίνεται*.

15. 16.). Пришествіемъ Утѣшителя называетъ дарованіи откровенія духовныхъ таинствъ; поему въ пріятіи Духа, котораго пріяли Апостолы,—всѣ совершенство духовнаго вѣдѣнія. И Господь исповѣдалъ и общалъ, умоливъ Отца Своего, дать имъ Утѣшителя, чтобы, при дѣланіи ими заповѣдей и очищеніи самихъ себя, пребывалъ съ ними во вѣки. Видишь ли, что за сохраненіе заповѣдей умъ сподобляется благодати таинственнаго созерцаія и откровеній духовнаго вѣдѣнія; а не какъ предполагала твоя мудрость, что дѣло храненія заповѣдей служитъ препятствіемъ созерцаію Божественныхъ таинствъ, совершаемыхъ въ безмолвіи.

Поему, умоляю тебя, если ощутишь въ душѣ своей, что достигъ ты въ область любви, соблюдай новыя заповѣди изъ любви къ Давшему ихъ, а не по страху, какъ и блаженный Павелъ, когда возгорѣлся божественною любовію, сказалъ: *кто меня разлучитъ отъ любви Христовой? Скорбь ли, или темница, или гоненіе,—и прочее?* И еще присовокупляетъ: *извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животь, ни настоящая ни грядущая возмогутъ разлучити меня отъ любви Божіи, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 35. 38. 39.). И чтобы не подумать кому, будтобы вождѣлвастъ онъ великой награды, или чести, или прензобильнаго даванія духовныхъ даровъ, какъ вождѣлвастъ твой святыня, сказалъ: *молибыхся отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.), чтобы присвоены Ему были чуждые. И чтобы знать тебѣ, что не таинственнаго и отшельническаго созерцаія искалъ онъ, какъ твое отечество, вождѣлвастъ же того единственно,

чего часто сподоблялись и иные по благодати; слушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ мѣдь звѣнцѣи, или кимвалъ звѣнцѣи. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и аще имамъ вѣру, яко и горы преставаляти, любви же не имамъ, ничто же есмь* (1 Кор. 13, 1. 2.); потому-что законная дверь, вводящая въ это, есть любовь. Если пріобрѣтемъ любовь, она вводитъ насъ въ это. Если же сподобимся сего по благодати безъ любви, то непременно когда-нибудь утратимъ мы это; потому-что стяжаніе и стражъ высшихъ святыхъ и божественнаго житія есть любовь. Какъ-скоро монахъ лишится любви; сердце его тотчасъ лишается мира, который есть селеніе Божіе, и заключается для него дверь благодати, которою Господь нашъ выйдетъ и изыдетъ, по сказанному Путь: *Азъ есмь дверь жизни, и Мною человекъ выйдетъ въ жизнь и пажить обратитъ* (Іоан. 10, 9.) для питанія духовной своей жизни, гдѣ не препятствуютъ ему ни злоба, ни прелесть; но на всѣхъ восхожденіяхъ откровеній вѣдѣній и таинственныхъ созерцаній божественная любовь вводитъ и изводитъ его, какъ и тѣхъ, которые имѣютъ свободу Христову. И чтобы узнать тебѣ истину сего, а именно, что духовная жизнь дѣйствительно есть божественное созерцаніе ума, послушай великаго Павла. Ибо вопіетъ онъ: *неудобно мнѣ это безъ любви; и если не войду (то-есть въ созерцаніе) законными вратами (д), то не пожелаю онаго; и если бы дано*

(д) Изъ древ. слав. перевода видно, что здѣсь вмѣсто τὴν λέανυ можно читать τὴν πύλην

было мнѣ по благодати, когда не приобрѣлъ я любви, то не домогаюсь сего; потому что вошелъ къ нему не естественною дверію, которая есть любовь. По этому, сперва должно приобрести любовь, которая есть первоначальное созерцаніе Святыя Троицы; а послѣ того и безъ даванія, естественно, будетъ у меня созерцаніе духовнаго. Уразумѣй же мудрость блаженнаго Павла, какъ оставилъ все дарованія, сообщаемыя благодатию, и просилъ самаго существеннаго, того, что пріемлетъ дарованія и хранитъ ихъ, какъ говоритъ нѣкто. Дарованіе созерцанія тварей дано было и Моисею, и многіе сподобились онаго, впрочемъ не постояннаго, но въ откровеніи. Я же, крестившійся Духомъ Святымъ, и исполненный благодати, хочу внутрь себя пріять ощущеніе живущаго во мнѣ Христа. Ибо Христосъ Упостасію Своєю содѣлалъ обновленіе естества нашего, въ Него облечены мы водою и Духомъ, и въ неизреченномъ таинствѣ соединилъ Онъ насъ съ Собою, и содѣлалъ членами тѣла Своего; но здѣсь въ видѣ только залога, а въ новомъ мірѣ естественно сообщастъ Онъ жизнь прочимъ членамъ. Для чего по этому желаю и домогаюсь созерцанія прежде любви, когда божественный Павелъ не одобрялъ онаго безъ любви?

Но сказавъ, что дѣланіе заповѣдей служитъ мнѣ пренятствіемъ къ созерцанію, явно похулилъ ты любовь къ ближнему, и предпочелъ ей созерцаніе, и возжелавася видѣть его тамъ, гдѣ оно не усматривается. Пока не можемъ мы еще видѣть созерцанія, мудрѣйшій; но само созерцаніе показываетъ намъ себя на своемъ мѣстѣ. Какъ по мѣрѣ есте-

ственнаго возраста душа пріемлетъ въ себя новое и новое вѣдѣніе, и оцущаетъ существующее въ міръ, и день отъ дня болѣе и болѣе обучается этому; такъ и въ духовномъ чловѣкѣ пріемлетъ въ себя духовное созерцаніе и божественное оцущеніе, и обучается этому въ той мѣрѣ, въ какой умъ возрастаетъ въ разумномъ житіи, и простирается впередъ. Когда же придетъ въ область любви, тогда созерцаетъ духовное на своемъ мѣстѣ. Но пока чловѣкъ употребляетъ успіе, чтобы духовное спозшло къ нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтаетъ око, и возведетъ взоръ къ духовному, и будетъ доходить до него разумніемъ не во время; то скоро притупляется зрѣніе его, и вмѣсто дѣйствительнаго усматриваются имъ призраки и образы. Какъ-скоро вполнѣ постигнешь это разсудительнымъ умомъ своимъ, не будешь домогаться созерцанія не во-время. Если же кажется тебѣ, что и теперь видишь созерцаніе; созерцаніе сіе есть тѣнь призрака, а не созерцаніе; потому что у всего мысленнаго бываетъ подобіе и мечтательный образъ, а бываетъ также и истинное созерцаніе. Ибо вотъ и въ естествахъ сложныхъ бываетъ призракъ, а иногда возможно и истинное созерцаніе. Если же созерцаніе истинно, то обрѣтается свѣтъ, и созерцаемое усматривается близкимъ къ дѣйствительности. А когда бываетъ противное сему; тогда глазъ вмѣсто дѣйствительности видитъ тѣнь, и видитъ воду, гдѣ нѣтъ воды, видитъ зданія, приподнятыя вверхъ и висяція на воздухѣ, между-тѣмъ какъ они стоятъ на землѣ. По такому явленію тѣлеснаго то-же представь себѣ и о мысленномъ.

Если зрѣніе ума не будетъ очищено дѣланіемъ заповѣдей, дѣлами безмолвнаго житія, не приобрететъ въ совершенствѣ свѣта любви, не преусибѣтъ возрастомъ въ обновленіи Христовомъ, превосходствомъ вѣдѣнія не приблизится къ духовнымъ естествамъ въ той степенн, на которой ищеть духовнаго, ангельскаго житія: то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ божественнаго созерцанія. Вся же тѣ подобія духовнаго, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностію. И это, что умъ видитъ одно вмѣсто другаго, происходитъ отъ того, что онъ не очистился. Ибо естество истины пребываетъ всегда неизмѣннымъ, и не измѣняется никогда въ подобіе; причиною же мечтанія образовъ бываетъ немощь, а не чистота, ума.

Это было и съ философами вѣнннннн, потому что почли духовнымъ то, о чемъ не пріяли истиннаго ученія отъ Бога. По сокращенію и возбужденію разумной въ нихъ силы, по понятіямъ мысловъ своихъ заключали въ самомнѣніи своемъ, что они сугь вѣчто; а вмѣстѣ съ этимъ разсуждали, какъ они существуютъ, чтобы открытіе ихъ происхожденія, и измѣненіе унодобленія содѣлалось для нихъ тѣмъ и другимъ. И разглагольствовали объ этомъ въ неадалежащемъ самомнѣніи, единаго Бога раздѣлили въ многобожіи, говорили и соглашались между собою въ глумленіи мысловъ, и эту мечту безумія мысловъ своихъ назвали умозрѣніемъ естество.

Поэтому, истинное созерцаніе естество чувственныхъ и сверхчувственныхъ, и самой Святой Троицы

удѣляется въ откровеніи Христовомъ. Ему научилъ, и его указалъ человѣкамъ Христосъ, когда первоначально Своєю Упостасію совершилъ обновленіе естества человѣческаго, возвратилъ и далъ ему первую свободу, и Самъ проложилъ намъ путь животворящими Его заповѣдями восходить къ истинѣ. И естество тогда только способно содѣлаться зрителемъ истиннаго, а не мечтательнаго созерцанія, когда человѣкъ первоначально претерпѣиетъ страданій, дѣлаиетъ и скорбно совлечется ветхаго страстнаго человѣка, какъ поворожденный младенецъ совлекается одежды, выносимой изъ матернихъ ложеснъ. Тогда умъ способенъ возродиться духовно, содѣлаться видимымъ въ духовномъ мірѣ, и пріять созерцаніе отечества своего.

Поэтому, нынѣ созерцаніе тварей, хотя оно и сладостно, есть только тѣнь вѣдѣнія. И сладость его неотдѣлима отъ мечтаній во снѣ. Поэтому, созерцаніе новаго міра духомъ откровенія, которымъ умъ усаждается духовно, есть дѣйствіе благодати, а не тѣнь вѣдѣнія; и сладость его неотдѣлима отъ той, какую описалъ Апостоль, говоря: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его, святымъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ и глубины Божія* (1 Кор. 2, 9. 10). И сіе созерцаніе бываетъ пицею ума, пока не придетъ онъ въ состояніе пріять созерцаніе высшее перваго созерцанія; потому что одно созерцаніе передаетъ человѣка другому созерцанію, пока умъ не будетъ введенъ въ область совершенной любви. Любовь есть вмѣстилище духовнаго, и

водворяется въ чистотѣ души. Когда умъ станетъ въ области любви; тогда дѣйствуетъ благодать, умъ пріемлетъ духовное созерцаніе, и дѣлается зрителемъ сокровеннаго. Ибо сказалъ я, что двумя способами дается дарованіе откровеній умнаго созерцанія.

Ибо иногда дается по благодати за горячность вѣры; а иногда за дѣланіе заповѣдей и за чистоту. Но благодати, какъ блаженнымъ Апостоламъ, которые не дѣланіемъ заповѣдей очистили умъ, и сподобились откровенія созерцанія, но горячею вѣрою; потому-что въ простотѣ увѣровали во Христа, и несомнѣнно, съ воспламененнымъ сердцемъ, послѣдовали за Нимъ. И когда Христосъ совершилъ достопоклоняемое Свое домостроительство, послалъ имъ Духа Утѣшителя, очистилъ и усовершилъ умъ ихъ, и дѣйственно умертвилъ внутри ихъ ветхаго, страстнаго чловѣка, и дѣйственно оживотворилъ въ нихъ новаго духовнаго чловѣка, и пріяли они ощущеніе того и другаго. Такъ и блаженный Павелъ обновленъ былъ таинственно, и потомъ пріялъ созерцаніе откровенія таинъ; но и при этомъ не полагался на оное. Дѣйственно пріялъ онъ благодать и даръ, но все время жизни своей совершалъ теченіе, чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь съ нимъ, какъ съ приснымъ Своимъ, бесѣдовалъ на пути, и послалъ его въ Дамаскъ. Не написано, о чемъ Иисусъ бесѣдовалъ съ нимъ явно, но пишется, что сказалъ ему Ананія: *Савле брате, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, явлейтися на пути, посла мя къ тебѣ, да прозрятъ очи твои, и исполнишия Духа*

Свята (Дьян. 9, 17.). И когда крестить его, исполнился онъ Духа Святаго, и ощутилъ сокровенныя тайны откровений, какъ совершилось сіе и съ святыми Апостолами, когда былъ съ ними Исусъ и говорилъ: много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же придетъ Духъ Святыи, Онъ наставитъ вы на всяку истину, и грядущая возвеститъ вамъ (Іоан. 16, 12. 13.).

И блаженный Павелъ тогда именно, какъ пріять Духа Святаго, и обновился Имъ, сподобился и таинъ откровенія, сталъ созерцать духомъ откровеній, и услаждался созерцаніемъ, слышалъ неизреченныя глаголы, зрѣлъ созерцаніе высшее естества, восторгался созерцаніями небесныхъ силъ, и услаждался духовнымъ. И да не будетъ того, что въ безуміи своемъ утверждаютъ еретики, называемые евкиты, будто-бы сего восхожденія достигъ онъ своимъ желаніемъ! Умъ вовсе не можетъ восходить туда. Напротивъ того, Павелъ восхищенъ былъ духомъ откровеній, какъ самъ написалъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ, вопреки этимъ суетнымъ людямъ, которые угодобилили себя святымъ Апостоламъ, исповедали мечты своихъ помысловъ, и назвали ихъ духовными созерцаніями. Это относится и ко многимъ еретикамъ, то-есть, близко сіе къ Оригену, къ Валентину, къ сыну Диссанову, къ Маркіону, къ Манесу, къ прочимъ древнимъ начальникамъ зловредныхъ ересей, начавшихся со времени Апостольскихъ, и донныи по мѣстамъ обрѣтающихся.

Наконецъ, послѣку некоторые люди, поврежденные въ умъ бѣсовскимъ мечтаніемъ, восхотѣли расгнѣть ученіе блаженныхъ Апостоловъ; то божест-

венный Апостолъ вынужденъ былъ въ ничто обратитъ похвалбу еретиковъ, хвалившихся тѣсно дѣланія являвшихся имъ бѣсовъ, и потому со смиреніемъ и великимъ страхомъ описываетъ онъ божественное свое созерцаніе, относя оное къ лицу другаго. Ибо говоритъ: *вѣмъ чловѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати: аще кромѣ тѣла, аще ли въ тѣлѣ не вѣмъ: Богъ вѣствъ: восхитена бывша въ рай, и слышавшаго глаголы, иже не лѣтъ есть чловѣку глаголати* (2 Кор. 12, 2. 4.). Итакъ, говоритъ онъ, что восхитеніемъ восхитенъ былъ, а непроизвольно восшелъ умомъ своимъ въ созерцаніи, до третьяго небеси. Написалъ, что видѣлъ созерцанія; сказалъ, что слышалъ глаголы: по какія были словеса, или образы созерцаній, того не могъ написать. Ибо, когда умъ духомъ откровеній видѣлъ это на своемъ мѣстѣ, тогда не пріять заповѣди изречь это не на своемъ для сего мѣстѣ. А если бы и восхотѣлъ изречь сіе, то не могъ бы; потому-что видѣлъ сіе не тѣлесными чувствами. Что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, то имъ же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной: а что ощутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри себя, въ области духовной, того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только воспоминаетъ, что видѣлъ это; но какъ видѣлъ, неумѣетъ повѣдать ясно.

И снмъ обличаются ложныя писанія, такъ называемыя откровенія, изложенныя начальниками ересей, растлѣнныхъ мечтаніемъ бѣсовскимъ, о обителяхъ на тверди, въ которыя вводятъ умъ для самовольнаго обученія, и о восхожденіяхъ ума на небо, и о

мѣстахъ отлученныхъ на судъ, и о многовидныхъ образахъ горныхъ силъ, и о дѣйственности ихъ. Все это есть тѣнь ума, упоеннаго самоопыченіемъ, и приведеннаго въ оцѣнчивыя бѣсовскія дѣланія. Поэтому-то блаженный Павелъ единымъ словомъ заключилъ дверь предъ лицомъ всякаго созерцанія, и затворъ ея ввѣсь внутрь молчанія, гдѣ умъ, если бы и могъ объявить о семъ, то не получилъ бы на то дозволенія. Пбо сказалъ, что все созерцаніе, какія языкъ въ состояніи обнаружить въ тѣлесной области, суть мечтанія душевныхъ помысловъ, а не дѣйствіе благодати.

Паконецъ, преподобіе твое, намятуя сіе, да наблюдаетъ надъ мечтаніями помысловъ глубокихъ. А этой брани всего чаще подвергаются, обыкновенно, монахи ума тонкаго, входящіе въ изслѣдованіе того, чѣмъ питается тщесловіе, воздѣлывающее нововведеній, и дѣлающіе все напоказъ.

Некто, по имени Манасъ, ведя родъ свой изъ Эдессы, въ одно время сталъ изобрѣтателемъ ереси евтитовъ, тогда-какъ проводилъ высокое житіе и переносилъ самыя тяжкія труды и скорби. Пбо говорятъ, что, бывъ ученикомъ блаженнаго Іуліана, называсмаго Савою, на короткое время ходилъ съ нимъ на Синай и въ Египеть, и видѣлъ великихъ Отцевъ того времени, видѣлъ блаженнаго Антонія, слышалъ отъ него таинственныя словеса, изглаголанныя имъ о чистотѣ и спасеніи душъ, слышалъ тонкія вопросы о страстяхъ, въ которыхъ Антоній объяснялъ, что умъ, по очищеніи своемъ, имѣетъ созерцанія духовныхъ таинъ, и что душа можетъ, по благодати, сподобиться безстрастія, когда дѣла-

нѣмъ заповѣдей совлечется ветхихъ страстей, и прійдетъ въ здравіе первобытнаго своего естества. И когда Малиасъ въ цѣть юности своєї выслушалъ слова сїи, воспламенился какъ огонь, и пришелъ въ свой городъ; и такъ-какъ возгорѣлась въ немъ страсть славолобія, избралъ себѣ отшельническую храмину, и посвятилъ себя на дѣла и жестокія скорби и непрестанныя молитвы. И когда возгорѣлась въ немъ страсть непомѣрнаго славолобія, то-есть надежда достигнуть ему тѣхъ высокихъ дарованій, о которыхъ онъ слышалъ; такъ-какъ не обучился онъ искусству противоборствовать врагамъ петши, не уразумѣлъ козней, обмановъ и ухищреній супостата, какими сильныхъ и крѣпкихъ увлекаетъ онъ въ погибель, надѣялся же только на дѣла, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержаніе, не приобрѣтши самоумиженія, смиренія, сердечнаго сокрушенія,—сихъ непреодолимыхъ оружій при сопротивленіи лукаваго, не памятуя и Писанія, которое говоритъ: когда исполните дѣла, сохраните заповѣди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными; и только разжигаетъ былъ высокимъ о себѣ самовнѣніемъ, основанномъ на дѣланіи имъ житія своего, и старалъ желаніемъ высокихъ даровъ, о которыхъ слышалъ; — но истеченіи многого времени, когда діаволь увидѣлъ, что нѣтъ у него дѣланія смиренія, а только воздѣлываетъ созерцація, чтобы ощутить тайны, о которыхъ слышалъ, явился ему въ безмѣрномъ свѣтѣ, говоря: «я — Углышитель, и посланъ къ тебѣ отъ Отца, чтобы сподобить тебя видѣть созерцаніе, котораго желалъ за дѣла свои,

дать тебѣ безстрастіе и на будущее время упокоить тебя отъ дѣль». Въ замѣтъ же сего злокозненный потребовалъ поклоненія у сего бѣднаго. И этотъ обьюродѣвшій, послыку не ощутилъ брани лукаваго, немедленно съ радостію принялъ его, и поклонился ему, и тотже часъ сталъ подъ властію его. И врагъ, вмѣсто божественнаго созерцанія, наполнилъ его бѣсовскими мечтаніями, сдѣлалъ, что пересталъ онь трудиться ради истины, возвысилъ его, и поругался надъ нимъ тщетною надеждою безстрастія, говоря ему: «теперь не имѣешь ты нужды въ дѣлахъ, въ злостраданіяхъ тѣла, въ борьбѣ со страстями и похотями»; и сдѣлалъ его ересеначальникомъ свѣтитовъ. Когда же умножились они, и явно стало мерзкое и несправое ихъ ученіе, изгнаны они были тогдашнимъ Епископомъ.

И еще, никто другой, но имени Аспнасъ, въ томъ же городѣ Эдессѣ, сочинивъ многіе трилогіи, которые поются и донынѣ, проводилъ высокое житіе, и безразсудно связывалъ себя самыми трудными дѣлами, пока не прославился. Его обольстилъ діаволь, вывелъ изъ келій его, и поставилъ на верху горы, называемой Сторій, заключилъ съ нимъ договоръ, показавъ ему образъ колесницы и коней, и сказалъ ему: «Богъ послалъ меня поять тебя въ рай, какъ Ілію». И какъ-скоро вдался тотъ въ обманъ младенческимъ своимъ разумомъ, и возшелъ на колесницу; разрушилась вся эта мечта, шэринулся онь съ великой высоты, уналъ оттуда на землю, и умеръ смертію достойною смѣха.

Не напрасно я сказалъ здѣсь это, но чтобы познать намъ поруганіе отъ бѣсовъ, жаждущихъ по-

гнѣшли свягыхъ, и не воздерживать не во время вы-
соты умнаго житія; а иначе, будемъ осмѣяны лука-
вымъ суноостатомъ нашимъ: ибо и нынѣ вижу, что
юноши, исполненные страстей, необязательно суетлю-
вать, и рѣшительно судятъ о тайнахъ безстрастїа.

Въ разсужденїи людей, которые исполнены стра-
стей и входятъ въ изслѣдованїе объ отношенїяхъ
тѣлеснаго и безтѣлеснаго, а потому не отличаются
отъ большихъ, преподающихъ правило о сохране-
нїи здравїа, однимъ изъ святыхъ написано: «Бла-
женный Павелъ, когда узналъ объ ученикахъ, ко-
торыя пренебрегали заповѣдями и не пренобѣдили
страстей, но воздерживали блаженства въ созерцанїи
таинъ, возмозжноу по очищенїи, сказалъ имъ: со-
влекитесь сперва ветхаго челоуька страстей, и тогда
воздерживайте облечься въ челоуька новаго, обнов-
леннаго познанїемъ таинъ въ подобїе Творцу, и не
воздерживайте моего и прочихъ Апостолоуь блажен-
ства, дѣйственно совершеннаго благодатию; потому-
что Богъ, *егоже хоцетъ, милуетъ: а егоже хоцетъ,
ожесточаетъ* (Рим. 9, 18.). Ибо, кто протнвоста-
нетъ лицу Его, или воспротнвится волю Его? Богъ
даруетъ иногда тупе; иногда же требуетъ дѣлъ и
очищенїа, и потомъ уже посылаетъ даръ; а иногда
и послѣ дѣлъ и очищенїа не дастъ здѣсь, но хра-
нить, чтобы даровать созерцанїе на своемъ мѣстѣ».

Находимъ же, что такъ поступаетъ Онъ и въ
разсужденїи меньшаго въ сравненїи съ еимъ даромъ,—
разумно, прощенїе грѣховъ. Ибо вогуь, крещенїе
даруетъ тупе, и совершенно ничего не требуетъ
кромѣ вѣры; при покаянїи же во грѣхахъ по кре-
щенїи не тупе прощаетъ, но требуетъ трудовъ,

скорбей, печалей, сокрушенія, слезъ, долговременнаго плача, и потомъ уже прощася. Разбойника ту не простилъ за одно исповданіе словомъ на крестъ, и обѣтовалъ ему царство небесное; и у грѣшницы потребовалъ также вѣры и слезъ. А у мучениковъ и исповѣдниковъ, сверхъ сердечной ихъ вѣры, требовалъ скорбей, постязаній, строганія, мученій, многообразныхъ скорбей.

Посему, святыня твоя, убѣдившись симъ и подобнымъ тому, да взираетъ на первыхъ и послѣднихъ, и да не домогается созерцанія, когда не время созерцанію. И пока заключенъ ты въ мѣсть тѣла, будь рачителенъ въ дѣлахъ покаянія и противоборцемъ страстей, терпѣливымъ въ дѣланіи заповѣдей, и остерегайся бѣсовскаго поруганія, а также проповѣдующихъ непреложное совершенство въ міръ страстномъ и удобопреклонномъ. Это выше даже и святыхъ Ангеловъ, сихъ служителей Отца и Духа; и они ожидаютъ обновленія въ посредствующемъ, чтобы освободиться отъ работы петлень въ свободѣ чадъ Божіихъ. Ибо возможно ли совершенство здѣсь, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ среди облаковъ, временемъ благораствореніе воздуха, а временемъ засухи, иногда радость, а иногда сѣтованіе? Чтò противно сему, то — часть волковъ, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ. Богъ же да утвердитъ основаніе житія нашего истиннымъ утвержденіемъ и святымъ Своимъ ученіемъ. Ему подобася слава, держава и велецльіе нынѣ и въ нескончаемыя вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 56.

О любви къ Богу, объ отреченнн отъ міра, и объ упокоенн въ Богѣ.

Душа, которая любитъ Бога, въ Богѣ и въ Немъ единомъ пріобрѣтаетъ себѣ упокоеніе. Разрѣши прежде на себѣ всякій внѣшній союзъ, и тогда можешь быть сердцемъ въ союзъ съ Богомъ; потому-что единенію съ Богомъ предшествуетъ отрѣшеніе отъ всцества. Хлѣбъ дается въ пищу младенцу послѣ того, какъ откормился онъ молокомъ: и человекъ, который намѣренъ преуслѣвать въ божественномъ, желаетъ прежде устранить себя отъ міра, какъ младенецъ отъ объятій и сосцевъ матернихъ. Тѣлесное дѣланіе предшествуетъ душевному, какъ персть предшествовала душѣ, вдутой въ Адама. Кто не списалъ тѣлеснаго дѣланія, тотъ не можетъ имѣть и душевнаго; потому-что послѣднее рождается отъ перваго, какъ колосье изъ пшеничнаго зерна. А кто не имѣетъ душевнаго дѣланія, тотъ лишается и духовныхъ дарованій.

Болезни, въ настоящемъ вѣкѣ переносимыя за истину, нейдутъ въ сравненіе съ услаждешемъ, какое уготовано страждущимъ за добро. Какъ за сьющими въ слезахъ слѣдуютъ рукояти радованія: такъ и за злостраданіемъ ради Бога послѣдуетъ радость. Сладокъ кажется земледѣльцу хлѣбъ, добытый потомъ: сладки и дѣланія ради правды сердцу, пріявшему въдыніе Христово. Съ благою волею претерпи и униженіе и смрненіе, чтобы имѣть

тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. Человѣкъ, съ вѣдѣніемъ терни всякое жестокое слово, когда самъ не сдѣлалъ предварительно неправды изрекшему оное, хотя возлагаетъ при этомъ на главу свою терновый вѣнецъ, однакоже блаженъ, потому-что истинно увѣчивается, тогда-какъ и самъ того не знаетъ.

Кто съ вѣдѣніемъ убѣгаетъ суетной славы, тотъ ощутилъ въ душѣ своей будущій вѣкъ. Кто говоритъ, что оставилъ мѣръ, и препирается съ людьми изъ-за какой-либо потребности, чтобы не было у него въ чемъ-либо недостатка къ упокоенію его; тотъ совершенно слѣвъ, потому-что, хотя добровольно оставилъ цѣлое тѣло, однакоже ратуетъ и препирается объ одномъ его членѣ. Кто бѣгаетъ покоя въ настоящей жизни, у того умъ соглядаетъ уже будущій вѣкъ. А кто связанъ любостыжательностію, тотъ рабъ страстей. Не думай, что одно пріобрѣтеніе золота и серебра есть любостыжательность; она есть пріобрѣтеніе, чего бы то ни было, такого, къ чему привязана воля твоя. Не хвали того, кто злостраждетъ тѣлесно, но у кого дана воля чувствовать, разумью же слухъ, зіяющія и не-удержимыя уста и блуждающія очи. Когда предписываешь душѣ правила, устройть свое спасеніе милосердіемъ; пріучай душу свою не некать оправданія въ другихъ дѣлахъ, чтобы не оказалось, что дѣлаешь одною рукою и расточаешь другою: ибо тамъ потребность въ сердоболіи, а здѣсь въ широтѣ сердца. Знай же, что оставлять грѣхи должникамъ принадлежить къ дѣламъ правды. Тогда увидишь тишину и свѣтлость повсюду въ умѣ твоёмъ.

Когда вступишь на путь правды, тогда прильпнись къ свободѣ во всякомъ дѣлѣ.

Нѣкто изъ свитыхъ сказалъ объ этомъ: «слѣпъ милостивый, если не бываетъ справедливъ; разумю же, что долженъ давать другому изъ добытаго собственными усиліями и трудами, а не изъ добытаго ложью, неправдою, ухищреніями». И еще онъ же въ другомъ мѣстѣ сказалъ: «если угодно съять въ нищихъ, то съй изъ собственнаго. А если вознамѣришься съять изъ чужаго, то знай, это—самыя горькіе плевели». А я присовокупляю, что, если милостивый не бываетъ выше своей правды, то онъ немилостивъ, т. е., милостивый не только даетъ людямъ милостыню изъ своего собственнаго, но и съ радостію тернить отъ другихъ неправду, и милуетъ ихъ. А когда пренобѣдитъ правду милостынсю; тогда увеличивается не подзаконными вѣщами праведниковъ, но евангельскими вѣщами совершенныхъ. Ибо подавать нищимъ изъ собственности своей, одѣть нагаго, любить ближняго какъ себя самого, не обижать, не лгать, — это провозглашалъ и законъ ветхій; совершенство же евангельскаго домостроительства повелѣваетъ такъ: *отъ взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай* (Лук. 6, 30.). И должно съ радостію тернить не только несправедное отъятіе какой-либо вещи и прочее вѣщное, но и самую душу полагать за брата. Тотъ милостивый, а не тотъ, кто подающимъ только оказываетъ милость брату своему! Но и тотъ милостивъ, кто услышитъ, или увидитъ, что-либо опечаливающее брата его, и возгорится сердцемъ; а равно и тотъ, кто, если за-

ушенъ братомъ своимъ , не возъиметь столько безстыдства, чтобы отвѣчать и опечалить сердце его.

Почти дѣланіе бѣднѣя, чтобы найдти тебѣ утѣшеніе близкимъ къ душѣ твоей. Занимайся чтеніемъ въ безмолвіи, чтобы умъ твой всегда возводилъ быль къ чудесамъ Божиимъ. Возлюбилъ съ терпѣніемъ нищету, чтобы собрать во-едино умъ свой отъ паренія. Возненавидь жизнь пространную, чтобы помышленія свои сохранить безмятежными. Удерживайся отъ многого, и заботься обь одной душѣ своей, чтобы спасти ее отъ расточенія внутренней тишины. Возлюбилъ цѣломудріе, чтобы не постыдѣться во время молитвы своей предъ Богомъ. Пріобрѣтай чистоту въ дѣлахъ своихъ, чтобы озарилась душа твоя въ молитвѣ, и памятованіемъ о смерти возжигалась радость въ умѣ твоёмъ. Остерегайся малаго, чтобы не впасть въ большое. Не будь лѣнивъ въ дѣланіи своемъ, чтобы не постыдѣться, когда станешь среди друзей своихъ, и не оказаться ценъ-иющимъ путевого запаса, почему друзья оставляютъ тебя одного среди пути. Съ вѣдѣніемъ веди дѣла свои, чтобы не быть осуждену за все свое теченіе. Пріобрѣти свободу въ жизни своей, чтобы освободиться отъ бури. Не связывай свободы своей тѣмъ, что служитъ къ наслажденію, чтобы не сдѣлаться тебѣ рабомъ рабовъ. Въ одѣянніи своемъ люби бѣднѣя одѣжды, чтобы уничтожить раждающіеся въ тебѣ помышленія т. е. высокоуміе сердца. Кто любитъ блескъ, тотъ не можетъ пріобрѣсти смиренныхъ мыслей; потому-что сердце внутренно отпечатлѣвается по подобію вѣннпныхъ образовъ.

Кто, любя пустословіе, умѣлъ пріобрѣсти чи-

стѣй умъ? Кто, домогаясь уловить людскую славу, могъ пріобрѣсти смиренныя помыслы, или кто, будучи невоздержнымъ и изнѣживъ свои члены, можетъ сдѣлаться чистъ умомъ и смиренъ сердцемъ? Когда умъ увлекается чувствами, тогда и онъ ѣсть съ ними звериную пищу. А когда чувства увлечены умомъ, тогда они пріобщаются съ нимъ ангельской пищи.

За смиренномудріемъ слѣдуетъ воздержность и во всемъ ограниченность; а тщеславіе—служитель блуда и дѣло гордыни. Смиренномудріе, по причинѣ постоянного самоограниченія, приходитъ въ созерпаніе, украшаетъ же и душу цѣломудріемъ; а тщеславіе, по причинѣ непрестаннаго мятежа и смущенія помысленій своихъ, изъ всего встрѣчающагося собираетъ нечистыя сокровища, и оскверняетъ сердце. Оно же еще ненотребнымъ взоромъ смотритъ на природу вещей и занимаетъ умъ срамными представленіями; а смиренномудріе духовно ограничиваетъ себя созерчаніемъ и пріобрѣтшаго оное возбуждаетъ къ славословію.

Творящихъ знаменія, чудеса и силы въ мірѣ не сравнивай съ безмолвствующими съ вѣдѣніемъ. Бездѣйственность безмолвія возлюби наче, нежели насыщеніе алчущихъ въ мірѣ и обращеніе многихъ народовъ къ поклоненію Богу. Лучше тебѣ самого себя разрѣшить отъ узъ грѣха, нежели рабовъ освободить отъ рабства. Лучше тебѣ умириться съ душею твоею въ единомысліи тройственнаго въ тебѣ состава, т. е., тѣла, души и духа, нежели ученіемъ своимъ умиротворять разномысленныхъ. Григорій говоритъ: «хорошо богословствовать ради

Бога, но лучше сего для человека содѣлать себя чистымъ для Бога». Лучше тебѣ, будучи вѣдущимъ и опытнымъ, быть косноязычнымъ, нежели отъ остроты ума своего подобно рыбѣ источать ученія. Полезнѣе для тебя позаботиться о томъ, чтобы надшесть въ душу твою отъ страстей возставить возбужденіемъ помышленій своихъ къ божественному, нежели воскрешать умершихъ.

Многіе совершали силы, воскрешали мертвыхъ, трудились въ обращеніи заблудшихъ и творили великія чудеса, руками ихъ многіе приведены къ богопознанію, и послѣ всего этого сами, оживотворявши другихъ, впади въ мерзкія и гнусныя страсти, умертвили самихъ себя, и для многихъ сдѣлались соблазномъ, когда явны стали дѣянія ихъ; потому-что были еще въ душевномъ недугѣ, не заботились о здравіи душъ своихъ, но, сами будучи еще немощны, пустились въ море міра сего изцѣлять души другихъ; и, какъ сказалъ я, утратили для душъ своихъ надежду на Бога. Помощь чувствъ не въ состояніи была срѣтить и вынести пламень того, что обыкновенно приводитъ въ разсвирѣпѣніе лютость страстей; потому-что для чувствъ нужна была еще осторожность, и именно въ томъ, чтобы вовсе не видать женщинъ, не предаваться покою, не пріобрѣтать серебра и другихъ вещей, не начальствовать надъ другими, не превозноситься надъ ними.

Пусть лучше предполагаютъ тебя необразованнымъ за скудость въ тебѣ умовъ прекословить, нежели однимъ изъ мудрыхъ за безстыдство. Будь нищъ ради смиренія, и не будь богачъ ради без-

стыдства. Тѣхъ, которые держатся ученія прозви-
наго твоему, обличай силою добродѣтелей своихъ,
а не убѣдительною словъ своихъ. Кротостию и
спокойствіемъ устъ своихъ заграждай уста безстыд-
ства непокорнымъ, и заставляй ихъ умолкнуть.
Обличай развратныхъ благородствомъ житія своего,
а тѣхъ, у кого безстыдны чувства,—воздержностию
очей своихъ.

Всѣ дни жизни своей, куда бы ни пришелъ ты,
признавай себя странникомъ, чтобы въ состояніи
быть тебѣ избавиться отъ вреда, порождаемаго
вольностию въ обращеніи. Во всякое время думай о
себѣ, что ничего не знаешь, чтобы избѣжать тебѣ
порицанія, но подозрѣнно, будто бы ты хочешь по
своему установить мнѣніе другаго. Благословляй
всегда устами, и не будутъ тебя злословить; по-
тому что отъ злословія рождается злословіе, а отъ
благословенія—благословіе. Во всякомъ дѣлѣ по-
читай себя скуднымъ для того, чтобы учить, — и
во всю жизнь свою будешь оказываться мудрымъ.
Не сообщай другому, чего самъ не постигъ, чтобы
не было тебѣ стыдно себя самого, и по слыханіи
житія твоего не открылась ложь твоя. Если же
станешь говорить кому что-либо полезное; то го-
вори въ видѣ учащагося, а не со властию и без-
стыдствомъ и напередъ самъ себя осуди, и пока-
жи, что ты ниже его, чтобы слушающимъ показать
чинъ смиренія и побудить ихъ выслушать рѣчь
твою и приступить къ дѣланію, и будешь почетенъ
въ глазахъ ихъ. Если можешь; то въ подобныхъ
случаяхъ говори со слезами, чтобы доставить поль-
зу и себѣ, и слушающимъ тебя,—и съ тобою бу-
детъ благодать Божія.

Если пріялъ ты благодать Божию, и сподобился насладиться зрѣніемъ судебъ Божіихъ и видимыхъ тварей, что составляетъ первую степень вѣдѣнія, то пріуготовь себя, и вооружись противъ духа хулы. Но не стой въ странѣ этой безъ оружія, чтобы не умереть тебѣ вскорѣ отъ подстергающихъ и обольщающихъ тебя. Оружіемъ же твоимъ да будутъ слезы и непрестанный погѣ. Остерегайся читать ученія еретическія; потому-что сіе всего чаще вооружаетъ на тебя духа хулы. А когда наполнишь чрево, не входи съ безстыдствомъ въ изслѣдованіе какихъ-либо предметовъ и понятій божественныхъ, чтобы тебѣ не раскаяваться. Выразумѣй же, что говорю тебѣ: съ наполненнымъ чревомъ невозможно вѣдѣніе таинъ Божіихъ. Часто, и не зная сытости, читай въ книгахъ учителей о Промыслѣ Божіемъ; потому что онѣ руководствуютъ умъ къ усмотрѣнію порядка въ тваряхъ и дѣлахъ Божіихъ, укрываютъ его собою, своею тонкостию пріуготовляютъ его къ пріобрѣтенію свѣтозарныхъ мыслей, и дѣлаютъ, что въ чистотѣ идетъ онъ къ уразумѣнію тварей Божіихъ. Читай Евангеліе, завѣщанное Богомъ къ познанію цѣлой вселенной, чтобы пріобрѣсти себѣ напутствіе въ силѣ Промысла Его о всякомъ родѣ, и чтобы умъ твой погрузился въ чудеса Божіи. Таковое чтеніе согласуется съ твоєю цѣлю. Чтеніе же твое да будетъ въ не возмущаемой ничѣмъ тишинѣ: и будь свободенъ отъ многопомечительности о тѣлѣ и отъ житейскаго мятежа, чтобы ощутить въ душѣ своей, при сладостномъ уразумѣніи, самый сладостный вкусъ, превосходящій всякое ощущеніе, и чтобы душа оцу-

щала это по пребыванію своему въ томъ. Слова людей благопскусныхъ да не будутъ для тебя словами лицемѣровъ, торгующихъ словомъ Божиимъ, чтобы не остаться тебѣ во тмѣ до конца жизни своей, не лишиться пользы отъ сихъ словъ, и во время брани не прійдти въ смятеніе, какъ смущенному, и повидному щца добра, не впасть въ яму.

Во что ни намѣревался бы ты выкинуть, признакомъ вшествія (с) внутрь пусть будетъ для тебя слѣдующее. Когда благодать начнетъ отверзать очи твои для ощущенія зрѣніемъ предметовъ въ ихъ дѣйствительности; тогда очи твои въ тоже мгновеніе начнутъ изливаться ручьями слезы, такъ-что неразъ множествомъ ихъ омоются ланиты твои. И тогда брань чувствъ утихаетъ и сокращается внутри тебя. Если кто будетъ учить тебя противно сему, не вѣрь ему. Кромѣ слезъ не щца другаго больше явнаго признака въ тѣлѣ. Когда же умъ возвысился надъ тварями; тогда и у тѣла не будетъ ни слезъ, ни всякаго движенія и ощущенія.

Медъ обрѣтъ, лждь умьренно, да не како пресыщенъ изблюеши (Прит. 25, 16.). Естество души удободвижно и легко: иногда восторгаясь, воздеваетъ она восходить высоко, и дознавать, что превыше ея естества, нерѣдко при чтеніи Писаній и воззрѣніи на вещи постигаетъ нѣчто; когда же будетъ понущено, и сравнитъ она себя съ постигнутымъ ею, тогда оказывается, что она въ мѣрѣ смотрѣнія своего ниже и меньше того, до чего

(с) Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто τῶ μὴ εἰσελθεῖν, должно читать безъ отрицанія: τῷ εἰσελθεῖν.

простерлось въдѣніе ея, а потому въ помышленіяхъ своихъ облекается въ страхъ и трепеть, и въ болѣзни, какбы устыдившись, что отважилась коснуться высшихъ ея духовныхъ предметовъ, спѣшитъ снова возвратиться въ ничтожество свое. По причинѣ страха, внушаемаго предметами, находятъ на нее какая-то болѣзнь, и разсудокъ понавасть уму души обучаться молчанію и не быть безстыднымъ, чтобы не погнѣнуть, и не искать превосходящаго ее, не допытываться того, что выше ея. Поэтому, когда дана тебѣ возможность уразумѣвать, уразумѣвай, и не касайся съ безстыдствомъ тайнъ, но поклоняйся, славословь и благодари въ молчаніи. Какъ не хорошо ѣсть много меда, такъ не входи и въ изслѣдованіе словесъ Божіихъ, чтобы, когда пожелаешь всматриваться въ отдаленные предметы, не приблизившись еще къ нимъ, по неудобству пути, не изнемогла и не повредила у тебя сила зрѣнія. Ибо иногда вмѣсто дѣйствительности видишь какіе-то призраки. И умъ, когда прійдетъ въ уныніе отъ изысканія, забываетъ цѣль свою. Посему прекрасно сказалъ Соломонъ, что, *якоже градъ неогражденъ*, такъ и человекъ нестерпимый (Прпт. 25, 29.). Поэтому, человекъ, очищай душу свою, свергни съ себя попеченіе о томъ, что въ твоего естества, на понятія и движенія свои повѣсь завѣсу цѣломудрія и смиренія, и чрезъ это найдешь, что внутри твоей природы; потому-что смиреннымъ дается откровеніе тайнъ.

Если намѣренъ ты предать душу свою на дѣло молитвы, очищающей умъ, и на пребываніе въ бодрствованіи ночью, чтобы приобрести свѣтлый

разумъ; то удаляйся отъ зрѣнія міра, прекрати свиданія съ людьми, не принимай въ келію свою, по обычаю, друзей, даже подъ видомъ пользы, кромѣ единоправныхъ, единомысленныхъ съ тобою и соплатниковъ твоихъ; бойся примѣси душевной бесѣды, которая обыкновенно возбуждается произвольно, по отвѣщеніи, отрѣшеніи и совершенномъ прекращеніи вѣншей бесѣды. Съ молитвою твоею сопряги милостивно, и душа твоя узритъ свѣтъ истины. Ибо въ какой мѣрь сердце перестаетъ тревожиться вѣншими предметами, въ такой же умъ можетъ отъ уразумѣнія мыслей и дѣлъ божественныхъ доходить до постиженія и изумленія. Ибо думъ обычно скоро забывятъ (человѣческія собранія собесѣдованіемъ съ Богомъ и словами Божиими и (ж) одну бесѣду другого, если постарается показать малую рачительность. А чтобы забыть одно собесѣдованіе другимъ, занимайся чтеніемъ Писанія, открывающимъ тебѣ путь тонкости созерцанія, и житіями святыхъ, хотя сначала и не ощутишь сладости, по причинѣ омрачающей близости вещей.

И когда станешь на молитву и на правлю свое, то вмѣсто размышленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ мѣрь, найдешь въ себѣ размышленіе о божественныхъ Писаніяхъ, какія прочесть, и снмъ размышленіемъ приведется въ забвеніе, что памятовалось о мірскомъ, а такимъ образомъ приходитъ умъ въ чистоту. И сіе значитъ написанное, что чтеніе помогаетъ думъ, когда станеть на молитву;

(ж) Слова, заключенныя въ скобкахъ, допущены изъ древн. слав. перевода.

и также: душа молитвою просвѣщается въ чтеніи. И чтеніе опять, вмѣсто вышней примѣси, доставляетъ нищу разнымъ видамъ молитвы, а потому и чтеніемъ душа просвѣщается, чтобы всегда молиться цельно и несмущенно.

Щото побцамъ и чревоугодникамъ входитъ въ изслѣдованіе предметовъ духовныхъ такъ-же непримично, какъ и блудницѣ разглагольствовать о цѣломудріи. Тѣло, крайне бользенное, отвращается и не тершитъ тучнаго въ снѣдахъ: и умъ, занятый мірскимъ, не можетъ приблизиться къ изслѣдованію божественнаго. Огонь не возгарается въ сырыхъ дровахъ: и божественная горячность не возжигается въ сердцѣ любящемъ покой. Блудница не ослается въ пріязни съ однимъ: и душа, привязанная ко многимъ вещамъ, не пребываетъ вѣрною божественнымъ наставленіямъ. Какъ тотъ, кто не видалъ своими глазами солнца, не можетъ кому-либо описать его свѣта по одному слуху, даже и не ощущаетъ его свѣта: такъ и невкусившій душею своею сладости духовныхъ дѣлъ.

Если имѣешь что лишнее для дневной потребности, раздай это нищимъ, и иди съ дерзновеніемъ приносить молитвы свои, т. е. бесѣдуй съ Богомъ, какъ сынъ съ отцемъ. Ни что не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня; и ни что не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета. Лучше, чтобы многіе называли тебя невѣждою за простоту, нежели мудрымъ и совершеннымъ по уму, ради славы. Если кто, сидя на конѣ, протянетъ къ тебѣ руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему; потому-что въ это

время онъ, безъ сомнѣнiя, скуденъ какъ одинъ изъ нищихъ. Когда же подаешь, подавай съ великодушиемъ, съ ласковостiю на лицъ, и снабди въ больнѣй мѣрь, нежели сколько просить. Ибо сказано: *посли кусокъ твой на лице бѣднаго, и не по многому времени пайдеши воздаянiе* (Еккл. 11, 1.). Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся различавать достойнаго отъ недостойнаго: пусть все люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Ибо снѣ съ способомъ можешь и недостойныхъ привлечь къ добру; потому-что душа посредствомъ тѣлеснаго скоро привлекается въ страхъ Божiй. И Господь раздѣлялъ транезу съ мытарями и блудницами, и не отлучалъ огъ себя недостойныхъ, чтобы снѣ съ способомъ всехъ привлечь въ страхъ Божiй, и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному. Поэтому, благотворенiемъ и честiю уравнивай всехъ людей, будетъ ли кто iудей, или неверный, или убийца, тѣмъ паче, что и онъ братъ тебѣ, одной съ тобою природы, и не съ вѣднiемъ заблудился отъ петши.

Когда съблаешь кому добро, не жди отъ него воздаянiя: и за то и за другое вознаградишь тебя Богъ. А если возможно для тебя, дѣлай добро и не ради будущаго воздаянiя. Если возложншь на душу свою правило нищеты, и, по благодати Божiей, освободншься отъ попеченiй, и нищетою своею станешь выше мiра; то смотри, не возлюби стяжанiя по нищелюбно, для подавнiя милостынн, не ввергни души своей въ смятенiе тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому; не ушчтожь чести своей подшщешностiю людямъ, и прося у

нихъ, не утратъ свободы и благородства ума своего въ пошеченіи о житейскомъ : потому-что степень твоя выше степени милостивыхъ; прошу тебя никакъ не подниматься. Милостыня подобна воспитанію дѣтей, а безмолвіе — верхъ совершенства. Ежели есть у тебя питьіе, расточи его вдругъ. Если же ничего не пьешь, и не желай пить. Очисти келью свою отъ роскоши и отъ излишествъ, потому-что сіе поведетъ тебя къ воздержанію невольному, хотя бы ты и не хотѣлъ. Скудость во всемъ учитъ человека воздержанію, а когда дозволили мы себѣ пить то и другое, тогда не въ состояніи бываемъ воздерживать себя.

Одержавшіе побѣду въ бранн вѣншией, возымѣли смѣлость не бояться самой внутренней брани; и ничто не побуждаетъ ихъ къ опасенію, не беспокоятся они о бранн, угрожающей имъ спереди или сзади; разумно же брань, воздвигаемую на душу чувствами и нерадѣніемъ, наприѣмръ слухомъ, языкомъ, или когда даемъ и беремъ. Все это, входя въ душу, производитъ въ ней ослѣпленіе. И при наступленіи вѣншиаго смятенія не можетъ она быть внимательною къ себѣ въ воздвигаемой на нее тайной бранн, и возстающихъ внутри ся побуждать тишиною. А когда человекъ затворитъ врата градскіе, т. е. чувства: тогда ратуетъ внутри, и не боится злоумышляющихъ въ града.

Блаженъ, кто знаетъ это, пребываетъ въ безмолвіи, и не тревожитъ себя множествомъ дѣлъ, по всю тѣлесную дѣятельность обратилъ на трудъ молитвенный, и увѣрился, что, пока трудится съ Богомъ, и о Немъ имѣетъ пошеченіе день и ночь, не

будеть имѣть недостатка въ чемъ-либо крайне необходимомъ ; потому-что для Бога удаляется отъ разсѣянiя и отъ труда. Если же кто не можетъ пребывать въ безмолвіи безъ руководiя; то пусть работаетъ, пользуясь руководiемъ какъ пособіемъ, а не для выгоды, изъ корыстолюбiя. Руководiе назначается для немощныхъ, а для болѣе совершенныхъ оно бываетъ причиною смятенiя. Ибо нищимъ (з) и лѣнливымъ Отцы положили заниматься работою, но не какъ дѣломъ необходимымъ.

Въ то время какъ Богъ внутренно приводитъ сердце твое въ умиление, непрестанно твори поклоны и коленнопреклоненiя. Не попускай сердцу своему заботиться о чемъ-нибудь, когда демоны начнутъ убѣждать тебя заниматься другими дѣлами; и тогда смотри, и дивись, что произойдетъ у тебя изъ этого. Ничего другое въ подвижническихъ боренiяхъ не бываетъ такъ важно и трудно, и не возбуждаетъ такой зависти въ бѣсахъ, какъ если повергаетъ кто себя предъ крестомъ Христовымъ, молясь день и ночь, и бываетъ какбы съ связанными назадъ руками. Хочешь ли не охладѣть въ своей горячности, и не обвинять слезами, займись этимъ; и блаженъ ты, человекъ, если о сказанномъ тебѣ будешь заботиться день и ночь, и не станешь домогаться ничего другаго. Тогда возсияетъ внутри тебя свѣтъ, и правда твоя возблистаетъ скоро, и будешь какъ садъ цвѣтущій, и какъ источникъ неоскудѣвающій водою.

(з) Чтенiе греческаго текста подтверждается древними переводами славянскими и сербскими.

Смотри, какія блага пораждаются человеку отъ подвиговъ. Перьдко бываетъ, что человекъ преклонилъ колѣна въ молитвѣ, и руки его воздѣты къ небесамъ, лице устремлено на крестъ Христовъ, и все помышленія свои собираетъ онъ во-едино въ молитвѣ къ Богу; и пока человекъ молится Богу со слезами и умиленіемъ, въ тотъ самый часъ вдругъ внезапно воспинаетъ въ сердце его источникъ, изливающийъ услажденіе, члены его расслабываютъ, очи закрываются, лице пощипываетъ къ землѣ, и помышленія его измѣняются, такъ-что не можетъ онъ сдѣлать поклона отъ радости, возбуждающейся въ цѣломъ тѣлѣ его. Обрати вниманіе, человекъ, на то, что читася. Ибо если не будешь подвизаться, то не обрѣтешь, и если не будешь съ горячностью ударять въ двери и непрестанно пребывать при нихъ во бдѣніи, то не будешь слышать.

Кто, слыша это, пожелаетъ вѣншей праведности, кромѣ неспособнаго пребывать въ безмолвіи? Впрочемъ, если кто не можетъ упражняться въ безмолвіи (потому-что благодатно Божією дастся человеку быть внутри двери), то пусть не оставляетъ другаго пути, чтобы иначе не утратить части на двухъ путяхъ жизни. Пока вѣншій человекъ не умретъ для всего мірскаго, не только для грѣха, но и для всякаго тѣлеснаго дѣланія, а также и внутренний человекъ—для лукавыхъ мыслей, и не изнеможетъ естественное движеніе тѣла до того, чтобы не возбуждалась въ сердце грѣховная сладость, дотоль и сладость Духа Божія не возбудится въ человекъ, члены его не примугъ чи-

стоты въ жизни сей, божественныя мысли не войдутъ въ душу его и пребудутъ неощутимыми и незримыми. И пока человекъ въ сердце своемъ не приведетъ въ бездѣйствіе понеченія о житейскомъ, кромѣ необходимыхъ потребностей естества, и не предоставитъ заботиться о семъ Богу; дотоле не возбудится въ немъ духовное упоеніе, и не испытаетъ онъ того утѣшенія (и), какимъ утѣшался Апостоль (Гал. 2, 20.). Сказалъ же я это, не отсыкая надежды, будто-бы, если кто не достигаетъ верха совершенства, то не сподобится благодати Божіей, и не срѣтитъ Его утѣшеніе. Ибо дѣйствительно, какъ-скоро человекъ презритъ неумѣстное, и совершенно удалится отъ сего, и обратится къ добру, въ скоромъ времени ощутитъ помощь. Если же употребитъ нѣсколько усилія, то найдетъ утѣшеніе душѣ своей, улучитъ отиущеніе грѣхонаденій, сподобится благодати и приметъ множество благъ. Впрочемъ, онъ меньше въ сравненіи съ совершенствомъ того, кто отлучилъ себя отъ міра, обрѣлъ въ душѣ своей тайну тамошняго блаженства, и постигъ то, для чего пришель Христосъ. Ему слава со Отцемъ и со Святимъ Духомъ нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

(и) Древн. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто τῆς παρακλήσεως должно читать τῆς παρακλήσεως. То-же подтверждаетъ и переводъ сербскій.

С Л О В О 57.

ОВЪ УДАЛЕНІИ ОТЪ МІРА И ОТЪ ВСЕГО СМУЩАЮЩАГО УМЪ.

—

Великую честь оказали Богъ людямъ двоякимъ обученіемъ, какимъ одарили ихъ, и повсюду отверзъ имъ затворенную дверь для вшествія въ спасительное познаніе. Желательнъ ли тебѣ вѣрный свидѣтель сказаннаго? Будь самъ въ себѣ, и не погибнешь. А если хочешь узнать это и отвѣтъ, то имѣешь много учителя и свидѣтеля, который безошибочно выведетъ тебя на путь истины.

Умъ смущенный не можетъ избѣжать забвенія. И премудрость не отверзаетъ таковому двери своей. Кто съ точнымъ вѣдѣніемъ возмогъ постигнуть, къ какому равенству ведетъ общій всѣхъ конецъ; тотъ для отреченія отъ житейскаго не имѣетъ нужды въ иномъ учителѣ. Первоначально данный Богомъ чело-вѣку естественный законъ есть разсматриваніе тварей Его. Законъ писанный присовокупленъ по паденіи.

Кто не удаляется добровольно отъ причинъ страстей, тотъ невольно увлекается въ грѣхъ. Причины же грѣха суть слѣдующія: вино, женщины, богатство, тѣлесное здравіе, впрочемъ не потому, что это суть грѣхи по самому естеству, но потому-что природа удобно склоняется сичъ въ грѣховныя страсти; и потому, чело-вѣкъ долженъ тщательно остерегаться сего. Если всегда будешь памятовать помощь свою; то не преступишь предѣла осторожности. Людямъ гнуса шидета, а Богу гораздо больше гнусны дуна высокосердая и умъ паряцій. У людей

почтенно богатство; а у Бога досточестна душа смиренная.

Когда хочешь положить начало добродѣтели; пріуготовься сперва къ постигающимъ тебя искушеніямъ, и не сомнѣвайся въ истинъ. Ибо у врага въ обычаѣ, когда увидитъ, что съ горячею вѣрою началъ кто-либо доброе житіе, встрѣчать его разными страшными искушеніями, чтобы, пришедши отъ сего въ страхъ, охладѣлъ онъ въ добромъ произволеніи, и вовсе не имѣлъ горячности приближаться къ богоугодному дѣланію. И сопротивникъ дѣластъ это, не потому что имѣетъ такую силу (тогда никто не могъ бы сдѣлать что-либо доброе), но потому что попускается ему Богомъ, какъ дознали мы на праведномъ Ювъ. Посему, уготовься мужественно встрѣтить искушенія, какія посылаются на добродѣтели, и потомъ уже начинай ихъ дѣланіе. А если не будешь пріуготовленъ къ срѣщенію искушеній; то удержишься отъ дѣланія добродѣтелей.

Человѣкъ сомнѣвающійся, что Богъ помощникъ въ добромъ дѣланіи, бѣтается тѣни своей, и во время достатка и обилія томится голодомъ, и при окружающей его тишинѣ исполняется буря. А кто уповаетъ на Бога, тотъ твердъ въ сердцѣ, и всѣмъ людямъ явна досточестность его, и предъ врагами его похвала его.

Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра. Кто стяжалъ ихъ, тотъ внутри себя обрѣтаетъ Бога. Кто упокоивается всегда въ Божіемъ помыслѣ, тотъ Бога пріобрѣтъ домопреставникомъ. Кто воздѣлываетъ исполненія воли Божіей, тотъ небесныхъ Ангеловъ будетъ имѣть путеводителями. Кто бѣтается

грѣховъ, тотъ безпреткновенно совершитъ страшное шествіе, и во время сумрака предъ собою и внутри себя обрѣтетъ свѣтъ. Стоны боящагося грѣховъ охраняетъ Господь, и во время поползновенія предвѣщаетъ его милость Божія. Кто прегрѣшенія свои почитаеъ малыми, тотъ впадаетъ въ худшее прежняго, и несетъ седьмикратное наказаніе.

Въ смиреніи посылай милостыню, и пожнешь милость на судъ. Чѣмъ погубилъ ты доброе, тѣмъ снова пріобрѣтай оное. Оволь задожмалъ ты Богу, за оволь не возьметъ съ тебя жемчужины. Напримѣръ: погубилъ ты цѣломудріе; Богъ не пріиметъ отъ тебя милостыни, если пребываешь въ блудѣ, потому-что хочетъ отъ тебя святыни тѣла, такъ-какъ преступилъ ты заповѣдь. Ужели, думая оставить стяжаніе міра, будешь вести брань за что-либо шое? Оставилъ ты насажденное, и съ другими развѣ пришелъ ратовать?

Святый Ефремъ сказалъ, что во время жатвы не будешь противоборствовать злою зимнимъ одеждами. Такъ каждый, что съестъ, то и пожнетъ. И всякій недугъ врачуется свойственными ему лѣкарствами. Ты, можетъ быть, побѣжденъ завистию; для чего же усиливася бороться со спомъ? Пока проступокъ еще малъ и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели пустилъ вѣтви въ широту и сталъ созрѣвать. Не предавайся нерадѣнію, когда недостатокъ кажется тебѣ малымъ; потому-что въ послѣдствіи найдешь въ немъ безчеловѣчнаго властелина, и побѣдишь передъ нимъ, какъ рабъ узникъ. А кто въ началѣ противоборствуетъ страсти, тотъ вскорѣ возгосподствуетъ надъ нею.

Кто может съ радостію перенести обиду, даже нѣзя въ рукахъ средство отразить ее, тотъ пріямъ утѣщеніе отъ Бога по вѣрѣ въ Цего. И кто съ смиреніемъ терпѣть вводимыя на него обвиненія, тотъ достигъ совершенства, и ему удивляются святыя Ангелы. Пбо никакая иная добродѣтель не будетъ столько высока и неудобносполнима.

Не вѣрь себѣ, что ты силенъ, пока не будешь искушенъ, и не найдешь себя неизмѣнимъ. Такъ и во всемъ испытывай себя. Пріобрѣти въ себѣ правую вѣру, чтобы погнать тебѣ враговъ твоихъ. Пусть умъ твой будетъ не высокоумренъ, и не полагайся на силу твою, чтобы не попустио было внасть тебѣ въ естественную немощь; и тогда по собственному своему наденію дознаешь немощь свою. Не доверяй своему знанію, чтобы врагъ, вошедши въ посредство, не уловилъ тебя своею хитростію. Пусть языкъ твой будетъ кротокъ, и конечно, не встрѣтятся съ тобою безчестіе. Пріобрѣти уста сладкія, и все будутъ тебѣ друзьями. Не хвались никогда въ рѣчахъ своихъ дѣлами своими, чтобы не быть постыжденнымъ. Во всемъ, чѣмъ ни хвалится человекъ, Богъ попускаетъ ему измѣняться, чтобы онъ былъ униженъ, и научился смиренію. Поэтому, долженъ ты все предоставить Божію предвѣднію, и не увѣряться въ томъ, будто-бы въ этой жизни есть что-либо неизмѣняемое.

Поступая же такъ, возводи непрестанно око свое къ Богу; потому-что покровъ и Промыслъ Божій объемлетъ всѣхъ людей, но онъ повидимъ, развѣ только очистившимъ себя отъ грѣха, и помысливающимъ всегда о Богѣ, и притомъ о Немъ единомъ.

Преимущественно же открывается пмъ Промысль Божій, когда ради Бога входятъ они въ великое искушеніе. Ибо тогда оцущаютъ они Промысль Божій, какбы усматривая его тѣлесными очами, сообразно съ мѣрою и причиною искушенія, какое постигаетъ каждаго изъ нихъ, чтобы подвижниковъ сихъ возбудишь къ мужеству, какъ было съ Іаковомъ, Іисусомъ Навиномъ, тремя отроками, Петромъ и прочими святыми, которымъ являлся въ челоѳческомъ некоемъ видѣ, ободряя и утверждая ихъ въ благочестіи. Если же скажешь, что сіе даровано отъ Бога святымъ по домостроительству, и они одни исключительно сподобились таковыхъ видѣній, то пусть образцами въ мужествѣ будутъ для тебя святыя мученики, которые перьдко многіе вмѣстѣ, а иногда одишь по одному, во многихъ и разныхъ мѣстахъ, подвизались за Христа, и нашедшею на нихъ силою мужественно претерпѣли въ бренихъ тѣлахъ строганіе желѣзомъ, и всякаго рода мученія, нестерпимыя для естества. Ибо таковымъ явственно являлись святыя Ангелы, чтобы каждому изъ нихъ дознать, какъ па нихъ, ради Бога въ полной мѣрѣ претерпѣвшихъ всякое искушеніе и всякую скорбь, обильно являетъ себя Божій Промысль, въ показаніе ихъ доблести и въ поераненіе враговъ ихъ. Ибо сколько святыя мужались при таковыхъ видѣніяхъ, столько противники терпѣніемъ ихъ были раздражаемы и приводимы въ цетовство.

Нужно ли говорить что о подвижникахъ, чуждыхъ для міра, и объ отшельникахъ? Они пустынно содѣлали градомъ, обратили въ селеніе и обитель Ангеловъ. Къ шмъ, по благоустроению житія ихъ,

всегда приходили Ангелы; и какъ ратники единого Владыки, по временамъ сорогивали они другъ другу. Они весь дни жизни своей любилъ пустыню, и изъ любви къ Богу имѣли жилища свои въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. И какъ они, оставивъ земное, возлюбилъ небесное, и содѣлался подражателемъ Ангеловъ; то и самые святые Ангелы по справедливости не скрывали за это отъ нихъ зрака своего, и исполняли всякое желаніе ихъ, по временамъ же являлись имъ, научая, какъ надлежитъ имъ жить, а иногда объясняли то, въ чемъ недоумѣвали они; а иногда сами святые вопрошали ихъ, о чемъ надлежало; иногда Ангелы наставляли на путь тѣхъ изъ нихъ, которые заблуждашесь; иногда избавляли тѣхъ, которые впадали въ искушенія; иногда, при внезапной бѣдѣ и угрожающей опасности, испещали ихъ отъ этого, спасая, напримѣръ, отъ змѣя, или отъ камня, или отъ куска дерева, или отъ верженія камня; иногда, если врагъ явно нападалъ на святыхъ, являлись видимымъ образомъ, и говорили, что посланы на помощь къ нимъ, и придавали имъ смѣлость, отважность и отраду; а въ иное время совершали чрезъ нихъ изцѣленія, иногда же изцѣляли самихъ святыхъ, подвергшихся какимъ-либо страданіямъ; иногда тѣламъ ихъ, изнемогшимъ отъ неяденія, прикосновеніемъ рукъ, или словами сообщали сверхъестественную силу, и укрѣпляли ихъ; иногда же приносили имъ пищу, хлѣбъ и даже овощи (1), или какія-либо другія съ мѣ-

(1) Собственно . лупины , овощи , имѣющіе горьчительное свойство.

бомъ вкушаемъ спсѣди; и нѣкоторымъ изъ шмъ объявляши время, а шмымъ и образъ, изъ преставленія. И должно ли перечислять многое, чѣмъ доказывается любовь къ намъ святыхъ Ангеловъ, и все возможное попеченіе ихъ о праведныхъ? Они промышляютъ о насъ, какъ старшіе братья о младшихъ. Сказано же сіе, чтобы всякій могъ дознати, что близъ Господь вселъ бошимся Его (Пс. 144, 18.), и видѣть, каково промышленіе Его о тѣхъ, которые посвятили себя на благоугожденіе Ему, и отъ всего сердца ему послѣдуютъ.

Если вѣруешь, что Богъ промышляетъ о тебѣ, къ чему тебѣ беспокоиться и заботиться о временномъ и о потребномъ для плоти твоей? А если не вѣруешь, что Богъ промышляетъ, и потому, кромъ Его, самъ заботишься о потребномъ для тебя; то ты самый жалкій изъ всехъ людей. Для чего и живешь, или будешь жить? *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитааетъ* (Пс. 54, 23.). *И не убоишися страха нашедшаго* (Притч. 3, 25.).

Кто однажды навсегда посвятилъ себя Богу, тотъ проводитъ жизнь въ упокоеніи ума. Безъ нестяжательности душа не можетъ освободиться отъ вѣтежа помысловъ, и не приведа въ безмолвіе чувствъ, не ощутитъ мира въ мыслн. Не входя въ искушенія, никто не пріобрѣтетъ духовной мудрости. Безъ прилежнаго чтенія не узнаеть тонкости помысловъ. Безъ тишины помысловъ умъ не подвигнется въ сокровенныя таинства. Безъ упованія по вѣрѣ душа не можетъ отважиться смѣло на искушенія. Не испытавъ явственнаго покровительства Божія, сердце не въ состояніи надѣяться на Бога. Если душа не

вкусить съ вѣдѣніемъ страданій Христовыхъ, то не будетъ имѣть общенія со Христомъ.

Человѣкомъ Божиимъ почитай того, кто по великому сердоболію умертвилъ себя для необходимой потребности. Ибо кто милуетъ нищаго, тотъ почитаемъ о себѣ имѣть Бога. И кто ради Бога обнищаетъ, тотъ обрѣтеть неоскудѣвающія сокровища.

Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; но увеселяется, когда видитъ, что человѣкъ упокоиваетъ образъ Его, и чтитъ оный ради Него. Когда попроситъ кто у тебя того, что имѣешь ты, не говори въ сердцѣ своемъ: «оставляю это души моей, чтобы упокоиться въ этомъ; Богъ изъ другаго мѣста подастъ ему потребное для него». Такія слова приличны людямъ несправедливымъ и незнающимъ Бога. Человѣкъ справедливый и добрый не дастъ чести своей ни кому, и не поуститъ, чтобы время благодати проходило безъ дѣла. Человѣкъ нищій и нуждающійся снабжается отъ Бога, потому-что Господь никого не оставляетъ; но ты, отославъ отъ себя убогаго, уклонился отъ чести, данной тебѣ Богомъ, и удалилъ отъ себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: «слава Тебѣ, Боже, что сподобилъ меня пайдти, кого упокоить!»! Если же нечего тебѣ дать; наче радуешься, и благодаря Бога, говори: «благодарю Тебя, Боже мой, что далъ мнѣ благодать эту и честь—обнищать ради имени Твоего, и сподобилъ меня вкусить скорби, положенной на пути заповѣдей Твоихъ, въ недугъ и нищеть, какъ вкушати святые Твои, шествовавшіе путемъ снмъ!»!

И когда изнемогаешь, говори: «блаженъ сподо-

бывшійся быть искушеннымъ отъ Бога въ томъ, за что наслѣдуетъ жизнь». Ибо недуги насылаетъ Богъ для здравія души. Кто изъ святыхъ сказалъ: «замѣчать я, что монаху, который не работаетъ благоугодно Господу, и не подвизается ревностно о спасеніи души своей, непременно попускается Богомъ впадать въ искушенія, чтобы не оставался онъ празднымъ, и огъ многой своей праздности не уклонился въ худшее». Посему-то Богъ налагаетъ искушеніе на лѣнливыхъ и нерадивыхъ, чтобы помыслили они объ искушеніяхъ, а не о суетномъ. Творитъ же сіе Богъ всегда съ любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить ихъ волю Своею. И когда будутъ умолять Его, не скоро внемлетъ имъ, пока не изнемогутъ, и пока несомнѣнно не дознаютъ, что за нерадѣніе и за лѣность ихъ приключилось съ ними это. Ибо написано: *егда прострете руки ваши ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ; и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Исаіи 1, 15.). И хотя говорится сіе и о другихъ, однакоже написано собственно объ оставившихъ путь Господень.

Но поелику говоримъ, что Богъ многомощивъ; то почему же, когда постоянно тощемъ и просимъ въ искушеніяхъ, не бываемъ услышаны, но презираетъ Онъ прошеніе наше? Сему, конечно, учитъ насъ Пророкъ, говоря: не мала рука Господня, чтобы помшловать, и не тяжель Господь слухомъ, чтобы слышать. Но грѣхи наши разлучили насъ съ Нимъ, и беззаконія наши отвратили лице Его, чтобы не слышать (Исаіи 59, 1.). Во всякое время воспоминай о Богѣ, и Онъ воспомянетъ о тебѣ, когда впадеши въ бѣды.

Естество твое сдѣлалось удобно пріемлющимъ въ себя страсти, много искушеній въ настоящемъ мѣрѣ, недалеко отъ тебя зло, и источается внутри тебѣ и подъ ногами твоими. Не сходи съ того мѣста, на которомъ сталъ. Когда соизволитъ Богъ, освободишься отъ сею. Какъ близки между собою выки на глазахъ, такъ искушенія близки къ людямъ; и Богъ предустроилъ сіе премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударялъ въ дверь Его, чтобы страхомъ скорбнаго всѣвалось памятованіе о Немъ въ умъ твою, чтобы къ Нему приближался ты въ молитвахъ, и освящалось сердце твое непрестаннымъ памятованіемъ о Немъ. И когда будешь умолять, услышитъ тебя; и дознаешь, что избавляющій тебя есть Богъ, и сознаешь Создавшаго тебя, Промыслиющаго о тебѣ, Хранящаго тебя, и Сотворившаго для тебя сугубый мѣръ,—однѣмъ, какъ временнаго учителя и пастыря, другой, какъ отеческій домъ и вѣчное наследіе. Богъ не сотворилъ тебя недоступнымъ прискорбному, чтобы и тебѣ, возжелавъ Божества, не наследовать того же, что наследовалъ бывшій первоначально денщицею, а въ послѣдствіи за превозношеніе ставшій сатаною. А также не сотворилъ тебя неуклоннымъ и неподвижнымъ, чтобы не солгаться тебѣ подобнымъ естеству неодушевленныхъ тварей, и чтобы доброе въ тебѣ не осталось для тебя безвыгоднымъ и незаслуживающимъ награды, какъ естественныя скотскія преимущества въ безсловесныхъ. Ибо всякому легко понять, сколько раждается пользы, благодаренія и смиренія отъ того, что изощрены противъ тебя сіи жала.

Посему явно, что въ нашей возможности подвизаться въ добръ и уклониться отъ худаго, и что память усвоаются проницающія отъ того, и честь, и безчестіе. Постыждаемые безчестіемъ мы боимся, возбуждаемые же честію приносимъ благодареніе Богу, и простираемся къ добродетели. Богъ умножилъ силу преступовъ, чтобы ты, освободившись отъ нихъ, содѣлавшись недоступнымъ для скорбей, и ставъ выше всякаго страха, не забылъ Госнода Бога твоего, не уклонился отъ Сего, и не впасть въ многобожіе, какъ многіе другіе, хотя были подобострастны тебѣ и поражаемы такими же горестями, въ одно мгновеніе времени, но причинъ временной и малозначительной власти или тѣлесной доброты, не только впади въ многобожіе, но и себя самихъ дерзнули несмысленно именовать богами. Посему-то Богъ попустилъ быть тебѣ въ скорбяхъ. А иногда попускаетъ и для того, чтобы ты, уклонившись, не преогорчилъ Его, и чтобы Ему, подвергнувъ наказанію, не истребить тебя отъ лица Своего. Не буду говорить о нечестіи и о прочихъ хулахъ, пораждаемыхъ благоденствіемъ и необязпнностію жизни, когда и сказаннаго предъ симъ не осмылится пный выговорить. Посему-то, страданіями и страстями Богъ умножилъ въ сердце твоемъ памятованіе о Немъ, и страхомъ противнаго побудилъ тебя приступить ко вратамъ Его милосердія, и избавленіемъ отъ сего вселялъ въ тебя любовь къ Нему; вложивъ же въ тебя любовь, приблизилъ къ Себѣ честію сыноположенія, и показалъ тебѣ, сколько богата благодать Его. Пбо откуда узнать бы тебѣ такую Его промыслительность и благопопечитель-

ность, если бы не встрѣтилось тебѣ ничего противнаго? Поэтому, любовь къ Богу всего болѣе можетъ быть упожасма въ душу твоей снмъ именно, то-ссть, уразумѣніемъ дарованій Его, и памятованіемъ о препзбыткѣ промышленія Его. Всѣ снмъ блага пораждаются для тебя горестями, чтобы научился ты благодарить. Наконецъ, памятуй о Богѣ, чтобы и Отецъ всегда памятовалъ о тебѣ. А когда будетъ памятовать о тебѣ, и спасеть тебя; тогда примешь отъ Него всякое блаженство. Не забывай Его, паря мыслию въ суетномъ, чтобы и Отецъ не забылъ тебя во время браней твоихъ. Будь послушенъ Ему въ пзобиліи своемъ, чтобы въ скорбяхъ имѣть предъ Нимъ дерзновеніе, въ сердечной и постоянной къ Нему молитвѣ.

Непрестанно очищай себя предъ Господомъ, имѣя въ сердце своемъ памятованіе о Немъ, чтобы, пробывъ долго безъ памятованія о Немъ, не оказаться тебѣ нептбующимъ дерзновенія, когда приходишь къ Нему. Ибо дерзновеніе предъ Богомъ бываетъ следствиемъ частаго съ нимъ собесѣдованія и многой молитвы. Сношеніе съ людьми и продолженіе онаго бываетъ посредствомъ тѣла; а сношеніе съ Богомъ посредствомъ душевнаго памятованія, внимательности въ молитвахъ и всеожженія. Долговременнымъ сохраненіемъ памятованія о Богѣ душа по временамъ приводится въ пзумленіе и удивленіе. *Да возвеселится сердце ищущихъ Господа. Взыщете Господа осужденные, и утвердитесь надеждою; взыщете лица Его покаяніемъ.* (Псал. 104, 3. 4.) и освятитесь святынею лица Его, и очиститесь отъ грѣховъ своихъ. Всѣ виновные во грѣхахъ притекните ко Го-

споду, Который можетъ простить грѣхи и презрѣть прегрѣшенія. Ибо съ клятвою изрекъ Онъ чрезъ Пророка: *живу Азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Иезек. 33, 11.); и еще: *прострохъ руцѣ Мои весь день къ людямъ непокающимся и противуглаголюющимъ* (Исаи 65, 2.); и еще: *вскую умирете домъ Израилевъ* (Иезек. 38, 11.), *обратитесь ко Миѣ и обращуся къ вамъ* (Мал. 3, 7.); и еще: въ тотъ день, въ который грѣшникъ оставитъ путь свой, и обратится ко Господу, и сотворитъ судъ и правду, беззаконій его не помяну, но живя живъ будетъ, глаголетъ Господь. И если праведникъ оставитъ правду свою, и согрѣшивъ содѣлаетъ неправду, правды его не помяну, но пополезновеііе положу предъ нимъ, и во тѣхъ дѣлахъ своихъ, пребывъ въ нихъ, умретъ онъ (Иезек. 18, 21—24.). Почему же это? потому-что грѣшникъ не преткнется въ грѣхъ своемъ въ тотъ день, въ который обратится ко Господу; и правда праведнаго не избавитъ его въ тотъ день, въ который согрѣшитъ, если пребудетъ онъ въ таковомъ грѣхѣ. А Іереміи такъ сказалъ Богъ: *возьми себѣ свитокъ книжный и что сказалъ Я тебѣ, напиши: отъ дней Іосіа царя Іудина и до сего дне вся злая; что, какъ сказалъ Я, наведу на народъ сей, да услышавъ и убоявшись, оставитъ человекъ путь свой лукавый, и обратившись покается, и отыму грѣхи ихъ* (Іер. 36, 2. 3.). И Премудрость изрекла: *покрывай грѣхъ свой не будетъ ни къ чему годенъ; а кто исповѣдуеть грѣхи свои, и оставитъ ихъ позади себя, тотъ сподобится милости отъ Бога* (Притч. 28, 13.). И Исаи гово-

ригъ: *взыщите Господа, и взыскавъ, призовите Его, и приблизившись, да оставитъ путь свой грѣшникъ, и мужъ неправедный советы своя, и да обратится ко Мнѣ, и помилую васъ. Не суть бо совети Мои, якоже совети ваши, ниже пути Мои, якоже пути ваша* (Исаи 55, 6—8.). *Аще послушаете Мене, благая земли съѣсте* (Исаи 1, 19.). Приидите ко Мнѣ, и послушайте Мена, и живы будете душею вашею. Когда сохранишь пути Господни, и сотворишь волю Господню; тогда надвѣйся на Господа и призывай Его. *И еще глаголющу ти, речетъ: се придохъ* (Исаи 58, 9.).

Когда на неправеднаго находитъ искушеніе, не имѣетъ онъ упованія, чтобы призвать Бога, и ожидать отъ Него спасенія; потому-что во дни упокоенія своего удалялся отъ воли Божіей. Прежде нежели начнешь брань, ищи себѣ помощи, и прежде недуга взыщи врача. Прежде нежели найдеть на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, и услышишь тебя. Прежде нежели поплзнешься, призывай и умоляй; и прежде нежели станешь молиться, уготовь обѣты, то-есть, напутія отсюда. Ковчегъ Ноевъ приуготовленъ былъ во время мпра, и древа его обдѣланы за сто лѣтъ; а во время гнѣва неправедные погибли, праведнику же сталъ онъ покровомъ.

Неправедныя уста заграждаются молитвою; потому-что осужденіе совѣсти дѣластъ человѣка немѣющимъ дерзновенія. Сердце доброе съ радостію источаетъ слезы въ молитвѣ. Въ комъ мръ мертвъ, тѣ съ радостію тернятъ обиды; а въ комъ мръ живъ, тѣ не могутъ тернить обиды, но движимые тщеславіемъ гнѣваются, и отъ неразумнаго движенія

приходятъ въ смятеніе, или объемяются печалію. О, какъ трудно преуснѣть въ таковой добродѣтели, и какую славу приобрѣтаетъ она у Бога! Кто хочетъ преуснѣть въ сей добродѣтели, то-есть, терпѣть обиду и быть великодушнымъ, тому нужно удалиться отъ своихъ родныхъ и содѣлаться странникомъ; потому-что въ отечествѣ своемъ невозможно преуснѣть въ этой добродѣтели. Одними великими и сильными свойственно переносить страданія ея среди своихъ родныхъ, и могутъ сіе только тѣ, въ комъ умеръ этотъ міръ; потому-что отчаялись они во всякомъ настоящемъ утѣшеніи.

Какъ благодать близка къ смиренномудрію, такъ болезненныя приключенія близки къ гордынѣ. Очи Господни на смиренномудрыхъ, чтобы возвеселить ихъ. Аще же Господне противу гордыхъ, чтобы смирить ихъ. Смиреніе всегда пріемлетъ отъ Бога милость. А жестокосердію и маловѣрію встрѣчаются странныя событія. Умалай себя во всемъ предъ всеми людьми, и будешь возвышенъ предъ князьями вѣка сего. Предваряй всякаго своимъ приветствіемъ и поклономъ, и будешь почтенъ чаше приносящихъ въ даръ офирское золото.

Уничижай себя, и увидишь въ себѣ славу Божию. Ибо гдѣ прозябаетъ смиреніе, тамъ источается Божія слава. Если будешь помогать, чтобы явно уничижали тебя все люди, то Богъ содѣлаетъ, что будешь прославляемъ. Если же въ сердцѣ своемъ будешь имѣть смиреніе; то въ сердцѣ твоёмъ покажетъ тебѣ Богъ славу Свою. Будь удобопренебрегаемымъ въ величій твоёмъ, а не великимъ въ малости твоен. Старайся быть въ пренебреженіи, и

исполнишься Божіей честью. Не домогайся быть въ почтеніи, будучи внутренно исполненъ язвъ. Укори честь, чтобы стать почтеннымъ; и не люби чести, чтобы не быть обезчещеннымъ. Кто стремится за честью, отъ того бѣжитъ она впередъ. А кто убѣгаетъ отъ чести, того настигаетъ она сзади, и дѣлается для всѣхъ людей провозвѣстницею его смиренія. Если пренебрежешь самъ себя, чтобы не быть тебѣ чувствуемымъ; то провозгласитъ о тебѣ Богъ. Если въ правду будешь порицать себя, то Богъ всѣмъ тварямъ Своимъ повелитъ восхвалять тебя, и отверзуть предъ тобой дверь славы Создателя твоего, и восхвалять тебя; потому-что въ тебѣ действительно есть Его образъ и подобіе.

Кто видѣлъ челоуѣка, сіющаго добродѣтелями и для людей представляющагося ничтожнымъ, свѣтлаго жизнью, мудраго въдѣніемъ, смиреннаго духомъ? Блаженъ, кто смиряетъ себя во всемъ, потому что будетъ онъ возвышенъ. Ибо, кто ради Бога во всемъ смиряетъ и умаляетъ себя, тотъ прославленъ бываетъ Богомъ. Кто алчетъ и жаждетъ ради Него, того упощъ Богъ Своими благами. Кто терпитъ наготу ради Бога, тотъ одѣвается Имъ въ ризу истиннаго и славы. Кто обнищаетъ ради Бога, тотъ бываетъ утѣшенъ истиннымъ Его богатствомъ. Уничжай себя ради Бога, и не узнаешь, какъ умножится слава твоя. Всю жизнь свою признавай себя грѣшникомъ, чтобы во всей жизни своей быть тебѣ оправданнымъ. Будь невѣждою въ мудрости своей; а не кажись мудрымъ, будучи невѣждою. Если смиреніе возвышаетъ челоуѣка простаго и неученаго; то разсуди, какую честь доставитъ великимъ и почтеннымъ!

Бѣгай тщеславія, и будешь прославленъ. Бойся гордости, и будешь возвеличенъ. Не дано тщеславіе сынамъ человѣческимъ и высокоуміе — порожденію жень. Если добровольно отречея ты отъ всего житейскаго, то ни о чемъ уже ни съ кѣмъ не состязуйся. Если возмущался ты тщеславіемъ; то бѣгай тѣхъ, которые говется за нимъ. Бѣгай отъ лобостязательныхъ, какъ и отъ самаго стяжанія. Удаляйся отъ роскошныхъ, какъ и отъ самой роскоши. Бѣгай отъ ненужныхъ, какъ и отъ самаго непотребства. Ибо если одно воспоминаніе о сказанномъ возмущаетъ умъ, то кольми наче возрѣніе на таковыхъ и пренровожденіе времени съ ними? Сближайся съ праведными, и чрезъ нихъ приблизишься къ Богу. Обращайся съ пьющими смрение, и научишься ихъ правамъ. Ибо если возрѣніе на таковыхъ полезно; то кольми наче ученіе усть ихъ?

Возлюби нищихъ, чтобы чрезъ нихъ и тебя улучшить милость. Не сближайся съ лобощрителями, чтобы не быть тебѣ принужденнымъ стать въ тишины своей. Безъ отвращенія споси зловеніе отъ недужныхъ и особливо убогихъ; потому-что и ты обложишь тѣлою. Не упрекай скорбящихъ сердцемъ, чтобы тебя не поразилъ жезлъ ихъ; и взыщешь утѣшителей, и не найдешь. Не унижай увѣчныхъ, потому-что въ адъ пойдешь всѣ равночестными. Люби грѣшниковъ, но ненавидь дѣла ихъ и не пренебрегай грѣшными за недостатки ихъ, чтобы самому не быть искушеннымъ въ томъ же, въ чемъ искусились они. Помни, что и ты причастенъ земнаго сестства, и дѣлай добро всѣмъ. Не укоряй требующихъ молитвы твоей, и не лишай ихъ умягченныхъ словесъ утѣ-

шенія, чтобы не погибли они, и съ тебя не были взысканы души ихъ. Напротивъ того, помни, что врачи воспалительныя болѣзни изцѣляютъ прохладительными лѣкарствами, а противоположныя имъ — горячительными.

Когда встрѣлишься съ ближнимъ своимъ, принуждай себя оказывать ему честь выше мѣры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай ихъ часто съ великою честью, возлагай ихъ на глаза себя, и хвали его даже за то, чего не имѣеть. А когда разлучишься съ нимъ, говори о немъ все хорошее, и что ни есть досточестнаго. Ибо сими и подобнымъ этому привлечешь его къ добру, заставишь его стыдиться тѣмъ привѣтствіемъ, какимъ привѣтствовалъ ты его, и полюбишь въ немъ съмена добродѣтели. Отъ такой спускаемой тобою привычки отпечатлется въ тебѣ добрый образъ, приобрянешь въ себѣ высокое смиреніе, и безъ труда преусишь въ великомъ. А сверхъ этого, если чествуемый тобою не имѣеть какой недостатка, легко приметъ отъ тебя врачеваніе, постыждаемый тою честью, какую ты оказалъ ему. Пусть всегда будетъ у тебя этотъ правъ—ко всѣмъ быть благопривѣтливымъ и почтительнымъ. Никого не огорчай, ни никому не завидуй, ни по причинѣ вѣры, ни по причинѣ худыхъ дѣлъ его. Но берегись кого-либо и въ чемъ-либо порицать или обличать; потому-что есть у насъ величепрiятный Судія на небесахъ. Если же хочешь обратить кого къ петивъ; то скорби о немъ, и со слезами и съ любовію скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гнѣвомъ, и да не увидитъ въ тебѣ признака вражды. Ибо любовь не умѣетъ раздражаться, ни огорчаться на

кого, или укорить кого неравнодушно. Указаніемъ любви и вѣдѣнія служитъ смиреніе, которое раждается отъ доброй совѣсти о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 58.

О томъ, что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвижническихъ дѣланіяхъ.

—

Поползнуться на что-либо грѣховное— обнаруживаетъ человѣческую немощь; потому-что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, не усмотрѣвъ же полезнымъ, поставитъ ее выше страстей прежде втораго накіюбитія. И душъ быть доступною страстямъ — полезно для узвлєнія совѣсти; пребывать же въ страстяхъ — нагло и безстыдно. Три есть способа, которыми всякая разумная душа можетъ приближаться къ Богу: или горячность вѣры, или страхъ, или вразумленіе Господне. Никто же не можетъ приблизиться къ Божіей любви, если не предваритъ однимъ изъ спѣхъ трехъ способовъ.

Какъ отъ чревоугодія раждается мятежъ помысловъ, такъ отъ многословія и безчинныхъ бесѣдъ недоразуміе и изступленіе ума. Нонеченіе о дѣлахъ житейскихъ приводитъ въ смятеніе душу, смущеніе или смущаетъ и лишаетъ тишины умъ.

Шоку, который посвятилъ себя небесному дѣланію, прилично всегда и во всякое время быть въ всякой житейской заботѣ, чтобы, погрузившись въ себя самою, вовсе не находить въ себѣ ничего принадлежащаго настоящему вкусу. Ибо, ставъ празднымъ отъ всего таковаго, можетъ безъ развлеченія поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь. Тѣлесные труды безъ чистоты ума тоже, что безплодная утроба и иссохшіе сосцы; потому-что не могутъ приблизиться къ видѣнію Божію. Тѣло они утомляютъ, но не заботятся искоренять страсти въ умъ; а потому ничего и не пожинаютъ. Какъ съющій въ терніи ничего не можетъ пожать; такъ умижающій себя злопамятностію и любостыжаніемъ, ни въ чемъ не можетъ уснѣть, но стелеть на ложѣ своемъ отъ многаго бдѣнія и отъ затруднительности дѣла.

И Писаніе свидѣтельствуетъ, говоря: *яко людіе правду сотворившии* и ни объ одной изъ заповѣдей Господнихъ не радѣвнше ищутъ у Меня правды и истины, и хотятъ приблизиться ко Мнѣ Богу, глаголюще: *что яко постыхомся, и не увидѣлъ еси? Смирехомъ себя и не увидѣлъ еси? Во дни бо пощній вашихъ творите воли ваша* (Ис. 58, 2. 3.), т. е. лукавыя помышленія ваши, и приносите ихъ какъ всесожженія идоламъ, и страннымъ умироваціямъ, которыя признали вы въ себѣ за боговъ, отдасте въ жертву тѣло (к) свое, драгоценнѣйшее

(к) Греческое чтеніе τὸ ἱμετέρον σῶμα оправдывается сербскимъ переводомъ. Писаній вѣроятно вмѣсто *σῶμα* читалъ *ἀδελφότητος*; въ древнемъ славянскомъ переволѣ читается безъ существительнаго имени, *ваше пожирающе*.

изъ всѣхъ куреній, и которое вы должны были посвящать Мнѣ при вашихъ добрыхъ дѣлахъ и чистой совѣсти.

Добрая земля увеселяетъ своего дѣлателя плодово-шеніемъ даже до ста. Если душа просіяла памятованіемъ о Богѣ и неусыпнымъ бдѣніемъ день и ночь; то Господь устрояетъ тамъ къ огражденію ея облако, остняющее ее днемъ и свѣтомъ огненнымъ озаряющее ночь; во мракъ ея просіяетъ свѣтъ.

Какъ облако закрываетъ свѣтъ луны; такъ испаренія чрева изгоняютъ изъ души Божію премудрость. И что пламень огненный въ сухихъ дровахъ, то и тѣло при наполненномъ чревѣ. И какъ одно горячее вещество, приложенное къ другому, увеличиваетъ огненный пламень; такъ разнообразіе брашенъ увеличиваетъ движеніе въ тѣлѣ. Въ сластолюбивомъ тѣлѣ не обитаетъ вѣдніе Божіе; и кто любитъ свое тѣло, тотъ не улучитъ Божіей благодати. Какъ въ болѣзняхъ рожденія происходитъ на свѣтъ плодъ, веселящій родившую; такъ при томленіи гортани раждается въ душу плодъ—вѣдніе таинъ Божіихъ, у лѣнливыхъ же и сластолюбивыхъ — плодъ стыда. Какъ отецъ заботится о чадахъ, такъ и Христосъ печется о тѣлѣ, злостраждущемъ ради Его, и всегда бываетъ близъ устъ его. Стязаніе дѣланія; совершеннаго съ мудростію, несоощенно.

Тотъ странникъ, кто мыслию своею сталъ внѣ всего житейскаго. Тотъ плачущій, кто, по унованію будущаго, всѣ дни жизни своей проводитъ въ алчбѣ и жадѣ. Тотъ монахъ, кто пребываетъ внѣ міра, и всегда молить Бога, чтобы улучшить ему будущія блага. Богатство монаха—утѣшеніе, находящееся

въ плачь , и радость отъ вѣры , возсіявающая въ табуицахъ ума. Тотъ милостивъ , кто въ мысли своей не отличаетъ одного отъ другаго , но мнуетъ всѣхъ. Тотъ дѣвственникъ , кто не только сохранилъ тѣло несокверненное плотскимъ совокупленіемъ , но даже стыдится себя самого , когда бываетъ одинъ. Если любишь цѣломудріе , отгоняй срамные помыслы упражненіемъ въ чтеніи и продолжительною молитвою ; и тогда будешь имѣть оружіе противъ естественныхъ побужденій ; а безъ сего невозможно увидѣть въ душѣ чистоту. Если желашь быть милосердымъ , пріобучи себя сперва всѣмъ пренебрегать , чтобы умъ не увлекался тяжестью этого и не выходилъ изъ своихъ предѣловъ. Ибо полное совершенство милосердія доказывается терпѣніемъ рѣшающагося переносить обиды. Совершенство смиренія въ томъ , чтобы съ радостію сносить ложныя обвиненія. Если истино ты милосердъ ; то , когда неправедно отнято у тебя твое , не скорби внутренно , и не рассказывай объ ущербѣ постороннимъ. Пусть лучше ущербъ , нанесенный обидѣвшимъ тебя , поглощенъ будетъ твоимъ милосердіемъ , какъ терикость вина поглощается множествомъ воды. Докажи множество милосердія своего твоимъ благами , какія воздаешь обидѣвшимъ тебя , какъ и блаженный Елисей поступилъ съ врагами своими , намѣревавшимися взять его въ плѣнь. Ибо , когда помоллся и ослѣпилъ ихъ тмою ; показалъ тѣмъ , кака въ немъ сила , а когда , давъ имъ пищу и интіе , позволилъ уйдти , доказалъ тѣмъ , каково его милосердіе (4 Цар. 6, 13 — 23.).

Кто истино смиренномудръ , тотъ , будучи оби-

женъ, не возмущается, и не говоритъ ничего въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, но принимаетъ клеветы, какъ истину и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Ибо иные добровольно навлекли на себя названіе немотребныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣевъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія, и слезами свидѣльствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обвиненныхъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣчана всякою чистотою и неопорочною. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись въ образъ юродивыхъ, бывъ растворены божественною солию и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ-что на высотѣ совершенства своего святыхъ Ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ доблестей.

Думаешь ты о себѣ, что есть въ тебѣ смиреніе. Но другіе сами себя обвиняли; а ты, и другимъ обвиняемый, не переносишь сего, и провозглашаешь себя смиренномудрымъ. Если хочешь узнать, смиренномудръ ли ты; то испытай себя въ сказанномъ, не приходишь ли въ смятеніе, когда тебя обижаютъ (1)?

Спаситель многими обителями у Отца называетъ различныя мѣры ума водворяемыхъ въ оной странѣ, т. е., отличія и разность духовныхъ дарованій, ка-

(1) Сіе мѣсто переведено по греческому чтенію, согласному съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

кими наслаждаются по мѣрѣ ума. Ибо не по разности мѣстъ, но по степени дарованій назвавъ обители многими. Какъ чувственнымъ солнцемъ наслаждается каждый, соразмѣрно чистотѣ и пріемлемости силы зрѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника въ одномъ домѣ освѣщеніе бываетъ различно, хотя свѣтъ не дѣлится на многія свѣщенія; такъ въ будущемъ вѣкѣ все праведныя не раздѣльно водворятся въ одной странѣ, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется однимъ мысленнымъ солнцемъ, и по достоинству своему привлекаетъ къ себѣ радость и веселіе, какбы изъ одного воздуха, отъ одного мѣста, престола, зрѣлища и образа. И никто не видитъ мѣры друга своего, какъ высшаго, такъ и низшаго, чтобы, если увидитъ превосходящую благодать друга и свое лишеніе, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Напротивъ того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно въ своей мѣрѣ. Въ же всѣхъ одно зрѣлище и одна страна (н), и кромѣ сихъ двухъ степеней нѣтъ иного посредствующаго степеня, разумно же одну степень горшою, другую дольною, между же ихъ разнообразіе въ разности воздаяній.

Если же это справедливо, (какъ и дѣйствительно справедливо), что бессмысленныя или неразумныя такой речью: «довольно для меня избѣжать геенны, о томъ же, чтобы войти въ царство, не забочусь?» Ибо избѣжать геенны и значить это самое — войти въ

(н) Изъ древ. славян. перевода видно, что вмѣсто *χώρα* должно читать здѣсь *χωρεα*.

царство; равно какъ лишиться царства значитъ войти въ геенну. Писаніе не указало намъ трехъ странъ, но что говорить? *Егда придетъ Сынъ человѣскій въ славу Своей, и поставитъ оцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Мат. 25, 31. 33.). Не три наименовалъ сонма, но два, — одинъ одесную, другой ошуюю. И раздѣлило предѣлы различныхъ обитателей ихъ, сказавъ: *и идутъ сн, т. е., грѣшники, въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мт. 25, 46.); *просвѣтятся яко солнце* (Мт. 13, 43). И еще: *отъ востокъ и западъ придутъ и возлягутъ на лопъ Авраамовъ въ царствіи небесныхъ: сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромешную, гдѣ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мт. 8, 11. 12.), что страшнѣе всякаго огня. Не уразумѣлъ ли ты изъ сего, что состояніе, противоположное горней степени, и есть самая мучительная геенна?

Поэтому, прекрасное дѣло научать людей благости Божіей, привлекать ихъ непрерывностію Промысла Божія, и отъ заблужденія приводить къ познанію истины. Пбо таковъ былъ образъ дѣйствія у Христа и у Апостоловъ, и онъ весьма высокъ. Если же человекъ, при таковомъ образѣ жизни и частомъ общеніи съ людьми, чувствуетъ въ себѣ, что немощна совѣсть его при воззрѣніи на существующее, и возмущается тишина его, и помрачается вѣдѣніе, потому-что умъ его имѣетъ еще пужду въ охраненіи и въ подчиненіи чувствъ, и желая врачевать другихъ, губитъ онъ собственное свое здравіе, и оставляя собственную свободу воли своей, приходитъ въ смятеніе ума; то пусть вспомнитъ таковой Апостольское слово, внимающее намъ, что *совер-*

шенихъ есть твердая пища (Евр. 5, 14.); и пусть возвратится вснать, чтобы не услышать отъ Господа сказаннаго въ притчѣ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23.). Пусть осуждаетъ самъ себя и охраняетъ здравіе свое; и вмѣсто чувственныхъ словъ его да служить доброе его житіе, и вмѣсто гласа усть его да учать его дѣлїя. И когда узнаетъ, что душа его здрава; тогда пусть пользуется другихъ, и врачуетъ своимъ здравіемъ. Пбо, когда будеть вдали отъ людей, тогда можетъ больше сдѣлать пмъ добра ревностно о добрыхъ дѣлахъ, нежели сколько сдѣлаетъ словами, будучи самъ немощенъ и болѣе ихъ имѣя нужды въ изцѣленїи. *Сльпецъ слѣпца аще водить, оба въ яму впадутъ* (Мато. 15, 14.). Твердая пища прилична здоровымъ, имѣющимъ обученїя чувства, способнымъ принимать ,всякую пищу, то-есть, прираженїя всякихъ ощущенїй и, по привычкѣ обученїя въ совершенствѣ, отъ какихъ бы то ни было встрѣчъ, не видѣтъ вреда сердцу.

Когда дїаволь захочетъ осквернить умъ таковыхъ людей блуднымъ воспоминаемъ; тогда испытываетъ сперва терпѣніе ихъ любовно къ тщеславію, и предначатіе сего помысла не представляется страшно. Такъ обыкновенно поступаетъ онъ съ тѣми, которые охраняютъ умъ свой, и въ которыхъ возможно скоро вложить какое-либо неприличное помышленіе. Когда же исторгаетъ человека изъ твердыни его, и начнетъ онъ бесѣдовать съ первымъ помысломъ и удаляться отъ сей твердыни; тогда дїаволь срываетъ его чѣмъ-либо напоминающимъ о блудъ, и совращаетъ умъ на предметы не-

потребные. И сперва смущается онъ внезапнымъ ихъ прираженіемъ, — тѣмъ, что предшествовавшее цѣломудріе помысловъ встрѣтилось съ такими предметами, отъ воззрѣнія на которые далеко были правитель умъ. И если дьяволъ не оскверняетъ его совершенно, то, по крайней мѣрѣ, изводитъ съ прежняго достоинства. Но если умъ отступить назадъ и предупредить первое прираженіе помысловъ, служащее причиною нашествія вторыхъ помысловъ; тогда удобно можетъ, при помощи Божіей, преодолеть страсть.

Страсти отвращать лучше памятованіемъ добродѣтелей, нежели сопротивленіемъ; потому-что страсти, когда выступаютъ изъ области своей и воздвигаются на брань, отпечатлѣваютъ въ умъ свои образы и подобія. Брань сія пріобрѣтаетъ великую власть надъ умомъ, сильно возмущая и приводя въ смятеніе мышленія. А если поступить по первому, сказанному нами, правилу, то не оказывается въ умъ и слѣда страстей по отгнаніи ихъ.

Тѣлесный трудъ и поученіе въ божественныхъ Писаніяхъ охраняютъ чистоту; а трудъ подкрѣпляютъ надежда и страхъ. Надежду же и страхъ утверждаютъ въ умъ удаленіе отъ людей и непрестанная молитва. Пока человекъ не приметъ Учителья, потребны ему божественныя Писанія для того, чтобы памятованіе добраго начертывалось въ мысли его, и непрестаннымъ чтеніемъ обновлялось въ немъ устремленіе къ добру, и охраняю душу его отъ тонкости грѣховныхъ путей: потому-что не пріобрѣтъ онъ еще силы Духа, которая удаляетъ заблужденіе, беретъ въ плынь душеполезныя памятованія

и приближается къ холодности при разсвѣтѣ ума. Ибо, когда сила Духа низойдетъ въ дѣйствующую въ человѣкѣ душевную силу; тогда вмѣсто закона Исаіи укореняются въ сердце заповѣди Духа, и тогда въ тайнѣ учится у Духа, и не имѣеть нужды въ пособіи вещества чувственнаго; потому-что, пока сердце учится отъ вещества, непосредственно за ученіемъ слѣдуютъ заблужденіе и забвеніе, а когда ученіе преносится Духомъ, тогда памятованіе сохраняется невредимымъ.

Бываютъ помыслы добрые и изволенія добрыя; бываютъ же помыслы лукавыя и сердце лукавое. Первая степень есть движеніе, происходящее въ душѣ подобно вѣтру, воздвигаемому въ морѣ и воздымающему волны; вторая степень есть опора и основаніе. И по твердости основанія, а не по движению помысловъ, бываетъ воздаяніе за доброе. Душа движеніемъ измѣнчивыхъ помысловъ не приводится въ покой. Если же за каждое изъ нихъ, хотя не имѣеть оно основанія во глубинѣ сердца, назначить воздаяніе; то близь уже будешь къ тому, чтобы тысячекратно въ день перемѣнять тебѣ, то блага свои, то прогвное тому.

Неоперившаяся иглица — тотъ умъ, который, при покаяннѣ, недавно вышелъ изъ путъ страстей, и во время молитвы усиливается возвыситься надъ земными вещами, но не можетъ, а напротивъ того, пресмыкается еще по лицу земли, не имѣя силъ летать. Однакоже, съ помощію чтенія, дѣланія, страха и понеченія о множествѣ добродѣтелей, собираетъ водно помысленія свои; потому-что неспособенъ знать что-либо, кромѣ сего. И это на краткое время

сохраняетъ умъ неосквереннымъ; но въ послѣдствіи приходятъ воспоминанія, и возмущаютъ и оскверняютъ сердце; потому-что человекъ не ощутилъ еще того спокойнаго воздуха свободы, въ который, по долгомъ только времени (п), забвеніемъ о земномъ вводитъ онъ умъ, ибо приобрѣлъ тѣлесныя только крыла, то-есть, добродѣтели, которыя совершаются наружно, но не видѣлъ еще добродѣтелей созерцательныхъ, и не сподобился ощущенія ихъ; а онъ суть тѣ крыла ума, на которыхъ человекъ приближается къ небесному, и удаляется отъ земнаго.

Пока человекъ служитъ Господу чѣмъ-либо чувственнымъ, до той образы сего чувственнаго отпечатываются въ помысленіяхъ его, и Божественное представляетъ онъ въ образахъ тѣлесныхъ. Когда же получить онъ ощущеніе внутренняго, тогда, по мѣрѣ ощущенія его, и умъ, отъ времени до времени, будетъ возвышаться надъ образами вещей.

Они Господни на смиренныхъ сердцемъ и уши Его въ молитву ихъ (Ис. 33, 16.). Молитва смиренномудраго какъ бы прямо изъ устъ въ уши. Во время безмолвія твоего благими дѣлами смиренія взывай: «Господи Боже мой! Ты просвѣтишь тму мою».

Когда душа твоя приблизится къ тому, чтобы выйти изъ тмы; тогда вотъ что будетъ для тебя признакомъ: сердце у тебя горитъ, и какъ огонь распаляется день и ночь; а потому цѣлый міръ въ-

(п) Здѣсь греческому тексту *μητά μικρόν χρόνον* предпочтены древн. славян. переводы.

пнешь ты за уметы и испель, не желасишь даже нищѣ отъ сладости новыхъ, пламеняющихъ помысловъ, непрестанно возбуждающихся въ душѣ твоей. Внезапно дается тебѣ источникъ слезъ, какъ потокъ текущій безъ принужденія, и принимающійся ко всякому дѣлу твоему, то-есть, во время чтенія твоего, молитвы твоей и размышленія твоего, когда принимаешь нищу и нищѣ, и во всякомъ дѣлѣ твоёмъ оказывается, что у тебя срастворены съ этими слезы. И когда увидишь это въ душѣ своей, будь благонадеженъ, потому-что переплылъ ты море; и столько будь прилеженъ къ дѣламъ своимъ, такъ тщательно содержи стражу, чтобы благодать умножалась въ тебѣ со дня на день. А пока не встрѣтишь въ себѣ этого; ты не совершилъ еще пути своего, и не вступилъ на гору Божию. Если же и послѣ того, какъ обрѣлъ и приялъ ты благодать слезъ, онѣ прекратятся, и горячность твоя охладѣетъ безъ измѣненія въ чемъ-либо другомъ, то-есть, безъ тѣлесной немощи; — то горе тебѣ. Что погубилъ ты, внавѣ или въ самомнѣніе, или въ нерадѣніе, или въ расслабленіе? Но что послѣдуетъ за слезами, по пріятіи опыхъ, и что встрѣтится съ человекомъ послѣ сего, объ этомъ напишемъ въ послѣдствіи въ другомъ мѣстѣ, въ главахъ о Промыслѣ, какъ просвѣщены мы въ семъ отъ Отцевъ, которымъ ввѣрены были таковыя тайны, и изъ Писаній.

Если не имѣешь дѣлъ, не говори о добродѣтеляхъ. Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны предъ Господомъ скорби за Него и ради Его; и паче всѣхъ блахоуханій воия пота ихъ. Всякую добро-

дѣтель, совершенную безъ тѣлеснаго труда, почитай преждевременнымъ и неодушевленнымъ плодомъ чрева. Приношеніе праведныхъ — слезы очей ихъ, и пріятная Богу жертва — воздыханія ихъ во время бдѣній. Воззовуть ко Господу праведные и увѣщаемые тяжестію тѣла, и въ болѣзни вознютъ моленія къ Богу, и на вопль гласа ихъ прійдутъ на помощь къ нимъ святые Чины ободрить и утѣшить ихъ надеждою; потому-что святые Ангелы, по близости своей къ святымъ мужамъ, имѣютъ общеніе въ ихъ страданіяхъ и скорбяхъ.

Доброе дѣланіе и смиренномудріе дѣлаютъ человека богомъ на землѣ; а вѣра и мнотыня содѣйствуютъ ему скоро приблизиться къ чистотѣ. Невозможно, чтобы въ одной душѣ были и горячность и сокрушеніе сердца; равно какъ въ уноеніи невозможно владѣть помыслами. Ибо какъ-скоро дана душѣ сія горячность, отъемлетя у нея слезное сокрушеніе. Вино даровано для веселія, и горячность для душевной радости. Вино согрѣваетъ тѣло, а слово Божіе умъ. Распаляемые горячестію бываютъ восхищаемы размышленіемъ объ уповаемомъ и уготовляютъ мысль свою къ будущему вку. Ибо какъ упившіеся виномъ представляютъ себѣ какія-то извращенныя подобія вещей; такъ упоенные и согрѣтые надеждою не знаютъ ни скорби, ни чего-либо мірскаго. Съ людьми простосердечными, и имѣющими горячую надежду, послѣ постояннаго дѣланія и по пріобрѣтеніи чистоты, бываетъ все сіе и иное, подобное тому, а именно, что уготовано шествующимъ стезею добродѣтели. И въ началѣ пути совершается сіе вѣрою души; ибо Господь творитъ все, чего хочетъ вѣра.

Блаженны тѣ, которые для моря скорбей, ради любви къ Богу, препоясали чресла свои простотою и непытливимъ правомъ, и не обращаютъ хребта. Они скоро спасаются въ пристань царствія, упокоиваются въ селеніяхъ хорошо потрудившихся, получаютъ отраду въ своихъ бѣдствіяхъ, и преисполняются веселіемъ своего упованія. Съ надеждою вступающіе на путь стропотный, не возвращаются назадъ, и не останавливаются, чтобы входить въ изслѣдованіе о семъ. Но когда перельвуть море, тогда, взирая на стропотность пути, приносятъ благодареніе Богу, что избавилъ ихъ отъ тѣснотъ, стремившій и отъ такой негладкости въ пути, тогда какъ они и не знали сего. А изъ тѣхъ, которые составляютъ много утѣствованій, желаютъ быть очень мудрыми, предаются замедленіямъ и боязни помысловъ, пріуготовляютъ себя и хотятъ предусматривать вредоносныя причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверяхъ своего дома.

Дышвыи, посланныи въ путь, скажетъ: *левъ на стезяхъ, на путехъ же разбойницы* (Притч. 22, 14.), подобно тѣмъ, которые говорили: *сыновъ исполиновъ видѣхомъ тамо и бѣхомъ предъ нами, яко пружи* (Числ. 13, 34.). Это тѣ, которые во время кончины своей оказываются еще въ пути; желаютъ всегда быть мудрыми, и во всемъ не хотятъ положить и начала. А невѣжда, пускаясь въ плаваніе, перельвастъ съ первою горячностію, шмалой не прилагая заботы о тѣлѣ, и не разсуждая самъ съ собою, будетъ или нѣтъ какой утѣхы отъ сего труда. Избытокъ мудрости да не будетъ у тебя понозновеніемъ душъ и сѣтію предъ лицемъ тво-

имъ; напротивъ того, возложивъ упованіе на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебѣ скуднымъ всегда и лишенымъ Божія вѣдѣнія. Страшный, *блудный вѣтра не съетъ* (Еккл. 11, 4.). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдомъ и льностію. Когда хочешь положить начало Божію дѣлу, сдѣлай прежде завѣщаніе, какъ человекъ, которому уже не жить въ этомъ мірѣ, какъ приготовившійся къ смерти и отчаявшійся въ настоящей жизни, какъ достигшій времени срока своего. И дѣйствительно имѣй это въ мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебѣ подвизаться и побѣдить; потому-что надежда продлить сію жизнь ослабляетъ умъ. Посему, никакъ не умудряйся до пѣлшества, по вѣрѣ дай мѣсто въ умѣ своемъ, содержи въ памяти многіе дни, оставшіеся позади и непонятные вѣка послѣ смерти и суда, и да не приходитъ на тебя когда-либо ослабленіе, какъ не приходило на премудраго, который говоритъ, что тысяча лѣтъ нынѣшняго вѣка не равняется и одному дню въ вѣкѣ праведныхъ (Пс. 89, 4.). Съ мужествомъ начинай всякое доброе дѣло, а не съ двосудіемъ приступай къ такимъ дѣламъ, не колеблись сердцемъ твоимъ въ упованіи на Бога, чтобы трудъ твой не сталъ бесполезенъ, и дѣланіе твое обременительно. Напротивъ того, вѣруй сердцемъ твоимъ, что Господь милостивъ и щупливъ Его дастъ благодать, какъ медоводятель, не по дѣланію нашему, но по усердію и по вѣрѣ душъ нашихъ. Пбо говоритъ: *якоже вѣровалъ сси, буди тебѣ* (Матѣ. 8, 13.).

Дѣлація же жительствующихъ по Богу суть слѣдующія: одинъ цѣлый день ударяетъ своею головою въ землю, и дѣлаетъ это вмѣсто совершенія службы, то-есть, часовъ. Иной съ постояннымъ и продолжительнымъ коленопреклоненіемъ соединяетъ число молитвъ. Другой шожествомъ слезъ своихъ замѣняетъ для себя Божіи службы, и допольствуется тѣмъ. Иной старается выкинуть въ смыслъ читаемаго, и совокупиаетъ съ тѣмъ определенное ему правило. Другой тонитъ душу свою гладомъ, такъ-что не въ состояніи бываетъ совершать Божіихъ службъ. А иной, ревностно изучая псалмы, дѣлаетъ службу сію непрерывною. Иной проводитъ время въ чтеніи, и согрѣвается сердце его. Иной отдается въ плънь, домыслиаясь божественнаго смысла въ божественныхъ Писаніяхъ. Иной, приводимый въ разуменіе чудесами, поражающими его въ стихахъ, удерживается отъ обычнаго чтенія, и овладѣвается молчаніемъ. Другой, вкусивъ всею этого и насытившись, возвратился назадъ, и остался бездѣйственнымъ. А иной, вкусивъ только малое нечто и надмившись (о), вдался въ заблужденіе. Иному воспрепятствовали хранить прошло свое тяжкая бользнь и безспіе; а другому преобладаніе какой-нибудь привычки, или какого-либо пожеланія, или любоначалія, или тщеславія, или лобостязательности, или пристрастія къ тому, чтобы собирать вещественное. Иной прегкнулся, но восталъ, и не обратилъ хребта своего, пока не получитъ многоцѣнную жемчужшу.

(о) Здѣсь предпочтено чтеніе, согласное съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

Посему, всегда съ радостію и усердіемъ полагай начало Божію дѣлу; и если ты чистъ отъ страстей и колебаній сердца, то самъ Богъ возведетъ тебя на вершину, и поможетъ тебѣ, и умудритъ тебя сообразно съ волею Его; и въ удивленіи примешь совершенство. Ему слава и держава пышъ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 59.

О чинѣ монашескаго житія, о сокращеніи и различіи оного, и о томъ, почему и какими образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой.

Отъ напряженнаго дѣланія рождается безмѣрная горячность, распаленная въ сердце горячими помысленіями, вновь появляющимися въ умѣ. А сіе дѣланіе и храненіе утопчаютъ умъ своею горячностію, и сообщаютъ ему видѣніе. И сіе видѣніе пораждастъ сказанныя выше горячіе помыслы во глубинѣ душевнаго видѣнія, которое именуется созерцаніемъ. А сіе созерцаніе пораждаетъ горячность, и отъ сей горячности, производимой благодатію созерцанія, рождается слезный потокъ, вначаль, въ малой пѣкоторой мѣрѣ, то-есть, въ одинъ день много разъ идутъ у человека слезы, и потомъ оскудѣваютъ; а за симъ слѣдуютъ непрестанныя слезы, и отъ непрестанныхъ слезъ душа пріемлетъ умирненіе помысловъ; отъ умирненія же помысловъ возвышается до чистоты ума, а при чистотѣ ума человекъ

приходитъ въ видѣніе тапшъ Божіихъ; потому-что чистота пребываетъ сокровенною въ умрениіи отъ браней. После же сего умъ достигаетъ до зрѣнія огроченій и знаменій, какъ видѣлъ Пророкъ Іезекіиль. Сіе изображаетъ три стени, по которымъ душа приближается къ Богу. Началомъ всему этому — благое предъ Богомъ преднамьреніе. И виды дѣль безмолвія непреложны; они порождаются многымъ отсѣченіемъ и удаленіемъ себя отъ дѣль житейскихъ. Нѣтъ большой необходимости говорить о каждомъ видѣ сихъ дѣль, потому-что они всемъ известны; впрочемъ, послѣ описаніе оныхъ безвредно, и даже, какъ я утверждаю, болѣе полезно читающимъ, то нѣтъ причины къ тому, чтобы помышлять описать оныя.

Это суть: акапіе, чтеніе, всенощное и трезвенное бдѣніе, по мѣрь силъ каждаго, и множество поклоновъ, которые полезно совершать въ часы дневные, а перьдко и ночью. Пусть же самую малою мѣрою будетъ для тебя — положить тридцать поклоновъ, потомъ поклониться честному кресту, и тѣмъ кончить. Но есть и таковыя, что, по мѣрь силъ своихъ, увеличиваютъ сіе число поклоновъ. Иныя же въ единой молитвѣ проводятъ три часа, имѣя умъ трезвенный, и повергнувъ лицемъ на землю безъ принужденія и нарсенія помысловъ. И два сіи вида обнаруживаютъ и показываютъ множество богатства благостыни, или благодати, какая удѣляется каждому человеку, по мѣрь собственного его достоинства. Какой же иной способъ молитвы и пребыванія въ ней, свободнаго отъ принужденія, сего призналъ я справедливымъ не объявлять, и ни

устнымъ словомъ, ни письменными начертаніями, не изображать чина сей молитвы, чтобы читающій, оказавшись не понимающимъ того, что читаетъ, не почесть написаннаго безполезнымъ, или, если окажется онъ знающимъ это, не стать унижать того, кто не знаетъ порядка въ этомъ, и въ последнемъ случаѣ не произоню укоризны, а въ первомъ — смѣха. И тогда, по изреченію Апостола, употребляемому имъ о пророчествующихъ, и я окажусь въ таковыхъ дѣлахъ, *позычишкомъ* (1 Кор. 14, 11.). Посему, кому желательно дознать сіе, тотъ пусть идетъ описаннымъ выше путемъ, и сдѣласть, чтобы дѣланіе соответствовало уму. И когда приступитъ къ этому самымъ дѣломъ, тогда самъ собою дознаетъ сіе, и конечно не потребуетъ учителя. Ибо говорятъ: сиди въ кельи, и это само о себѣ научитъ тебя всему. Богу истинному да будетъ слава во вѣк! Аминь.

С Л О В О 60.

О различныхъ способахъ бранн, какую діаволъ ведетъ съ шествующими путемъ тѣснымъ, прѣвысшимъ
МРА.

У сопротивника нашего діавола есть древній обычай со вступающимъ въ подвигъ сей митро уразнообразивать борьбу свою; употребляя противъ нихъ разныя оружія, и соображаясь съ намѣреніемъ лица, измѣняетъ онъ способъ своего ратоборства. Кото-

рые лѣнны произволеніемъ и немощны помыслами, на тѣхъ обращаетъ особое вниманіе, и съ самаго начала сильно нападаетъ на нихъ, такъ-что возставляетъ противъ нихъ твердыя и сильныя искушенія, чтобы въ началѣ пути заставить ихъ извѣдать всѣ способы лукавства его, чтобы съ перваго подвига объяла ихъ боязнь, путь ихъ показался имъ жестокимъ и неудобопроходимымъ, и сказали они такъ: «если начало пути такъ тяжело и трудно; то можетъ ли кто до самаго конца его выдержать многія, предстоящія на немъ, нападенія»? И съ этого времени не могутъ уже они снова вставать, или идти впередъ, и даже видѣть что-либо иное отъ предающей покоя заботы о себѣ. И недолго діаволь ведетъ съ ними жестокою брань свою, чтобы обратитъ ихъ такимъ образомъ въ бѣгство. Лучше сказать, самъ Богъ попускаетъ діаволу превозмогать ихъ, и ни въ чемъ не вспомошествуетъ имъ; потому-что съ сомнѣніемъ и холодностію вступили въ подвигъ Господень. Ибо говоритъ Богъ: *проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ, и возбраняегь рукъ отъ крове* (Іер. 48, 10.); и еще: *Господь близъ боящагося Его* (Ис. 84, 10.). Ибо безъ страха и холодностіи идти противъ діавола повелѣваетъ Богъ, говоря: *начни только губить его, и устремись на брань съ нимъ, и сразись съ нимъ мужественно, и возложу страхъ твой на всѣхъ враговъ твоихъ подъ небесемъ, глаголетъ Господь* (Втор. 11, 25.). Ибо, если не умрешь добровольно чувственною смертію за благость Божию, то по неволѣ умрешь духовно, отнавъ отъ Бога.

Поэтому, если такова твоя участь, безъ негодованія

добровольно прийми за Бога временныя страданія, чтобы войти въ славу Божию. Ибо, если въ подвигъ Господнемъ урешь тѣсно, самъ Господь увѣщаетъ тебя, и честнымъ останкамъ твоимъ даруетъ Богъ честь мучениковъ. Посему, какъ сказать я выше, послѣнку въ самомъ началѣ были они перадривы и разслаблены, и не рѣшились предать себя на смерть; то съ сего времени во всѣхъ браняхъ оказываются послѣдними и немужественными. Лучше же сказать, Богъ попускаетъ, чтобы они были гонимы и преслѣдуемы во браняхъ; потому-что не по истинѣ разыскашъ Его, но какъ бы искушая и издѣваясь, пытаешься совершить дѣло Божіе. Потому и самъ дьяволъ сначала узнавалъ ихъ, и испытывалъ помыслы ихъ, каковы оныя, то-есть, боязливы и самолюбивы и болѣе всего падать тѣло свое. И посему-то какъ бы бурей гонитъ ихъ; ибо не видятъ въ нихъ душевной силы, какую обыкъ видѣть въ святыхъ. Но произволенію чловѣка стремиться къ Богу, и по намѣренію достигать извѣстной ради Него цѣли, и Богъ содѣйствуетъ, и помогаетъ, и являетъ ему Свое оцель промышленіе. А дьяволъ не можетъ приближаться къ чловѣку, или наводить на него искушенія, если чловѣкъ не вознерадитъ, и Богъ не попуститъ ему. Или, если кто допуститъ себя до срамныхъ помысловъ самоувѣченъ и превозношеніемъ, или помысломъ сомнѣнія, и двоудінія; то дьяволъ исправиваетъ таковыхъ себѣ на искушеніе.

Повоначальныхъ же простыхъ и неопытныхъ не исправиваетъ онъ у Бога, подобно святымъ и великимъ, для искушенія ихъ. Ибо знаетъ, что Богъ не попуститъ таковымъ власть въ руки его, (такъ

какъ Богу известно, что штъ у нихъ достаточныхъ силъ противъ дѣвольскихъ искушеній), развъ будетъ въ нихъ одна изъ сказанныхъ причинъ; и тогда сила Промысла Божія удаляется отъ нихъ. Это есть первый способъ дѣвольскихъ браней.

О второмъ способѣ дѣвольскихъ браней.

А которые, какъ виднть дѣволъ, мужественны, сильны, ни во что вмѣняютъ смерть, не ходятъ на дѣло съ великою ревностію, предають себя на всякое искушеніе и на смерть, пренебрегаютъ жизнью мірскою и тѣсною и всеми искушеніями; на встрѣчу тѣмъ не вдругъ выходитъ дѣволъ, и долго не показываетъ себя имъ, сдерживается, даетъ имъ мѣсто, и не встрѣчается съ ними при первомъ ихъ устремленіи, и не вступается съ ними въ брань. Пбо знаетъ, что всякое начало браня бываетъ горячье; и известно ему, что подвижникъ имѣетъ великую ревность, а ревностные вонтели нелегко побѣждаются. Дѣлаетъ же это дѣволъ, не ихъ самихъ устрашаетъ, но боится онъ окружающей ихъ, его устрашающей, Божественной силы. Посему, пока виднть ихъ таковыми, не осмѣливается даже прикоснуться къ нимъ до тѣхъ поръ, какъ увидитъ, что охладѣли они въ ревности своей, и какія уготовали себѣ въ мысляхъ своихъ оружія, сложили съ себя извѣщеніемъ Божественныхъ словесъ и памятованій, содѣйствующихъ и вспомошествоующихъ имъ. Во время же лѣности ихъ обращаетъ на нихъ вниманіе, когда уклонятся нѣсколько отъ первыхъ помысловъ своихъ, и сами отъ себя начнутъ изобрѣтать то, что служитъ къ одолѣнію ихъ въ ихъ же источающемся ласка-

тельствами мудрованія ихъ, и сами отъ себя душамъ своимъ искаиваютъ ровъ погнбелн, отъ лъности происходицимъ нарснмъ помысловъ, отъ которыхъ въ нихъ, то-есть, въ мысляхъ и въ сердцахъ ихъ, воцарилась холодность. И дьяволъ, когда удерживается отъ нападенія на нихъ, дѣлаетъ сіе непроизвольно, не потому что щадитъ ихъ, или стыдится ихъ. Нбо ни во что вмѣняетъ ихъ. Напротивъ того, разуждаю, что нѣкая сила окружаетъ тѣхъ, которые съ пламенною ревностію стремятся къ Богу, съ младенческими чувствами псходятъ на подвигъ, безъ великихъ разчетовъ отрекаяюся отъ міра, надѣются же на Бога, вѣрують въ Него и не знаютъ, съ кѣмъ ведутъ борьбу. Посему, Богъ отражаетъ отъ нихъ лютость дьявольскаго лукавства, чтобы не приближалась къ нимъ. Врагъ обуздывается, видя Храпителя, всегда ихъ охрашающаго. Нбо если не огрннуть отъ себя причинъ помощи, то-есть молитвъ, трудовъ и смиренномудрія, то Заступникъ и Помощникъ шькогда не удаляется отъ нихъ.

Смотри, и зашши это въ сердце своемъ; погому-что сластолюбіе и любовь къ покою бывають причиною поущенія. А если кто пребываетъ въ неослабномъ воздержаніи отъ этого, то никогда не оставляетъ его Божіе содѣйствіе, и врагу не поускается приражаться къ нему. Если же и бываетъ когда поущено прирагнться къ нему для вразумленія его, то сопровождаетъ и поддерживаетъ его святая сила, и не боится онъ демонскихъ искушеній; погому-что помысль его благодушествуетъ и пренебрегаетъ искушеніями ради этой силы. Нбо сама Божественная сила научаетъ людей, какъ шной учить плавать ка-

кого-либо малаго ребенка, и когда начнетъ онъ уто-
 нать, вынеситъ его изъ воды, потому-что ребенокъ
 плавать надъ руками обучающаго, и когда начнетъ
 робеть, чтобы не утонуть, самъ посящій его на ру-
 кахъ своихъ взываетъ съ ободреніемъ ему: «не бойся,
 я ношу тебя». И какъ мать учитъ малаго сына
 своего ходить, удаляется отъ него, и зоветъ его къ
 себѣ; а когда онъ, идя къ матери своей, начнетъ
 дрожать и по слабости и нѣжности ногъ и членовъ
 падать, мать его прибѣгаетъ и носитъ его въ
 объятіяхъ своихъ: такъ и благодать Божія носитъ
 и учитъ людей, которые чисто и въ простотѣ пре-
 дали себя въ руки Создателя своего, всѣмъ сердцемъ
 отреклись отъ міра, и идутъ во слѣдъ Господа. А
 ты, человекъ, исходящій во слѣдъ Бога, во всякое
 время подвига своего помни всегда начало и первую
 ревность при началѣ пути и тѣ пламеннѣющіе помы-
 сль, съ какими пошелъ ты въ первый разъ изъ дому
 своего, и вступилъ въ воинскіе ряды. Такъ помышляй
 себя каждый день, чтобы горячность души твоей
 не охладѣла въ одномъ изъ оружій, въ какія облеченъ
 ты, и въ ревности, воспламенившейся въ тебѣ при
 началѣ, то-есть при началѣ твоего подвига, и чтобы
 не лишиться тебѣ одного изъ оружій, въ какія облеченъ
 ты въ началѣ твоего подвига. И непрестанно
 возвышай голосъ свой среди воинскаго стана, ободряй
 и поощряй къ мужеству чады десной страны, то-есть
 помыслы свои, а другимъ, то-есть, сторонѣ сопроти-
 вника, показывай, что ты трезвенъ. И поему,
 если вначалѣ увидишь устрашающее тебя устрем-
 леніе некупецка, не ослабьвай; оно, можетъ быть,
 будетъ тебѣ полезно; потому-что Спасающій тебя

шкочу не попускаеть даромъ приблизиться къ тебѣ, если не устроитъ въ этотъ чего-либо къ пользѣ твоей.

Но не показывай перадыня вначать, чтобы, показавъ перадыне здѣсь, не пасть тебѣ, когда поступишь впередъ, и не оказаться уже неспособнымъ сопротивляться паходящимъ на тебя скорбямъ, разумью же скорби по причинѣ голода, немощи, страшныхъ мечтаній и прочаго. Не превращай намѣренія (и) Подвигположника твоего, потому-что дастъ тебѣ помощь противъ сопротивника, чтобы врагъ не нашель тебя, каковы ожидаетъ. Но призывай непрестанно Бога, плачь предъ благодатію Его, проливай слезы и трудись, пока не пошлетъ тебѣ помощника. Ибо, если однажды увидишь близъ себя Спасающаго тебя, не будешь уже побѣжденъ сопротивляющимся тебѣ врагомъ твоимъ. Вотъ до сего мѣста описаны два способа дѣвольской борьбы.

О третьемъ способѣ вражеской брани съ сильными и мужественными.

Посему, когда дѣволъ послѣ всего этого возстанеть на кого-нибудь, не имѣеть уже смѣль къ борьбѣ съ нимъ, лучше же сказать, къ борьбѣ съ Укрѣпляющимъ его и Помогающимъ ему; человекъ содѣйствіемъ смѣль возносится надъ врагомъ, заступаетъ у Содѣйствующаго силу и терпѣніе, такъ-что грубое и вещественное тѣло побѣждаетъ безплотнаго и духовнаго. Когда же увидитъ врагъ всю

(и) Здѣсь предпочитается чтеніе, согласное съ древнимъ слав. исл. сводомъ.

эту силу, какую человекъ пріять отъ Бога, увидитъ, что вѣщныя чувства у человека не побуждаются видимыми венцами и слышимыми гласами, и помыслы не расслабляютъ отъ ласкательствъ и обольщеній его; тогда уже этотъ обманщикъ желаетъ отыскать какой-либо способъ отдалить отъ человека онаго помогающаго ему Ангела. Лучше же сказать, обманщикъ этотъ желаетъ ослѣпить умъ человека, которому оказывается помощь, чтобы оказался онъ безпомощнымъ, и возбудить въ немъ помыслы гордыни, чтобы подумалъ онъ въ себѣ, будто бы вся крѣпость его зависитъ отъ его собственной силы, и самъ онъ пріобрѣлъ себѣ это богатство, своею силою сохранилъ себя отъ противника и убійцы. И иногда разсуждаетъ онъ, что побѣдилъ врага случайно; а иногда, что побѣдилъ по безсилію врага (умалчиваю о другихъ способахъ и хульныхъ помыслахъ, при одномъ только воспоминаніи о которыхъ душа впадаетъ въ страхъ); иногда же врагъ, подъ видомъ откровеній отъ Бога, изводитъ на среду прелесть свою, и въ свидѣніяхъ показываетъ что-либо человеку, и также, во время его бодрствованія, преобразуется въ свѣтлаго Ангела, и дѣлаетъ все, чтобы прійти въ возможность мало-по-малу убѣдить человека, и хотя нѣсколько привести въ согласіе съ собою, и чтобы человекъ предасть быть въ руки его. Если же благоразумный человекъ въ безопасности удержитъ помыслы свои, лучше же сказать, удержитъ намягованіе о Событствующемъ ему, и око сердца своего устремитъ къ небу, чтобы не видѣть заманивающихъ въ него это; то врагъ слова предпріемлетъ изобрѣтать иные способы.

О четвертой упорной вражеской бранн.

Наконецъ, у него осталось это одно, потому-что природа имѣеть съ снмъ еродство; и потому, этимъ преимущественно надѣется причинить погнбелъ чело-вѣку. Въ чемъ состоитъ это ухищреніе? Въ слѣдую-щемъ: угнетать челоуька естественными его нуж-дами. Умъ подвижника ослабляется часто видѣніемъ и приближеніемъ къ нему вещей чувственныхъ, и безъ труда побуждается въ боръбѣ, когда сблизается съ ними, гораздо же болѣе, когда онѣ бывають прямо передъ глазами у челоуька. Пбо съ знаніемъ дѣла и съ опытностію пользуется снмъ способомъ лютый дьяволъ, то-есть, доизалъ сіе опытно на многихъ брвннхъ и сильныхъ подвижникахъ, которые пали отъ сего, и дѣлаеть это ухищреніемъ. Хотя не можетъ очъ заставить челоуька совершить что на самомъ дѣлѣ, потому-что челоуькъ огражденъ безмолвіемъ, и жилище его далеко отъ поволовъ и причинъ ко грѣху, однакоже усиливается сдѣлать, чтобы умъ у подвижниковъ видѣлъ это въ призракъ, и старается образовать въ нихъ подѣ личною истины ложныя мечты; чтобы принципъ въ вождельніе мечтаемаго, производить въ нихъ щекотанія и побужденія оста-навливаться мыслію на срамныхъ помыслахъ, со-глашаться на оныя, содѣлываться въ нихъ вшовными, только бы чрезъ это удалить отъ нихъ Помошника пхъ. Пбо вражь знаетъ, что побѣда челоуька и одо-лганіе его, и сокровище и защита его и все у по-движника производится помысломъ его, и совер-шается въ краткое мновеніе, только бы помыслу подвижника съ мѣста и съ оной высоты свзойдти

на землю, и произволеніемъ на одно мгновение показать свое согласіе, какъ и случалось это со многими изъ святыхъ при мечтательномъ представленіи красоты женской. Если приближалась она къ міру на одно или на два поперца, или на разстояніе дневнаго пути; то врагъ перьяко прибѣгаетъ къ тому, что дѣйствительно приводитъ къ нимъ женщинъ. А пребывающихъ вдаль отъ міра не можетъ уловить въ эту сеть; потому, въ мечтаніяхъ показывается имъ женскую красоту въ непрістойныхъ видахъ, привлекая вниманіе, то убранствомъ одеждъ, то вольностію обращенія, то тѣлесною наготою. Силь и подобнымъ сему однихъ побѣдилъ врагъ на самомъ дѣлѣ, а другіе, по безпечности помысловъ своихъ, обмануты были мечтаніями, и чрезъ то пришли въ глубокую отчаянія, уклонились въ міръ; и души ихъ утратили небесную надежду.

Другіе же были крѣпче ихъ, и, просвѣщенные благодатию, побѣдили врага и мечтанія его, поирали тѣлесныя удовольствія, и оказались искусными въ любви Божіей. Часто также врагъ дѣлалъ, что видѣли они мечтательно золото, драгоценныя вещи и золотыя сокровища, а иногда самымъ дѣломъ показывалъ имъ это въ той надеждѣ, что, можетъ быть, и уснѣетъ такими различными мечтаніями остановить кого-либо изъ нихъ въ теченіи его, и зашнуръ одной изъ сетей и ярежъ своихъ.

Но Ты, Господи, Господи, въдуцій помощь нашу, не введи насъ въ таковыя искушенія, отъ которыхъ даже сильные и болѣе искусные едва проходятъ побѣдителями съ таковой борьбы!

И все это попускается искусителю дѣволу, когда

со святыми вестъ брань искушениями, чтобы таковыми искушениями извѣдывалась любовь Божія въ нихъ, дѣйствительно ли, при удаленіи сихъ вещей въ отшельничество, лишеніи и скудости своей, они боголюбивы, и пребудутъ въ любви Божіей, и истинно любить Бога; и когда приближаются къ симъ вещамъ, но любви къ Богу, стараются преобрегать имъ и умилять ихъ; обольщаемые ими не уступаютъ имъ надъ собою победы. И такимъ образомъ искушаются, чтобы чрезъ это содѣлаться не только извѣстными Богу, но и самому дьяволу, потому что желательно ему испытать многое и всехъ, если можно, извѣдать, и испросить себя у Бога для искушенія, какъ испросилъ праведнаго Юва. И когда бываетъ малое поущеніе Божіе, искушитель дьяволъ неукротимо приближается; но, по мѣрѣ силы искушаемыхъ имъ, а не по желанію своему, приражается къ нимъ беззаконный дьяволъ. И чрезъ сіе испытываются истинные боголюбцы, твердые въ любви Божіей, пренебрегаютъ ли они всехъ этимъ, и вѣнчается ли это въ глазахъ ихъ ни во что въ сравненіи съ любовію Божіею, всегда ли смиряются они, воздаютъ славу Событствующему имъ во всемъ и Вышнему имъ побѣды, и Ему въ руки передаютъ себя во время подвига, говоря Богу: «Ты силенъ, Господи; Твой это подвигъ, Ты ратоборствуй и побѣждай въ немъ за насъ.» Тогда искушаются они, какъ золото въ горниль.

Но извѣдываются и познаются въ таковыхъ искушеніяхъ и ложные боголюбцы, и они, давъ мѣсто врагу своему и ставъ повинными, отпадаютъ отъ Бога, какъ першотота, за бечечность ума своего,

или за гордость свою; потому-что не сподобилшя-пріять силу, какая дѣйствовала во святыхъ. Со-дѣйствующая же намъ сила не преодолевается. Ибо Господь всемогущъ, и крѣпче всѣхъ, и во всякое время бываетъ побѣдителемъ въ смертномъ тѣлѣ, какъ-скоро спусходитъ къ подвижникамъ во время бранн. Если же бываютъ они побѣждены; то явно, что побѣждаются безъ Него. И это суть тѣ, которые, по своему произволенію, неблагодарностію своею удалиши отъ себя Бога, потому-что не сподобилшя силы, вспомошествоющей побѣдителемъ, и даже чувствуютъ себя лишенными той обычной, собственной своей силы, какую имѣли во время сильныхъ своихъ браней. Какъ же чувствуютъ это? Видятъ, что наденіе ихъ представляется пріятнымъ и сладостнымъ въ очачь ихъ, и что трудно имъ выдержать жестокость борьбы со врагомъ ихъ, которую прежде съ ревностію рѣшительно преодолевали стремленіемъ естественнаго движенія, сопровождавшимся въ то время горячістію и быстротою. И этого не находятъ они теперь въ душѣ своей.

И тѣ, которые нерадивы и слабы въ началѣ подвига, не только отъ спихъ и подобныхъ бореній, но и отъ шума древесныхъ листьевъ приходятъ въ боязнь и смятеніе, и малою нуждою, голодомъ въ случаѣ недостатка, и небольшою немощію преодолеваются, отрекаются отъ подвига, и возвращаются вѣнать. Истинные же и благонкусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже ищутся кореньями сухихъ былій, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначеннаго часа, но въ тѣлесность ищеможеніи лежатъ на голой землѣ; очи ихъ едва

смотрять отъ чрезмѣрнаго истощанія тѣла, и если отъ нужды близки бываютъ къ тому, чтобы разлучиться съ тѣломъ, не уступаютъ надъ собою побѣды, и не оставляютъ крыкаго произволенія; потому-что желаютъ и воздерживаютъ лучше сдѣлать себѣ принужденіе изъ любви къ Богу, и предпочитаютъ трудиться ради добродѣтели, нежели имѣть временную жизнь и въ ней всякое упокоеніе. И когда приходятъ на нихъ искушенія, веселятся паче, и еще усовершенуются ими. Даже среди тяжкихъ предстоящихъ имъ трудовъ не колеблются въ любви Аристовой; но пока не утратятъ жизни, пламенно желаютъ съ мужествомъ выдерживать нападенія, и не отступаютъ, потому-что чрезъ это усовершенуются. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ !
Аминь.

С Л О В О 61.

О томъ, что полезно человеку въ приближеніи его сердцемъ своимъ къ Богу, какая истинная причина сокровенно приближаетъ къ нему помощь, и какая опять причина приводитъ человека въ смѣрненіе.

Блаженъ человекъ, который познаетъ помощь свою; потому-что вѣдѣніе сіе дѣлается для него основаніемъ, корнемъ и началомъ всякаго добраго успѣха. Какъ-скоро дознаетъ кто, и дѣйствительно ощутитъ, помощь свою; воздвигаетъ душу свою изъ расслабленія, омрачающаго вѣдѣніе, и запасается осторожностію. Но никто не можетъ ощутить не-

мощь свою, если не будетъ поущено на него хотя малаго искушенія тѣмъ, что утомляетъ или тѣло, или душу. Тогда, сравнивъ свою немощь съ Божіею помощію, тотчасъ познаетъ ея величіе. И также, когда разсмотритъ множество принятыхъ имъ мѣръ, осторожность, воздержаніе, покровъ и огражденіе души своей, въ чемъ надѣялся опъ найдти безонасность ея, и не обрѣтаетъ, даже и сердце его, отъ страха и трепета, не имѣетъ тишины; пусть пойметъ и познаетъ тогда, что этотъ страхъ сердца его обнаруживаетъ и показываетъ непремѣнную потребность для него иного иъкого помощника. Ибо сердце страхомъ, поражающимъ его и борющимся внутри его, свидѣтельствуетъ и даетъ знать о недостаткѣ чего-то; а сямъ обличается, что не можетъ оно жить въ безонасности, потому-что, какъ сказано, спасаетъ Божія помощь. Но кто позналъ, что имѣетъ нужду въ Божіей помощи, тотъ совершаетъ много молитвъ. И въ какой мѣрѣ умножаетъ ихъ, въ такой смиряется сердце. Ибо всякій молящійся и просящій не можетъ не смириться. *Сердце же сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ* (Ис. 50, 19.). Поэтому сердце, пока не смиряется, не можетъ престать отъ паренія; смиреніе же собираетъ его во-едино.

Какъ-скоро человекъ смиряется; немедленно окружаетъ его милость. И тогда сердце оцущаетъ Божественную помощь; потому что обрѣтаетъ возбуждающуюся въ немъ иъкую силу увѣренности. Когда же человекъ оцущитъ, что Божественная помощь дѣйствительно вспомошествуетъ ему; тогда сердце его мгновенно исполняется вѣры. Изъ сего уразумѣваетъ опъ, что молитва есть прибѣжище ищущимъ

помощи, источникъ спасенія, сокровище безопасности, пристань спасающая отъ тревоженія, свѣтъ пребывающимъ во тьмѣ, опора немощныхъ, покровъ во время искушеній, пособіе въ рывительную минуту болѣзни, щитъ избавленія во бранн, стрѣла пронзенная на враговъ, и просто сказать: открывается ему, что все множество сихъ благъ дѣлается доступнымъ для него молитвою; и отнынѣ услаждается уже онъ молитвою веры. Сердце его дѣлается свѣтлымъ отъ упованія, и никакъ не остается въ прежнемъ ослѣпленіи, при простомъ вѣщаніи устъ. Но когда уразумѣетъ сіе такимъ образомъ; тогда пріобрѣтетъ въ душѣ молитву, подобную сокровищу, и отъ великаго веселія видъ молитвы своей извѣститъ въ благодарственные гласы. И вотъ слово, изреченное Тѣмъ, Кто каждой вещи опредѣляетъ собственный ея образъ: «молитва есть радость, возсылающая благодареніе». Разумѣлъ же Онъ сію молитву, совершаемую въ вѣдѣніи Бога, то-есть, посылаемую отъ Бога; по тому-что не съ трудомъ и утомленіемъ молится тогда человекъ, какова всякая иная молитва, какою молится человекъ до ощущенія сей благодати; но съ сердечною радостію и удивленіемъ непрестанно источаетъ благодарственные движенія, при неисчислимыхъ коленопреклоненіяхъ, и отъ множества возбужденій къ вѣдѣнію, удивленію и изумленію предъ благодатию Божіею везданно возвышаетъ гласъ свой, испословя и прославляя Бога, возсылаетъ благодареніе Ему, и въ крайнемъ изумленіи приводитъ въ движеніе языкъ свой.

Кто достигъ сюда дѣйствительно, а не мечта-

тельно, самымъ дѣломъ положить въ себѣ многіе признаки и по долгомъ самоиспытаніи узнать многія особенности: тотъ знаетъ, что говорю; потому что непротивно сіе истинъ. И отънынь да престанетъ помышлять суетное, да пребываетъ неотступно предъ Богомъ въ непрестанной молитвѣ съ боязнію и страхомъ, чтобы не лишиться великой Божіей помощи.

Всѣ сѣнъ блага рождаются человеку отъ познанія собственной немощи. Ибо по великому желанію помощи Божіей приближается онъ къ Богу, пребывая въ молитвѣ. И въ какой мѣрѣ приближается онъ къ Богу намъреніемъ своимъ, въ такой и Богъ приближается къ нему дарованіями Своими, и не отъемлетъ у него благодати за великое его смиреніе, и потому-что, какъ вдова предъ судією, неотступно воищетъ зашити отъ соперника. Поэтому же щедролюбный Богъ удерживаетъ отъ него дары благодати, чтобы служило сіе для человека причиною приближаться къ Богу, и чтобы ради потребности своей человекъ неотлучно пребывалъ предъ Источающимъ служащее на пользу. И въ скорыя прошенія его Богъ исполняетъ скоро, именно же тѣ, безъ которыхъ никто не можетъ спастись; а другія медлятъ исполнить. И въ иныхъ обстоятельствахъ отражаетъ отъ него и разсѣваетъ налицую силу врага, а въ другихъ попускаетъ впадать въ искушеніе, чтобы это испытаніе, какъ уже сказалъ я, служило для него причиною приближаться къ Богу, и чтобы научился онъ, и имѣлъ опытность въ искушеніяхъ. И вотъ слово Исаіи: Господь оставилъ многіе народы, не потребилъ ихъ

и не предалъ въ руки Иисуса сына Навина, чтобы наставить ими сыновъ израилевыхъ, и чтобы колѣна сыновъ израилевыхъ вняли ихъ урокамъ и научились брани (Суд. 3, 1. 2.). Ибо у праведника, неознаваема своей немощи, дѣла его какбы на остріи бритвы, и вовсе недалеко онъ отъ паденія и отъ тлетворнаго льва, разумно же демона гордыни. И еще, кто не знаетъ своей немощи, тому недостаетъ смиренія; а кому не достаетъ его, тотъ не достигъ до совершенства; и недостигшіи до онаго всегда бываютъ въ страхъ; потому-что градъ его не утверждёнъ на столбахъ желѣзныхъ и на прагахъ мѣдныхъ, то-есть, на смиреніи. Смиреніе же не иначе можетъ кто пріобрѣсти, какъ тѣмъ способами, какими обыкновенно пріобрѣтается сердце сокрушенное и униженныя о себѣ помышленія. Посему-то и врагъ нередко отыскиваетъ себѣ стѣдъ къ тому, чѣмъ совратить человека. Ибо безъ смиренія не можетъ быть совершено дѣло человека, и къ рукописанію свободы его не приложена еще печать Духа, лучше же сказать, донныи онъ рабъ, и дѣло его не свободно отъ страха; потому-что никому не исправить дѣла своего безъ смиренія и не научиться безъ искушеній; а безъ обученія никто не достигаетъ смиренія.

Посему-то Господь оставляетъ святымъ причины къ смиренію и къ сокрушенію сердца въ усиленной молитвѣ, чтобы любящіе Его приближались къ Нему посредствомъ смиренія. И нередко устрашаетъ ихъ страстями ихъ естества и поплзновеніями сражныхъ и нечистыхъ помышленій, а часто укоризнами, оскорбленіями и заушеніями отъ ло-

дей, иногда же болезнями и недугами тѣлесными, и въ другое время нищегою и скудностію необходимыхъ потребностей, то мучительно сильнаго страха, оставленіемъ, явною бранію діавола, чѣмъ обыкновенно устрашаетъ ихъ, то разными странными происшествіями. И все это бываетъ для того, чтобы имѣть имъ причины къ смиренію, и чтобы не впасть имъ въ усиленіе неравнія, или по тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ находится недугующій подвижникъ, или по причинѣ будущаго страха. Поэтому, искушенія по необходимости полезны людямъ. Но говорю сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы человеку слѣдуетъ добровольно разслаблять себя срамными помыслами, чтобы памятованіе о нихъ служило для него поводомъ къ смиренію, и будто бы долженъ онъ стараться впадать въ другія искушенія; но въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ему въ благомъ дѣланіи во всякое время трезвиться, соблюдать душу свою и разсуждать, что онъ—тварь, и потому подлежатъ измѣненію. Ибо всякая тварь въ защиту себя требуетъ Божіей силы, и всякій, кто требуетъ защиты отъ другаго, обнаруживаетъ тѣмъ естественную немощь. А кто позналъ немощь свою, тому по необходимости нужно смиряться, чтобы потребное для себя получилъ отъ Могущаго дать сіе. И если бы иначая зналъ и видѣлъ онъ немощь свою; то не вознерадѣлъ бы. И если бы не вознерадѣлъ, то и не впасть бы въ сонъ, и для пробужденія своего не былъ бы преданъ въ руки оскорбляющихъ его.

Набоицеъ, шестствующему путевъ Божіимъ принадлежитъ благодарить Бога за все, приключающееся съ

шить, укорять же и осыпать упреками душу свою, и знать, что поущено сіе Промыслителемъ не тщяче, какъ по собственному его какому-нибудь нерадѣнію, или для того, чтобы пробудился умъ его, или потому-что онъ возгордился. И потому да не смущается онъ, да не оставляетъ поприща и подвига, и да не перестанетъ дѣлать себѣ упреки, чтобы не постигло его сугубое зло; потому-что нѣтъ неправды у Бога источающаго правду. Да не будетъ сего! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 62.

О словесахъ божественнаго Писанія, поощряющихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены оныя по немощи человеческой, чтобы люди не погнѣши, отпадъ отъ Бога живаго, и что не должно обращать оныхъ въ поводъ къ тому, чтобы грѣшнить.

—

То мужество въ покаяніи, какого Отцы требуютъ въ божественныхъ своихъ писаніяхъ, и ту силу его, какаа изображена въ Писаніяхъ Апостоловъ, и Пророковъ, не должны мы обращать въ пособіе къ тому, чтобы грѣшнить и разорять невзрушимыя постановленія Господни, какія отъ дней древнихъ устави въсѣхъ святыхъ, во всѣхъ писаніяхъ и законоположеніяхъ определены силою Божіею къ нестребленію грѣха. Ибо для того, чтобы имѣть намъ надежду въ покаяніи, умиряюще они предотвра-

тять въ нашемъ чувствѣ страхъ отчаянія ; почему, всякій человекъ носитьнаго бы прійди въ покаяніе и не грѣшилъ бы небоязненно. Между-тѣмъ Богъ, всеми мѣрами во всехъ Писаніяхъ внушалъ страхъ, и показывалъ, что грѣхъ неавиестенъ Ему. Ибо какъ погибъ въ погонѣ современный Ною родъ ? Не за похотливость ли, когда люди съ неустовствою возжелали красоты дочерей Каиновыхъ ? Не было же въ то время сребролюбія, идолослуженія, волхвованія (р) и войнъ. За что и содомскіе города пожжены огнемъ ? Не за то ли, что члены свои предали вождельно и печетотъ, которыя во воль ихъ владѣли всеми ими во всехъ скверныхъ и непристойныхъ дѣлїяхъ ? Не за пободьяніе ли одного человека въ одно мгновеніе поддало смерти двадцать пять тысячъ сыновъ первенца Божїи израїля ? За что отверженъ Богомъ сей исполнивъ Самсонъ, который въ матерней утробѣ отдѣленъ и освященъ былъ Богу, о которомъ, какъ объ Іоаннѣ, сынъ Захарїиномъ, до рожденія благовѣствоваль Ангель, и который сподобился великой силы и великихъ чудесъ ? Не за то ли, что святые члены свои осквернили сожитіемъ съ блудницею ? За сіе-то удаленъ отъ него Богъ, и предалъ его врагамъ его. А Давидъ, мужъ по сердцу Божїю, за добродѣтели свои сподобившійся того, чтобы отъ сѣмени своего произвести обьтованіе отцевъ, и чтобы возсіалъ отъ него Христосъ во спасеніе цѣлой вселенной, не наказанъ ли за прелободьяніе съ

(р) Слова *идолослуженія*, *волхвованія*, дополнены изъ древняго славянскаго перевода.

одною женою, когда глазами своими увидѣлъ красоту ея, и пала стрѣла въ душу его? За сіе Богъ воздвигъ на него брань въ дому его, и изгналъ его пропавшій отъ чреслъ его, хотя Давидъ со многими слезами приносилъ покаяніе, такъ-что и постелю свою омочалъ слезами, и Богъ изрекъ ему чрезъ Пророка: *Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. 12, 10.).

Намереваюсь вспомнить и о нѣкоторыхъ прежде него. За что гнѣвъ Божій и смерть пришли на домъ священника Нлія, праведнаго старца, сорокъ лѣтъ украшавшагося священствомъ? Не за беззаконіе ли дѣтей его, Офни и Финесса? Ибо не согрѣшилъ самъ онъ, и они грѣшили не по его на то согласію. Но, послыку не было у него ревности наказать ихъ за преступленіе предъ Господомъ, и отецъ любилъ ихъ болѣе, нежели повелѣнія Господни, чтобы не подумалъ кто, что Господь на тѣхъ однихъ, которые весь дни жизни своею жили въ беззаконіяхъ, являетъ гнѣвъ Свой, за этотъ безразсудный грѣхъ, показываетъ ревность Свою на близкихъ къ Нему, на священникахъ, на судіяхъ, князьяхъ, людяхъ освященныхъ Ему, которыми ввѣрилъ чудотворенія. Смы дастъ знать, что Богъ никогда не оставляетъ безъ вниманія, какъ-скоро явятся преступившіе законоположенія Его, какъ написано у Іезекіиля: сказалъ челоуьку, которому заповѣдалъ Я потребить Іерусалимъ невидимымъ мечемъ: начни съ предстоящихъ жертвеннику Моему, и не минуи старца и юношу (Іезек. 9, 6.). А смы показываетъ, что близки и любезны Ему тѣ, которые въ страхъ и благоговѣніи ходятъ предъ

Имъ, и исполняющъ волю Его, и что святы предъ Богомъ доблестями дѣла и чистая совѣсть. Уничтожающихъ же нуди Голгофѣи и Онь уничтожаетъ и отвергаетъ ихъ отъ лица Своего, и отъелеть у нихъ благодать Свою. Ибо за что вышель влезачно приговоръ на Ватцара, и какбы рукою поразить его? Не за то ли, что посянулъ на неприкосновенныя принощеніи Ему, гаяя похитить въ Иерусалимъ, и иль изъ нихъ самъ и валоженныи его? Такъ и ть, которые похитили члены свои Богу, и снова отваживаются употребить ихъ на дѣла мірскія, погубаютъ отъ невидимаго удара.

Поэтому не будешь, въ ожиданіи покаяніа, съ отважностію, подаваемою вамъ божественными Иисаіаици, презирать словеса и угрозы Божіихъ, и прогнѣвлять Бога несообразностію дѣяній своихъ, и осквернять члены, которые однажды навсегда освятили вы на служеніе Богу. Ибо вотъ и мы освящены Ему, какъ Илія и Елїсеей, какъ светы пророческіе и прочіе святыи и дѣвственники, которые совершали великія чудотворенія, и лицемъ къ лицу бесѣдовали съ Богомъ, и весь бышіе послѣ нихъ, какъ то: Іоаннъ дѣвственникъ, и святыи Четръ, и прочіи ликъ благовѣстниковъ и проповѣдниковъ новаго завета, которые освѣтили себя Господу, и пріяли отъ Него тайны, одни изъ устъ Его, другіе чрезъ откровеніе, и стали посредниками Бога и человѣковъ и проповѣдниками царства во вселенной.

С Л О В О 63.

О томъ, чѣмъ охраняется доброта иноческаго житія,
и о чинѣ славословія Божія.

—

Инокъ во всѣхъ своихъ чертахъ и дѣлахъ должно быть назидательнымъ образцемъ для всякаго, кто его видитъ, чтобы, по причинѣ многихъ его добродѣтелей, сіюющихъ подобно лучамъ, и враги истины, смотря на него, даже нехотя сознавались, что у христіанъ есть твердая и непоколебимая надежда спасенія, и отсюда стекались къ нему, какъ къ дѣйствительному прибѣжищу, и оттого рогъ Церкви возвысился бы на враговъ ея, и многіе подвиглись бы къ соревнованію иноческой добродѣтели, и оставили міръ, а иннокъ содѣлался бы во всемъ достоимымъ за доброту житія его; потому-что иноческое житіе — похвала Церкви Христовой.

Поэтому, иноку должно во всѣхъ отношеніяхъ имѣть прекрасныя черты, то-есть, презрѣніе къ видимому, строгую несвязательность, совершенное небреженіе о плоти, высокой постъ, пребываніе въ безмолвіи, благочиніе чувствъ, осторожность въ зрѣніи, отвѣщеніе всякой распри о чемъ-либо въ вѣкъ семь, краткость въ словахъ, отвѣщеніе злонамѣстна, при разсудительности прощанію, при благоразуміи, дѣятельности и оборотливости уза прощанію и простосердечіе. Ему должно знать, что вѣдоющія

жизнь суетна и скоропреходяща, и что близка жизнь истинная и духовная; не быть знаемымъ, или зазнаваемымъ, отъ людей, не связывать себя дружбою или соединеніемъ съ какимъ-либо человекомъ; мѣсто жительства имѣть безмолвное; убѣгать всегда отъ людей, съ неослабнымъ терпѣніемъ пребывать въ молнівахъ и чтеніяхъ; не любить почестей, и не восхищаться подарками; не привязываться къ жизни сей; мужественно переносить искушенія; быть свободнымъ отъ мірскихъ желаній, отъ развѣдыванія и памягованія о мірскихъ дѣлахъ; заботиться и размышлять всегда объ одной истинной странѣ; имѣть лице скорбное и покрытое морщинами, день и ночь непрестанно проливать слезы; паче же всего этого хранить дѣломудріе свое, быть чистымъ отъ чревоугодія, отъ малыхъ и большихъ недостатковъ. Вотъ, говоря кратко, добродѣтели инока, свидѣтельствующія ему о совершенномъ омертвѣніи его для міра и о близости къ Богу.

Поэтому, во всякое время должно намъ заботиться о сихъ добродѣтеляхъ и пріобрѣтать ихъ. Если же кто скажетъ: какая нужда определять ихъ въ частности, а не сказать о нихъ вообще и коротко? — то отвѣчаю: сіе необходимо, чтобы, когда радующійся о жизни своей взыщетъ въ думѣ своей какой-либо изъ сказанныхъ добродѣтелей, и найдетъ себя скуднымъ въ чемъ-либо изъ перечисленнаго, позналъ онъ изъ этого недостатокъ свой въ какой-либо добродѣтели, и описаніе сіе служило для него въ видѣ напомнанія. Но когда пріобрѣтетъ въ себѣ всё здѣсь определенное, тогда дано ему будетъ въдобіе и о прочемъ неупоминать мною. И будетъ онъ для

святыхъ чловѣковъ виновникомъ славословія Богу. И здѣсь еще, до несчастія своего въ жизни, уготовишь душу своей мѣсто упокоенія. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 64.

О перемѣнѣ и превратности, какая бываетъ въ шествующихъ установленнымъ отъ Бога путемъ безмолвія.

—

Кто рѣшился въ умъ своемъ жить въ безмолвіи, тотъ пусть устроитъ себя, и остатокъ дней своихъ проводить въ дѣланіи безмолвія по чину онаго. Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тмою, (а сіе обычно въ определенномъ Божіею благодатию чинѣ безмолвія), и подобно тому, какъ солнечныя лучи закрываются на землѣ мглою облаковъ, душа на нѣсколько времени лишается духовнаго утѣшенія, и свѣтъ благодати внутри померкаетъ, по причинѣ осѣняющаго душу облака страстей, и потому-что умалена въ тебѣ нѣсколько радостворная сила, и умъ приосѣнила необычная мгла; ты не смущайся мыслію и не подавай руки душевному невѣдѣнію, но терни, читай книги учителей, принуждай себя къ молитвѣ, и жди помощи. Она придетъ скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо, какъ лице земли отбрасывается солнечными лучами отъ объемлющей землю воздушной тмы; такъ молитва можетъ не-

треблягъ и разсыявать въ душѣ облака страстей, и озарять умъ свѣгомъ веселія и утѣшенія, что обыкновенно порождаетъ молитва въ нашихъ помышленіяхъ, когда замѣтствуетъ себѣ лицу изъ божественныхъ Писаній, и имѣетъ бодрственность, осѣняющую умъ. Всегданнее занятіе писаніями святыхъ исполняетъ душу неослабнымъ удивленіемъ и божественнымъ веселіемъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки!

С Л О В О 65.

О ВЪЗМОЛВСТВУЮЩИХЪ;

КОГДА НАЧИНАЮТЪ ОНИ ПОИМАТЬ, ДО ЧЕГО ПРОСТЕРЛИСЬ ДѢЛАМИ СВОИМИ ВЪ БЕЗПРЕДЕЛЬНОМЪ МОРѢ, ТО-ЕСТЬ, ВЪ ВЪЗМОЛВНОМЪ ЖИТІИ, И КОГДА МОГУТЪ НѢСКОЛЬКО НАДѢЯТЬСЯ, ЧТО ТРУДЫ ИХЪ СТАНУ ПРИНОСИТЬ ПЛОДЫ.

—

Скажу тебѣ нечто, и не сомнѣвайся въ этомъ; не пренебрегай и прочими словами моими, какъ чѣмъ-то маловажнымъ; потому-что предвѣстіе мнѣ это—люди вѣрные; и я, какъ въ этомъ словѣ, такъ и во всѣхъ словахъ моихъ, сказываю тебѣ истину. Если повѣсишь себя за вѣжды очей своихъ, и достигнешь чрезъ это слезъ; то не думай, что достигъ уже чего-то въ продолженіе жизни своей. Ибо донынѣ міру служишь сокровенное твое, то-есть, ведешь міровую жизнь, и Божіе дѣло дѣлаешь въшнимъ

человѣкомъ, а внутренній человекъ еще бесплоденъ; потому-что плодъ его начнается слезами. Когда достигнешь области слезъ; тогда знай, что умъ твой вышель изъ темноты міра сего, поставилъ ногу свою на стезю новаго вѣка, и началъ обонять воню чуднаго новаго воздуха. И тогда начнаетъ источать слезы; потому-что приблизилось рожденіе духовнаго младенца. Общая всѣхъ матеръ, благодать, воздѣлываетъ таинственно въ дунѣ на свѣтъ будущаго вѣка произвести божественный образъ. А когда наступитъ время рожденія, тогда умъ начнаетъ возбуждаться чѣмъ-то таинственнымъ, подобно дыханію, какое младенецъ привлекаетъ въ себя еще внутри членовъ, въ которыхъ обыкновенно шпастся, И послѣку не терпитъ того, что для него еще необычно, то начнаетъ вдругъ побуждать тѣло къ воню, смѣшанному съ сладостію меда. И въ какой мѣрь воспитывается внутренній младенецъ, въ такой же бываетъ приращеніе слезъ. Но сей описанный мною чинъ слезъ не тотъ, какой съ промежутками бываетъ у безмолвствующихъ; потому-что и у всякаго, пребывающаго въ безмолвіи съ Богомъ, бываетъ по временамъ сіе утѣшеніе, то когда онъ въ умственномъ созерцаніи, то когда занятъ словами писаній, то когда бываетъ въ молитвенномъ собесѣдованіи. Но я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой у плачущаго непрерывно день и ночь.

По кто въ дѣйствительности и точности нашель истинное значеніе сихъ образовъ, тотъ нашель оное въ безмолвіи. Пбо они его уподобляются водному источнику до двухъ и болѣе дѣгъ; а потомъ при-

ходить оны въ умирение помысловъ. А по умирении помысловъ, сколько вмѣщаетъ отчасти естество, входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ святыи Павелъ (Евр. 4, 3.). И по семъ мирномъ унокоении умъ начинаеть созерцать тайны. Тогда Духъ Святыи начинаеть открывать ему небесное, и вселяется въ немъ Богъ, и воскрешаетъ въ немъ плодъ Духа, и оттого, не только неясно и каковы гадательно, человекъ одушаетъ въ себя то измѣненіе, какое приметъ внутреннее естество при обновленіи вселенскихъ.

Сіе на память себѣ и всякому, читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ замѣтывалъ изъ писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немалое изъ собственнаго опыта, чтобы послужило это мнѣ въ помощь по молитвамъ тѣхъ, кому будетъ сіе на пользу; потому-что употребилъ я на это немалый трудъ.

Но послушай еще, что теперь скажу тебѣ, и чему научился изъ неживыхъ устъ. Когда входишь въ область умирения помысловъ, тогда отъемется у тебя множество слезъ, и потомъ приходятъ къ тебѣ слезы въ мѣру, и въ надлежащее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, такъ въруеть вся Церковь.

С Л О В О 66.

О томъ, что рабу Божию, обвинявшему въ мѣрскомъ, и испещенному выискать Бога, изъ страха, что не достигъ разузнанія истины, необходимо прекращать искашя, и охлаждать въ горячности, порождаемой любовью къ божественному и къ преслѣдованно ташь Божихъ; и о томъ, какъ умъ возмущается страстными приномнаниями.

—

Три чина, въ которыхъ человекъ преуснаваетъ: чинъ новоначальныхъ, чинъ средній и чинъ совершенныхъ. И кто въ первомъ чинѣ, у того, хотя образъ мыслей наклоненъ къ добру, однакоже движаніе ума бываетъ въ страстяхъ. Второй чинъ есть нечто среднее между состояніемъ страстнымъ и безстрастїемъ, и десные и шуми помыслы возбуждаются въ человекѣ однаково, и, какъ уже сказано, не перестаетъ оль зовсе поточать и свѣтъ и тму. Если же прекратить ненадолго частое чтеніе божественныхъ Писаній и воображеніе въ умъ божественныхъ умопредставленій, образами истины воспламеняющихъ его, но мѣрь силъ своихъ умопредставляющаго съ вѣншею осторожностію, оль которой рождаются и вѣншегее храненіе и достаточной мѣры дѣлю; то увлекается человекъ въ страсти. Если естественную горячность свою будетъ щитать сказаннымъ выше, и не оставитъ искашя, преслѣдованія, и стремленія въ этому недалекя, хотя и не видѣтъ сего, во, по мановенію чтенія божествен-

ныхъ Писаній, ищетъ помыслы свои, и удерживаетъ ихъ отъ уклоненія на страну шуюю, и не пріемлетъ въ себя подъ образомъ истины какою-либо дьявольскаго везанія, а наче, съ любовію хранилъ душу свою, и будетъ просить Бога съ терпѣніемъ въ неутомимой молитвѣ; то Богъ самъ исполнитъ ему прошеніе его, и отверзетъ ему дверь Свою, особливо за смиреніе его; потому-что откровеніе таинъ бываетъ смиренномудрымъ. А если умереть въ семь унованій, то, хотя и не узрѣть въблизи опую землю, однакоже, думаю, наслѣдіе его будетъ съ древними праведниками, унованіими достигнуть совершенства, и неузрѣвшими онаго, по Апостольскому слову (Евр. 11, 39.); а они весь дни свои трудились, и ночили на унованіи. Но что же сказать намъ? Если не достигаетъ человекъ того, чтобы взойти ему въ землю обѣтованія, которая есть образъ совершенства, то-есть, чтобы явственно по мѣрѣ естественныхъ силъ постигнуть ему истину; то ужели за сіе возбранено будетъ ему это, и пребываетъ онъ въ послѣднемъ чинѣ, у котораго всякое намѣреніе уклонено въ страну шуюю? Или за то только, что не уразумѣлъ всей истины, останется на vizкой степеніи послѣдняго чина, который и не познаетъ и не возжелываетъ сего? Или прилично ему возвыситься до сего, сказаннаго мною, средняго чина? Ибо хотя и не зрѣтъ онаго иначе, какъ только въ зеркаль, однакоже надѣяся издали, и съ этою надеждою приложатся къ отцамъ своимъ: хотя не сподобится здѣсь совершенной благодати; однакоже тѣмъ, что всегда собесѣдовать съ нею, всенѣль въ умомъ обращаться въ нею, и всю жизнь свою возж-

дѣлывалъ ея, возмогъ онъ отсѣчь лукавыя помыслы; и поелнку надеждою сею сердце его исполнилъ Богъ, отходить изъ міра сего.

Благолюбиво все то, что имѣетъ смиреніе. Духовное поученіе ума въ любви Божіей, путеваемое разумніемъ божественныхъ Писаній, ограждаетъ душу изнутри отъ прежнихъ лукавыхъ помысловъ, и со-блюдаетъ умъ въ памятованіи будущихъ благъ, чтобы не расслабывалъ онъ отъ нерадѣнія своего, и вмѣсто лучшаго не занимался памятованіемъ о вещахъ мірскихъ; потому-что отъ сего постепенно охлаждаетъ крѣпость чудныхъ его движеній, и впа-дастъ онъ въ пожеланія суетныя и неразумныя. Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 67.

О видахъ надежды на Бога, о томъ, кому должно надѣяться на Бога, и кто надѣется безразсудно и шразумно.

Бываетъ надежда на Бога при сердечной вѣрѣ; и она прекрасна, соединена съ разсудительностію и вѣдѣніемъ; и бываетъ другая, отличная отъ сей надежды, слѣдствіе беззаконія, и она есть ложная. Человѣкъ, который вовсе не имѣетъ заботы о скорогибнущемъ, во всецѣло, днемъ и ночью, ввѣряетъ себя Господу, не заботится ни о чемъ мірскомъ, по великой своей рачительности о добродѣтеляхъ, все свое время употребляетъ на занятія божественнымъ

и потому перадить о приуготовленіи себѣ яствъ и одеждъ, объ устроеніи жилища тѣлу и о всемъ прочемъ,—такой человекъ прекрасно и разумно надѣется на Господа; потому-что Господь уготовитъ для него необходимое. И это подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо таковому надѣяться на Бога; потому-что содѣлался рабомъ Его, и рачителемъ къ дѣлу Его, не предастся перадѣнію, по какой бы то ни было причинѣ. Таковой достоинъ, чтобы на немъ ообеннымъ образомъ показалъ Богъ Свою попечительность; потому-что сохранилъ онъ заповѣдь Божию, которая говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матт. 6, 33.); *и плоти угодія не творите* (Римл. 13, 14.). Ибо при такомъ нашемъ расположеніи, мѣръ, какъ рабъ какой, приготавитъ намъ все, безъ сомнѣнія будетъ подчиняться намъ, какъ владыкамъ, не воспротивится словамъ нашимъ и волю нашей. Такой человекъ, чтобы не прерывать ему непрестаннаго предстоянія Богу, не предастся заботамъ о необходимой потребности тѣла, и, по страху Божию, ни о чемъ о другомъ не печется, кромѣ того одного, чтобы свободнымъ ему быть отъ всякой таковой, малой и великой, заботы, имѣющей цѣлію удовольствіе и цареніе ума; и однакоже чудеснымъ образомъ получаетъ это, незаботившись и негрудившись о семъ.

Но человекъ, у котораго сердце совершенно погребено въ земномъ, который всегда ѣсть съ змѣемъ переть, никогда не печется о благоугодномъ Богу, но утомленъ и разслабленъ всѣмъ тѣлеснымъ, не имѣеть попеченія ни объ одной добродѣтели, но

причинъ всегдашнихъ сношеній съ людьми и разсѣянія въ забавахъ, и представляетъ какіе-либо къ тому предлоги; такой человекъ дѣйствительно, по этой лѣности и праздности, сталъ далеко отъ добраго. И когда будетъ стѣсняемъ скудостію въ чемъ-нибудь, или смертію, и подавленъ плодами беззаконій своихъ; тогда и онъ, можетъ быть, скажетъ: «возложу упованіе на Бога, и сдѣлаеть мени безначальнымъ, и дастъ мнѣ послабленіе». До этого часа не вѣдомыя ты, безразсудный, о Богѣ, но оскорблялъ Его нецѣлостностію дѣлъ своихъ, и имя Божіе ради тебя, какъ написано, хулимо было язычниками (Рим. 2, 24.); а теперь осмѣливаешься говорить отверстыми устами: «на Него возложу упованіе, Онъ поможетъ мнѣ, и повечается о мнѣ!» Въ посяганіе таковыхъ хорошо сказать Богъ чрезъ Пророка: *Мене дѣнь отъ днѣ ищутъ, и разумѣти пущи Моя желаютъ, яко люди, правду сотворившии, и оправданій Бога своего не оставившии, просятъ у Мене суда и правды* (Иса. 58, 2.). Къ числу таковыхъ принадлежишь сей безразсудный, который и мыслію своею не приближался къ Богу, а какъ-скоро окруженъ сталъ скорбями, воздвѣаетъ къ Нему руки свои съ упованіемъ. Такогого потребно было бы много разъ жечь на огнѣ, чтобы всѣчески вразумить его; потому-что не сдѣлаю ничь ничего такого, по чему быть бы онъ достоинъ имѣть упованіе на Бога. Напротивъ того, за свои злыя дѣла и за свое перадріе о должностъ, достоинъ онъ наказанія; и долготерпѣливый Богъ, по милости только Своей, терпитъ его. Поэтому, да не обольщаетъ себя таковой, да не забываетъ, какова жизнь его, и да

не говоритъ, что падъется онъ на Бога. Ибо будетъ наказанъ; потому-что нѣтъ у него иного дѣла вѣры. Да не останется онъ въ праздности, и да не говоритъ: «вѣрую, что подастъ мнѣ Богъ необходимое»,—какъ провождающій житіе въ дѣлахъ Божіихъ, или да не ввергается безразсудно въ кладь, чтобы, никогда не имѣвъ въ помышленіи Бога, теперь не наденнъ сказать: «возложу упованіе на Бога, Онъ избавитъ меня». Не обольщайся, безразсудный; надежду на Бога предваряетъ трудъ для Бога и прошпый въ дѣланіи потъ. Если вѣруешь въ Бога, то хорошо дѣлаешь.

Но вѣра требуетъ дѣлъ, и надежда на Бога обнаруживается въ злостраданіи за добродѣтели. Вѣруешь ли, что Богъ промышляетъ о тваряхъ Своихъ и вселеннъ? Да сопровождаетъ вѣру твою приличное дѣланіе; и тогда услышишь тебя Богъ. Не старайся въ горсти своей удержать вѣтеръ, то есть, вѣру безъ дѣлъ.

Нередко, шой не зная, идешь путемъ, гдѣ есть дивнй звѣрь, или убійцы, или что-нибудь подобное; и вогъ общій Промысль Божій спасаетъ его отъ таковаго вреда, или, пока не пройдетъ мимо злыи звѣрь, чѣмъ-нибудь замедляетъ ишествіе путника, или встрѣчается ему кто-нибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще, иногда лукавыи змій лежитъ на пути и невидимъ; но Богъ, нехотя предать человека такому искушенію, дѣлаетъ, что змій вачиваетъ вдругъ шннть и трогается съ мѣста, или ползти впереди путника, и онъ, видя это, остерегается и спасается отъ змія. Хотя и недостойно этого человекъ по тайнымъ грѣхамъ, известнымъ

ему одному: однакоже Богъ отводитъ его отъ бѣды, по милости Своей. И еще, случается перько, что падаютъ домъ, или стѣна, или камень, съ шумомъ подвигшись съ мѣста своего, а тамъ слышишь шны, и Богъ человеколюбиво повелѣваетъ Ангелу удержать и остановить въ паденіи мѣсто сіе, пока не встанутъ слыдвншіе, или пока чѣмъ-нибудь не отведеть ихъ, и никого не останется на мѣстѣ; и едва отойдутъ они, немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что шный будетъ застыгнуть, дѣлаетъ, что не тершитъ онъ никакого вреда. Ибо симъ хочетъ показать безконечное величіе силы Своей.

Все это и подобное этому есть дѣлю Божія Промысла общаго и повсюднаго; праведникъ же имѣетъ падъ собою неотлучное промышленіе. Ибо прочимъ людямъ Богъ повелѣтъ разумно распорядиться дѣлами своими, и при Божіемъ промышленіи пользоваться и своимъ въдвншмъ; но праведникъ не имѣетъ нужды въ семъ въдвншн для распорядженія дѣлъ своихъ; потому-что вместо въдвншя сего пріобрѣтъ вѣру, которою излагаетъ *всяко возношеніе, вмитающее на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5.), и ничего изчисленнаго выше не устранишь, какъ написано: *праведникъ яко левъ уповаеть* (Притч. 28, 1.), на все отваживаясь вѣрою, не потому-что покушаетъ онъ Господа, но потому-что на Него въраеть, и какъбы вооруженъ и облеченъ силою Святаго Духа. И какъ его постоянное попеченіе посвящено Богу, такъ и Богъ говоритъ о немъ: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославию его. Доготовлю днй исполню его, и явию ему спасеніе Моє* (Ис. 9.).

15. 16.). Разслабленный и ленивый къ дѣлу своему не можетъ имѣть такой надежды. Но кто во всемъ пребываетъ съ Богомъ, къ Нему приближается добротой дѣлъ своихъ, и очи сердца своего неуспѣшно устремляетъ къ благодати Его; тотъ можетъ сказать о себѣ, что сказать божественный Давидъ: *изчезоу очи мои отъ еже увидати ми на Бога Моего* (Пс. 68, 4.). Ему подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 68.

ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МІРА И О ВОЗДЕРЖАНІИ ОТЪ ВОЛЬНОГО ОБРАЩЕНІЯ СЪ ЛЮДЬМИ.

Когда возлюбимъ бѣгство отъ міра и удаленіе отъ людей мирскихъ; тогда ничто не отдѣляетъ насъ столько отъ міра, не умерщвляетъ въ насъ страстей, не возбуждаетъ и не оживотворяетъ насъ для духовнаго, какъ плачь и сердечное съ разсужденіемъ болѣзнованіе. Ибо лице скромнаго подражаетъ смиренію любимаго. Но также ничто не дѣлаетъ насъ столько сообщниками міра и живущихъ въ мірѣ и тѣхъ, которые въ мірѣ предаютъ ниянству и нецотребству, и не удаляютъ насъ столько отъ сокровищъ премудрости и познанія тайнъ Божіихъ, какъ смѣхотворство и сри вольности въ обращеніи наречіе мыслей. И это есть дѣло блуднаго демона. Но поелику опытомъ дозналъ я лобомудріе твое, возлюбленный; то умоляю тебя любовно, остерегаться зло-

бы врага, чтобы тебѣ безусловнѣе не уступить въ душѣ своей горячности любви ко Христу, ради тебѣ вкусившему жесть на древѣ крестномъ, и чтобы врагъ, въ его сладостнаго онаго упражненія и дерзновенія предъ Богомъ, не сталъ во время бодрствованія твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна своего пльнять ее пельными грезами, словесія которыхъ не терпятъ святые Ангелы Божіи. И тогда содѣлаешься ты для другихъ поводомъ къ понозвенію, а для себя острѣе розжечь. Посему, припуждай себя подражать смиренію Христову, чтобы возгорѣлся скорбею огнь, Имя въ тебѣ вложенный, которымъ искореняются всѣ движенія міра, убивающія новаго человека и оскверняющія дворы святаго и всемогущаго Господа. Ибо осмѣливаюсь сказать съ святымъ Павломъ, что мы *храмъ Божій* (1 Кор. 3, 16.). Посему, какъ ищетъ самъ Богъ, очистишь храмъ Его, чтобы возжелалъ вселиться въ немъ. И какъ самъ Отецъ святъ, освятитъ и храмъ; украситъ его великими добрыми и честными дѣлами, облагодухаемаго его благоуханіемъ покоя воли Божіей, чистотою и сердечною молитвою, каковой невозможно пріобрести общеніемъ въ частыхъ мірскихъ волнѣніяхъ. И такимъ образомъ, облако славы Его пріосытитъ душу, и свѣтъ величія Его возсіяетъ внутри сердца, и исполнится радости и веселія весь обитатель селенія Божія, а паче и безстыдные исчезнутъ отъ пламени Святаго Духа.

Поэтому, укорни непрестанно самого себя, братъ, и говори: «горе мнѣ, бѣдная душа! Приблизилось время отршенія твоего отъ тѣла. Для чего увеселяешься тѣмъ, что сего же дни должна будешь

оставить, и чего не увидишь во веки! Обрати внимание на врезкою свою жизнь, разуди, что ты тьмала, почему так тьмала, и каковы дѣла твои, съ кѣмъ провела дни жизни своей, или кто воспользовался трудомъ дѣлания твоего на земь, кого возвеселила работорговомъ своимъ, чтобы вышелъ онъ въ срътеніе твое при знествїи твоёмъ изъ міра, кого усадила во время теченїа своего, чтобы упокоиться тебѣ въ пристачи его, для кого бѣствовала трудясь, чтобы пригнъ къ нему съ радостїю, кого приобрѣла другомъ въ будущемъ вѣкѣ, чтобы приять тебѣ во время пенствїа твоего, на какомъ полѣ работала во днѣмъ, и кто отдалъ тебѣ мѣду ка западъ солнца при разлученїи твоёмъ?»

Испытай себя, душа, и разсмотри, въ какой земь удѣлъ твой, и мшовала ли ты поле, которое дѣлатель плодотворность горестъ, съ воздыханїемъ и безпокойствомъ возмаша и возони, чѣмъ упокоивается Богъ твой наче жертвъ и всесожженїй. Уста твои да нечючатъ бо гьшечные гласы, какими усаждаются святыя Ангелы; омочи ланнны свои слезами очей твоихъ, чтобы почить въ тебѣ Святыи Духъ, и омытъ тебѣ отъ скверны порока; умшюстиви Госюда твоего слезами, чтобы помочь тебѣ; призови Марїю и Марю, да научатъ тебѣ плачевнымъ гласамъ; возони ко Господу:

Госюди Іисусе Христе, Боже нашъ, плакавший на къ Лазаремъ, и нечючившїи на къ шмъ слезы скорби и состраданїа, пригнъ слезы горести моеи, страданїемъ Твоимъ уврачуй страсти мои, крѣзїю Твоею ошени мою кровь, и съ тьюмъ моимъ сраствори вошо Твоею животворящаго тьла. Та желчь, какою

наполни Тебя враги, да усладить душу мою отъ горести, какою наполни меня соперники. Тело Твое, распростертое на древь крестномъ, къ Тебѣ да простреть умъ мой, увлеченный дечонами долу. Глава Твоя, преклоненная на крестъ, да возвыситъ мою главу, зашпенную суностатами. Всесвятны руки Твои, пригвожденныя невьрыми ко кресту, къ Тебѣ да возведуть меня изъ бездны пошибелн, какъ обьтовани всесвятны уста Твоя. Лице Твое, приавнсе на себя зашениа и заклеваниа отъ проклятыхъ, да озаритъ мое лице, некаженное беззаконіями. Душа Твоя, которую, бывъ на крестъ, предать Ты Отцу Своему, къ Тебѣ да нутеводитъ меня благодатию Твоею. Пѣть у меня болезнующаго сердца, чтобы взыскать Тебя; пѣть у меня ни покаяннй, ни сокрушеннй, которыми вводится чада въ собственное свое наследіе. Пѣть у меня, Владыка, утѣнительныхъ слезъ. Очрачнлся умъ мой дѣлами житейскими, и не имветъ спѣть съ болезнью возвестн къ Тебѣ взоръ. Охлаждлю сердце мое отъ множества покушеннй, и не можетъ согрѣться слезами любви къ Тебѣ. Но Ты, Господи Іисусе Христе Боже, собровище благъ, даруй мнѣ всецѣлое покаянне и сердце неутовнмое, чтобы всею душею прнстуннть мнѣ къ взысканню Тебя. Ибо безъ Тебя буду я чуждъ всякаго блага. Поселу даруй мнѣ, Владыч, благодать Твою. Безлѣтно и вѣчно пѣвощнщнй Тебя изъ недръ Своихъ Отець да обновнть во мнѣ черты образа Твоего. Оставнть я Тебя; Ты не оставь меня. Отшелъ я отъ Тебя; Ты прндн взыскать меня и введн меня на пашнть Твою, сопричнн меня къ овцамъ избранаго стада Твоего, прннгай меня лакомъ божественныхъ гашетвъ

Твоихъ вмѣстѣ съ тѣми, у которыхъ чистое сердце ихъ — обитель Твоя, и въ немъ видимо облитаніе окривевшей Твоихъ—это утѣшеніе, и эта отрада для потрудившихся ради Тебя въ скорбяхъ и въ озлобленіяхъ всякаго рода. Сего облитанія да сподобляемся и мы по Твоей благодати и по Твоему человѣколюбію, Спаситель нашъ Іисусе Христе, во вѣки вѣковъ ! Аминь.

С Л О В О 69.

О томъ, что безмолвіемъ полезно не имѣть заботъ,
а вредны входы и выходы.

Человѣкъ многопечальный не можетъ быть кроткимъ и безмолвнымъ; потому-что необходимыя причины обременяющихъ его дѣлъ принуждаютъ его невольно, хотя бы и не хотѣлъ, заниматься ими, и проводить въ нихъ время и расточаютъ его тишину и безмолвіе. Посему, шюку должно поставить себя предъ лицомъ Божиимъ и всегда непреложно возводить око свое къ Богу, если истинно хочетъ охранять умъ свой, прекращать и отключать малыя, вкрадывающіяся въ него, движенія и въ тишинѣ помыслиній различать входящее и исходящее. Частые недосуги шюковъ служатъ признакомъ ихъ ослабленія въ готовности къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ, и обнаруживаютъ ихъ недостаточность для божественнаго.

Безъ освобожденія отъ заботъ не ницъ свѣта въ душѣ своей, ни тишины и безмолвія при расслабле-

ній чувствъ своихъ. При недоумгахъ отъ дѣлъ, не умножай недоумовъ своихъ, и не падеши паренія въ умъ своемъ, ни въ молитвъ свои. Безъ непрестанной молитвы невозможно приблизиться къ Богу. Но съ же труда молитвеннаго возложеніе на умъ новаго попеченія производитъ расточеніе мыслей.

Слезы, удареніе себя по головѣ во время молитвы и плачелное усердіе къ продолженію молитвы, пробуждаютъ въ сердцѣ горячность сладости слезъ, и сердце съ похвальною восторженностію воспаряетъ къ Богу, и взываетъ: *возжуди душа моя къ Тебѣ, къ Богу крепкому, Живому; когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи* (Псал. 41, 3.)? Ключи нѣтъ вѣка сего, и потому лишеныя олаго; то съ одинъ знаетъ, въ какомъ жалкомъ состояніи оставленъ онъ, и что отвязо у него по причинѣ разслабленія его.

Сколько худы дѣла движущихъ на безмолвіи и лицемеріи людей и бесѣда съ ними! Подлинно, братія, гораздо хуже, нежели для несоблюдящихъ безмолвія. Какъ спальный градъ, внезапно выхавъ на древесные плоды, исекаетъ ихъ и уничтожаетъ; такъ свиданіе съ людьми, хотя бы оныя были весьма кратко-временны и допущены, повидимому, съ доброю цѣлію, ислушаютъ цвѣты добродѣтелей, только-что расцвѣтшія отъ срастворенія безмолвія, вѣско и роскошно увѣччавшія собою стебель души, насажденный при *исходицахъ егда* позанія (Псал. 1, 3.). И какъ спальный шей, покрывъ собою егда пшкнцію нѣтъ земли зелерь, пожинаетъ ее; такъ и свиданіе съ людьми пожинаетъ корень ума, начавшій производить отъ себя злакъ добродѣтели. И если вѣщеть обыкновенно души въ бесѣда съ людьми въ

шюуь воздержаннн, а въ иномъ имъющнмъ малые только недостаткн ; то не гораздо ли болъе вреднн разговоръ и свиданн съ людьми невъжественнми и глупнми, не говорю уже съ мръяннми ! Какъ человекъ благородннй и почтенннй, когда умнется, забываетъ свое благородство, и безчестнтся его состояние, и особливо повергается честь его за чуждые помыслы, вопсннше въ него отъ вина ; такъ и цълумудрне души возмущается лицедрнннемъ людей и бесъдою съ ними, забываетъ свою осторожностъ ; въ умсн у человека изглаждается намъренне воли его, и неворенается всякое основанн къ похвальному устройству жнзнн.

Иосему, если свиданн съ людьми и разсннннн себн, съ прсбывающнми на безмолвнн случанющнся при вареннн мыслей, или даже одно приближенн къ чему-либо, чтобы видть или слышать это, достаточны уже къ тому, чтобы входящее вратами зрнннн или слуха произвоикю въ человекъ холодностъ и обращенн ума для божественнаго, и если краткнй часъ можетъ причиннть столько вреда воздержному нвоку ; что сказать о вседневннхъ свиданннхъ и долговременномъ въ этомъ косновннн ! Испаренне, исходящее изъ чрева, не позволяетъ уму прнннмать въ себя божественное познанне, но обращаетъ его подобно туману, по вымощемусн изъ влажной земли, и обращнющемусн въ воздухъ. А гордостъ не помнщаетъ, что ходить во тьмъ, и не имъеть понятнн о мудростн. Но какъ ей и звать это, прсбывая въ своемъ обращеннн ! Иосему-то обращенннми помыслами своимъ и превозноснтся она наще вссхъ, будучн и ничтожна, и немощна, и неспособна по-

знавать пути Господни. Господь же сокрываетъ огнь
 неи волю Свою, потому-что не восхотѣла она до-
 сти путь смиренныхъ. По Богу нашему да бу-
 детъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 70.

О путяхъ приближающихся къ Богу, и дѣлающихся
 явными человеку по приятности дѣлъ почиваго бдѣ-
 нія; и о томъ, что дѣлательнъ онъ во все дни жизни
 своей питается медомъ.

Не думай, человекъ, чтобы во всемъ иноческомъ
 дѣланіи было какое-либо запягѣе важнѣе почиваго
 бдѣнія. Подвижно, брегъ, оно и важно и весьма
 необходимо для воздержнаго. Если у подвижника не
 будетъ разсвѣнія и возмущенія дѣлами тѣлесными,
 и понечіемъ о преходящемъ, но соблюдетъ онъ
 себя отъ міра, бдительно будетъ охранять себя;
 то умъ его въ краткое время воспаритъ какбы
 на крыльяхъ, и возвысится до усажденія Богомъ,
 скоро придетъ въ славу Его, и по своей удобови-
 жности и легкости погрузится въ вѣдѣніи, превы-
 шающемъ человеческое понятіе. Если монахъ съ
 разсудительностію пребываетъ во бдѣніи; то уви-
 дитъ въ немъ какбы непотопсна. Пбо подвиж-
 но это дѣло Ангельскаго чина. Невозможно, чтобы
 тѣ, которые всю жизнь проводятъ въ этомъ заня-
 тіи, оставлены были Богомъ безъ всякихъ дарова-

ній за ихъ трезвенность, бодрственность сердца и пощительное угрѣженіе къ Нему помысловъ своихъ. Душа, трудящаяся надъ тѣмъ, чтобы пребывать въ семь бдѣній, и отличающаяся онымъ, будетъ имѣть херувимскіи очи, чтобы непрестанно возводить ей взоръ и созерцать небесное зрѣлище.

Думаю, что съ выдвѣнемъ и разсудительностію избравшему этотъ великій и божественный трудъ, и рывшемуся нести на себя тяготу сѣю, невозможно не подвизаться въ этотъ прославленномъ, избранномъ имъ дѣль, и не охранять себя днесь отъ мятѣжа схибоща и отъ пощечія о дѣлахъ, въ опасеніи явче лишиться дивнаго плода и великаго наслажденія, какое надеется получить отъ сего. Кто не радигъ о семь, о томъ емлю скажу, что не знаетъ онъ, для чего трудится, воздерживается отъ сва, томитъ себя продолжительнымъ стихословіемъ, утруждаетъ языка и всенощнымъ стояніемъ, тогда-какъ умъ его не участвуетъ въ исцеленіи и молитвѣ его, но, каковы водилъ привычкою, трудится безъ разсужденія. И если это не такъ, какъ сказать я; то почему же лишастся онъ возможности, при постоянномъ своемъ сянїи, надъ которымъ трудится, пожать великія благодѣянїя и плодъ? Пбо, если бы вивето сихъ заботъ упражнялся онъ въ чтенїи божественныхъ Писанїй, которое укрѣпляетъ умъ, особливо же служитъ орошеніемъ молитвѣ, и помогаетъ бдѣнію, тѣсно соединенному съ молитвою и виветь подпоощему свѣтъ уму; то въ семь чтенїи обрѣтъ бы вождя на стезю правую, обрѣтъ то, въ чемъ емля всего питающаго молитвенное созерцаніе, и что удерживаетъ помы-

шленія отъ паренія, не дасть имъ кружиться и шататься суетнымъ, непрестанно посвящать въ думѣ памятованіе о Богѣ, указуетъ пути свѣтлыхъ, благодѣявшихъ Богу, и знаетъ, что умъ приобретаетъ толовость и мудрость, — словомъ, обрѣчь бы зрѣлыи люди тловыхъ дѣлашии.

Для чего же, человекъ, такъ неразумительно распорядкаешься собою! Ночью совершаешь всеобщее стояніе, и утруждаешь себя немощными, невсложными и чуждыми, но тяжелыми и печальными кажутся тебѣ, зри вратковременной рашительности во время дня, сподобиться благодати Божіей за злостраданіе твое съ другимъ. Для чего утруждаешь себя, и ночью съешь, а днемъ уничтожаешь трудъ свой, оказываешься безлюднымъ, раштаешь бодрствениость, трезвенность и горячность, которую обрѣчь, напрасно губишь трудъ свой въ тревожныхъ собесѣдованіяхъ съ людьми и вещами, безъ всякаго основательнаго къ тому предлога? Ибо, если бы у тебѣ пощому упражненію сообразнымъ съдѣлаешь дневное дѣланіе и горячность сердечной бѣсѣды, и те было бы пролежкука между тѣмъ и другимъ; то въ короткое время могъ бы ты принасть къ перьямъ Иисусовымъ.

Но изъ сего явствуетъ, что живешь ты неразумительно, и не знаешь, для чего монахамъ надобно бодрствовать. Думаешь, что уставовлено сіе для того только, чтобы трушишь тебѣ, а не для чего-либо другаго, отсюда происходящаго. Но кто сподобился дознавъ, во благодати въ какои вачеждѣ подвижникии прошевается сну, знаетъ принужденіе природь, и въ бодрственномъ состояніи тѣла и по-

мысленій своихъ каждую ночь приносятъ прошенія свои, тогь знаешь силу дневнаго охраненія, знаешь, какую помощь дастъ оно уму въ ночномъ безмолвіи, какую беретъ власть надъ помыслами, до какой доводишь чистоты, какъ непринужденно и безъ борьбы дается имъ уму рои добродѣтелей, и свободно познаешь онь благородство помысловъ. А я присовокушно, что если бы тѣло по немощи своей ослабѣло и не могло вознѣться, то умъ однимъ бдѣніемъ можетъ привести въ благородство душу и дать уразумѣніе сердцу къ дознанію духовной силы; если только не уничтожится это умноженіемъ во время дня причинъ противоудѣствующихъ.

Носему, тебя, желающаго приобрести трезвенный предъ Богомъ умъ и познаніе новой жизни, умоляю, во всю жизнь твою не быть нерадивымъ къ пребыванію во бдѣніи. Нбо имъ отверзутся тебѣ очи, увидѣть всю славу сего житія и силу пути правды. А если (чего да не будетъ!) снова появится въ тебѣ мысль облѣвенія, и станетъ, можетъ быть, гнѣздиться въ тебѣ; потому-что восхоцеть искусить тебя Помощникъ твой, обыкновенно попускающій тебѣ во всемъ подобномъ сему, въ горячности ли то, или въ холодности, измѣняться по какой-либо причинѣ, или по немощи тѣла, или по оскуднѣнію у тебя силы къ перенесенію труда обычно совершаемыхъ тобою продолжительнаго исцельнаго, напряженной молитвы, многочисленныхъ коленопреклоненій, какія обыкъ ты совершать; то съ любовію умоляю тебя, если не станетъ въ тебѣ этого, и не можешь исполнять сего, то, хотя сидя, бодрствуй, и молись сердцемъ, но не засы-

пай, и всѣ мѣры употреби, безъ сна провести ночь, сидя и занимаясь добрыми мыслями. Не ожесточай сердца своего, не обращай его своимъ; и снова придуть къ тебѣ, по благодати, прежняя горячность, и легкость, и сила, и возрадуешься скача и благодаря Бога; потому-что холодность сія и таковая тягость попускаются на человека для испытанія и искушенія. И если возбудитъ онъ себя, съ горячностью и съ малымъ себѣ принужденіемъ отрясетъ съ себя это; то приближается къ нему благодать, какъ было прежде, и приходитъ къ нему иная сила, въ которой сокрываются всякое благо и все роды помощи. И въ изумленіи дивится человекъ, припоминая прежнюю тягость и нашедшую на него легкость и силу, и представляя себѣ эту разность и удобовѣрность и то, какъ внезапно пріялъ онъ въ себя такое измѣненіе. И съ сего времени дѣлается мудрымъ, и если найдетъ на него подобная тягость, знаетъ это по прежнему своему опыту. А если человекъ не будетъ подвигаться въ первый разъ, то не можетъ приобрести сей опытности. Видишь ли, сколько умудряется человекъ, когда возбудитъ себя несколько и претерпитъ во время брани, только бы не изнемогло тѣлесное естество? Но это уже не борьба, а необходимость помощи. Ибо въ семь случаевъ нѣтъ пользы бороться съ природою. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ хорошо человеку принуждать себя ко всему, что полезно для него.

Всегдѣшнее безмолвіе вмѣстѣ съ чтеніемъ, умеренное вкушеніе свѣдей и бдѣніе скоро возбуждаютъ мысль къ изумленію, если не будетъ какой причины, нарушающей безмолвіе. Мысли, возбужда-

юціяся въ безмолвствующихъ сами собою , безъ преднамереннаго усилія , дѣлають , что оба ока лиющіеся изъ ихъ слезами , и обильемъ своимъ омывающими ланны , удоболюбуются купели крещенія.

Когда же тѣло твоё удержано воздержаніемъ , бдѣніемъ и внимательностію къ безмолвію , по чувствуешь , что въ тѣлѣ твоёмъ безъ естественнаго движенія возникаетъ блудная страсть ; тогда знай , что искушенъ ты помыслами гордыни . Приймай цепля въ плечу свою , прильни къ землѣ чрево своё , и разынцн , о чемъ ты помышлялъ , дознай измѣненіе естества своего и противоестественныя дѣла свои ; и тогда , можетъ быть , помилуетъ тебя Богъ , пошлетъ тебѣ свѣтъ , чтобы научиться тебѣ смиренію , и не возрасталъ въ тебѣ грѣхъ твой . Посему , не перестанемъ подвизаться и прилагать стараніе , пока не увидимъ въ себѣ покаянія , не обрѣтемъ смиренія , и не упокоится сердце наше въ Богъ . Ему слава и держава во вѣки вѣковъ ! Аминь .

С Л О В О 71 .

О СМЫСЛѢ И ДѢЙСТВЕННОСТИ ГРѢХОВНЫХЪ ПОВРЕЖДЕНІЙ , ЧѢМЪ ОНИ ПРОИЗВОДИТСЯ , И ЧѢМЪ ПРЕКРАЩАЮТСЯ .

Пока не возненавидитъ кто причины грѣха въ правду отъ сердца , не освобождается онъ отъ ощущенія , производимаго дѣйствительно грѣха . Это есть самое жестокое бореиіе , неуступающее чело-

вѣку даже до крови; въ немъ искушается его свобода въ единствѣ любви его къ добродѣтелямъ. Это есть сила, называемая раздраженіемъ и брашно; отъ одной воли этого бѣдная душа изнемогаетъ, но пришишь неизбежной брани, въ ней происходящей. Это есть сила великости грѣха. Ею врагъ обыкновенно приводитъ въ смущеніе души цѣломудренныя, и чистыя движенія понуждаетъ испытывать то, что некогда они вовсе не принимали въ себя. Здѣсь, возлюбленные братія, докажемъ свое терпѣніе, соревнованіе и раченіе. Ибо это есть время незримато подвига, о которомъ говорить, что чинъ иноческій всегда имъ побуждаеть. При встрѣчѣ съ сею брашною благочестивый умъ скоро приходитъ въ смущеніе, если не будетъ сильно оуполенъ.

Въ сіи времена — времена мученичества Ты, Господи, источникъ всякой помощи, сплени подкрѣпихъ души, которыя съ радостію себя увѣдѣли Тебѣ, небесному жениху, и по некрещенію, а по умиротвореннымъ побужденіямъ, вступили съ Тобою въ завѣтъ святыи. Посему, даруй имъ силу съ дерзновеніемъ разорить укравленныя стѣны и всякую высоту, возносящуюся противъ истины, чтобы не осталась имъ неуслышанна въ собственномъ своемъ намѣреніи отъ невыносимаго и нестерпимаго принужденія въ такое время, когда борьба идетъ о крови.

Въ этой легкой брани не всегда выдерживаетъ подвигъ цѣломудріе; потому-что человекъ остается безъ помощи и для искушенія. По горю немощному, искушенному въ сей рѣшительной брани, потому-что брань сія, отъ снискашаго навыка, пріобрѣла

великую силу надъ тьми, которые сами себя предають на поражение соизволеніемъ на собственные свои помыслы.

Остерегайтесь, возлюбленные, праздности; потому что въ ней сокрыта дозванная смерть, и безъ нея невозможно впасть въ руки домогающихся ильбить шюка. Въ оный день Богъ будетъ судить насъ не о исатмахъ, не за оставленіе нами молитвы, но за то, что опущеніемъ сего дается входъ бвсамъ. А когда найдутъ они себѣ мѣсто, войдутъ и заключать двери очей нашихъ; тогда мучительно и нечисто исполнятъ на насъ то, что дѣлателей ихъ подвергастъ божественному осужденію и жесточайшему наказанію; и содѣлаемся мы подручными имъ за опущеніе сего маловажнаго, но чгѡ, какъ написано мудрыишии, ради Христа дѣлается достойнымъ попеченія. Кто воли своей не покаряетъ Богу, тотъ покорится противнику Его; а потому сіе, представляющеея тебѣ малымъ, ввишигся тебѣ въ стѣну, ограждающую отъ ильбяицихъ насъ. Совершеніе сего внутри кельи, по духу откровенія, установлено мудрыми, содержащими церковный чинъ, для сохраненія нашей жизни. Опущеніе сего у немудрыхъ признается маловажнымъ. Послѣку не беругъ они въ раземогрнїе пропеходащаго отъ того вреда; то и начало и средина пути ихъ—невѣжественная свобода, которая есть мать страстей. Лучше стараться не опускать и малаго, нежели разширеніемъ этого давать мѣсто грѣху. Ибо неумвѣстной этой свободы конецъ — жестокое рабство.

Цова живы у тебѣ чувства, при встрѣчѣ съ чьмъ бы то ни было, почитай себя мертвымъ; потому-

что, если во всѣхъ члесахъ твоихъ не умалится грѣховное рѣзкженіе, не можешь пріобрѣсти себѣ спасенія. Если кто изъ монаховъ скажетъ въ сердце своемъ, что остерегается сего; то значить, не хочетъ онъ и знать, когда заушаютъ его. Кто обманетъ друга своего, тотъ по закону достоинъ проклятiя. А кто обманываетъ самъ себя, тотъ какое понесетъ наказаніе за то, что, зная порочность худаго дѣла, прикрывается незнаемъ? Но что знаетъ онъ, это показываетъ обличеніе совѣсти. То и мучить его, что знаетъ онъ, въ чемъ притворяется незнающимъ.

О, какъ сладостны поводы къ страстямъ! Человѣкъ можетъ иногда отсѣчь страсти; вдали отъ нихъ наслаждается тишиною, веселится, когда прекращаются онѣ; но не можетъ сдѣлать, чтобы не было у него причинъ въ страстямъ. Поэтому, избегаемъ и нехотя, и печалимся, когда мы въ страстяхъ, но любимъ, чтобы оставались въ насъ поводы къ нимъ. Грѣховъ себѣ не желаемъ, но приводящія насъ къ нимъ причины принимаемъ съ удовольствіемъ. Поэтому, вторыя дѣлаются виновными въ дѣйствительности первыхъ. Кто любитъ поводы къ страстямъ; тотъ невольно и нехотя становится подручнымъ, и поработается, страстямъ. Кто ненавидитъ свои грѣхи, тотъ перестанетъ грѣшить; и кто неовѣдуеъ ихъ, тотъ получитъ отлученіе. Невозможно же человеку оставить навѣкъ грѣховный, если не пріобрѣтетъ прежде вражды ко грѣху, и невозможно получить отлученіе, прежде невольнаго прегрѣшенія. Ибо вражда бываетъ причиною истиннаго смиренія; неовѣдь—причною сокрушенія, послѣствующаго въ сердце отъ стыда.

Если не вознесавидимъ того, что достойно порицанія; то, пока носимъ это въ душахъ своихъ, не можемъ ощутить зловонія и срада въ действительности всего этого. Пока не отрисуешь отъ себя того, что неумьстно, до тѣхъ поръ не узнаешь, какою покрытъ ты стыдомъ, и сколько долженъ краснеть отъ сего. Когда же бремя свое увидишь на другихъ, тогда узнаешь лежащій на тебѣ стыдъ. Удались отъ міра, и тогда узнаешь зловоніе его. А если не удалишься, не узнаешь, сколько оиъ сраденъ; напротивъ же того, скорѣе какъ въ благоуханіе облечешься въ зловоніе его, и наготу стыда своего будешь почитать завѣсою славы.

Блаженъ, кто удалился отъ міра и отъ тмы его, и внимаегъ себѣ одному. Ибо прозорливость и разсудительность не могутъ дѣйствовать въ томъ или услуживать тому, кто проводитъ жизнь въ дѣлахъ суетныхъ. Да и какъ возмущаемая его разсудительность въ состояніи будетъ различать, что должно? Блаженъ, кто вышелъ изъ усыпленія въ уносеніи своемъ, и на другихъ усматриваетъ, какова несчастность спитъ уносительнымъ чадомъ! Тогда познаетъ оиъ собственный свой стыдъ. А пока человекъ носитъ въ себѣ чадъ уносенія грѣхами своими, сколько благопріимчивымъ кажется ему все, что ни дѣлаетъ оиъ? И какъ-скоро природа выходитъ изъ своего чина, все равно, уносна ли она впрочемъ, или похотима; потому-что и то и другое выводитъ изъ надлежащаго состоянія, и тѣмъ и другимъ одинаковое распаденіе производится въ тѣлѣ, вмывающемъ въ себѣ это; хотя способы различны, но раствореніе одно. И хотя одинаково измѣненіе, но различія при-

чнѣхъ бывають не равныя, распознаются же и по пріемлемости каждаго.

За всякою оградою слѣдуетъ бѣдствіе. и всякое бѣдствіе ради Бога сопровождается оградою. Если все, что есть въ этомъ мірѣ, подлежитъ тлѣннѣ, а тлѣніе и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и во время пехода, бываетъ отъ противныхъ причинъ, и наипаче отъ нецѣлебнаго сластолюбія, или отъ противоположнаго ему сластолюбно злостраданія, претерпѣваемаго при освященіи; то Богъ и сіе устрояетъ по челоуколюбно, чтобы, или во время самаго нунѣ, или въ концѣ еѣ, вкусить намъ наказанія, и тогда уже, по богатой милости Еѣ, преѣдди путь, въ одномъ случаѣ, какъ нѣкое воздаяніе, а въ другомъ, какъ залогъ. Ибо не возбраняетъ пріобрѣтать доброе даже до послѣдняго часа; но дѣйствительно возбраняетъ злое; потому-что оставляется во злѣ, какъ написано, достойный наказанія. Наказуемый здѣсь ради стыда своего вкушаетъ своей гесны (с).

Остерегайся собственной своей свободы, предшествоющей лукавому рабству. Остерегайся утѣшенія, предшествоющаго брани. Остерегайся вѣдѣнія, предшествоющаго встрѣчѣ съ искушеніями, а что всего чаще бываетъ, желанія сей встрѣчи, прежде совершенія покаянія. Ибо, если весь мы грѣшникъ, и ничего не выне искушеній, то иногда нѣль добродѣтелей не выне покаянія; потому-что тлѣю покаянія никогда не можетъ быть совершенно. Покаяніе всегда прилично всемъ грѣшникамъ и пра-

(с) Но другому члену *своего стыда*. Въ переводѣ сербскомъ, *отъ своей гесны лѣтъ*

ведущама, желатиючимъ улучшить спасеніе. И пѣть предѣла усовершенна; потому-что совершенство и самыхъ совершениыхъ подлинно вѣсконачасмо. Поэтому-то покаяніе до самой смерти не опредѣляется ни временемъ, ни дѣлами. Номи, что за всякимъ удовольствіемъ слѣдуетъ омерзѣніе и горечь, какъ печальныя снушши.

Остерегайся радости, съ которой не соешича причина къ измѣненію. Ибо касательно всего, въ четь совершается высшее смотрѣніе, не можешъ ты постигнуть и познать предѣла и причины измѣненія въ этомъ. Боися тѣхъ, о комъ предко загаеши, что идти прямымъ путемъ; потому-что они, какъ говорится, ходять вѣзъ пути. Тотъ, кто премудро умѣетъ управлять кораблемъ міра, во все, что въ мірѣ, вложилъ измѣняемость; и что вѣзъ этого, то — тѣшь.

За отдохновеніемъ членовъ слѣдуетъ изсугуленіе и ступленіе помысловъ; за неумѣреннымъ дѣланіемъ — уныніе и за уныніемъ — изсугуленіе. Но одно изступленіе различно отъ другаго. За вернымъ изступленіемъ по отдохновеніи слѣдуетъ блудная брань, а за изступленіемъ отъ унынія — оставленіе безмолвномъ своей обители, и переходеніе съ мѣста на мѣсто. Соразмерному же и ревностно продолжаемому дѣланію пѣтъ цѣны. Умаленіе въ этомъ умножаетъ удовольствіе, и неумѣренность умножаетъ изсугуленіе. Терпи неразуміе сестства твоего, которое побѣждаетъ тебя, брать; потому-что уготованъ ты быть въ оной премудрости, имьющей вѣчный вѣнецъ начальства. Не бойся смятенія въ Адамовомъ тѣлѣ, уготованномъ быть въ ономъ наслажденіи.

вѣдѣніе котораго здѣсь выше ума плотныхъ, быть, когда придетъ небесный Образъ, то-есть, Царь міра. Не смущанся пзыменіемъ и смятеніемъ естества, потому-что временно злостраданіе въ этомъ для пріемлющаго оное съ удовольствіемъ. Страсти полюбны небольшимъ псамъ, которые привыкли быть на ясныхъ рынкахъ, и убываютъ отъ одного голоса, а если не обратятъ на нихъ вниманія, наступаютъ какъ самые большіе львы. Ставь ни во что малое пожеланіе, чтобы не питать въ себѣ мысли о силѣ его раснаелія; потому-что временное терпѣніе въ маломъ отдаляетъ опасность въ великомъ. Невозможно преодолѣть великаго, если не пренобѣднѣшь маловажнаго.

Поми, братъ, тотъ чинъ, въ которомъ будешь, и въ которомъ не эта жизнь, какбы перебирающаяся и движущаяся по влагамъ, но жизнь, сокрушающая мертвенность, жизнь, въ которой не бываетъ въ этомъ раствореніи воспламененія отъ потворства сластолюбно, доставляющаго занятіе младенствующему естеству. Претерни трудность подвига, въ которой введенъ ты для испытанія, чтобы пріять отъ Бога вѣнецъ, и упокоиться по пшествіи изъ сего міра. Намытуй и оное отдохновеніе, которому нѣтъ конца, и жизнь пелестую, и чинъ совершеннаго и непреложнаго доостропчельства, и плѣнь, понуждающій любить Бога, господствующій надъ естествомъ. Сего да сподобимся и мы благодатно самого Христа, Которому слава съ безначальнымъ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки! Амѣнь.

СЛОВО 72.

О ХРАНЕНИИ СЕРДЦА И О ТОВКОМЪ СОЗЕРЦАНІИ.

Если пребываешь насидишь въ келліи своей, и не пріобрѣтъ еще силы истиннаго созерцанія; то занимай себя всегда чтеніемъ тропарей и канонъ, памятованіемъ о смерти и надеждою будущаго. Все это собираетъ умъ во едино, и не позволяетъ ему кружиться, пока не прійдетъ истинное созерцаніе; потому-что сила духа могущественнѣе страстей. Въ надеждѣ же будущаго занимай себя памятованіемъ о Богѣ, старайся хорошо выразумѣть смыслъ тропарей, и остерегайся всего вѣшняго, что побуждаетъ тебя къ вождельніямъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ будь остороженъ и въ маломъ, что совершается тобою въ келліи твоей. Непытывай всегда помыслы свои, и молись, чтобы во всякомъ занятіи своемъ имѣть тебѣ очи: отъ сего начнется источаться тебѣ радость; и тогда найдешь такія скорби, которыя сладостнѣе меда.

Никто не можетъ побѣдигъ страсти, развѣ только добродѣтелями оцутительными и видными; и паренія ума никто не можетъ преодолѣть, развѣ только изученіемъ духовнаго вѣдѣнія. Умъ пагнъ легокъ; и если не связаць какимъ-либо размышленіемъ, не прекращаетъ паренія. А безъ усовершенія въ сказанныхъ выше добродѣтеляхъ невозможно пріобрѣсти сего храненія; потому-что, если не побѣдигъ кто враговъ, не можетъ бытъ въ мирѣ. И если не

воцарится миръ, какъ можно пайди то, что предоставлено миру? Страсти служатъ преградой современнѣмъ добродѣтелямъ души; и если не будутъ оны изложены прежде добродѣтелями явными, то какими невидимы добродѣтели внутреннія. Ибо тотъ, кто въ стѣны, не можетъ быть въ сообщеніи съ тѣмъ, что внутри стѣны. Никто не видитъ солнца во мракъ, и добродѣтели — въ естество души, при продолжающемся мятелѣ страстей.

Молись Богу, чтобы дать тебѣ ощутить желаніе Духа и вождельніе Его. Ибо, когда придуть въ тебя это созерцаніе и вождельніе Духа, тогда удалишься отъ міра, и міръ отступитъ отъ тебя. Сего же невозможно кому-либо ощутить безъ безмолвія, подвижничества и упражненія въ определенно для сего чтеніи. Безъ послѣднихъ не ница и перваго; ибо если будешь искать, то оное постепенно обращается и дѣлается тѣлеснымъ. Разумвонцій, да разуметь. Премудрый Господь благоволилъ, чтобы въ потъ сыдани мы хлѣбъ сей; и содѣлать сіе не по злобѣ, но чтобы не было у насъ несваренія, и мы не умерли. Ибо каждая добродѣтель есть мать другой добродѣтели. Поэтому, если оставишь мать, раждающую добродѣтели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать ихъ; то оныя добродѣтели оказываются для души сходными. Если не отринешь ихъ отъ себя, то скоро умрешь.

С Л О В О 73.

О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.

—

Любовь къ Богу естественно горяча, и когда нападетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною. Поэтому, сердце оцѣтвившаго любовь сію не можетъ выщипать и выносить ея, но, по мѣрѣ качества нашепшей на него любви, усматривается въ немъ необычайное пзмѣненіе. И вотъ оцѣтвившіе признаки сего любви: лице у человека дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согревается. Отступаніе отъ него страхъ и стыдъ, и дѣлается оное какбы восторженнымъ. Сила, собирающая во едино умъ, бѣжитъ отъ него, и бываетъ оное какбы изумленнымъ. Страшную смерть почитаетъ радостію, созерцаніе уа его никакъ не допускаетъ какого-либо пресвеченія въ помышленіи о небенномъ. И въ отсутствіи, не зримый никемъ, бесѣдуетъ какъ присутствующій. Видѣніе и видѣніе его естественное переходить, и не оцѣтвиваетъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами; потому-что хотя и дѣлаетъ что, но совершенно того не чувствуетъ; такъ-какъ умъ его варитъ въ созерцаніи, и мысль его всегда какбы бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ.

Симъ духовнымъ уносіемъ упоевались некогда Апостолы и мученики. И одни весь мѣръ обонли, трудясь и терпя поношеніе; а другіе изъ усвещенныхъ человекъ своихъ изывали кровь, какъ воду; въ

ужасныхъ страданійхъ не малодушествовали, но претерпѣвали ихъ доблестно; и бывъ мудрыми, призваны несмысленными. Иные же скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ, въ пронастяхъ земныхъ и въ нестроеніяхъ были самые благоустроенные. Сего неразумія и насъ достигнуть да сподобитъ Богъ!

Если до вшествія во градъ смиренія, примычаешь въ себѣ, что успокоился ты отъ мятежа страстей; то не доверяй себѣ. Ибо врагъ готовитъ тебѣ какую-нибудь съѣдь, напротивъ того, послѣ покоя жди великой тревоги и великаго мятежа. Если не пройдеши всѣхъ обителей на пути добродѣтелей, то не встрѣпиши покоя отъ труда своего, и не будешь имѣть отдохновенія отъ вражескихъ козней, пока не достигнешь обители святаго смиренія. Сподоби и насъ, Боже, достигнуть оной Твоею благодатію! Аминь.

С Л О В О 74.

О лицахъ добродѣтельныхъ.

Подвижничество есть мать святости, отъ него происходитъ первое извѣданіе оцѣненія таинъ Христовыхъ, что называется первою степенію духовнаго познанія. Никто да не прельщается самъ себя, и да не мечтаетъ о предугадываніяхъ. Душа оскверненная не входитъ въ чистое царство, и не сочетается съ духами святыхъ. Доброту цѣломудрія тво-

его угладь слезами, ностами и уединеннымъ безмолвемъ. Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла, совершаемаго безъ скорби; потому-что произвольная скорбь показываетъ опытъ веры въ любовь. А дѣло покоя бываетъ слѣдствіемъ услышанія совѣсти. Поэтому святые, изъ любви Христовой, показали себя благоискусными въ скорбяхъ, а не въ прохладахъ; потому-что совершаемое безъ труда есть правда людей мірскихъ, которые творять милостыню изъ вышняго, сами же въ себѣ ничего не приобретають. Но ты, подвижникъ и подражатель страданій Христовыхъ, подвизайся самъ въ себѣ, чтобы сподобиться тебѣ вкусить славы Христовой. Ибо если съ Христомъ страдаемъ, то съ Нимъ и прославимся (Римл. 8, 17.). Умъ не прославится съ Иисусомъ, если тѣло не страдаетъ за Христа. Наконецъ, кто небрежетъ о славы человеческой, тотъ сподобляется славы Божіей, и вмѣстѣ съ душою прославляется и тѣло его. Ибо слава тѣла есть покорность племю цря при помощи Божіей; а слава ума есть истинное умозрѣніе о Богѣ. Истинная покорность (1) двойка: въ дѣлахъ и въ поношеніи. Поэтому, когда страдаетъ тѣло, состраждетъ съ нимъ и сердце. Если не знаешь Бога, невозможно возбудиться въ тебѣ любви къ Нему. Не возможно возлюбить Бога, если не узришь Его. А видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его; потому-что созерцаніе Его не предшествуетъ видѣнію Его.

(1) Изъ латинскаго перевода видно, что вмѣсто *ὑποταγή* (покорность) переводчикъ читаетъ — *ἀποταγή* 'отреченіе отъ міра'.

Сподоби меня, Господи, познать и возлюбить Тебя не тьмъ вѣднѣемъ, какое пріобрѣтается чрезъ уиращеніе съ расточеніемъ ума, но сподоби меня того вѣднѣя, въ которомъ умъ, созерцающъ Тебя, прославляетъ естество Твое въ созерцааніи, похищающемъ у мысли оцущеніе міра. Сподоби меня возвыситься надъ грѣнѣемъ воли, поражающей мечтанія, и уарить Тебя, связуемаго крестными узамн, въ этой второй части раснїя ума, который свободно отъ влїянія на него умопредставленнй упокоивается въ непрестанномъ, преестествонномъ созерцааніи Тебя. Споддай, чтобы возрастала во мнѣ любовь къ Тебѣ, и чтобы, нди во сладь любви Твоей, оставншь мнѣ мїръ сей. Возбуди во мнѣ разумнѣе смиренїя Твоего, съ которымъ познашь Ты въ мїрѣ, въ этой обнтели, которую понесъ Ты на Себѣ, замечтвовавъ отъ членовъ нашихъ, при посредствѣ Святой Дѣвы, чтобы въ непрестанномъ и неизбвенномъ семъ памятованн, съ наслажденіемъ воспрннать мнѣ смиренїе естества своего.

Два есть способа войти на крестъ: одинъ — раснїе тѣла; а другой — входженіе въ созерцааніе; первый бываетъ слѣдствіемъ освобожденїя отъ ерастей, а второй слѣдствіемъ дѣнствленности дѣла духа. Умъ не покоряется, если не покоряется ему тѣло. Царство ума есть раснїе е тѣла: и умъ Богу не покоряется, если свобода непокореана разуму. Трудно что-либо высокое преодолать енге повочачальному и младенцу возрастомъ. *Горе тебѣ градѣ, азъ нехъ же царь и войи ннѣ* (Еванг. 10, 16.). Кто покоряетъ себя Богу, тотъ близокъ къ Богу, чтобы покорялось е му все. Кто позналъ себя, тому дается

вѣдѣніе всего; потому-что познать себя есть полнота вѣдѣнія о всемъ, и въ подчиненіи души твоей подчинится тебѣ все. Въ то время, какъ смиреніе воцаряется въ житіи твоёмъ, покоряется тебѣ душа твоя, а съ нею покоряется тебѣ все, потому-что въ сердце твоёмъ рождается миръ Божій. Но пока ты видишь его, не только страсти, но и обстоятельства, будутъ непрестанно преслѣдовать тебя. Подлажно, Господи, если не смиряемся, ты не предстаешь смиренію насъ. Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а ложное вѣдѣніе есть порожденіе некушечій.

С Л О В О 75.

О неизреченномъ постѣ, о томъ, чтобы пребывать собраннѣе въ слѣзѣ на одномъ мѣстѣ, о послѣдствіяхъ сего, и о томъ, что при вѣдѣніи различать божіи ся отъ правительному употребленію всего подобнаго сказанному.

—

Долгое время вкушасемъ въ десныхъ и вуняхъ, неоднократно пѣвѣдавъ себя симъ двумя способами, приавъ на себя безчисленные удары противника, и сведобившись въ тайнѣ великихъ непомощности, въ продолженіе многихъ лѣтъ списахъ я опытность, и во благодати Божей, опытно дождать следующее. Основаніе всего добраго, возвращеніе души изъ вражія вѣдѣна, путь ведущій къ свѣту и жизни, — все это заключено въ слѣхъ двухъ способахъ: собрать

себя во едино и всегда поститься, то-есть, премудро и благоразумно поставитъ для себя правиломъ воздержаніе чрева, непереходное пребываніе на ономъ мѣстѣ, непрестанное занятіе богомысліемъ. Отсюда покорность чувствъ; отсюда трезвенность ума, отсюда укрощеніе свирѣлыхъ страстей, возбуждающихся въ тѣлѣ; отсюда кротость помысловъ; отсюда свѣтлыя движенія мысли; отсюда рачительность къ дѣламъ добродѣтели; отсюда высокія и точкія умопредставленія; отсюда незнающія мѣры слезы, источающіяся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое цѣломудріе, совершенно далекое отъ всякаго мечтанія, некусающаго мысль; отсюда прощательность и дальновидность; отсюда глубокія, таинственныя понятія, какія умъ постигаетъ при пособіи божественныхъ словесъ, и внутреннія движенія, пророчающія въ душѣ, раздѣленіе и различеніе духовнаго какъ въ святыхъ силахъ и истинныхъ видѣніяхъ, такъ и въ суетныхъ мечтаніяхъ. Отсюда тотъ страхъ въ путяхъ и стезяхъ, который въ морѣ мысли огрѣбаетъ льность и нерадніе, тотъ пламень ревности, который пощраетъ всякую опасность, и преодолагаетъ всякій страхъ, та горячность, которая пренебрегаетъ всякимъ воздержаніемъ, и изглаждаетъ оное въ умѣ, и вмѣстѣ съ прочимъ приводитъ въ забвеніе всякое памятованіе о преходящемъ; короче сказать, отсюда свобода петничаго чловѣка, душевная радость и воскресеніе со Христомъ во царствіи.

Если же кто вознепадитъ о сихъ двухъ способахъ; то пусть знаетъ, что не только повредитъ онъ себя во всемъ, что предъ симъ сказано, но поколе-

блетъ и самое основаніе всѣхъ добродѣтелей пренебреженіемъ сихъ двухъ добродѣтелей. И какъ онъ, если кто удержитъ ихъ въ себѣ и пребудетъ въ нихъ, суть начало и глава божественнаго дѣланія въ душѣ, дверь и путь ко Христу; такъ, если кто отступитъ и удалитъ отъ нихъ, то прійдетъ къ сямъ двумъ противоположнымъ тому порокамъ, разумью же тѣлесное скитаніе и безстыдное превосугодіе. Это суть начала противнаго сказанному выше, и они дають мѣсто въ душѣ страстямъ.

И первое начало одной причины прежде всего покорныя чувства разрываетъ отъ узъ воздержности, что же наконецъ бываетъ отъ сего? Неумѣстныя и неожиданныя сходбища, приближающія къ паденіямъ, мятежъ сильныхъ волей, возбуждаемый видѣніемъ, быстрое воспламененіе очей, овлаждающее тѣломъ, и заключающее его въ оковы, удобное попользованіе въ мысляхъ, неудержимые помыслы, стремящіеся къ паденію, охлажденіе любви къ дѣламъ Божіимъ, постепенное ослабленіе въ предпочтеніи безмолвія и совершенное оставленіе житія своего; а въ слѣдствіе того, чѣмъ представляется человеку въ произвольныхъ и разныхъ видѣніяхъ, и встрѣчается при переходѣ изъ страны въ страну, изъ мѣста въ мѣсто,—возобновленіе забытыхъ, худыхъ дѣлъ и обученіе шымъ, которыхъ прежде онъ не зналъ. И страсти, которыя, по благодати Божіей, были уже умерщвлены въ душѣ и истреблены забвеніемъ памятованій, хранившихся въ умѣ, снова начинаютъ приходить въ движеніе и понуждать душу къ нѣхъ дѣланію. Вотъ что (если не говорить и не входить въ подробности о всемъ про-

чемъ) открываеся въ сльствіе оной первой при-
чины, то-есть, снтіанія тьла и петербургскіи въ
перенесеніи бьствованій безмолвія.

Что же бываесть сльствіемъ другой причины, то-
есть, если начато нами дьлю евишей? Что же это
за дьлю? Не то ли, чтобы позволять чреву не знать
границъ, непрестанно наполнять его, и не имьть
указаннаго времени на удовлетвореніе тьлесныхъ по-
требностей, какое естественнѣе надобно существо-
свамъ разумнымъ. И что же наконецъ выходитъ
изъ этого? Отсюда тягость въ голову, великое отя-
гощеніе въ тьль и разслабленіе въ мышцахъ; а отъ
сего необходимость не совершать Божію службу;
потому-что приходятъ дьлюсь творить на ней зем-
ные поклоны, перадьніе о покланяхъ обычныхъ, обра-
ченіе и холодность мысли, умъ, онебелзанный и не-
способный къ разсудительности отъ снтіанія и ве-
ликаго обращенія помысловъ, густой и непрошпаемый
туманъ, распростертый въ кьлой думь, сильное
уныніе при всякомъ Божіемъ дьль, а также и при
чтеніи, потому-что человекъ неспособенъ вьнмать
сладость словесъ Божіихъ; великая дьлюсь въ от-
правленіи необходимиыхъ дьль, умъ неуправляемый,
снтіанійся всюду по земь, большее поклоненіе
собоу во всьхъ чьлахъ, но поаеь нечестыя меч-
танія свверныхъ приврацовъ и чьльныхъ изображе-
ній, исполненныхъ похотыи, которое проникаеъ
въ душу и въ саяей думь земско и долаиваетъ свои
хотыи. И постеля у бьданаго, и едежда его, и
даже все тьло окверняеотъ множествомъ срачныхъ
нечьтотъ. Кьды дьлюсь у него кабытъ въ источ-
ника. И это бываесть у него не только ночью, но и

днемъ; потому-что тѣло всегда источаетъ нечистоты, и оскверняетъ мысль, такъ-что человекъ отрывается ко этому отъ цѣлостнаго. Приятность шекотаній въ тѣломъ тѣль его производима непрестаннымъ и нестерпимымъ раздраженіемъ. И бываютъ у него обильнѣйшія помысли, которые изображаютъ передъ нимъ красоту, и собесѣдованіемъ съ шми, во всякое время, раздражаютъ и шекотаютъ умъ. И человекъ, шмало не колеблется, сочетается съ шми помыслами, помышляя о нихъ и вожделѣвая ихъ, по причинѣ омраченія въ немъ разсудка. И это есть то самое, что сказалъ и Пророкъ: вотъ воззваніе сестръ Содомъ, которая роскошествуя бла хлѣбъ въ сытость, и такъ далѣе (Іез. 16, 19.). И о семъ-то сказано однимъ изъ великихъ мудрецовъ, что, если кто съ великою роскошью будетъ шгать тѣло свое, то душу свою подвернетъ брани; и если придетъ въ себя, и приметъ на себя трудъ, — принудитъ себя, чтобы овладѣть самимъ собою, то невозможно сего по чрезмерному раздраженію тѣлесныхъ движеній, и потому-что сильны и понудительны раздраженія и шекотанія, производимыя тѣми, которые швѣняютъ душу своимъ хотѣніемъ. Вишь ли въ этомъ тонкость сихъ безбожныхъ? И онъ же говоритъ еще: тѣлесное наслажденіе своею мягкостію и влажностію производитъ, что смесиваются душою юношескія страсти, и окружаетъ ее смерть, и человекъ поддается суду Божію.

А душа, занята намятованіемъ своихъ обязанностей, упокоивается въ свободу своей; заботы ея велики, она ни въ чемъ не раскаивается, промышляя

о добродѣтели, обуздывая страсти, храня добродѣтель, въ возрастаніе приводитъ безпечальную радость, добрую жизнь вводитъ въ безопасную пристань. Тѣлесныя же наслажденія не только усиливаютъ страсти, и возмущаютъ ихъ на душу, но даже исторгаютъ ее изъ самаго корня, и съ тѣмъ вмѣстѣ разжигаютъ чрево къ неводержанію, безчестно до крайней расточительности, и понуждаютъ безвременно удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ. Одолеваемый снѣтъ не хочетъ стерпеть налагаго голода, и владѣть собою, потому-что онъ—пльвинкъ страстей.

Вотъ постыдные плоды чревоугодія. А выше описанные плоды терпѣнія, пребыванія на одномъ мѣстѣ и въ безмолвіи великую пользу доставляютъ душѣ (у). Посему и врагъ, зная времена нашихъ естественныхъ потребностей, побуждающихъ природу удовлетворять себя, зная, что отъ скитанія очей и унокенія чрева, умъ приходитъ въ круженіе, старается и усиливается, въ таковыя именно времена, побуждать насъ, чтобы увеличивали мы естественныя потребности, и носвѣать въ насъ образы лукавыхъ помысловъ, чтобы, если можно, страсти въ усиленной борьбѣ взяли верхъ надъ природою, и человекъ погрязъ въ грѣхопаденіяхъ. А потому, какъ врагъ знаетъ времена, такъ и намъ должно знать немощь свою и силу естества своего, что она недостаточна къ сопротивленію стремленіямъ и движеніямъ въ оныя времена, и тонкости помысловъ, которые въ очахъ нашихъ, по легкости, упо-

(у) Слово *вещную пользу доставляютъ душѣ* — дополнено изъ древ. слав. переводѣ.

доблются пуху, и что не можемъ видѣть ихъ (Ф) и противостать тому, что встрѣчается съ нами, и по причинѣ многого испытанія, какому не разъ бѣдственно подвергались мы, и какимъ искушалъ насъ врагъ, наконецъ умудриться и не дозволить себѣ опрометчиво исполнять волю нашего покоя, не услаждать надъ собою побѣду алчбѣ, но наче, если будетъ изнурять и утѣснять насъ голодъ, не двгаться съ мѣста своего безмолвія, не ходить туда, гдѣ удобно случается съ нами эго и не готовить себѣ предлоговъ и способовъ къ тому, чтобы уйдти изъ пустыни. Ибо эго явные замыслы врага. Если же пребудешь въ пустынь, то не подвергнешься искушенію, потому-что не увидишь ни жевщницъ, ни чего-либо вреднаго для житія твоего, и не услышишь непристойныхъ гласовъ.

Что тебѣ и пути Египетскому, еже пити воду Геонскую (Іер. 2, 18.)? Нойми, что говорю тебѣ; покажи врагу терпѣніе свое и опытность свою въ маломъ, чтобы не искалъ у тебя великаго. Пусть эго малое будетъ для тебя указаніемъ, какъ изложитъ въ томъ сопротивника, чтобы не было у него времени, и не изрылъ онъ тебѣ великихъ западней. Ибо, кто не послушается врага, чтобы на пять шаговъ отойдти отъ мѣста своего безмолвія, тотъ можетъ ли послушаться и уйдти изъ пустыни, или приблизиться къ селенію? Кто не согласается посмотреть въ окно изъ безмолвной своей кельи, тотъ согласится ли выйдти изъ нея? И кого едва убѣдишь

(Ф) Согласно съ древн. славян. переводомъ здѣсь вмѣсто *ἐαυτῶς* лучше читать *ἀυτῶς*.

вечеромъ вкусить весьма мало пищи, того уловятъ ли комедыи быть прежде времени? Кто стыдится насыщаться и чвань-либо денежымъ, тотъ пожелаетъ ли дорожку явить? Кого не убьешь пощотривъ на свое тѣло, тотъ уловится ли любовныяствомъ витьи мужія красоты?

Носеду явчо, что пиши, вначаль пренебрегая заглядь, кобьждается, и таковы образомъ даетъ врагу поводъ нападать на него въ великомъ. Кто не заботится о томъ, чтобы хотя на краткое время продолжилась временная жизнь его, тотъ поборется ли озлобленій и скорбей, приводящихъ къ желанной смерти? Это брань разсудительная, потому что мудрые не дозволяютъ себѣ замышлять о великихъ подвигахъ, но терпѣние, показываемое при въ маломъ, охраняетъ ихъ отъ впаденія въ великіе труды.

Поэтому, дѣволъ успивается сначала сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва; а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. И такимъ образомъ, вначаль помысль предается слабости вкусить прежде времени какуо-нибудь малость пищи и что-либо самое незначительное и ничтожное; а, по впаденіи въ нарушение воздержанія своего, человекъ поножается въ цеумбрешность и расцутство. Сначала одолевается желаніемъ (лучше же сказать, маловажнымъ представляется это въ глазахъ его) посмотреть на красоту своего тѣла, или на другую какую красоту членовъ своихъ, когда снимаешь съ себя одежды свои, или когда выходить онъ для тѣлесной погрѣбности, или къ водѣ, и разслабитъ чувства свои, или

смѣло положить руку подъ одежды свои и начесть осязать тѣло свое, а потомъ возстанетъ уже въ немъ и прочее одно за другимъ. И кто прежде охранялъ твердыню ума, и скорбѣлъ о чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго, тотъ отверзаетъ тогда къ себѣ широкіе и опасные входы; потому-что помыслы (скажу употребительно), какъ вода, пока отвсюду бываютъ сдерживаемы, соблюдаютъ добрый свой порядокъ; а если мало изъ твердыни своей выступаютъ наружу, производятъ разореніе ограды и великое опустошеніе. Пбо врагъ днемъ и ночью стоитъ у насъ передъ глазами, примѣчаетъ, выжидастъ и выматриваетъ, какимъ отверзтымъ входомъ чувствъ нашихъ войдти ему. И когда допущено нами нерадѣніе въ чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго выше, тогда этотъ хитрый и безстыдный пестъ пускаетъ въ насъ стрѣлы свои. И иногда природа, сама собою, начинаетъ любить покой, вольность, смѣхъ, пареніе мыслей, лѣнь, и дѣлается источникомъ страстей и пучиною мятежа; а иногда противникъ внушаетъ это душѣ. Но мы великіе труды свои замѣнимъ, наконецъ, трудами малыми, которые почитаемъ за ничто. Пбо если сіи пренебрегаемые нами труды, какъ показано, предотвращаютъ многіе великіе подвиги, неудобополнимые труды, самыя жаркія борьбы и тяжкіе удары; кто не поспѣшитъ симъ малыми предварительными трудами обрести себѣ сладостный покой?

О, какъ удивительна ты, мудрость, какъ издалека все предусматриваешь? Блаженъ, кто обрѣлъ тебя. Онъ свободенъ отъ нерадѣнія юности. Если кто за маловажную вещь изъ своей собственности поку-

насть врачество отъ великихъ страстей, то хорошо онъ дѣлаетъ. Но однажды некто изъ лобомудрыхъ, покачнувшись отъ слабости и ощутивъ это, немедленно съль, приведя себя въ прямое положеніе; другой, посмотрѣвъ на него, разсмѣялся на это. Но онъ отвѣчалъ: «не этого убоялся я, но боюсь небреженія: потому-что малая небрежность перьдко ведетъ къ великимъ опасностямъ. А тѣмъ, что нарушилъ я порядокъ, и вскорѣ исправился, показатъ, что я трезвенъ, и не пренебрегаю даже и тѣмъ, что нестрашно». Вотъ лобомудріе — человеку, что ни дѣлаетъ онъ, и въ маломъ и не въ значительномъ быть всегда трезвеннымъ. Онъ уготовляетъ себя великое упокоеніе, и не спитъ, чтобы не случилось съ нимъ чего-либо противнаго; но заблаговременно престааетъ къ тому причины, и ради маловажныхъ вещей переноситъ малую скорбь, уничтожая сію скорбь великую.

А безразсудные малый близкій покой предпочитаютъ отдаленному царству, не зная, что лучше претерпѣть мученія въ подвигъ, нежели упокоиться на ложь земнаго царства и быть осуждену за лѣность. Мудрымъ вождельна смерть, только бы не подпастъ обвиненію, что какое-либо изъ дѣлъ своихъ исполнили безъ трезвенности. Почему и говоритъ мудрый: будь бодрственъ и трезвенъ ради жизни своей; потому-что сонъ ума сродненъ пелтиной смерти, и есть ея образъ. А богоносный Василій говоритъ: кто лѣнивъ въ чемъ-либо маломъ, до него касающемся, о томъ не вѣрь, что отличится онъ въ великомъ.

Не унывай, когда дѣло о томъ, что доставить

тебѣ жизнь, и не поленись за это умереть; потому-что малодушіе признакъ унынія; а небреженіе матеръ того и другаго. Человѣкъ боязливый дастъ о себѣ знать, что страждетъ двумя недугами, то-есть, животолобіемъ и маловѣріемъ. А животолобіе признакъ невѣрія. Но кто пренебрегаетъ сямъ, тотъ удостовѣряетъ о себѣ, что всею душею вѣруетъ Богу, и ожидаетъ будущаго.

Если кто приблизился къ Богу безъ опасностей, подвиговъ и искушеній, то и ты подражай ему. Сердечное благодушіе и пренебреженіе опасностей бываютъ по одной изъ сихъ двухъ причинъ, или по жестокосердію, или по великой вѣрѣ въ Бога. За жестокосердіемъ слѣдуетъ гордость, а за вѣрою смпрениомудріе сердца. Человѣкъ не можетъ пріобрѣсти надежды на Бога, если прежде, въ своей мѣрѣ, не исполнялъ воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются отъ свидѣтельства совѣсти, и только при истинномъ свидѣтельствѣ ума нашего, имѣемъ мы упованіе на Бога. Свидѣтельство же ума состоитъ въ томъ, что человека шмало не осуждаетъ совѣсть, будто бы вознерадѣлъ о чемъ-либо такомъ, къ чему обязанъ онъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если не осудитъ насъ сердце наше, *дерзновеніе имамы къ Богу* (1 Иоан. 3, 21.). Посему, дерзновеніе бываетъ слѣдствіемъ преснѣянія въ добродѣтеляхъ и доброй совѣсти. Потому, мучительное дѣлю—работнствовать тѣлу. Кто хотя нѣсколько ощутитъ въ себѣ надежды на Бога, тотъ не согласится уже по нуждѣ работать этому жестокому владыкѣ — тѣлу. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 76.

О МОЛЧАНИИ И БЕЗМОЛВИИ.

—

Всегдашнее молчаніе и храненіе безмолвія бываетъ у челоуѣка по слѣдующимъ тремъ причинамъ: или ради славы челоуѣческой, или по горячей ревности къ добродѣтели, или потому-что челоуѣкъ внутри себя имѣетъ нѣкое божественное собесѣдованіе, и умъ его влечется къ оному. Поэтому, если въ комъ нѣтъ одной изъ послѣднихъ причинъ; то по необходимости недугуетъ опъ первою немощію. Добродѣтель есть не обнаруженіе многихъ и различныхъ дѣлъ, совершенныхъ тѣлесно, но самое мудрое въ надеждѣ своей сердце: потому-что правильная цѣль привязываетъ его къ дѣламъ по Богу. Умъ и безъ дѣлъ тѣлесныхъ можетъ совершать доброѣ. А тѣло безъ сердечной мудрости, если и дѣлаетъ что, не можетъ извлечь изъ сего пользы. Впрочемъ, челоуѣкъ Божій, когда находитъ удобство къ совершенію добраго дѣла, не утеритъ, чтобы не доказать любви къ Богу трудомъ дѣланія своего. Первый чинъ всегда успѣваетъ, второй часто успѣваетъ, а иногда и нѣтъ. Но не думай, что маловажное дѣло—челоуѣку всегда быть далекимъ отъ причинъ, возбуждающихъ страсти. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 77.

О ТЪ ИЕСНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

—

Движеніе въ низшихъ членахъ тѣла, бывающее безъ усиленныхъ помысловъ неумѣстнаго сластолюбія, которое возбуждается съ воспламененіемъ, и противъ воли влечетъ душу въ бѣдствіе, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе пресыщенія чрева. Если же чрево и соблюдаетъ, можетъ быть, умѣренность въ пищу, но члены непроизвольно, какими бы то ни было образомъ, приходятъ въ движеніе; то знай, что въ самомъ тѣлѣ источникъ страсти. И въ этой борьбѣ почитай для себя крѣпкимъ и непреодолимымъ оружіемъ — удаляться отъ лицезрѣнія женщинъ; потому-что противникъ не можетъ произвести въ насъ того, что въ состояніи сдѣлать природа своею сіюю. Ибо не думай, что природа забываетъ о томъ, что естественно всяко въ нее Богомъ для чадородія и для пеняганія пребывающихъ въ семь подвиговъ. Но удаленіе отъ предметовъ вожделѣнія умерщвляетъ въ членахъ похоть, производитъ забвеніе о ней и цѣлебляетъ ее.

Инаковы помыслы о предметахъ, которые весьма отдалены, проходятъ только въ мысли, и производятъ собою легкое и едва ощутительное движеніе. Инаковы же помыслы, которые погружаютъ умъ въ видѣніи предмета, не оставляя его въ samozабвеніи, возбуждаютъ страсти близостию, ипгаютъ человека, какъ слей ипгаетъ горвіе свѣтънышка, воспламеняютъ страсть уже омертвѣвшую и угасшую, и море

тѣла возмущаютъ движеніемъ корабля мысли. То естественное движеніе, какое бываетъ въ насъ собственно ради чадородія, безъ присовокупленія чего-либо отвнѣ, не можетъ возмутить чистоты произвольна и потревожить целомудрія; погону-что Богъ не далъ природѣ силы преодолевать доброе произволеніе, устремляться къ Нему. Но когда возбужденъ кто или раздражительно, или похотию, тогда не сила естественная понуждаетъ его выйти изъ предѣловъ естества, и выступить изъ своихъ обязанностей, а то, что присовокупляемъ мы къ естеству по побужденіямъ воли. Что или сотворилъ Богъ, все сотворилъ прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется въ насъ мѣра соответственности въ естественномъ, движеніи естественныя не могутъ понудить насъ уклониться съ пути; напротивъ того, въ тѣлѣ возбуждаются одни стройныя движенія, которыя давали бы только знать, что есть въ насъ естественная страсть, но не производятъ щекотанія и смятеній, чтобы тѣмъ воспринять целомудрію, а также не омрачали ума раздражительно, и не приводили изъ мирнаго состоянія въ состояніе гнѣвное. Если же увлекаемся иногда чувственнымъ (отъ чего и раздражительность принимаетъ обыкновенно противоестественное стремленіе), и предаемся или яденію, или шитію, въ превосходящемъ мѣру количествѣ, или сближенію съ женщинами, и смотрѣнію на нихъ, или бесѣдамъ о нихъ, чѣмъ воспаляется и быстро распространяется въ тѣлѣ огонь похотливый; то естественную кротость свою измѣняемъ при этомъ въ свирѣность, или по причинѣ множества въ тѣлѣ влагъ, или по причинѣ видѣнія разныхъ вещей.

Бываетъ же иногда движеніе въ членахъ и по Божію поущенію за наше самолюбіе; и оно уже не таково, какъ прежде. Ибо тѣ бранн называютъ свободными, и въ нихъ виденъ путь общаго естества. О сей же бранн, которая, по причинѣ нашего самолюбія, бываетъ въ слѣдствіе поущенія, знаемъ, что, когда долгое время бываетъ внимательными къ себѣ и трудимся, даже почитаемъ себя преуспѣвшими нѣсколько, попускается терять намъ сію брань, чтобы научиться смиренію. Прочія же бранн, безъ этой причины бывающія намъ не по силамъ, пронеходятъ отъ нашей лѣности. Ибо естество, когда по чревоугодію принимаетъ въ себя какое-то добавленіе къ чувственному, не соглашается уже хранить тотъ порядокъ, какой установленъ при его созданіи. Кто добровольно отринуть скорби и несходное пребываніе въ келіи, тотъ попускается вознотить грѣхи. Ибо безъ скорби не можетъ разстаться съ обольщеніемъ мудрованія. Въ какой мѣрѣ умножаются труды, въ такой уменьшаются грѣхи; потому-что скорби и опасности умерщвляютъ въ страстяхъ сладострастіе, а покой питаетъ и возвращаетъ ихъ.

Наконецъ, ясно дозналъ я, что Богъ и Ангелы Его радуются, когда мы въ нуждахъ; а дьяволъ и дѣлатели его, — когда мы въ покоѣ. Если же въ скорбяхъ и тѣснотахъ совершаются заповѣди Божіи, а мы уничижили ихъ; то значитъ уже, что, вопреки Божію повелѣнію, уничижаемъ пренебрегать заповѣдями по причинѣ страстей, рождающихся отъ нашего покоя, и приводимъ въ бездѣйствіе причину добродѣтели, то-есть, тѣсноту и скорбь, и по мѣрѣ

приобрѣтаемаго нами себѣ покоя , даемъ въ себѣ мѣсто страстямъ; потому-что въ утѣшяемомъ тѣлѣ помыслы не могутъ предаваться суетнымъ наредіямъ. Когда кто съ радостію несетъ на себѣ труды и скорби; тогда можетъ сильно обуздывать помыслы; потому-что помыслы сіи трудами приводятся въ бездѣйствіе. Когда человекъ памятуетъ прежніе свои грѣхи, и наказываетъ себя; тогда и Богъ прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы упокоить его. Богъ радуется, что за уклоненіе отъ пути Божія самъ онъ наложилъ на себя наказаніе, что служитъ знакомъ покаянія. И чѣмъ больше дѣлаетъ онъ принужденій душѣ своей, тѣмъ наче приумножается Богомъ честь его. Всякая же радость , причина которой не въ добродѣтели , въ обрѣтшемъ оную неумедленно возбуждаетъ похотливыя движенія. Но содержи въ мысли и то, что сказали мы это о всякомъ страстномъ, а не о естественномъ, похотѣніи. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ !
Аминь.

С Л О В О 78.

О видахъ разныхъ искѣшеній и о томъ, сколько сладости имѣютъ искѣшнія, бывающія и претерпѣваемыя за истину , и по какимъ степенямъ восходитъ человекъ благоразумный.

Добродѣтели одна другой преемственны , чтобы путь добродѣтели не былъ труднымъ и тяжкимъ,

чтобы можно было преуспѣвать въ нихъ по порядку, и находить въ этомъ для себя облегченіе, и чтобы такимъ образомъ самыя трудности, переносимыя ради добра, содѣлались любезными, какъ пѣято доброе. Ибо никто не можетъ пріобрѣсти дѣйствительной нестяжательности, если не убѣдить и не уготовить себя къ тому, чтобы съ радостію переносить искушенія. И никто не можетъ переносить искушеній кромѣ увѣрившагося, что за скорби, къ участию въ которыхъ уготовилъ онъ себя, можно пріять нечто превосходящее тѣлесный покой. Посему во всякомъ, кто уготовалъ себя къ нестяжательности, сперва возбуждается любовь къ скорбямъ, а потомъ приходитъ къ нему помысль не пріобрѣтать того, что есть въ этомъ мірѣ. И всякій, приступающій къ перенесенію скорби, сперва укрѣпится вѣрою, а потомъ приступаетъ къ скорбямъ. Кто лишаетъ себя вещественнаго, но не отпаялъ у себя дѣйственности чувствъ, разумно зрѣніе и слухъ, тотъ уготовилъ себѣ грубую скорбь, и будетъ сугубо бѣдствовать и скорбѣть. Лучше же сказать, какая польза лишать себя чувственныхъ вещей, и услаждать ими чувства? Ибо отъ ощущеній, производимыхъ ими вещами, человекъ терпитъ то-же самое, что прежде терпѣлъ при совершеніи дѣла; потому-что памятованіе о завѣкѣ къ ничь не выходитъ у него изъ мысли. А если мысленныя представленія вещей безъ самыхъ вещей производятъ въ человекѣ болезненное чувство; что скажемъ, когда при насъ, и близко къ намъ, самыя вещи? Прекрасно, наконецъ, отшельничество, потому-что много содѣйствуетъ, сильно укрощаетъ помы-

слы, самымъ пребываи́емъ въ отшельничествѣ вла-
гаетъ въ насъ силы, и учи́тъ великому терпѣнью
въ постигающихъ человека необходимыхъ скорбяхъ.

Не домогайся замѣтноваться совѣтомъ у чело-
вика, который не ведетъ одинакаго съ тобою образа
жизни, хотя онъ и крайне мудръ. Довѣрь помысль
свой лучше чело́вѣку неученому, но опытно извѣ-
давшему дѣло, нежели ученому философу, который
разсуждастъ по своимъ изслѣдованіямъ, не пыны-
тавъ на дѣлѣ. Чтò же такое опытъ? Приобрѣсти
опытъ значитъ — не подойти только чело́вѣку къ
какимъ-либо вещамъ, и посмотрѣть на нихъ, не при-
явъ въ себя вѣдѣнія о нихъ, но по долгомъ обра-
щеніи съ ними ясно оцѣнить на опытѣ ихъ пользу
и вредъ. Ибо верьдко вещь наружно кажется вред-
ною, но внутри ея все оказывается непоколебимымъ
пользы. Тò-же разумѣй и о противномъ сему, то-
есть, верьдко кажется вещь нмыющею пользу, но
внутренно исполнена вреда. Потому, многіе отъ вы-
годныхъ, повидному, вещей несутъ ущербъ; и
отъ того свидѣтельство вѣдѣнія неистинно. А потому,
пользуясь такимъ совѣтникомъ, который умѣетъ въ
терпѣнн обсудить, чтò требуетъ разсужденія. По-
этому-то не всякій, подающій совѣтъ, достоинъ
довѣренности, но только тотъ, кто прежде самъ
хорошо управилъ свободу свою, и не боится осу-
жденія и клеветы.

Когда на пути своемъ находишь неизмѣняемый
мръ; тогда бойся; потому-что далеко отстояши отъ
прямой стези, протоптанной утружденными стопами
святыхъ. Ибо, пока ты еще на пути къ граду цар-
ствія, признакомъ приближенія твоего къ граду Бо-

жѣно да будеть для тебя слѣдующее: Сръбтають тебя сильныя искушенія; и чѣмъ болѣе приближаешься и преслѣваешь, тѣмъ паче предстоющія тебѣ искушенія умножаются. А потому, какъ-скоро на пути своемъ ощутишь въ душѣ своей наибольшія и сальвейннѣя искушенія; знай, что въ это время душа твоя дѣйствительно втайнѣ вступила на новую высшую ступень, и приумножена ей благодать въ томъ состоянн, въ какомъ она поставлена; потому-что, соотвѣтственно величю благодати, въ такой-же именно мѣрѣ и въ скорбь искушеній вводитъ Богъ душу, и вводитъ не въ мѣрскія искушенія, какія бывають съ иными для обузданія порока и дѣлъ явныхъ; не тѣлесныя возмущенія разумѣй также подъ искушеніями, но искушенія, какія приличны покамъ въ ихъ безмолвіи, и которыя опишемъ подробно въ послѣдствіи. Если же душа въ немощи, и нѣтъ у ней достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, а потому проситъ, чтобы не войдти ей въ оныя, и Богъ послушаетъ ее; то навѣрное знай, что, въ какой мѣрѣ не имѣетъ душа достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, въ такой же она недостаточна и для великихъ дарованій; и какъ возбраненъ къ ней доступъ великимъ искушеніямъ, такъ возбраняются ей и великія дарованія; потому-что Богъ не дастъ великаго дарованія безъ великаго искушенія. Соразмѣрно съ искушеніями опредѣлены Богомъ и дарованія, по Его премудрости, которой не постигаютъ созданныя Имъ. Наконецъ, по жестокимъ скорбямъ, посылаемымъ на тебя Божіимъ Промысломъ, постигаетъ душа твоя, какую

пріяла она честь отъ величія Божія. Пбо по мѣртв печали бывасть и утѣшеніе.

Вопросъ. Какъ же поэтому? Сперва ли искушеніе, и потомъ дарованіе; или сперва дарованіе, а за нимъ уже и искушеніе?

Отвѣтъ. Не приходитъ искушеніе, если душа не пріяметъ сперва втайнѣ величія паче мѣры своей, и Духа благодати, пріятого ея, прежде. О семъ свидѣлствуютъ искушенія самого Господа, а подобно ему и искушенія Апостоловъ, которымъ не было поущено войти въ искушенія, пока не пріяли Утѣшителя. Кто пріобщается благу, тому прилично терять и искушенія; потому-что скорбь ея послѣ блага. Такъ угодно было благому Богу творить со всѣми. И хотя это дѣйствительно такъ, то-есть, благодать прежде искушенія; однакоже ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непременно предшествовало ощущенію благодати. Пбо благодать ни въ комъ никогда не предшествуетъ испытанію искушеній. Благодать предускоряетъ въ умъ, но замедляетъ въ ощущеніи. И какъ во время сихъ искушеній прилично уже имѣть два противоположныя и ни въ чемъ не сходныя между собою ощущенія, то-есть, радость и страхъ; потому-что оказываешься идущимъ по пути проложенному святыми, лучше же сказать, самимъ Оживотворителемъ всѣхъ, какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія искушеній. Страхъ же должны мы имѣть, чтобы не по причинѣ гордости терять въ этомъ искушеніе. Впрочемъ, смиренномудрые умудряются благодатию, и могутъ все это различать и познавать, то-есть, какое искушеніе отъ плода гордости,

и какое отъ ударовъ наносимыхъ (х) любовью. Испытанія при вступленіи въ доброе житіе и при возрастаніи онаго отличаются отъ испытаній, попускаемыхъ для вразумленія за гордыню сердца.

Испытаніе друзей Божіихъ, которые смиренно-мудреши.

Испытанія, какія бываютъ душѣ отъ духовнаго жезла къ ея преспеянію и возрастанію, и которыми она обучается, испытывается и вводится въ подвигъ, суть слѣдующія: лѣньность, тяжесть въ тѣлѣ, ослабленіе членовъ, уныніе, смущеніе мыслей, тщательность отъ изнеможенія тѣла, временное пресѣченіе надежды, омраченіе помысловъ, недостатокъ человѣческой помощи, скудость въ потребномъ для тѣла, и тому подобное. Отъ сихъ испытаній человекъ пріобрѣтаетъ душу одинокую и беззащитную, сердце омертвѣвшее, и смиреніе. И снѣмъ дознается, началъ ли онъ воздѣлывать Создателя. Промыслитель соразмѣряетъ испытанія съ силами и потребностями пріемлющихъ оныя. Въ насъ срастворяются и утѣшеніе и пораженіе, свѣтъ и тма, брань и помощь, короче сказать, тѣснота и пространство. И это служигъ знакомъ, что человекъ при помощи Божіей преспеиваетъ.

(х) Переводъ Пандіевъ показываетъ, что въ семь четвъ читать онъ *τὸν τηλομέριον*, а не *τὸν τυλομέριον*, какъ читается въ греческомъ текстѣ. Переводы древніе славянской и латинскій подтверждаютъ чтеніе печатнаго греческаго текста.

С Л О В О 79.

О ГОРДОСТИ.

Искушения враговъ Божіихъ , которые горды.

—

Искушенія, бывающія по Божію попущенію на людей безстыдныхъ , которые въ мысляхъ своихъ превозносятся предъ благодію Божією, и оскорбляютъ гордостію своею Божію благодать , суть слѣдующія явныя демонскія искушенія , превышающія предѣлы душевныхъ силъ: отъятіе силы мудрости, какою имѣютъ люди , покоя недающее оцущеніе въ себѣ блудной мысли , попускаемой на нихъ для смиренія ихъ превозношенія , скорая раздражительность, желаніе поставить все по своей волѣ, прерираться на словахъ, дѣлать выговоры , пренебрегающее всѣмъ сердце , совершенное заблужденіе ума , хулы на ния Божіе , гордивыя , достойныя смѣха, лучше же сказать, слезъ, мысли, будто бы пренебрегаютъ ими люди , въ ничто обращается честь ихъ, и тайно и явно, разными способами наносится имъ стыдъ и поруганіе отъ бѣсовъ, наконецъ, желаніе быть въ общеніи и обращеніи съ міромъ, непрестанно говорить и безразсудно пустословить, всегда отыскивать себѣ новости и даже лженпророчества, обещать многое сверхъ силъ своихъ. И это суть искушенія душевныя.

Къ числу искушеній тѣлесныхъ принадлежать: болѣзненные, многосложные, продолжительные, неудобо-

излѣчимые челоуѣкомъ припадки, всегдашнія встрѣчи съ людьми худыми и безбожными. Или челоуѣкъ впадетъ въ руки оскорбителей, сердце его вдругъ, и всегда безъ причины, приводится въ движеніе страхомъ Божиимъ; часто терантъ онъ страшныя, сокрушительныя для тѣла, паденія съ камней, съ высокихъ мѣстъ, и съ чего-либо подобнаго, наконецъ, чувствуетъ оскуднѣе въ томъ, что помогаетъ сердцу божественною силою и упованіемъ въры; короче сказать, и ихъ самихъ и близкихъ имъ постигаетъ все невозможное и превышающее силы. Все же это, нами изложенное, принадлежитъ къ числу искушеній гордости.

Начало же оныхъ появляется въ челоуѣкъ, когда начинаютъ кто въ собственныхъ глазахъ своихъ казаться себѣ мудрымъ. И онъ проходитъ все сіи бѣдствія по мѣрѣ усвоенія имъ себѣ таковыхъ помысловъ гордости. Наконецъ, по роду искушеній своихъ заключаи о путяхъ тонкости ума твоего. Если же видишь, что нѣкоторыя изъ сихъ искушеній смѣшаны съ искушеніями сказанными прежде; то знаи, что сколько имѣешь ты оныхъ, столько же проникаетъ въ тебя гордыня.

Внимаи еще и о другомъ способѣ заключать объ искушеніяхъ. Всякое тѣсное обстоятельство и всякая скорбь, если нѣтъ при нихъ терпѣнія, служатъ къ сугубому мученію; потому-что терпѣніе, въ челоуѣкъ отражаетъ бѣдствія, а малодушіе есть мать мученія. Терпѣніе есть мать утѣшенія и нѣкая сила, обыкновенно поражаемая широтою сердца. Челоуѣку трудно найдти такую силу въ скорбяхъ своихъ безъ божественнаго дарованія, об-

рѣтасмаго неотступностію молитвы и изліяніемъ слезъ.

Когда угодно Богу подвергнуть человека болѣншимъ скорбямъ, попускаетъ впасть ему въ руки малодушія. И оно поражаетъ въ человекѣ одолевашую его силу унынія, въ которомъ ощущаетъ онъ подавленіе души, и это есть вкушеніе гесны: снѣгъ наводитъ на человека духъ изступленія, изъ котораго источаются тысячи искушеній: смущеніе, раздраженіе, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселеніе изъ одной стороны въ другую, и тому подобное. Если же спросишь: что причиною всего этого? — то скажу: твое нерадѣніе. Самъ ты не позаботился взыскать врачевства отъ этого. Врачевство же отъ всего этого одно; при помощи только онаго человекѣ находитъ скорое утѣшеніе въ душѣ своей. Какое же это врачевство? Смиренномудріе сердца. Безъ него никто не возможетъ разорить преграду сихъ золь; скорѣе же найдетъ, что превозмогли надъ нимъ бѣдствія.

Не гнѣвайся на меня, что говорю тебѣ правду. Не взыскалъ ты смиренномудрія всею душею твоею. Но если хочешь, вступи въ его область, и увидишь, что освободитъ оно тебя отъ порока твоего. По мѣрь смиренномудрія дается тебѣ терпѣніе въ бѣдствіяхъ твоихъ; а по мѣрь терпѣнія облегчается тяжесть скорбей твоихъ, и пріемлешь утѣшеніе; по мѣрь же утѣшенія твоего увеличивается любовь твоя къ Богу; и по мѣрь любви твоей увеличивается радость твоя о Духъ Святомъ. Щедролубивый Отецъ нашъ, у истинныхъ сыновъ Своихъ, когда благоволитъ сотворить облегченіе ихъ искушеній,

не отъемятъ искушеній ихъ, но дасть имъ терпѣніе въ искушеніяхъ. И они рукою терпѣнія своего пріемлютъ все сіи блага къ усовершенію душъ своихъ. Да сподобитъ и насъ Христосъ Богъ по благодати Своей въ благодареніи сердца претерпѣть злое изъ любви къ Нему ! Аминь.

С Л О В О 80.

Объ изъясненіи видовъ добродѣтели, и о томъ, какой значеніи, и какой преимущество каждаго изъ нихъ.

Тѣлесная добродѣтель въ безмолвіи очищаетъ тѣлю отъ вещественнаго въ немя; а добродѣтель ума смиряетъ душу, и очищаетъ ее отъ грубыхъ губительныхъ мыслей, чтобы не ими занималась она страстно, но наче пребывала въ созерцаіи своемъ. Созерцаіе сіе приближаетъ ее къ разоблаченію ума, что называется созерцаіемъ неведественнымъ. И это есть духовная добродѣтель: это возноситъ мысль отъ земнаго, приближаетъ ее къ первому духовному созерцаію, и предъ Богомъ поставляетъ и мысль и созерцаіе неизглаголанной славы (а это есть возбужденіе представленій о величествѣ естества Божія), и отлучаетъ умъ отъ міра сего и отъ оцущенія его. Смытъ-то утверждаемся въ оной намъ предоставленной надеждѣ, и удостоверяемся въ исполненіи ея (ц),—и это есть *препріиіе*, о которомъ

(ц) Здѣсь удержанъ древній славянскій переводъ, несопавшій съ греческимъ текстомъ.

сказалъ Апостолъ (Гал. 5, 8), то-есть, удостовѣреніе, которымъ, по обѣтованной намъ надеждѣ, умъ мысленно приводится въ веселіе. Выслункай же, что значить сіе, и какъ бываетъ то или другое изъ сказаннаго.

Тѣлесное житіе по) составляютъ дѣла тѣлесныя; дѣлами же тѣлесными именуется тѣ, которыя для очищенія плоти въ добродѣтельной дѣятельности совершаются явными дѣйствіями, которыми человекъ очищается отъ плотской нечистоты. Житіе умное есть дѣло сердца, неослабно продолжаемое съ заботливою мыслію о судѣ, или правдѣ Божіей и судахъ Божіихъ, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промыслѣ и пощечинѣ Божіей, какъ частномъ, такъ и общемъ, усматриваемомъ въ цѣломъ мірѣ, и охраненіе себя отъ страстей тайныхъ, чтобы не встрѣчалось ничто страстнаго въ области соврѣнной и духовной. Все это есть дѣло сердца; оно-то и называется житіемъ умнымъ. Въ семъ дѣлѣ житія, называемомъ душевною дѣятельностію, сердце утончается, отдѣляется отъ общенія съ противосъестественною, ничтожною живію, а потомъ начинаетъ иногда возбуждаться къ тому, чтобы съ размышленіемъ смотрѣть на вещи чувственныя, созданныя для потребности и возвращенія тѣла, и разумѣвать, какъ ихъ служеніемъ дается сила четырехъ стихіямъ въ тѣлѣ.

Житіе духовное есть дѣятельность безъ участія чувствъ. Оно описано Отцамъ. Какъ-скоро умы святыхъ пріемлютъ на себя оное, отъемлются отъ среды возрѣніе вещественное (*ύποστατική*) и дебелость тѣла, и начинается уже возрѣніе умное (а возрѣ-

нѣмъ вещественнымъ называю тварь первоначальнаго естества), и отъ сего вещественнаго возрѣанія чело-вѣкъ удобно возводился къ познанію удивительнаго житія, которое, по ясному истолкованію, есть удивленіе Богу. Это есть то высокое состояніе при наслажденіи будущими благами, какое дается въ свободѣ безсмертной жизни, въ жизни по воскресеніи; потому-что природа человѣческая не перестанетъ тамъ всегда удивляться Богу, вовсе не имѣя никакого помышленія о тваряхъ; ибо если было бы что подобное Богу, то умъ могъ бы подвигнуть быть къ этому, иногда Богомъ, а иногда самъ самымъ. Но велику всякая красота твари въ будущемъ обновленіи ниже красоты Божіей; то какъ можетъ умъ возрѣаніемъ своимъ устранишься отъ красоты Божіей? Плакъ что же? Опечалить ли его необходимость умереть, или тягость плоти, или память о родныхъ, или естественная потребность, или бѣдствія, или препятствія, или невѣдомое пареніе, или несовершенство природы, или окруженіе стихіями, или встреча одного съ другимъ, или уныніе, или утомительный тѣлесный трудъ? Или мало. По хотя все сіе и бываетъ въ міръ, однакоже въ то время, когда покрывало страстей снято съ очей ума, и узреть оныя будущую славу, мысль тотчасъ возносится въ восторгъ. И если-бы въ этой жизни такому состоянію не полагалъ Богъ предѣла, сколько именно промеднить въ ономъ, и при томъ позволялось это чело-вѣку во всю его жизнь; то чело-вѣкъ не могъ бы и здѣсь устранишься отъ возрѣанія на сіе, и тѣмъ наче не возляжетъ тамъ, гдѣ нѣтъ всего изчисленнаго выше. Ибо добродѣтель она не имѣетъ

предѣловъ , и мы самымъ дѣломъ и существенно войдемъ внутрь дворовъ царскихъ, если сподобимся того за житіе свое.

Поэтому, какъ же можетъ умъ устранишься и удалиться отъ дивнаго и божественнаго онаго созерца-нія и остановиться на чемъ-либо иномъ? Горе намъ, что не знаемъ душъ своихъ, и того, къ какому житію мы призваны; но эту жизнь немощи, это состояніе живущихъ, эти скорби міра, и самый міръ, пороки его и упокоеніе его почитаемъ чѣмъ-то значительнымъ!

Но, Христе, единый всесильный! *Блаженъ ему же есть заступленіе его у Тебе: восхожденія въ сердце своемъ положи* (Исаи. 83, 6.). Ты, Господи, отвращай лица наши отъ міра къ тому, чтобы воздѣлывать Тебя, пока не увидимъ, чгò такое міръ, и не перестанемъ вѣрить тѣмъ, какъ дѣйствительности. Вновь сотворишь, обнови, Господи, въ умъ нашемъ раченіе прежде смерти, чтобы въ часъ пшесствія нашего намъ знать, каковы были вшесствія и пшесствія наши въ міръ семъ, пока не совершено нами дѣлю, на которое по волю Твоей первоначально мы призваны въ жизнь, и потомъ не воспріята надежда умомъ несовершеннымъ упованія получить, по обѣтованію Исаіи, великія блага, какія уготовала любовь Твоя, во второмъ возсозданіи, — о которомъ памятованіе сохраняется вѣрою въ таинства.

С Л О В О 81.

ОБЪ ОЧИЩЕНИИ ТѢЛА, ДУШИ И УМА.

—

Очищеніе плоти есть неприкосновенность къ плотской сквернѣ. Очищеніе души есть освобожденіе отъ тайныхъ страстей, возникающихъ въ умѣ. Очищеніе же ума совершается откровеніемъ таинъ. Ибо очищается онъ отъ всего, что по слабости своей подлежитъ чувству. Малыя дѣти невинны тѣломъ, безстрастны по душѣ; но никто не назоветъ ихъ чистыми и по уму. Ибо чистота ума есть совершенство въ самомъ дѣйствіи небеснаго воззрѣнія, къ которому безъ участія чувствъ возбуждается духовною силою горнихъ украшеній и безчисленныхъ чудесъ онаго небеснаго міра, наслажденіе которыми въ невидимомъ служеніи ихъ разделяется для тѣхъ и другихъ тонкими умопредставляемыми божественными откровеніями, непрестанно и на всякій часъ измѣняющимся. Самъ Богъ нашъ да сподобитъ насъ созерцать Его непокровеннымъ умомъ, а потому и непосредственно во вѣки вѣковъ! Ему слава! Аминь.

С Л О В О 82.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ПРЕДМЕТЫ ПОЛЕЗНЫЕ, ИСПОЩЕННЫЕ ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ.

—

Вѣра есть дверь таинствъ. Какъ тѣлесныя очи видятъ предметы чувственные, такъ вѣра духовными

очами взираеть на сокровенное. У насъ два душевныя ока, какъ говорятъ Отцы, подобно тому, какъ два же тѣлесныя ока; но потребность видѣнія не одна и таже въ каждомъ изъ очей душевныхъ. Однѣмъ окомъ видимъ тайны Божіей славы, сокровенныя въ естествахъ, то-есть силу и премудрость Божію и совѣтное промышленіе Божіе о насъ, постигаемое изъ величія управленія нами; а подобно сему тѣмъ же окомъ созерцаемъ и небесныя сослужебныя намъ чины. Другимъ же окомъ созерцаемъ славу святаго естества Божія, когда благоволилъ Богъ ввести насъ въ духовныя таинства, и въ умъ нашеть отверзеть море вѣры.

С Л О В О 83.

О покаяніи.

Какъ благодать на благодать людямъ по крещеніи даю покаяніе; потому-что покаяніе есть второе возрожденіе отъ Бога. И то дарованіе, котораго залогъ пріяли мы отъ вѣры, пріемлемъ покаяніемъ. Покаяніе есть дверь милости, отвертая усильно ищущимъ его; сею дверію входимъ въ Божію милость; кромъ этого входа не обрѣтемъ милости; *вси бо, по слову божественнаго Писанія, согрѣшиха, оправдаемъ туне благодатию Его* (Рим. 3, 23. 24.). Покаяніе есть вторая благодать, и рождается въ сердце отъ вѣры и страха; страхъ же есть отеческій жезлъ, управляющій нами, пока не достигнемъ духовнаго рая

благъ; а когда достигнемъ, тогда оставитъ онъ насъ и возвратится.

Рай есть любовь Божія, въ которой наслажденіе всеми блаженствами, — гдѣ блаженный Павелъ напи- тался пресггественною пицею, и какъ-скоро вкусилъ тащъ плода съ древа жизни, воскликнулъ, сказавъ: *иже око не видѣтъ, и ухо не слыша, и на сердце челоуьку не выдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9.). Плоды древа сего возбранены Адаму по умышленію дьявольскому. Древо жизни есть любовь Божія, огъ которой огуалъ Адамъ; и съ тѣхъ поръ не встрѣчала уже его радость, но работала и трудилась онъ на землѣ терній. Днишнее любви Божіей, если и по правогъ ходятъ, вѣдѣтъ тотъ хлѣбъ нога въ дѣлахъ своихъ, какой повелѣно ьсть первоизданному по нащени его. Пока не пріобрѣтемъ любви, дѣланіе наше на землѣ терній; и хотя сѣніе наше бываетъ сѣніемъ правды; и съемъ и пожинаемъ мы среди терній, и ежечасно уязвля- емся ими, и что ни дѣлали-бъ къ своему оправданію, живемъ въ потѣ лица. А когда обрѣтемъ любовь, тогда станемъ питаться небеснымъ хлѣбомъ и укрѣ- пляться въ силахъ безъ работы и труда. Небесный хлѣбъ есть Христосъ сшедшій съ небеси и *далъ животъ міру* (Іоан. 6, 33.). Это есть пища Ангельская.

Кто обрѣлъ любовь, тотъ каждый день и часъ вкушаетъ Христа, и дѣлается огъ сего безмер- нымъ; ибо сказано: *кто съестъ отъ хлѣба сего, егоже Аъ дамъ ему, смерти не узритъ во вѣки* (Іоан. 6, 51.). Блаженъ, кто вкушаетъ отъ хлѣба любви, который есть Іисусъ. А что вкушающіи

любви вкушаетъ Христа, сущаго надъ всеми Бога, о семъ свидѣлствуетъ Іоаннъ, говоря: *Богъ любви есть* (I Іоан. 4, 8.). Наконецъ, живущій въ любви плодуршитъ жизнь отъ Бога, и въ этомъ еще міръ въ ощущаемомъ здѣсь обоняетъ ошій воздухъ воскресенія. Слѣдъ воздухомъ наслаждаются праведные по воскресеніи. Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обѣговалъ Апостоламъ, что вкушать ея въ царствѣ Его. Пбо сказано: *да ясте и пиете на трапезѣ царствія Моего* (Лук. 22, 30.), что иное означать, какъ не любовь? Любви достаточно къ тому, чтобы напитать человека вмѣсто пищи и питья. Вотъ *вино, веселящее сердце чловѣка* (Ис. 103, 15.). Блаженъ, кто неіетъ вина сего! Пенили его невоздержные, и устыдились; пенили грѣшники, и забыли пути претковеній; пенили іянцы, и стали постыжками; пенили богатые, и возжелали нищеты; пенили убогіе, и обогатились надеждою; пенили больные, и стали сильны; пенили невѣжды, и умудрились.

Какъ невозможно переплыть большое море безъ корабля и ладіи; такъ никто не можетъ безъ страха достигнуть любви. Смердное море между нами и мысленнымъ раемъ можемъ перейти только на ладіи покаянія, на которой есть гребны страха. Но если еи гребцы страха не правятъ кораблемъ покаянія, на когоромъ по морю міра сего переходимъ къ Богу, то утоаемъ въ этомъ смердномъ морѣ. Покаяніе есть корабль, а страхъ — его коричи, любовь же — божественная пристань. Поэтому, страхъ вводитъ насъ на корабль покаянія, перевозитъ по смердному морю жизни, и пуководствуетъ къ божественной

пристани, которая есть любовь. Къ сей пристани приходятъ все труждающіеся и обремененные поканіемъ. И когда достигнемъ любви, тогда достигли мы Бога, и путь нашъ свершенъ, и пришли мы къ острову таковшаго міра, гдѣ Отець, Сынъ и Духъ Святый. Ему слава и держава! И насъ страхомъ Своимъ да содѣластъ достойными славы и любви Его! Аминь.

С Л О В О 34.

О томъ, какъ вѣдѣна бывають мѣра вѣдѣнія и мѣра вѣры.

—

Есть вѣдѣніе, предшествоующее вѣрѣ, и есть вѣдѣніе, порождаемое вѣрою. Вѣдѣніе, предшествоующее вѣрѣ, есть вѣдѣніе естественное; а порождаемое вѣрою есть вѣдѣніе духовное. Есть вѣдѣніе естественное, различающее добро отъ зла, и оно именуется естественною разсудительностію, которою естественно безъ науки распознаемъ добро и зло. Сію разсудительность Богъ вложилъ въ разумную природу; при помощи же науки она получаетъ приращеніе и пополненіе. Истинъ человека, который бы не имѣлъ ея. Это есть сила естественнаго вѣдѣнія въ разумной душѣ; это есть то различеніе добра и зла, которое въ душѣ непрестанно приводится въ дѣйствіе. Лишенные этой силы шире разумной природы, а въ имѣющихъ ее природа духовная въ надлежащемъ своемъ состояніи, и въ нихъ не погублено ничего изъ даннаго Богомъ природѣ къ чести разум-

ныхъ тварей Его. Утратившихъ сію познавательную силу, различающую добро отъ зла, Пророкъ укоряетъ, говоря: *человѣкъ въ чести сый, не разумь* (Исая. 48, 13.). Честь разумной природы—разсудительность, различающая добро отъ зла, и утратившихъ оную Пророкъ справедливо уиодобилъ несмысленнымъ скотамъ, немощнымъ разума и разсудка. Сію разсудительностію можно намъ обрывать путь Божій. Это есть естественное вѣдѣніе; оно предшествуетъ вѣрѣ, и есть путь къ Богу. Смыъ приобретаемъ познаніе, чтобы различить добро отъ зла и пріять вѣру. И сила природы свидѣтельствуеть, что человеку должно вѣровать въ Того, Кго сотворилъ все это, вѣровать словесамаъ заповѣдей Его, и исполнять ихъ. Отъ вѣрованія же раждается страхъ Божій. И когда вѣра будетъ сопровождать дѣла, и постепенно придетъ въ дѣланіе; тогда раждается духовное вѣдѣніе, о которомъ сказали мы, что раждается оно отъ вѣры.

Естественное вѣдѣніе, то-есть, различеніе добра и зла, вложенное въ природу нашу Богомъ, само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать Богу, приведшему все въ бытіе. А вѣра производитъ въ насъ страхъ; страхъ же понуждаетъ насъ къ покаянію и дѣланію. Такъ дается человеку духовное вѣдѣніе, то-есть, ощущеніе таинъ, которое раждаетъ вѣру истиннаго созерцація. А такимъ образомъ не просто отъ одной голыи вѣры раждается духовное вѣдѣніе, но вѣра раждаетъ страхъ Божій, и при Божіемъ страхъ, когда въ немъ начнемъ дѣйствовать, отъ дѣйствія сего страха раждается духовное вѣдѣніе, какъ сказалъ святой Іоаннъ Златоустъ: «Когда

пріобрѣтетъ кто волю, соотвѣтствующую страху Божію и правильному образу мыслей, тогда скоро пріемлетъ онъ откровеніе сокровеннаго». Откровеніемъ же сокровеннаго называетъ онъ духовное вѣдѣніе.

Но и не страхъ Божій раждаетъ сіе духовное вѣдѣніе. Ибо чтò невложено въ природу, то не можетъ и родиться. Но вѣдѣніе сіе дается въ даръ дѣланію страха Божія. Когда изслѣдуешь внимательно дѣло страха Божія; тогда найдешь, что оно есть покаяніе; и отсюда-то духовное вѣдѣніе. Это есть то самое, о чемъ сказали мы, что залогъ сего пріян мы въ крещеніи, а дарованіе пріемлемъ покаяніемъ. И дарованіе сіе, о которомъ сказали мы, что пріемлемъ оно покаяніемъ, есть самое духовное вѣдѣніе—это даваніе, подаваемое дѣйствительною страха. Духовное же вѣдѣніе есть ощущеніе сокровеннаго. И когда оцутить кто сіе невидимое и во многомъ превосходнѣйшее; тогда пріемлетъ оно отъ сего впечатлѣніе духовнаго вѣдѣнія, и въ ощущеніи его раждается иная вѣра, непротивная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру. Называютъ же ее вѣрою созерцательною. Доголь была слухъ, а теперь созерцаніе; созерцаніе же несомнѣнное слуха.

Все сіе раждается отъ онаго естественнаго вѣдѣнія, различающаго доброе и злое. Оно есть доброе сѣмя добродѣтели, и о немъ уже сказано. И когда естественное сіе вѣдѣніе оброчитъ своею сластолюбивою волею; тогда лишимся всѣхъ силъ благовѣстия. Съ нимъ же естественнымъ вѣдѣніемъ въ чловкѣ посылается всегдашнее узвлѣченіе совѣсти, непрестанное помятованіе смерти и пѣкая мучительная забота,

продолжающаяся до самаго его вшествія, а послѣ сего печаль, унылость, страхъ Божій, естественная стыдливость, печаль о прежнихъ грѣхахъ своихъ, надлежащая рачительность, памятованіе объ общемъ пути, забота о присутствованіи себя къ оному, слезное испрашиваніе у Бога добраго вшества въ сіи врата, которыми должно проходить всякому естеству, пренебреженіе къ міру и сильная борьба о добродетели. Все сіе пріобрѣтается естественнымъ вѣдѣніемъ. Поэтому, пусть съ этимъ случаетъ всякій дѣла свои. Ибо, когда окажется, что человекъ пріобрѣлъ это, тогда значить, что идетъ онъ путемъ естественнымъ. А когда превзойдетъ это, и входитъ въ любовь, тогда становится выше естества, и оканчиваются для него борьба, страхъ, трудъ и утомленіе во всемъ. Богъ послѣдствія вѣдѣнія естественнаго. И это находимъ въ себѣ самихъ, когда не помрачаемъ сего вѣдѣнія сластолюбивою своею волею. И на этой остаемся степенн, пока не прійдемъ въ любовь, которая освобождаетъ насъ отъ всего этого. Пусть всякой, на основаніи сего сказаннаго нами, случаетъ и испытываетъ самъ себя, гдѣ стоишь, въ томъ ли, что противоестественно, или въ томъ, что естественно, или въ томъ, что превъшесестественно. По силѣ сказанныхъ направленій вшества можетъ всякій ясно и скоро отыскать, какъ управляется дѣлая жизнь его. И когда, какъ опредѣлили мы, не окажется онъ въ наименованномъ у насъ сообразнымъ съ естествомъ, и путь также его въ превъшесестественномъ; тогда явно, что шзрился онъ въ противоестественное. Но Богу нашему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 55.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ИСПОЛНЕННЫЯ ПОЛЪЗЫ СОВѢТЫ,
КАКЕ СЪ ЛЮБОВНО ИЗГЛАГОЛАТЬ ВО СМЯРЕНІИ СЛЪШАЮ-
ЩЕМЪ ЕГО.

--

Добрая мысль не заидасть въ сердце, если она не отъ Божественной благодати. Лукавый помысль не приближается къ душѣ, развѣ только для искупенія и пенытанія. Человѣкъ достигній того, чтобъ познать мѣру своей немощи, достигъ совершенства смиренія. Дарованія Божіи къ человеку приводитъ сердце, возбуждаемое къ непрестанному благодаренію. Искупеніе наводитъ на душу ропотная мысль, постоянно возбуждаемая въ сердце. Господь спосигъ всякія немощи человѣческія, не терпигъ же человека всегда ропшущаго, и не оставляетъ безъ вразумленія. Душа, далекая отъ всякаго озаренія вѣдѣиємъ, предастся таковымъ ропотнымъ мыслямъ. Уста, всегда благодарящія, приѣмлютъ благословеніе отъ Бога; если сердце пребываетъ въ благодареніи, шедохитъ въ него благодать. Благодати предшествуетъ смиреніе; а наказанію предшествуетъ самошнбіе. Горделивому повущается впадать въ хулу, и превозносящемуся дѣятельною добродѣтлю попускается впадать въ блудъ, а превозносящемуся своею мудростію попускается впадать въ темныя сѣти невѣдѣнія.

Человѣкъ, далекій отъ всякаго намятованія о Богѣ,

поситъ въ сердцѣ своемъ тревожимую лукавою памятію мысль противъ ближняго. Кто, при памятованіи о Богѣ, уважаетъ всякаго человека, тотъ, по мановенію Божію втайнѣ, обрѣтаетъ себѣ помощу у всякаго человека. Кто защищаетъ обиженнаго, тотъ поборникомъ себѣ обрѣтаетъ Бога. Кто руку свою простираетъ на помощу ближнему своему, тотъ въ помощу себѣ пріемлетъ Божію помощу. Кто обвиняетъ брата своего въ порокъ его; тотъ обвинителя себѣ обрѣтаетъ въ Богѣ. Кто исправляетъ брата своего въ вѣдѣніи своей, тотъ изцѣляетъ собственный свой порокъ. А кто обвиняетъ кого-либо предъ собраниемъ, тотъ увеличиваетъ болезненность собственныхъ своихъ явъ. Кто втайнѣ врачуетъ брата своего, тотъ явною дѣлаетъ силу любви своей. А кто слышитъ его предъ глазами друзей его, тотъ показываетъ въ себѣ силу зависти. Другъ обличающій тайно -- мудрый врачъ, а врачующій предъ глазами многихъ въ дѣйствительности есть ругатель. Знакъ сострадателности -- прощеніе всякаго долга, а знакъ лукаваго образа мыслей -- прекословіе надъцемю. Кто дѣлаетъ вразумленіе съ цѣлію сдѣлать здравымъ, тотъ вразумляетъ съ любовію; а кто домогается мщенія, въ томъ пылъ любви. Богъ вразумляетъ съ любовію, а не отмщаетъ (да не будетъ сего!); напротивъ того, имѣетъ въ виду, чтобы изцѣлить образъ Его, и не хранитъ гнѣва до времени. Этотъ способъ любви есть следствие правоты, и не уклоняется въ страсть мщенія. Правдивый мудрецъ уподобляется Богу. Ибо наказываетъ человека, вовсе не отмщая ему за грѣхъ его, но чтобы или исправить человека, или устранились другіе.

Наказаніе неподобное этому не есть вразумленіе. Кто дѣлаетъ добро ради воздаянія, тотъ скоро измѣняется. Кто по силѣ вѣдѣнія своего удивляется при созерцаніи вѣдѣнія, какое въ Богѣ, тотъ, если и умерщвляется плотию, то не превозносится мыслию своею, и не уклоняется отъ добродѣтели. Кто просвѣщаетъ умъ свой для достойнаго воздаянія Богу, тотъ и душею и тѣломъ спускается въ глубину смиренномудрія. Ибо прежде, нежели приблизится кто къ вѣдѣнію, восходитъ и нисходитъ въ житіи своемъ; какъ же скоро приблизится къ вѣдѣнію, всецѣло возносится въ высоту; и нога возвышается, не достигаетъ совершенства восхожденіе вѣдѣнія его; нога не наступитъ оный вѣкъ славы, не приметъ человекъ полнаго его богатства. Ибо въ какой мѣрѣ усовершенсается человекъ предъ Богомъ, въ такой идетъ во слѣдъ Его; въ истинномъ же вѣкѣ Богъ показываетъ ему лице Свое, а не то, что Опъ есть. Ибо праведные, нога входя въ видѣніе Его, видятъ образъ какъ въ зеркаль; а тамъ узрятъ явленіе дѣйствительности.

Огонь, возгорѣвшійся въ сухихъ дровахъ, съ трудомъ угасается. И если въ сердце отрешагося отъ міра явится и западетъ Божіи теплота, то воспламененіе ея не угасается, и она стремительнѣе огня. Когда сила вина войдетъ въ члены, умъ забываетъ строгость во всемъ. И памятованіе о Богѣ, когда овладѣетъ нажитію въ душѣ, истребляетъ въ сердце памятованіе о всемъ видимомъ. Умъ, обрѣтшій духовную мудрость, есть тѣ-же, что человекъ, который находитъ готовый корабль въ морѣ; и когда взойдетъ на него, уплываетъ изъ моря вѣка сего, и

приходитъ къ острову будущаго вѣка. Ощущеніе будущаго вѣка въ міръ семь есть то-же, что малый островъ въ морѣ; и приближающійся къ нему не утрачивается уже въ волнахъ видѣнія вѣка сего.

Конецъ, когда раздѣль его кончень, спыньшь уйдти въ домъ свой. И монахъ, пока еще остается время дѣятельности его, скорбитъ о разлученіи съ тѣломъ своимъ; а когда онцутитъ въ душѣ своей, что некушль онъ время, и получилъ залогъ свой, вождѣваетъ будущаго вѣка. Пока конецъ въ морѣ, въ членахъ у него страхъ, чтобы не возеташ на него волны, и не погонула надежда дѣланія его. Пока и монахъ въ міръ, страхъ овлаждаетъ житіемъ его, чтобы не пробудилась на него буря, и не погиблю дѣлю его, надъ которымъ трудился отъ юности и до старости своей. У кунца въ виду твердая земля, а у монаха—смертный часъ.

Мореходецъ, когда плаваегъ среди моря, смотритъ на звѣзды, и по звѣздамъ направляетъ корабль свой, пока не достигнетъ пристани. И монахъ взираетъ на молитву, потому-что она направляетъ его самого, и направляетъ шествіе его къ той пристави, къ которой житіе его направлено въ ежечасной молитвѣ. Мореходецъ высматриваетъ островъ, у котораго бы привязать ему корабль свой; запасается тамъ нужнымъ на путь, и направляется потомъ къ другому острову. Таково и шествіе монаха, пока онъ въ жизни сей. Монахъ переходитъ отъ острова къ острову, то-есть отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и, при этой перемѣнѣ острововъ, т.-е. вѣдѣній, пресшѣваетъ, пока не выйдеть изъ моря, и шествіе его не достигнетъ онаго истиннаго града, въ которомъ

обитатели его не занимаютъ болѣе куплю, но каждый упокоивается въ богатствѣ своемъ. Блаженъ тотъ, у кого купля его не пришла въ разстройство въ этомъ суетномъ мѣрѣ, среди великаго моря сего. Блаженъ тотъ, у кого корабль не разбился, и въ радости достигаетъ оныя пристани.

Цловець безъ одежды погружается въ море, пока не найдетъ жемчужину. И мудрый монахъ, сошедшій всего, проходитъ жизнь, пока не обрѣтетъ въ себѣ бисеръ—Исуса Христа. И когда обрѣтетъ Его, не пріобрѣтаетъ уже при Немъ ничего изъ существующаго. Жемчугъ хранится въ сокровищницахъ; и услажденіе шюка собьодается въ безмолвіи. Дѣвь вредно бытъ въ народныхъ собраніяхъ и при многлюдствѣ, а уму шюка—въ бесѣдахъ со многими. Птица, гдѣ бы ни была, стремится въ гнѣздо свое, выводитъ тамъ дѣтей; и разсудительный монахъ поспыщаетъ въ мѣсто свое, сотворить въ себѣ плодъ жизни. Звѣя, когда сокрушено у ней все тѣло, бьодеть свою голову; и мудрый монахъ во всякое время охраняетъ вѣру свою, которая есть начало жизни его. Облака закрываютъ солнце; а многоглаголаніе потемняетъ душу, которая начала просвѣщаться молитвеннымъ созерцаніемъ.

Птица, называемая еродій, по словамъ мудрыхъ, веселится и радуется въ то время, когда удалится изъ мѣстъ обитаемыхъ, и достигнетъ пустыни, и поселится въ ней. Такъ и душа прючествующаго пріемлетъ въ себя небесную радость въ то время, когда удалится отъ людей, прійдетъ и вселится въ странъ безмолвія, и тамъ станетъ ожидать времени своего исшествия. Рассказываютъ о птицѣ, называемъ

мой спрена, что всякій, слыша сладкозвучнаго голоса, такъ слышится, что, идя за него по пустынь, отъ сладости пбнїя забываетъ самую жизнь свою, падаетъ и умираетъ. Смысль изображается то, что бываетъ и съ душою. Когда ощущается снъ небесная сладость; тогда отъ сладкозвучїя словесъ Божїихъ, переданныхъ чувствомъ уму, душа всецѣло устремляется во слѣдъ этой сладости, такъ-что забываетъ свою тѣлесную жизнь; и тѣло лишается пожеланїй своихъ, а душа возносится изъ этой жизни къ Богу.

Дерево, если сперва не скинетъ съ себя прежнихъ своихъ листьевъ, не прозираетъ новыхъ ветвей. И монахъ, пока не изршетъ изъ своего сердца памятованїя о прежнихъ своихъ дѣлахъ, не приносятъ новыхъ плодовъ и ветвей о Христѣ Іисусѣ.

Вѣтръ утушаетъ плоды на деревьяхъ и на нивѣ, а попеченїе о Богѣ—плоды въ душѣ. Въ раковинѣ, въ которой заражается жемчужина, какъ говорятъ, молніею производится нѣкоторое подобїе перлы, и изъ воздуха прїемлетъ она въ себя вещество, а додоль остается простою плодною. Пока и сердце шюка не прїиметъ въ себя разумнїемъ небеснаго вещества, дѣло ея есть нѣчто обыкновенное, и въ раковинахъ своихъ не заключаетъ плода утшненїя.

Иссъ, который лижетъ позри свои, пьетъ собственную свою кровь, и, по причинѣ сладости крови своей, не чувствуетъ вреда своего. И шюкъ, который склоненъ бываетъ ушватъ ея гщеславїемъ, пьетъ жизнь свою, и отъ сладости, ощущаемой на часъ, не сознаетъ вреда своего. Мирская слава есть утесъ въ морѣ, покрытый водами, и неизвестенъ онъ

плывцу, пока корабль не станетъ на немъ дною своимъ и не наполнится водою. То-же дѣлаетъ съ чеювѣкомъ и тщеславіе, пока не потопитъ и не погубитъ его. У Отцевъ говорится о немъ, что въ тщеславную душу снова возвращаются страсти, въ-когда ея побужденныя и пещенія изъ нея. Малое облако закрываетъ кругъ солнечный, и солнце послѣ облака особенно грѣетъ. И малое уныніе поемняетъ душу, но послѣ него бываетъ великая радость.

Къ словесамъ таинствъ, заключенныхъ въ божественномъ Писаніи, не приступай безъ молитвы и прощенья помощи у Бога, но говори: «дай мнѣ, Господи, пріять ощущеніе заключающейся въ нихъ силы». Молитву почитай ключемъ къ петляному смыслу сказаннаго въ божественныхъ Писаніяхъ. Когда желаешь приблизиться сердцемъ своимъ къ Богу, доказки Ему прежде любовь свою тѣлесными трудами. Въ нихъ полагается начало житія. Ибо много приближается сердце къ Богу скудостью потребнаго, приобученіемъ себя къ оному роду пищи; а такимъ образомъ, приближеніе сіе послѣдуетъ за дѣлами тѣлесными. И Господь положилъ ихъ въ основаніе совершенства. Праздность же почитай началомъ омраченія души, омраченіемъ же на омраченіе—сходбища для бесѣды. Поводомъ къ первому бываетъ второе. Если и полезныя рѣчи, когда пить имъ мѣры, производятъ омраченіе; то кольми паче рѣчи суетныя? Душа унывается отъ множества продолжительныхъ бесѣдъ, хотя бы ограждала себя и страхомъ Божиимъ. Наконецъ, омраченіе души происходитъ отъ безпорядочности въ житіи.

Мѣра и извѣстное правило въ житіи просвѣщаютъ

умъ и не допускають до смущенія. Смущеніе же ума отъ безпорядочности производигъ въ душу омраченіе, а омраченіемъ производится опять смущеніе. Миръ бываетъ слѣдствіемъ добраго порядка, а отъ мира раждается въ душу свѣтъ; отъ свѣта же и мира возсіяваетъ въ умъ чистый воздухъ. Но мръ же того, какъ сердце, по устраниніи отъ міра, приближается къ духовной мудрости, пріемлетъ оно въ такой же мръ радость отъ Бога, и въ душу своей чувствуетъ различіе мудрости духовной и мудрости мірской; потому-что въ мудрости духовной овладеваетъ душою молчаніе, а въ мудрости мірской источникъ паренія мыслей. И по обрѣтеніи первой мудрости исполняешься великаго смиренномудрія, скромности и мира, царствующаго надъ всеми твоими помыслами. Съ сего времени и въ члспахъ твоихъ прекратятся смятеніе и буйные порывы, настанетъ же безмолвіе. Съ обрѣтеніемъ же второй мудрости пріобрѣтешь гордость въ мудрованіи своемъ, и несказанно странные помыслы, и смятеніе ума, безстыдство и киченіе чувствъ. Не думай, что человекъ, привязанный къ тѣлесному, возымѣетъ въ молитвѣ дерзновеніе предъ Богомъ. Душа корыстная лишается премудрости, а душа мпосердая умудрена будетъ духомъ.

Какъ слей нуженъ для свѣщенія свѣтильника, такъ мплостыни питають въ душу вѣдніе. Ключь сердцу къ божественнымъ дарованіямъ дается любовію къ ближнему, и, по мръ отрѣшенія сердца отъ узъ тѣлесныхъ, отверзается также предъ нимъ и дверь вѣднія. Прехожденіе души изъ міра въ міръ есть пріятіе разумнія. Какъ прекрасна и похвальна по-

бовь къ ближнему, если только попеченіе ея не отвлекаетъ насъ отъ любви Божіей! Какъ пріятна беседа съ духовными нашими братіями, если только можемъ сохраить при оной и собесѣдованіе съ Богомъ! Наконецъ, хорошо заботиться и о семь, пока соблюдается въ этомъ соразмѣрность, т.-е. пока подъ этимъ предлогомъ можно не утратить сокровеннаго дѣланія и житія, и непрестаннаго собесѣдованія съ Богомъ. Последнему бываетъ помѣшательствомъ точное соблюденіе перваго; умъ недостаточенъ къ тому, чтобы вести два собесѣдованія. Свиданіе съ людьми мірскими, въ душѣ, отрешившейся отъ нихъ для Божія дѣла, производитъ смущеніе. Вредна бываетъ непрестанная беседа и съ духовными братіями; а на людей мірскихъ вредно посматрѣть только и издали. Тѣлесной дѣятельности не препятствуетъ (ч) встреча съ чѣмъ-либо чувствъ. Но кто желаетъ, какъ илочь отъ умеренія мысли, познать радость въ дѣланіи сокровеннаго, въ томъ и безъ видѣнія одни звуки голоса приводятъ въ смятеніе покой сердца его. Внутреннее омертвленіе невозможно безъ приведенія чувствъ въ недѣятельность. И тѣлесная жизнь требуетъ пробужденія чувствъ, а жизнь душевная—пробужденія сердца.

Какъ душа по природѣ лучше тѣла, такъ и дѣло душевное лучше тѣлеснаго. И какъ первоначально созданіе тѣла предшествовало вдуновенію въ него жизни, такъ и дѣла тѣлесныя предшеству-

(ч) Въ переводахъ древнемъ славянскомъ и сербскомъ рѣчь безъ огрѣщанія *И дѣланіе тѣлесное возбуждаетъ и пр.*

ють дѣлу душевному. И невысокое житіе, неизмѣнно продолжаемое,—великая сила. Слабая капля, постоянно падая, пробиваетъ жесткій камень.

Когда приблизится время воскреснуть въ тебѣ духовному человеку; тогда возбуждается въ тебѣ омертвѣніе для всего, возгорается радость въ душу твою, неудобноближнейей тварямъ, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостію, какая въ сердцѣ твоемъ. А когда готовъ востать въ тебѣ міръ; тогда умножается въ тебѣ пареніе мысли, низкое и неостоянное мудрованіе. Міромъ же пазываю страсти, которыя пораждаетъ пареніе ума. Когда они родятся и достигнуть зрѣлости,—дѣлаются грѣхами и умерщвляютъ человека. Какъ дѣти не рождаются безъ матерей; такъ страсти не рождаются безъ паренія мысли, а совершеніе грѣха не бываетъ безъ собесѣдованія со страстями.

Если терпѣніе возрастаетъ въ душахъ нашихъ; это признакъ, что пріяли мы втайнѣ благодать утѣшенія. Сила терпѣнія крѣпче радостныхъ мыслей, овладѣвающихъ сердцемъ. Жизнь въ Богѣ есть унадокъ чувствъ. Когда будетъ жить сердце, унадають чувства. Востаніе чувствъ есть омертвѣніе сердца. И когда они востають, это признакъ омертвѣнія сердца для Бога. Отъ добродѣтелей, совершаемыхъ между людьми, совѣсть не получаетъ правоты.

Добродѣтель, какую творить кто ради другихъ, не можетъ очистить душу; потому-что вьбняется предъ Богомъ въ награду дѣль. Добродѣтель же, которую человекъ творить самъ въ себѣ, вьбняется въ совершенную добродѣтель, и достигнетъ того и другаго, т.-е., и вьбняется въ воздаяніе, и произ-

волитъ ошщене. Посему, устранись отъ перваго, и послѣдуй второму. Безъ попеченія же о второмъ оставишь первое естъ явное отпаденіе отъ Бога. Но второе замѣняетъ собою первое, если и не будетъ сего перваго.

Покой и праздность—гибель душъ, и большіе демоновъ могутъ повредить ей. Когда ты лю немощно, и будешь принуждать его къ дѣламъ превышающимъ силы его; тогда душъ твоей прилагаемъ обращеніе къ обращенію, и вносишь въ нее большее смущеніе. А если ты лю крѣпко, и предаешь его покою и праздности; то въ душъ, обитающей въ этомъ тѣлѣ, усвершается всякій порокъ; и если бы кто даже сильно воздѣлывалъ добра, вскорѣ отъемлется у него самая мысль о добрѣ, какую имѣлъ онъ. Когда душа уносится радостно надежды своей и веселень Божіимъ; тогда ты лю не чувствуетъ скорбей, хотя и немощно. Ибо несетъ сугубую тягогу, и не оскудѣваетъ въ силахъ, но вмѣстѣ и наслаждается, и содѣйствуетъ душевному наслажденію, хотя и немощно. Такъ бываетъ, когда душа входитъ въ оную духовную радость.

Если сохранишь языкъ свой; то отъ Бога дастся тебѣ, брагъ, благодагъ сердечнаго умщенія, чтобы въ немъ увидѣть тебѣ душу свою, и имѣ войди въ духовную радость. Если же преодолеть тебя языкъ твой; то поверь тому, что скажу тебѣ: ты никакъ не можешь избавиться отъ обращенія. Если нечисто у тебя сердце, пусть шеты будутъ хотя уста, какъ сказалъ блаженный Іоаннъ.

Когда пожелаешь наставить кого на добро, упокой его сперва тѣлесно, и почти его словомъ люб-

ви. Ибо ничто не преклоняетъ такъ чловѣка на стыдъ, и не заставляетъ бросить порокъ свой и перемѣниться на лучшее, какъ тѣлесныя блага и честь, какую видитъ отъ тебя. Въ какой мѣрь вступишь кто въ подвигъ ради Бога, въ такой сердце его пріемлетъ дерзновеніе въ молитвѣ его. И въ какой мѣрь чловѣкъ развлеченъ многими, въ такой же лишася Божіей помощи. Не скорби о тѣлесныхъ недостаткахъ, потому-что совершенно возьметъ ихъ у тебя смерть (ш). Не бойся смерти; потому-что Богъ все уготовалъ, чтобы тебѣ быть выше ся. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 86.

ОЪ АНГЕЛЬСКОМЪ ДВИЖЕНІИ, ВОЗБУЖДАЕМОМЪ ВЪ НАСЪ ПО БОЖІЮ ПРОМЫСЛУ ДЛЯ ПРЕУСПѢХА ДУШИ ВЪ ДУХОВНОМЪ.

Первая мысль, которая по Божію чловѣколюбію входитъ въ чловѣка и руководствуетъ душу къ жизни, есть западающая въ сердце мысль объ исходѣ сего естества. За сию мысль естественно слѣдуетъ пренебреженіе къ міру; и этимъ начинастся въ чловѣкѣ всякое доброе движеніе, ведущее

(ш) Греческое чтеніе *δ Θεός ἀνιδιάρβητι*, замѣнено здѣсь другимъ *δ θείατος ἀνιδιάρβητι*, которое согласно съ древнимъ славянскимъ и сербскимъ переводами.

его къ жизни. И какбы основаніе какое полагаетъ въ челоѣкъ сопутствующая ему Божественная сила, когда восхоцетъ обнаружить въ немъ жизнь. И если челоѣкъ эту сказанную нами мысль не угаситъ въ себѣ житейскими связями и суетловіемъ, но будетъ возвращать се въ безмолвіи, и остановится на ней созерцаніемъ, и займется его; то она поведетъ челоѣка къ глубокому созерцанію, котораго никто не въ состояніи изобразить словомъ. Сатана ненавидитъ сей помысль, и всѣми своими силами нападаетъ, чтобы истребить его въ челоѣкъ. И если бы можно было, отдалъ бы ему царство цѣлаго міра, только бы развлеченіемъ изгладитъ въ умѣ челоѣка таковой помысль. И если бы могъ, какъ сказано; то сдѣлалъ бы это охотно. Ибо знаетъ коварный, что, если помысль сей пребываетъ въ челоѣкъ, то умъ его стоитъ уже не на этой землѣ обольщенія, и козни его къ челоѣку не приближаются. Будемъ же разумѣть это не о томъ первомъ помыслѣ, который наомышленіемъ своимъ возбуждаетъ въ насъ память смертную, но о полнотѣ сего дѣла, когда влагаетъ оно въ челоѣка неотлучную память о смерти, и когда помышленіемъ о ней челоѣкъ поставляется въ состояніе непрестаннаго удивленія. Первый помысль есть нечто тѣлесное, а сей послѣдній есть духовное созерцаніе и дивная благодать. Сіе созерцаніе облечено свѣтлыми мыслями. И кто помыслитъ оное, тотъ не входитъ болѣе въ разысканія о семъ мірѣ, и не привязанъ къ своему тѣлу.

Совершенно справедливо, возлюбленные, что, если бы Богъ на малое время даровалъ людямъ это истинное созерцаніе, то въ мірѣ семъ не стало бы

преемства. Созерцаніе это служитъ узами, преть которыми не можетъ устоять природа, и пріемно-щему въ душу свою размышленіе о селъ — такою благодатию Божіей, которая сплыве вселъ отдельныхъ дѣланій, и которая дается находящимся на средней степенн, и въ правотъ сердца желающимъ покаянія, дается же именно тѣмъ, о комъ извѣстно Богу, что имъ дѣйствительно подобаетъ удалиться отъ міра сего къ лучшей жизни по благодѣ Ево воль, какую обреть и въ шхъ. Возрастаетъ же и пребываетъ благодать сія въ шхъ, въ отшельнической и уединенной ихъ храмнн. Ея-то будемъ испрашивать въ молитвахъ; ради нея будемъ совершать долгія бдѣнія, и со слезами станемъ умолять Госнода, чтобы подалъ намъ благодать сію, какъ ни съ чѣмъ не сравнимую; и не будемъ уже больше пзнемогать въ трудахъ міра сего. Вотъ начало помысловъ жизни, совершающее въ человекѣ полную правды!

С Л О В О 87.

О второмъ дѣланн въ человекѣ.

Другое послѣ сего бываетъ дѣланіе, когда человекъ хорошо проходитъ добрую жизнь, и достигнетъ восхожденія на степень покаянія, приблизится ко внутреннею созерцанія и дѣланія его, когда свнне приметъ онъ благодать вкусить сладость духовнаго ведѣнія. Начало сего дѣланія состоитъ въ слѣдую-

цель: предварительно удостоверяется человекъ въ промышленіи Божіемъ о человекѣ, просвѣщается любовію своею къ Творцу, и удивляется вмѣстѣ и устроенію существъ разумныхъ и великому о нихъ помыслию Божію. Съ сего начинаются въ немъ сладость Божественная, воспламенение любви къ Богу, возгорающейся въ сердце и понамяющей душевныя и тѣлесныя страсти. И эту силу ощущаетъ въ себѣ человекъ, какъ-скоро о всѣхъ тварныхъ естествахъ и о всякомъ встречающемся ему предметѣ станетъ размышлять разумно, входитъ о нихъ въ изслѣдованія и разсуждать духовно. Посему-то человекъ начинаетъ тогда, при таковой сильной и божественной рачительности и доброй совѣсти, возбуждаться къ божественной любви, и вдругъ упоевается ею, какъ виномъ; расслабываютъ члены его, мысль его пребываетъ въ изумленіи, сердце его отводится въ плъкъ Богу; и такимъ образомъ, какъ сказалъ я, унождается онъ упившемуся виномъ. И въ какой мѣрѣ усиливается внутреннія ощущенія, въ такой усиливается и самое созерцаніе. И въ какой мѣрѣ человекъ старается о добромъ житіи, о храненіи себя, о томъ, чтобы проводить время въ чтеніи и въ молитвахъ, въ такой же утверждается и упрочивается въ немъ сила ихъ. И совершенно справедливо, братія, что временемъ приходится ему не помнить (щ) о себѣ самомъ, что поспѣть это тѣлю, и не знать, въ этомъ ли онъ мѣрѣ.

и' По древнему славянскому переводу печатное чтеніе τῆ μιμο
 ἰστοῖαι надлежитъ исправить такъ: τῆ μη μιμογεῖσαι.

Вотъ начало духовнаго созерцанія въ чловѣкѣ; вотъ начало всѣхъ откровеній уму! Симвъ-то началомъ умъ возрастаетъ и укрьпляетъ въ сокровенномъ; имъ-то возводится къ шимъ, превышающимъ чловѣческую природу, откровеніямъ; короче сказать: его рукою сообщаются чловѣку всѣ Божественныя созерцанія и духовныя откровенія, какія пріемлютъ святыя въ мръ сѣмъ, и всѣ дарованія и откровенія, какія только естество можетъ знать въ жизни сей. Вотъ корень нашего чувствованія, вложенный въ насъ Творцемъ нашимъ! Блаженъ чловѣкъ, который сохранилъ это доброе сѣмя, какъ-скоро пало оно въ душу его, и возрастилъ оное, и не расточилъ его въ себѣ суетою преходящаго и пареніемъ мысли! Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 88.

Объ измыщеніи свѣта и тмы, како бываетъ въ душѣ во всякое время, и объ уклоненіи ея къ деснымъ или лѣвымъ.

—

Взглянемъ, возлюбленные, въ душу свою во время молитвы, есть ли въ насъ при чтеніи стиховъ внимательное молнивенное созерцаніе. Оно бываетъ слѣдствіемъ истиннаго безмолвія. И въ то время, какъ бываемъ въ обращеніи, не будемъ смущаться, особливо если не въ насъ тому причина. Приисывай же это Промыслу Божию, дѣйствующему по

причинамъ, извѣстнымъ одному Богу. Ибо въ иное время душа наша смертно томится, и бываетъ какъ бы среди волнъ; и читаетъ ли человекъ Писаніе, или совершаетъ службу, во всякомъ дѣлѣ, за какое ни прійдется, обращеніе у него за обращеніемъ. Таковой оставляетъ дѣло, и часто не попускается ему даже приблизиться къ оному; и вовсе не вѣритъ онъ, что это—временное съ нимъ измѣненіе, и что бываетъ онъ и въ мирѣ. Этотъ часъ исполненъ отчаянія и страха; надежда на Бога и утѣшеніе вѣры въ Него совершенно отменяются душею; и вся она всецѣло исполняется сомнѣнія и страха. Претерпѣвшіе искушеніе въ этой волнѣ часа сего по опыту знаютъ, какое измѣненіе послѣдуетъ при окончаніи его. Но Богъ не оставляетъ души въ такомъ состояніи на цѣлый день; потому-что она утратила бы надежду христіанскую. Напротивъ того, скоро творитъ и *избытіе* (1 Кор. 10, 13.). Если же тревожное состояніе этого обращенія продолжается болѣе; то вскорѣ ожидай измѣненія самой жизни.

А я замѣчу тебѣ, человекъ, и дамъ совѣтъ; если не имѣешь силы совладѣть съ собою и насть на лице свое въ молитвѣ; то облеки голову свою мантиєю, и спи, пока не пройдетъ для тебя этотъ часъ обращенія, но не выходи изъ своей келліи. Сему искушенію подвергаются нашаче желающіе проводить жизнь утѣвешную и въ нествіи своемъ ищущіе утѣшенія вѣры. Поэтому, всего болѣе мучитъ и утомляетъ ихъ этотъ часъ колебаніемъ ума; слѣдуетъ же за симъ часто хула, а иногда приходитъ на человека сомнѣніе въ воскресеніи, и иное нечто, о чемъ не должно намъ и говорить. Все это не-

рѣдко дознавали мы опытомъ, и къ утѣшенію мно-
гихъ описали борьбу сію.

Занимающіеся дѣлами тѣлесными совершенно сво-
бодны отъ сихъ искушеній. На нихъ приходитъ иное
уныніе, извѣстное всякому, и оно въ образѣ дѣйствіи
своемъ отлично отъ сихъ и подобныхъ ему иску-
шеній. Здравіе и уврачеваніе страждущаго имъ
источается безмолвіемъ. Вотъ утѣшеніе для него!

Въ сообществѣ же другихъ никогда не пріемлетъ
свѣта утѣшенія, и бесѣдами человѣческими не вра-
чуется, а унокоевается на время, и послѣ того уны-
ніе сіе съ болышею силой востаетъ въ чловѣкѣ.
И ему необходимо нуженъ чловѣкъ просвѣщенный,
имѣющій опытность въ этомъ, который бы просвѣ-
тилъ его и укрѣпляетъ при всякомъ случаѣ во время
нужды, но не навсегда. Блаженъ, кто претерпитъ
это, не выходя за дверь. Ибо послѣ этого, какъ го-
ворятъ Отцы, придетъ въ великую обитель и сплду.
Впрочемъ, не въ одну часть и не скоро оканчивает-
ся борьба сія; и благодать не вдругъ совершенно
приходитъ и вселяется въ душу, но постепенно; и
одно смѣняется другимъ; временемъ искушеніе, и
временемъ уныніе; и въ такомъ состояніи чело-
вѣкъ пребываетъ до исшествія своего. А чтобъ со-
вершенно стать чуждымъ сего и совершенно утѣ-
ниться, не будемъ того и надѣяться здѣсь. Ибо
самъ Богъ благоволилъ, чтобы такъ устроилась
жизнь наша здѣсь, и шествующіе путемъ терпѣли
это. Богу слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО 89.

О вредъ неразумной ревности, прикрывающей личною ревности Божественной, и о помощи, какая бывалъ отъ кротости и другихъ нравственныхъ качествъ.

--

Человѣкъ ревнивый никогда не приходитъ въ миръ ума; а чуждый миру чуждъ и радости. Если миръ ума называется совершеннымъ здравіемъ, а ревность противна миру; то значить уже, что тяжелою болѣзнію страждетъ тотъ, въ комъ есть лукавая ревность. Но видному, человѣкъ, обнаруживашь ты ревность свою противъ чужихъ недуговъ; а въ дѣйствительности свою душу лишитъ здравія. Поэтому, заботься лучше о здравіи своей души. Если же желаешь врачевать немощныхъ; то знай, что больные болѣе нужды имѣютъ въ пощечинѣ о нихъ, нежели въ выговорахъ. А ты еще, тогда-какъ не дѣлаешь помощи другимъ, самого себя ввергаешь въ тяжкую мучительную болѣзнь. Ревность въ людяхъ признается не однимъ изъ видовъ мудрости, но однимъ изъ душевныхъ недуговъ, и именно, есть ограниченность въ образъ мыслей и великое невѣдѣніе. Началю божественной премудрости — скромность и кротость, которая свойственна великой душѣ, и посылъ на себя помощи людей. Пбо сказано: вы *сильніи немощи немощныхъ* пошлите (Римл. 15, 5.), и *падающаго исправляйте домъ кротости* (Гал. 6, 1.). Къ людямъ Духа Святаго Апостоль приписываетъ терпѣніе и миръ (Гал. 5, 22.). Сердце, неполненное

печали о немощи и безсмысли въ дѣлахъ тѣлесныхъ явныхъ, замѣняетъ собою все сѣи тѣлесныя дѣла. Дѣла тѣлесныя безъ печали ума—тѣ-же, что и тѣло неодушевленное. Кто скорбитъ сердцемъ, и даетъ свободу чувствамъ своимъ; тотъ подобенъ больному, который страждетъ тѣлесно, и у котораго уста отверзеты для всякой вредной ему силы. Кто скорбитъ сердцемъ, и даетъ свободу чувствамъ своимъ, тотъ подобенъ челоуьку, у котораго есть едиnorodный сынъ, и который мало помалу закаляетъ его собственными своими руками. Печаль ума драгоценное Божіе даяніе. Кто переноситъ ее, какъ должно, тотъ подобенъ челоуьку, у котораго члены его исполнены святости. Челоуькъ, который далъ волю языку своему говорить о людяхъ и доброе и худое, недостойнъ сей благодати. Покаяніе и частыя сношенія съ людьми — тѣ-же, что разбитая бочка. Щедрія подаянія и вмѣстѣ заушенія — тѣ-же, что въ меду омоченный мечъ.

Цѣломудріе и бесѣда съ женщиною—тѣ-же, что львица съ овцою въ одномъ домѣ. Дѣла безъ милосердія предъ Богомъ — тѣ-же, что челоуькъ, который закаляетъ сына въ присутствіи отца его. Кто немощенъ душею, и исправляетъ друзей своихъ, тотъ подобенъ челоуьку, который слѣпъ глазами, и указываетъ другимъ дорогу.

Милосердіе и правосудіе въ одной душѣ — тѣ-же, что челоуькъ, который въ одномъ домѣ поклоняется Богу и идоламъ. Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры; потому-что каждому даетъ, чего онъ достоинъ, и при воздаяніи не допускаетъ склоненія на одну сто-

ропу, или лицепріятія. А милосердіе есть печаль, возбуждаемая милостію, и ко всемъ сострадательно преклоняется; кто достоинъ худаго съ нимъ обращенія, тому не воздасть зломъ, и кто достоинъ добраго воздаянія, того пренсполняетъ съ избыткомъ. Если въ одномъ естъ часть справедливости, то въ другомъ естъ часть худаго. Какъ сѣно и огонь не терпятъ быть въ одномъ домѣ; такъ правосудіе и милосердіе — въ одной душѣ. Какъ зерно песку не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ кускомъ золота; такъ требованіе правосудія Божія не выдерживаетъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божиимъ.

Что гореть песку, брошенная въ великое море, то-же грѣхонаденіе всякой плоти въ сравненіи съ Божиимъ Промысломъ и Божіею милостію. И какъ обильный водою негочникъ не загрязждается горстью пыли; такъ милосердіе Создателя не преобъядается пороками тварей. Быть злонамятнымъ и молиться, значить то-же, что свить на морь и ждать жатвы. Какъ свѣгости огня невозможно сдѣлать преграду, чтобы не восходила она вверхъ; такъ и молитвамъ милосердыхъ ничто не препятствуетъ восходить на небо. Каково теченіе воды на покатомъ мѣстѣ; такова сила раздражительности, когда найдетъ себѣ доступъ въ умъ нашъ. Кто въ сердце своемъ пріобрѣтъ смрненіе, тотъ мергвъ сталъ для міра, и омертвѣвшій для міра омертвѣлъ для страстей. Кто омертвѣлъ сердцемъ для своихъ ближнихъ, для того мергвъ сталъ дьяволь. А кто обрѣлъ зависть, тотъ обрѣлъ съ нею дѣвола.

Бывають смрненіе по страху Божію, и бывають

смирение изъ любви къ Богу. Иной смиренъ по страху Божию, другой смиренъ по радости. И смиреннаго по страху Божию сопровождаютъ во всякое время скромность во всѣхъ членахъ, благочиніе чувствъ и сокрушенное сердце; а смиреннаго по радости сопровождаютъ великая простота, сердце возрастающее и неупорядоченное.

Любовь не знаетъ стыда, потому, не умѣетъ придавать членамъ видъ благочинія. Любви естественно не стыдиться и забывать мѣру свою. Блаженъ, кто нашелъ тебя, пристань великой радости! Собрание смиренныхъ возлюблено Богомъ, какъ соборъ Серафимовъ. Драгоценно предъ Богомъ тѣло цѣломудренное наче чистой жертвы. Двѣ сѣи добродѣтели, т. е., смиреніе и цѣломудріе, уготовляютъ въ душѣ залогъ Троицы.

Къ друзьямъ своимъ входи благоговѣнно; когда будешь такъ поступать, принесешь пользу и себѣ и имъ; потому-что душа часто подъ предлогомъ любви свергаетъ съ себя узду осторожности. Остерегайся сходбиць; потому-что не во всякое время они полезны. Въ собраніяхъ предпочитай молчаніе; потому-что удерживаетъ оно огъ многого вреда. Наблюдай за чревомъ, но не какъ за зрніемъ; потому-что домашняя брань, безъ сомнѣнія, легче вышней. Не вѣрь, братъ, что внутренніе помыслы могутъ быть остановлены безъ приведенія тѣла въ доброе и чинное состояніе. Бойся привычекъ больше, нежели враговъ. Питающій въ себѣ привычку — то же, что человекъ, который даетъ лицу огню; потому-что мѣра въ томъ и другомъ состоитъ въ количествѣ питающаго ихъ. Если привычка потребуеть

чего однажды, и требованіе ея не будетъ исполнено; то въ другой разъ найдешь ее слабою. А если однажды исполнишь ея волю; то во второй разъ найдешь, что нападешь она на тебя гораздо съ большею силою.

Храни это въ памяти касательно всего; потому что помощь предосторожности для тебя важнее помощи самыхъ дѣлъ. Кто любитъ смѣхъ и любитъ выставить себя напоказъ людямъ; тотъ да не будетъ тебѣ другомъ; потому что научить тебя привычекъ предаваться разслабленію. Не встрѣчай съ веселымъ лицомъ того, кто ведетъ распутную жизнь; но берегись, чтобы не возненавидѣть его; а если пожелаешь возстать, подай ему руку, и до смерти прилагай пощеченіе о томъ, чтобы пріобрѣсти его. Если же ты еще немощенъ, то отвращайся и отъ врачеванія; ибо сказано: дай ему верхъ жезла твоего, и проч. Съ тѣмъ, кто высокоуменъ и страдаетъ завистию, говори осторожно. Ибо, какъ-скоро скажешь что, дастъ онъ словамъ твоимъ въ сердцѣ своемъ, какое ему угодно, толкованіе, и въ томъ, что есть въ тебѣ добраго, отыскиваетъ, чѣмъ другихъ довести до преткновенія; и слова твои въ умъ его обращаются въ нищу его недугу. Когда начнется кто при тебѣ пересуждать брата своего, потупь лице свое. Какъ-скоро съдѣлаешь это, и передъ Богомъ, и предъ нимъ окажешься осторожнымъ.

Если даешь что нуждающемуся; то пусть веселость лица твоего предваряетъ даваніе твое, и добрымъ словомъ утѣши скорбь его. Когда съдѣлаешь это; тогда ласковость въ умъ его дороже и такого даванія твоего, которое было бы даже сверхъ по-

требностей тѣла. Въ тотъ день, когда отвергнешь уста свои, и станешь говорить что вопреки кому-либо, представишь себя мертвымъ для Бога и суетнымъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ; хотя бы помысль побуждалъ тебя сказать, повидимому, нечто справедливое и назидательное. Ибо какая нужда человеку разорять собственное свое зданіе и поправлять зданіе друга своего?

Въ тотъ день, въ который печалиться о комъ-либо страждущемъ какимъ-либо недугомъ, о человецѣ добромъ или зломъ, страждущемъ тѣлесно или мысленно, почитай себя мученикомъ, и взирай на себя, какъ на пострадавшаго за Христа, и на сподобившагося стать несповѣдникомъ. Ибо помни, что Христосъ умеръ за грѣшныхъ, а не за праведныхъ. Смотри, каково это великое дѣло — печалиться о людяхъ злыхъ и благодетельствовать грѣшнымъ паче праведныхъ! Апостолъ воспоминаетъ о семъ, какъ о дѣлѣ достойномъ удивленія (Римл. 5, 6—8.). Если можешь самъ собою оправдать душу свою, то не заботься пекать другаго оправданія. Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ да предваряютъ у тебя тѣлесное целомудріе и чистота совѣсти. Ибо безъ нихъ суетно предъ Богомъ всякое дѣло. О всякомъ дѣлѣ, если дѣлаешь оное безъ размышленія и изслѣдованія, знай, что оно суетно, хотя и благопріятно; потому что Богъ вѣнчаетъ правду по разумительности, а не по дѣйствованію неразумительному.

Праведникъ неумудрый — свѣтильникъ при солнцѣ. Молитва злопамятнаго — свѣаніе на камнѣ. Немилостивый подвижникъ — безплодное дерево. Обличеніе изъ зависти — ядоносная стрѣла. Похвала ко-

варнаго—скрытая съть. Глуный совѣтникъ—слабый стражъ. Пребываніе съ маломысленными—сокрушеніе сердцу. Беседа съ благоразумными—сладкій источникъ. Мудрый совѣтникъ—стѣна упованія. Глуный и маломысленный другъ—хранилище вреда. Лучше видѣть живущаго съ плачущими женщинами, нежели мудраго слѣдующаго за глупымъ. Лучше жить со звѣрами, нежели поселиться съ людьми худаго поведенія. Лучше пребывай съ грифами (ѳ), нежели съ человекомъ любостыжательнымъ и ненасытнымъ. Лучше будь другомъ убійцы, нежели любительно спорить. Лучше бесѣдуй съ свинойю, нежели съ чревоугодникомъ; потому-что свиное корыто лучше прожорливыхъ усть. Живи лучше съ прокаженными, нежели съ гордыми. Пусть тебя гонятъ, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть тебя обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клеветаютъ, ты не клеветай; будь скромнѣе, и не ревнуй во злѣ.

Судитесь --- не христіанскаго житія дѣло; объ этомъ нѣтъ и намекъ въ ученіи Христовомъ. Веселесь съ веселящимися, и плачь съ плачущими; ибо это—признакъ чистоты. Съ больными болѣзуй, съ грѣшными проливай слезы; съ кающимися радуйся. Будь друженъ со всеми людьми; а мысленно своею пребывай одинъ. Принимай участіе въ страданіяхъ всякаго; а тѣломъ своимъ будь далекъ отъ всехъ. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худыхъ по жизни своей. Распростри одежду свою

(ѳ) Съ хищными птицами.

надъ падающимъ , и покрой его. Если не можешь взять на себя грѣховъ его и поспеси за него наказаніе и стыдъ; то будь, по крайней мѣрь, терпѣливъ, и не стыди его. Знай, братъ, что для того надъ и надобно не выходить изъ дверей келліи, чтобы не знать худыхъ дѣлъ человеческихъ; и тогда въ невѣдѣніи ума своего во всехъ увидишь людей святыхъ и добрыхъ. Если же станемъ обличать, вразумлять, судить, изсѣловать, наказывать, укорять; то жизнь наша чѣмъ будетъ отличатся отъ жизни городекой? И если не оставимъ этого, что будетъ хуже пребыванія въ пустыни? Если не безмолвствуешь сердцемъ, безмолствуй, по крайней мѣрь, языкомъ. Если не можешь держать въ порядкѣ свои помыслы; то хотя чувства свои сдѣлай благоусердными. Если не одинъ ты мыслию своею; то будь одинъ хотя тѣломъ своимъ. Если не можешь потрудиться тѣломъ своимъ , поскорби хотя мысленно. Если не можешь бодрствовать стоя; то бодрствуй сидя, или и лежа на ложѣ твоемъ. Если не можешь постыться въ продолженіе двухъ дней, постысь, по крайней мѣрь, до вечера. А если не можешь и до вечера; то остерегайся пресыщенія. Если не непороченъ ты сердцемъ своимъ; то будь непороченъ хотя тѣломъ. Если не плачешь въ сердце своемъ; то, по крайней мѣрь, облекни въ плачь лице свое. Если не можешь мловать; то говори, что ты грѣшишь. Если ты не миротворецъ; то не будь хотя любитель мятежа. Не можешь стать рачительнымъ; по крайней мѣрь, въ образѣ мыслей своихъ будь не какъ лживый. Если ты не побѣдитель; то не превозносись мыслию предъ тѣми, которые подлежатъ

ответственности. Если не въ состояніи заградить уста осуждающему друга своего; то, по крайней мѣрѣ, остерегись вступать съ нимъ во общеніе.

Знай, что, если отъ тебя выйдетъ огонь, и пожжетъ другихъ; то Богъ отъ руки твоей взыщетъ души, пожженные огнемъ твоимъ. И если не ты свергнешь огонь, но соглашаешься съ повергающимъ, и услаждаешься тѣмъ; то на судъ будешь сообщникомъ его. Если любишь кротость; пребывай въ мирѣ. И если сподобишься мира; то во всякое время радуйся. Взыщи смысла, а не золота; облакайся въ смиреніе, а не въ виссонь; пріобрѣтай миръ, а не царство.

Кто не смысленъ, тотъ не имѣетъ смиренія. И кто не имѣетъ смиренія, тотъ не будетъ смысленъ. Не смиренномудръ, кто не миренъ; и немирный не смиренномудръ; и не миренъ, если кто не радуется. На всѣхъ путяхъ, какими ходятъ люди въ міръ, не находятъ они мира, пока не приблизятся къ надеждѣ на Бога. Сердце не умирится отъ труда и преткновеній, пока не прійдетъ въ него надежда, и не умирить сердца, и не прольетъ въ него радости. О ней-то изрекли достопоклоняемыя и исполненныя святости Уста: *приидите ко Мнѣ вси труждающіяся и обремененныя, и Азъ упокою вы* (Матт. 11, 28). Приблизься, говоришь, чтобы на Меня возложить надежду, и успокоиться отъ труда и страха.

Надежда на Бога возвышаетъ сердце, а страхъ гешныя сокрушаетъ его. Свѣтъ ума пораждаетъ вѣру; а вѣра пораждаетъ утѣшеніе надежды; надежда же подкрѣпляетъ сердце. Вѣра есть откровеніе разума; и когда помрачится умъ, вѣра сокрывается,

господствуетъ надъ нами страхъ, и отсѣкаетъ нашу надежду. Вѣра по наукъ не освобождаетъ человека отъ гордости и сомнѣнiя; освобождаетъ же та, которая видима и воздѣйствуетъ въ смыслъ, и называется познаниемъ и явленiемъ истины. Пока умъ не уразумѣваетъ Бога, какъ Бога, въ явленiи смысла, не приближается къ сердцу страхъ. Когда бываетъ пощупано внасть намъ въ обращенiе и утрагитъ этотъ смыслъ, пока не смирился; тогда бываетъ въ насъ страхъ, пока не приблизитъ насъ къ смиренiю и покаянiю.

Слышь Божiей претерпѣль крестъ. Потому, мы грѣшныя смѣло полагаемъ на покаянiе. Ибо, если одинъ образъ покаянiя въ Царь Ахаавъ отвратитъ отъ него гнѣвъ; то не будетъ для насъ безполезною дѣйствительность нашего покаянiя. Если одинъ образъ смиренiя въ пещь, непробывшемъ въ пещи, отвратитъ отъ него гнѣвъ; то не тѣмъ ли паче отвратитъ отъ насъ, истинно печальющихся о грѣхонадѣнiяхъ нашихъ? Скорби ума достаточно къ тому, чтобы замѣнить всякое тѣлесное дѣланiе.

Святый Григорiй говоритъ: тотъ храмъ благодати, кто въ единенiи съ Богомъ и всегда озабоченъ мыслию о судѣ Его. Чѣмъ-же значить имѣть поначенiе о судѣ Его, какъ не псалть всегда упокоенiя Его, какъ не печальтсѣя, не заботитсѣя непрестанно о томъ, что не можемъ достигнуть совершенства, по немощи естества нашего? Имѣть непрестанную печаль о семъ — значить непрестанно носить въ душѣ своей памятованiе о Богѣ, какъ сказалъ блаженный Василiй. Неразбѣжная молитва производитъ въ душѣ ясную мысль о Богѣ. И водруженiе нами въ себѣ

намятованія о Богѣ есть вселеніе въ насъ Бога. Такъ, садѣльваемся мы храмомъ Божіимъ. Вотъ — пощеченіе и сердце сокрушенное уготовленіемъ уношенія въ Богъ! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 90.

О НЕВОЛЫНЫХЪ ЛУКАВЫХЪ ПОМЫСЛАХЪ, ПРОИСХОДЯЩИХЪ ОТЪ ПРАВДИВАГО НАБЛЮДЕНІЯ ЗА ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ ИМЪ ПОМЫСЛАМИ.

Иные подкрѣпляютъ тѣло, и желаютъ дать ему малый покой ради дѣла Божія, пока не соберутся съ силами, и не возвратятся снова къ дѣлу своему. Но ему, въ полногіе дни покоя своего не ослабимъ совершенно наблюденія надъ собою, и не предадимъ разслабленію всей души своей, какъ немудроніе и намѣренія снова возвратиться къ дѣлу своему. Иные во время мира поражаются стрѣлами вражьиими; и это суть тѣ, которые по дерзновенію воли собираютъ брвеніе душамъ своимъ, и въ странъ святой, т. е. въ молитвъ, видятъ себя одѣтыми въ нечистую одежду. А это есть то самое, что возбуждается въ души ихъ въ часъ помысленія о Богѣ и молитвы. Что приобрьли мы во время нерадьянія своего, то и посрамляетъ насъ во время молитвы нашей.

Трезвенность помогаетъ человѣку больше, чѣмъ дѣло; а разрышеніе на что-либо вредитъ ему больше, чѣмъ покой. Отъ покоя происходятъ и тревожатъ человѣка домашнія бранн; но онъ имѣеть воз-

возможность прекращать ихъ. Ибо, какъ-скоро человекъ оставитъ покой, и возвратится на мѣсто дѣлъ, брани сѣи отъемлются отъ него, и удаляются. Но не таково поражаемое разрѣшеніемъ, каково поражаемое разслабленіемъ и покоемъ. Пока человекъ во время покоя пребываетъ въ области свободы своей, можетъ онъ снова возвратиться и управитъ собою по установленію правила своего; потому-что онъ еще въ области свободы своей. По давая себѣ разрѣшеніе, выходитъ онъ изъ области свободы своей. Если бы человекъ не отринулъ совершенно наблюденія надъ собою; то не былъ бы съ насиліемъ и неволью вынужденъ покоряться тому, чгѣ не доставляетъ ему покоя. И если бы не вышелъ совершенно изъ предѣловъ свободы; то не было бы съ нимъ такихъ по необходимости связывающихъ его обстоятельствъ, которыми не въ силахъ онъ воспротивиться.

Не давай, человекъ, свободы которому-либо изъ чувствъ своихъ, чтобы не дойти до невозможности снова возвратиться къ свободѣ. Покой вредитъ только молодымъ, а разрѣшеніе — и совершеннымъ и старымъ. Въ слѣдствіе покоя доходящіе до худыхъ помысловъ могутъ снова возвратиться къ наблюденію надъ собою и утвердиться въ высокомъ своемъ житіи. А которые, по надеждѣ на дѣло, вознерадѣли о наблюденіи надъ собою, тѣ отъ высокаго житія отведены плышиками въ жизнь распутную.

Иной пораженъ въ странѣ вражеской, а умираетъ во время мира. Иной выходитъ подѣ предлогомъ купить себѣ жизнь, и получаетъ въ душу свою острое жало. Не тогда будемъ печальтись, когда по-

полземся въ чемъ-нибудь , но когда закосявваемъ въ томъже; потому-что понозновеніе бываетъ часто и съ совершеннымъ, а закосяввать въ томъже есть совершенное омертвѣніе. Печаль, какую чувствуемъ при своихъ понозновеніяхъ, вмѣняется намъ благодушіемъ вместо чистаго дѣланія. Кто, въ надеждѣ на покаяніе, понознется вторично, тогъ лукаво поступаетъ съ Богомъ; невѣдомо нападаетъ на него смерть, и не достигаетъ онъ времени, въ которое надѣялся исполнить дѣла добродѣтели. Каждый, давшій волю чувствамъ, дасть волю и сердцу.

Дѣланіе сердца служитъ узами для вышнихъ чувствъ. И если кто съ разсудительностію записывается онымъ, по примѣру жившихъ до насъ Отцевъ; то сіе бываетъ явно по слѣдующимъ въ немъ тремъ явленіямъ, а именно: не связать онъ тѣлесными выгодами, не любить чревоугодія, и вовсе далека отъ него раздражительность. Гдѣ имѣютъ мѣсто три эти явленія, т. е. тѣлесная (малая ли то, или большая) выгода, вснъльчивость и преодоленіе чревоугодіемъ; тамъ (да будетъ тебѣ извѣстно), хотя бы человекъ, новидимому, уподоблялся древнимъ святымъ, разрѣшеніе на вышнее происходитъ у человека отъ нетерпѣливости во внутреннемъ, а не отъ особеннаго небреженія души его. А иначе, почему бы, пренебрегая тѣлеснымъ, не пріобрѣсти кротости? За разсудительнымъ пренебреженіемъ слѣдуютъ: шибъ несвязанность, пренебреженіе покоемъ и людскою приверженностію. И если кто, съ готовностію радуясь, пріемлетъ ущербъ ради Бога; то чистъ онъ внутренно. Если не пренебрегаетъ шибъ за тѣлесные его недостатки; то, по истинѣ,

онъ свободенъ; кто не смотритъ съ пріятностію на оказывающаго ему честь, или не негодуетъ на того, кто его безчеститъ, тотъ въ этой жизни мервь стать для мѣра. Храненіе разсудительности лучше всякаго житія, какииъ бы способомъ, и въ какой бы человеческой мѣрѣ, оно проводимо ни было.

Не питай ненависти къ грѣшнику; потому-что все мы подлежаиъ ответственности. И если возстаешь на него ради Бога, то плачь о немъ. И для чего тебѣ ненавидѣть его? Ненавидь грѣхъ его, и молись о немъ, чтобы угодиться Христу, Который не гнѣвался на грѣшниковъ, но молился о нихъ. Не виднѣ ли, какъ плакалъ Онъ объ Іерусалимъ (Лук. 19, 41.)? И падъ нами во многомъ посягается дѣволъ; за что же ненавидѣть того, кто, подобно намъ, осмѣяетъ и падъ нами посягающимъ дѣволъ? И за что ненавиднѣшь, человекъ, грѣшника? Не за то ли, что онъ, подобно тебѣ, насправедливъ? Гдѣ твоя правда, когда не имевъ любви? Почему не плакать ты о немъ? Но ты топнѣшь его. Но невѣднѣнію нныя возбуждаются къ гнѣву, представляя себя судьями падъ дѣлами грѣшныхъ.

Будь проповѣдникомъ Божіей благодати; потому-что Богъ править тобою вѣдостойнымъ; потому-что много ты долженъ Ему, а взысканія Его невидно на тебѣ, и за малыя дѣла, тобою сдѣланныя, воздастъ Онъ тебѣ великимъ. Не называй Бога только правдивымъ къ тебѣ; потому-что въ твоихъ дѣлахъ не даетъ себя познавать правосудіе Его. Хотя Давидъ именуетъ Его правдивымъ и правымъ; но Сынъ Его открылъ намъ, что наче Онъ благи и исполненъ благодати. Ибо говоритъ: *благи есть къ лукавымъ*

и печестивымъ (Лук. 6, 35.). Почему именуешь Бога только правдымъ, когда въ главѣ о награды дѣлателямъ встрѣчаешь: *друзе, не обижу тебе: хочу и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ: аще око твое лукаво, яко Азъ благу есмь* (Матѣ. 20, 13. 14. 15.)? Почему также, человекъ именуешь Бога только правдымъ, когда въ главѣ о блудномъ сынѣ, блудно расточившемъ богатство, встрѣчаешь, что при одномъ, показанномъ имъ, сокрушеніи притекъ и пагъ на выно его, и далъ ему власть надъ всею богатствомъ Своимъ? Никто другой не сказалъ сего о Богѣ, чтобы мы не усумнились о Немъ; напротивъ того, самъ Сынъ Божій засвидѣтельствовалъ о Немъ это. Гдѣ же правда Божія?—Мы грѣшники, а Христосъ за насъ умеръ! Если столько Онъ милостивъ; то будемъ вѣровать, что не приметъ Онъ измѣненія.

Да не помысливъ никогда сего беззаконія, чтобы Бога наименовать немилосердымъ! Свойство Божіе неизмѣняется, подобно мертвецамъ. Богъ не приобретаетъ того, чего у Него нѣтъ; не лишается того, что у Него есть, или не получаетъ приращенія, подобно тварямъ. Что имѣлъ Богъ отначала, то всегда имѣетъ и будетъ имѣть до безконечности, какъ сказалъ блаженный Кириллъ въ толкованіи на книгу Бытія: бойся Бога, говоритъ онъ, пѣть любви къ Нему, а не по грозному имени, Ему приданному. Возлюбилъ Его, какъ обязанъ ты любить Его, и не за то, что дастъ тебѣ въ будущемъ, но за то, что получилъ мы въ настоящемъ, и за этотъ одинъ мѣръ, который сотворилъ Онъ для насъ. Но кто въ состояніи воздать Ему? Гдѣ воздаяніе Ему въ дѣлахъ нашихъ! Кто убѣдилъ Его вначалѣ привести насъ

въ бытіе? Кто умоляетъ Его о насъ, когда мы не вспоминаемъ о Немъ? Когда насъ еще не было, кто возбудилъ къ жизни это тѣло наше? И еще, откуда мысль въдвѣя заадаетъ въ персть? О, какъ дивно милосердіе Божіе! О, какъ изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила довѣяющая на все! Какая безмѣрная благодать, по которой естество наше въ насъ грѣшныхъ снова возводитъ къ возсозданію! У кого достанетъ силъ прославить Его? Возставляетъ преступившаго заповѣдь Его, и похулившаго Его, обновляетъ неразумную персть, содѣлываетъ ее смысленною и словесною, персть разсѣянную и безчувственную, чувства расточенныя дѣлаетъ природою разумною и достойною способности мыслить! Грѣшникъ не въ состояніи и представить себѣ благодать воскресенія Его. Гдѣ гесна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе многообразно насъ устранивающее и преносѣжающее радость любви Его? И что такое гесна въ сравненіи съ благодатью воскресенія Его, когда возставитъ насъ изъ ада, содѣлаетъ, что тѣльное сіе облечетъся въ петлѣніе, и падшаго во адъ возставитъ въ славу?

Прійдите, разсудительные, и удивляйтесь. Кто, имѣя умъ мудрый и чудный, достойно подвигнѣя милости Создателя нашего? Есть возданіе грѣшникакъ (ы), и вмѣсто возданія праведнаго воздастъ Онъ имъ воскресеніемъ; и вмѣсто тѣтъ, поправившѣ законъ Его, облакаетъ ихъ въ совершенную славу

(ы) Въ сербскомъ переводѣ мѣсто сіе читается такъ: или речствъ, възданіе грѣшникомъ что есть?

петлѣнія. Эта милость—воскресить насъ послѣ того, какъ мы согрѣшили, выше милости—привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей! Вотъ, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мыслей для возблагодаренія Тебѣ! Какими устами исповѣдуюся Тебѣ, благій Царь, любящій жизнь нашу? Слава Тебѣ за сіи два міра, которые создалъ Ты къ нашему возрастанію и наслажденію всѣмъ, Тобою созданнымъ, возводя насъ къ вѣдѣнію славы Твоей,—слава Тебѣ отнынь и до вѣка! Аминь.

С Л О В О 91.

О терпѣннн изъ любви къ Богу и о томъ, какъ терпѣннѣмъ пріобрѣтается помощь.

—

Въ какой мѣрѣ человекъ будетъ пренебрегать міромъ снмъ и ревновать о страхѣ Божіемъ, въ такой приближается къ нему Божій Промысль, и втайнѣ ощущаетъ человекъ содѣйствіе Промысла, и къ разумнѣнню онаго даются ему чистые помыслы. И если кто добровольно лишаетъ себя мірскихъ благъ, то въ какой мѣрѣ лишается онъ ихъ, въ такой же сопровождаетъ его Божіе милосердіе, и поддерживаетъ его Божіе человеколюбіе. Слава Спасающему насъ десными и чудными, и во всѣмъ этомъ Доставляющему намъ случай къ обрѣтенію жизни нашей!

Ибо и души тѣхъ, которые изнемогли въ своей волѣ къ тому, чтобы приобрести себѣ жизнь, невольными скорбями приводятъ. Онь къ добродѣли. И оный пищій Лазарь не по волѣ своей лишился быти блять міра, и тѣло его поражено было язвами, и тернью онъ два горькія страданія, изъ которыхъ каждое было хуже другаго; ошакоже, напоследокъ почти быти въ лошѣ Авраамовы. Божь близокъ къ скорбящему сердцу того, кто къ Нему воиеть въ скорби. Если и подвергаетъ иногда въ тѣлесномъ лишеніямъ и пымъ скорбямъ; то претерпѣніе этого обращаетъ насъ въ помощь; какъ и врачъ въ тяжкой болѣзни возстановляетъ здравіе съченіемъ членовъ. Къ души же скорбящаго являетъ Господь великое человеколюбіе, соразмѣрно съ жестокостію страдній въ скорби ея.

Поэтому, когда вожделѣніе любви Христовой не преносѣждается въ тебѣ до того, чтобы отъ радости о Христѣ быти тебѣ безстрастнымъ во всякой скорби своей; тогда знай, что міръ живетъ въ тебѣ болѣе, нежели Христосъ. И когда болѣзнь, скудость, истощаніе тѣла, боязнь вредная тѣлу возмущаютъ мысль твою въ радости унованія твоего и въ пожеланіи по Господу; тогда знай, что живетъ въ тебѣ тѣло, а не Христосъ. Просто сказать: къ чему приверженность въ тебѣ усиливается и преобладаетъ, то и живетъ въ тебѣ. Если же нѣтъ у тебя недостатка въ потребномъ тебѣ, и тѣло здорово, и не боишься чего-либо сопротивнаго, и скажешь, что можешь при этомъ прямо идти ко Христу; то знай, что боленъ ты умомъ и лишился вкушенія славы Божіей. — Сужу же тебя не потому, что ты таковъ

уже и есть, а болѣе для того, чтобы знать тебѣ, какъ многого не достаетъ тебѣ до совершенства, хотя и наименьшъ пѣкую часть житія прежде вѣсть бывшихъ Отцевъ, и чтобы не сказалъ ты, будто бы не нашлось человека, у котораго бы умъ совершенно возвышался надъ немощію, когда тѣло терпѣть крушеніе въ искушеніяхъ и скорбяхъ, и у котораго бы любовію ко Христу преподѣлалась печаль ума.

Не буду приводить на память Святыхъ мучениковъ, чтобы самому не вземочь предъ глубиною ихъ страданій. Умолю о томъ, сколько терпѣніе ихъ, поддержанное силою любви Христовой, преподѣлало великую скорбь и болѣзнь тѣлесную. Оставимъ это и потому, что воспоминаніемъ своимъ свертываетъ въ скорбь человеческую природу и возмущаетъ величїемъ дѣла и чудесностію сего зрѣлища.

Посмотримъ же на безбожныхъ, такъ называемыхъ, философовъ. Одинъ изъ нихъ положилъ себѣ въ мысли своей закономъ хранить молчаніе нѣсколько лѣтъ. Царь римскій, удивленный слухомъ, захотѣлъ подвергнуть его испытанію. Поэтому приказалъ привести его къ себѣ. И когда увидѣлъ, что онъ рѣшительно молчитъ при всякомъ вопросѣ, какой ни предлагалъ ему Царь, и не отвѣчаетъ; разгнѣвался на него, и велѣлъ предать смерти за то, что не уважилъ престола и лица славы его. Но философъ не убоялся, а напротивъ того, хранилъ законъ свой, и безмолвно готовился къ смерти. Царь далъ приказъ исполнителямъ казни: «если убьете меча, и нарушите законъ свой, умертвите его; а если устоитъ въ своей волѣ, возвратите его ко мнѣ

живаго». Поэтому, когда приблизился къ назначенному мѣсту, и получившіе приказаніе, нанося оскорбленія философу, принуждали его нарушить свой законъ и не подвергаться смерти; тогда разсуждалъ онъ: «лучше въ одинъ часъ мнѣ умереть и сохранить волю свою, объ исполненіи которой столько времени подвизался, нежели быть побѣждену страхомъ смерти, поругать свою мудрость и подвергнуться нареканію въ боязливости, при встрѣтившейся мнѣ крайности». И безъ смущенія простерся онъ, чтобы принять усѣченіе мечемъ. Донесено было о семъ Царю; Царь удивился, и отпустилъ его съ уваженіемъ.

Нѣкоторые же совершенно попрали естественное вожделѣніе; другіе легко переносили злословіе; нѣкоторые безъ скорби претерпѣвали жестокия болѣзни; а нѣкоторые показали свое терпѣніе въ скорбяхъ и великихъ бѣдствіяхъ. И если они терпѣли это ради пустой славы и надежды; то не гораздо ли лучше должны терпѣть мы монахи, призванные къ общенію съ Богомъ? Сего и да сподобимся, но молюмъ Пресвятая Владычицы нашей Богородицы и Приснольвы Маріи и всѣхъ въ ночь подвига своего благоугодившихъ Архисту! Ему подобаютъ всякая слава, честь и поклоненіе съ собезначальнымъ Его Отцемъ и съ совѣчнымъ, единосущнымъ и живоначальнымъ Духомъ, нѣмъ и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ПОРЯДОКЪ

ПОДВИЖНЫХЪ СЛОВЪ СВЯТАГО ПСАКА СИРИНА ПО
ГРЕЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ И ПО РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ, ПОМѢ-
ЩЕННОМУ ВЪ ИЗДАВШІИ ТВОРЕНІИ СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

По гре- ческому изданію.	По рус- скому переводу.	По гре- ческому изданію.	По рус- скому переводу.	По гре- ческому изданію.	По рус- скому переводу.
1.	1.	31.	15.	61.	32.
2.	68.	32.	16.	62.	25.
3.	31.	33.	30.	63.	26.
4.	35.	34.	40. 41.	64.	27.
5.	57.	35.	39.	65.	28.
6.	50.	36.	36.	66.	29.
7.	9.	37.	31.	67.	17.
8.	45.	38.	38.	68.	72.
9.	59.	39.	86.	69.	43.
10.	63.	40.	87.	70.	62.
11.	66.	41.	7.	71.	51.
12.	11.	42.	71.	72.	82. 83.
13.	69.	43.	8.	73.	85.
14.	64.	44.	5.	74.	19.
15.	65.	45.	6.	75.	10.
16.	74.	46.	78. 79.	76.	11.
17.	80. 81.	47.	22.	77.	12.
18.	81.	48.	37.	78.	13.
19.	49.	49.	46.	79.	14.
20.	53.	50.	47.	80.	20.
21.	61.	51.		81.	48.
22.	67.	52.		82.	3.
23.	56.	53.	60.	83.	4.
24.	73.	54.		84.	18.
25.	91.	55.	71.	85.	21.
26.	75. 76.	56.	58.	86.	54.
27.	77.	57.	88.	1-е пос.	23.
28.	52.	58.	89.	2-е —	24.
29.	70.	59.	33.	3-е —	42.
30.	2.	60.	90.	4-е —	55.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

СВ. ИСААКА СИРИНА СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

	<i>стр.</i>
Краткое свидѣніе о жизни св. Исаака Сирина и о словахъ его.	1—XVI
СЛОВО. 1. Объ отреченіи отъ міра и о жизни монашескомъ.	1
— 2. О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ учешій.	10
— 3. О томъ, что душа до познанія Божіей пре- мудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и жгнейскихъ пощечій; ибо тогда можетъ познавать естество свое, и въ сокровища, какія имѣеть сокрытыми вгубри себя. . . .	20
— 4. О думѣ, о страстихъ, о чистотѣ ума, въ вопро- сахъ и отвѣтахъ.	23
— 5. О чувствахъ, а вмѣстѣ и объ искушеніяхъ. .	30
— 6. О милосердіи Владыки, по которому съ высоты величія Своего спускаетъ къ немощи чело- веческой, и объ искушеніяхъ.	37
— 7. О грѣсахъ произвольныхъ, непроизвольныхъ и совершаемыхъ по какому-нибудь случаю. .	40
— 8. О храненіи и блюденіи себя отъ людей раз- слабленныхъ и нерадивыхъ, о томъ, что отъ сближенія съ ними водаряется гъ челоувкъ нерадѣніе и разслабленіе, и онъ исполняется велькой нечистой страсти, — и о храненіи себя отъ близости съ юными, чтобы умъ не осквернился непотребными помыслами. .	45

СЛОВО. 9.	О чинѣ и уставѣ новоначальныхъ, и о томъ, что пришло имъ.	— 55
— 10.	Сказаніа святыхъ мужей, ихъ преслобви и реченія о чуждомъ житіи.	— 59
— 11.	О древнемъ старшѣ.	62
— 12.	О другомъ старшѣ.	64
— 13.	О вопросѣ отъ одного брата.	66
— 14.	Объ ошочѣ укоренномъ братѣ.	68
— 15.	О разныхъ отгнѣяхъ безмолвія, о власти ума, и о томъ, сколько власти умъ возбуждать собесѣденія съотъ движенія при разныхъ ви- дахъ молитвы, какой предѣль данъ молитвѣ самымъ естественъ, до какого предѣла вла- сть бы мотити и мотивою, по преступленію какого предѣла мотива твои уже не мотива, хотя совершасомъ тобою и называется мотивою.	— 73
— 16.	О чистой мотивѣ.	— 75
— 17.	О предположеніи души, внушеніи глубокаго со- зерцанія, чтобы погрузити въ оное отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ намя- чоташемъ вещн.	84
— 18.	О видннхъ состоятв безплотныхъ, въ вопросахъ и отвѣдахъ.	89
— 19.	Образень умозрнн о днѣ воскресенч и о субботѣ, и пригонное ихъ значеніе.	— 95
— 20.	Ежедневное воспоминаніе о томъ, что всего пужливѣ, и что весьма полезно пребываю- всему въ кельи своей и рышвшемуся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.	— 98
— 21.	О разныхъ предметахъ. Въ вопросахъ и отвѣ- дахъ.	101
— 22.	О томъ, что гнѣю, которое боится искупеній, дѣлается другомъ грѣха.	— 136
— 23.	Посланіе, писанное къ одному брату, любительно безмолвія.	138

- С.Ю.30. 24. Посланіє къ нѣкому брату естественному и духовному, который, живи въ міръ и дѣлан видѣться съ Исаакомъ, убѣждать и умолять въ писемлахъ своихъ принѣти къ нему. . . . — 144
- 25. О трехъ способахъ ведѣнія, о разности ихъ дѣланія и понятія, о вѣрь души, о чинственномъ богатствѣ въ ней съговоренномъ, и о томъ, сколько ведомо міра съ о разнѣхъ въ способахъ своихъ съ простого вѣры. . . — 145
- 26. О первой степенн вѣдѣнія 154
- 27. О второй степенн вѣдѣнія. 157
- 28. О третьей степенн вѣдѣнія, которая естъ степенн совершенства. 158
- 29. Объ рныхъ способахъ и разнѣхъ вѣдѣнія 163
- 30. Объ образѣ мощты, и о проемѣ, необходимо потребномъ для рещаннаго памятованія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, еси сохранишь это читающій съ разсудженіемъ. . . — 164
- 31. Объ ошеваньскѣхъ, и о томъ, что должно намъ не въ боавѣ приходить и устраивать, но подѣрживать сердце упованіемъ на Бога, и благоумнестговать съ несомнѣнною вѣрою, потому-что стражемъ и хранителемъ имлемъ Бога. 172
- 32. О томъ, чѣмъ сохраняется тайное, внутреннее въ душѣ трезвеніе, и откуда приходить сонливость и хотюность въ умѣ, угашаютъ въ душѣ стигую горячность и умеривляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячности къ духовному и небесному. — 177
- 33. О чинныхъ измѣненіяхъ, последующихъ въ умѣ и послужившихъ коштвою. — 181
- 34. О зѣхъ, то орне живутъ въ приближеніи къ Богу, и проводятъ дни свои къ жизни вѣдѣнія. 182
- 35. О приверженности къ міру 185

- СЛОВО. 36. О томъ, что не должно желать, или домогаться
безъ нужды—имѣть у себя въ рукахъ какія-
либо явные знаменія. — 189
- 37. О томъ, по какому принципу Божь попускаетъ
искушенія на любящихъ Бога. 193
- 38. О томъ, какъ по возбуждающимся въ человѣкѣ
мыслямъ узнавать, на какой степенн
стоитъ онъ. 196
- 39. О томъ, почему люди душевные прозираютъ
пѣдвигемъ въ иное духовное, соразмѣрно съ
гблесною дебелиною, какъ умъ можетъ воз-
носиться наъ оною, кааа причина тому,
что не освобождается отъ ней, кода и въ
какой мѣрѣ можно уму пребывать безъ мечта-
нн въ часъ волеянн. 202
- 40. О поклонахъ и о прочемъ. 206
- 41. О молчанн. 210
- 42. Изъясненн къ одному изъ возлюбленныхъ П да-
комъ, въ которомъ предлагается онъ а) ученне
о тайнахъ безмолвнн, и о томъ, что многе,
но неаанно снхъ танн, не разанъ о семь
чудномъ явленнн, боаннал же часть тержати
прѣсвѣщанн въ кетнхъ по преданнн ходн-
ншему у иноковъ, и б.) братское собранне
относящаяся къ склчанн о безмолвнн. 217
- 43. О разныхъ предположеннхъ и о томъ, кака
нужда въ кажомъ изъ нхъ. 223
- 44. О томъ, какъ разудительному должно пребы-
вать на безмолвнн. 228
- 45. О степенн тонкой разудительности. 233
- 46. Объ истинномъ въдвнн, объ искушеннхъ, и
о необходимости точно знать, что не только
люди невыокне, немошнне и необучившнсе,
но и способннсе на время безстрастнн,
достнганне совершенства въ образѣ мыслей,
прнбнзвнвшнсе отчасти къ чнстотѣ, сопря-
женной съ омертвеннемъ (ставнне выше стра-

стей, пока они въ мѣртъ семь, по Божію поущенію отъ сопряженія жизни ихъ съ страстною плотію, пребываютъ въ бореніи, и по причинѣ плоти терпятъ безпокойство отъ страстей потому-что) по милости попускается на нихъ сіе за наденіе ихъ въ гордыню.

239

—	47. О самомъ значеніи этой главы, и о молитвѣ.	246
—	48. О различіи добродѣтелей и о совершенствѣ всего поирнца.	253
—	49. О вѣрѣ и о смиренномудріи.	264
—	50. О пользе бѣгства отъ міра.	275
—	51. О томъ, посредствомъ чего можно человеку съ измѣненіемъ внѣшнго образа жизни пріобрѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ.	277
—	52. О пощнотъ бдѣніи и о различныхъ способахъ его дѣланія.	283
—	53. О томъ, какую честь пріобрѣтаетъ смиренномудріе, и какъ высока степень его.	285
—	54. О различныхъ предметахъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.	293
—	55. Покланіе къ преподобному отцу Симеону чудотворцу.	296
—	56. О любви къ Крсту, объ отреченіи отъ міра, и объ уснокоеніи въ Бога.	339
—	57. Объ удаленіи отъ міра и отъ всего смущающаго умъ.	356
—	58. О томъ, что Богъ за пользу души поустегель, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвѣдническихъ дѣланіяхъ.	374
—	59. О чинѣ монашескаго житія, о сокращеніи и развитіи оного, и о томъ, почему и какимъ образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой.	390
—	60. О различныхъ способахъ бранн, какую дѣловъ всегда съ шествующими путемъ тѣснымъ, прѣвышшимъ міра.	392

- СЛОВО. 61. О томъ, что полезно человеку въ приближеніи
его сердцемъ своимъ къ Богу, какая истин-
ная причина сокровенно приближается къ
нему помощь, и такая опять причина при-
водитъ человека въ смиреніе. 101
- 62. О словахъ Божественнаго Писанія, поощряю-
щихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены
они по помощи человеческой, чтобы люди
не погибли, отпадъ отъ Бога живаго, и что
не должно обращать оныхъ въ поводъ къ
тому, чтобы грѣшить. 410
- 63. О томъ, чѣмъ охраняется добродѣтели и чистота
жизни, и о чинѣ славословія Божія. 414
- 64. О немощи и шрегратности, какія бываетъ
въ несуществующихъ установленныхъ отъ Бога
путяхъ безмощія. 416
- 65. О безмощіи звуащихъ; тогда какъ воли они по-
нимаютъ, то что простереть дланями своими
въ безпредѣльномъ морѣ, т. е., въ безчаш-
номъ жизни, и тогда могутъ и скорѣе га-
даться, что звуки ихъ слѣдъ приносить
ища. 417
- 66. О томъ, что рабу Божію, обвиняемому въ
вѣркомъ, и последнему вѣрять Бога, и въ
страха, что не досега уразумѣніи истины,
не только прекрывать исанія, и охладывать
къ торичности, пораженіемъ добровію къ
божественному и не истязуванно башъ
Божіихъ. и о томъ, какъ умъ возмущается
стрѣтвими приномышляніи 420
- 67. О падахъ нажеды на Бога, о томъ, томъ дол-
жно подвигаться на Бога, и кто подается без-
уму во м неразумно. 422
- 68. Объ обреченіи отъ міра и о томъ, державна отъ
тогого обрещенія съ зовѣнь 427
- 69. О томъ, что божественнаго полезно не умѣть
кбоні, а презри входы и выходы 431

С.ЮВО. 70.	О путяхъ приближающихся къ Богу, и гнѣвающихся явными человеку по пріятности дѣлъ почнаго бѣдствія; и о томъ, что дѣлатели оного въ дни жизни своей платятся меюмъ.	414
— 71.	О силѣ и действительности грѣховныхъ поврежденій, чѣмъ они производятся и чѣмъ прекращаются.	439
— 72.	О храбрости сердца и о тонкомъ созерцаніи.	447
— 73.	О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.	449
— 74.	О видахъ добродѣтели	450
— 75.	О невѣрствномъ чести, о томъ, чтобы пребывать собраннымъ въ себя на одномъ мѣстѣ, о послѣдствіяхъ сего, и о томъ, что при вѣдѣніи различать обучился онъ правильному употребленію всего подобнаго сказанному. .	453
— 76.	О молчаніи и безмолвіи.	464
— 77.	О тѣсномъ движеніи.	465
— 78.	О влчхъ разныхъ искушеній и о томъ, сколько слабости имѣютъ искушенія, бывающія и претерпѣваемые за нелицу, и по какимъ степенямъ восходятъ человеку благоразумный.	468
— 79.	О гордости; искушенія враговъ Божіихъ, которые горды.	474
— 80.	Объ изыясненіи видовъ добродѣтели, и о томъ, какое значеніе и какое преимущество каждаго изъ нихъ.	481
— 81.	Объ очищеніи тѣла, души и ума.	477
— 82.	О предметахъ полезныхъ, исполненныхъ духовной мудрости.	481
— 83.	О покаяніи.	482
— 84.	О томъ, какъ велика бываетъ мѣра вѣдѣнія и мѣра вѣры.	485
— 85.	Слово, содержащее въ себя исполненные пользы советы, какіе съ побовію измаголали во смиреніи служащимъ его	489

VIII

	<i>стр.</i>
С.ЮВО. 86. Обь Ангельскомъ движеніи, возбуждаемомъ въ насъ по Божію Промыслу для преуспѣянія души въ духовномъ.	500
— 87. О второмъ дѣланіи въ человекѣ.	502
— 88. Обь измененіи свѣта и тмы, какое бываетъ въ душѣ во всякое время, и обь уклоненіи ея къ деспотъ или шумъ.	504
-- 89. О вредѣ неразумной ревности, прикрывающейя личною ревности божественной, и о помощи, какая бываетъ отъ кротости и другихъ нравственныхъ качествъ.	507
— 90. О невольныхъ лукавыхъ помыслахъ, происходящихъ отъ нерадиваго наблюденія за предшествовавшими имъ помыслами.	517
— 91. О терпѣи изъ любви къ Богу, и о томъ, какъ терпѣиемъ пріобрѣтается помощь.	523

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать.

СТРАН. СТРОК.

Жизл.	Ис.	Спр.	страниц.	УШ	стр.	3 снизу	Ламбизій	Ламбецій
5	6	снизу	ума				уму.	
9	2	сверху	говорить				говорить	
49	3	—	съ эишь				въ этомъ.	
76	14	снизу	классы				классы.	
89	3	примѣч.	самые				самыя.	
95	10	сверху	дасть				дасть	
126	11	—	разнообразныя				разнообразныя	
—	12	—	прозябающіи				прозябающіе	
132	3	снизу	вначалѣ				«вначалѣ.	
135	9	—	упоконваться				упокосваться	
142	3	сверху	любить				любить	
147	3	снизу	Сынъ				сынъ	
148	9	—	показано				показало	
157	4	—	чудныя				чудныя	
159	16	—	пріято				пріято	
169	1	—	въ нихъ				въ насъ	
180	6	сверху	,				;	
209	3	—	годъ				часъ	
230	15	снизу	раскашія				розысканія	
233	7	—	напрестанно				непрестанно	
235	10	—	вѣдѣнія				вѣдѣніе	
240	11	сверху	паденіе				паденія	
282	12	снизу	лишаетъ				лишать	
284	14	—	видъ молитвы				видъ молитвы,	
285	2	сверху	каѳизму;				каѳизму;	
290	16	—	похвально,				похвально;	
301	4	снизу	въ міръ,				въ миръ,	
304	2	—	Если же,				Если же	
313	5	сверху	предписываетъ				предписываютъ	
—	14	снизу	научилъ				научилъ	
315	7	—	въ насъ				въ насъ,	
316	17	сверху	Христовыхъ.				Христовыхъ ?	
323	3	—	удивленіе				удивленіе	
—	14	снизу	пережигается				пережигается	
324	примѣч.		<i>υεῖται</i>				<i>υεῖται</i>	
325	13	сверху	безмолвіи.				безмолвія ?	

*Напечатано:**Должно читать:*

СТРАН. СТРОК.

328	13	снизу	у	всего	всего
338	13	сверху	рачительнѣ	рачительнѣ	
341	5	снизу	Готѣ	Вотѣ	
345	8	—	безстыдствомъ	бѣзстыдствомъ,	
349	12	—	и	и'	
365	3	сверху	тебѣ	тебѣ	
368	8	—	домъ	доме	
—	—	—	(Лезк. 38, 11.),	(Лезк. 33, 11.),	
—	9	снизу	книжный и	книжный и,	
369	6	сверху	пути ваша	пути ваши	
377	5	снизу	тмою;	тмою,	
—	—	—	сила,	сила;	
379	9	—	иного	иной	
—	—	—	посредствующаго	посредствующей	
380	6	сверху	наименовалъ	наименовало	
384	6	—	умъ,	умъ;	
385	9	—	съ этимъ	съ этимъ	
387	8	—	стропотный,	стропотный	
406	17	снизу	Тъмъ, Кто	тъмъ, кто	
—	15	—	Онъ	онъ	
412	9	—	дасть	дается	
413	3	сверху	уничижаетъ	уничижаетъ,	
431	13	снизу	время	время,	
434	1	снизу	всякихъ	всякихъ	
437	6	сверху	ихъ	имъ	
453	12	снизу	различать	различенія	
455	1	—	не говоришь и не входишь	не говорить и не входить	
458	13	—	себя,	себѣ,	
—	—	—	недостаточта	недостаточна	
459	3	сверху	нашь	нась	
469	13	снизу	грубую	сугубую	
470	4	—	миръ;	миръ;	
472	12	—	какъ	памъ	
475	9	—	Внимай	Выслутай	
—	6	—	терпѣнїе,	терпѣнїе	
479	2	—	возляжетъ	возможетъ	
491	8	—	угасается,	угашается,	
505	14	—	продолжается	продолжится	

